

PDF Compressor Free Version

ИСТОРИЯ  
ТАДЖИКСКОГО  
НАРОДА

ТОМ  
II

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР  
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. А. ДОНИША

PDF Compressor Free Version

# ИСТОРИЯ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА

ТОМ  
II

КНИГА ВТОРАЯ

ПОЗДНИЙ ФЕОДАЛИЗМ  
(XVII в.—1917 г.)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ  
доктора исторических наук Б. И. ИСКАНДАРОВА  
и кандидата исторических наук А. М. МУХТАРОВА



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1964

Государственная  
 служба по охране  
 авторских прав  
 им. П. П. Павлова

PDF Compressor Free Version

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Антоновичко, А. М. Беленицкий,  
 Б. Г. Гафуров, Б. И. Искандаров,  
 Б. А. Литвинский, А. М. Мухтаров,  
 Ю. А. Николаев, З. Ш. Раджабов,  
 С. А. Раджабов

ИСТОРИЯ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА

том II

Книга вторая

Южный феодализм

(XVII в. — 1917 г.)

Утверждено к печати Институтом истории им. А. Дониша  
 Академии наук Таджикской ССР

Редактор Э. Д. Касперская  
 Художник Л. Н. Филип

Техн. редактор Э. Ш. Давошская  
 Корректоры М. К. Киселева и Р. П. Осват

Сдано в набор 6-II 1974 г. Подписано к печати 21-XI 1974 г. А-12813. Формат 60x92<sup>1</sup>/<sub>16</sub>  
 Печ. л. 22, 5+1,0 (кл. Уч. изд. л. 23,1). Тираж 7300 экз. Зак. 18. Цена 1 р. 0 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»  
 Москва, Центр, Армянский пер., 2

Набрано в Московской типографии № 6 «Госполиграфпрома»  
 Государственного комитета Совета Министров СССР по печати  
 Москва, Ж-88, 1-й Южно-портовый пр., 17

Отпечатано в 3-й типографии издательства «Наука»  
 Москва, К-45, В. Кисельный пер., д. 4

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Вторая книга второго тома «Истории таджикского народа» освещает период с XVII в. до 1917 г., кончая Февральской буржуазно-демократической революцией. Этот период характеризовался распадом феодализма и началом развития капиталистических отношений в Средней Азии, в том числе на территории современного Таджикистана. Причем этот процесс получил свое развитие после присоединения Средней Азии к России.

В первой главе настоящего тома рассматривается период XVII и первой половины XVIII в. Для Средней Азии этого времени было характерно отсутствие единого централизованного феодального государства с единым хозяйственно-экономическим укладом. Общая тенденция к децентрализации в конечном счете отрицательно влияла на хозяйственную и политическую жизнь народов края.

Во второй главе дается характеристика Средней Азии во второй половине XVIII и первой половине XIX в. На месте многочисленных феодальных владений возникают три основных государственных образования — Бухарское, Кокандское и Хивинское ханства. Для народов Средней Азии это имело в общем прогрессивное значение.

Многие области входили в состав Бухарского или Кокандского ханства только номинально, фактически же были полунезависимыми, слабо связанными с центрами ханств как в экономическом, так и в политическом отношении.

В этот период товарное обращение затрагивало незначительную часть народного хозяйства ханств; ремесло не было отделено от земледелия, торговля имела феодальный характер.

Многочисленные феодальные налоги взимались в основном в натуральном виде. Деньги имели хождение главным образом на рынках крупных городов.

Между среднеазиатскими ханствами весьма часто происходили феодальные войны, не прекращавшиеся вплоть до присоединения к России.



В третьей главе исследуется история таджикского народа накануне и в период присоединения Средней Азии к России.

Присоединение Средней Азии к России не везде проходило одинаково. Наряду с мирным присоединением отдельных областей имели место и военные действия. Быстрое продвижение в Средней Азии объяснялось экономической слабостью среднеазиатских ханств и междоусобными войнами.

После присоединения к России в крае развивается промышленность и появляется рабочий класс местной национальности; коренное население получает возможность приобщиться к передовой культуре русского народа и его революционной борьбе. Несмотря на реакционно-колониаторскую политику русского самодержавия и местных эксплуататоров, устанавливается прочный союз русского рабочего класса с угнетенными массами коренного населения Средней Азии в борьбе против общего врага — царизма и его опоры — местных феодалов, духовенства и прочих угнетателей.

В двух последующих главах — четвертой и пятой — на основе большого фактического материала показан процесс внутреннего развития дореволюционного Таджикистана и Бухарского эмирата после их присоединения к России. При этом подчеркивается, что северные районы современного Таджикистана в отличие от юго-восточных и Памира довольно широко вовлекались в экономическую жизнь Туркестана.

Конец XIX и начало XX в. характерны тем, что революционное движение, охватившее Россию, распространилось и на Среднюю Азию, когда угнетенные народы под руководством русского рабочего класса и Коммунистической партии активно поднялись на борьбу за свержение самодержавия и ликвидацию капитализма.

В шестой главе в общих чертах дана картина общественно-политической жизни таджикского народа, развитие его культуры и искусства во второй половине XIX и начале XX в. При этом в центре внимания — вопрос о просветителях и их борьбе против реакционных и националистических идей, распространенных в Бухаре.

При освещении истории таджикского народа авторы главным образом рассматривали те районы современного Таджикистана, которые в настоящее время находятся непосредственно на территории Советского Союза.

Настоящий том «Истории таджикского народа» создан коллективом авторов на базе источников и отдельных исследований, изданных в разное время, но не позднее 1961 г.

Глава I написана Е. А. Давидович, глава II — Т. Г. Тухтаметовым (вторая половина XVIII в.), А. Мухтаровым (пер-

вая половина XIX в.) и М. Хамраевым (Центральный и Южный Таджикистан в первой половине XIX в.); глава III — действительным членом Академии наук Таджикской ССР С. А. Раджабовым (присоединение Средней Азии к России) и Б. И. Искандаровым (Бухарский эмират во второй половине XIX в.); главы IV и V — Б. И. Искандаровым; глава VI — З. Ш. Раджабовым (общественно-политическая мысль таджикского народа во второй половине XIX и начале XX в.), Н. А. Кисляковым (культура и быт таджикского народа в конце XIX и начале XX в.), Х. Мирзо-заде (таджикская литература во второй половине XIX и начале XX в.), В. Асрори (таджикский фольклор), Н. Нурджановым (театр и музыка) и Н. А. Белинской (прикладное искусство).

Подраздел «Общественно-политическая и философская мысль таджикского народа в XVIII — начале XIX в.» написан действительным членом Академии наук Таджикской ССР А. М. Богоутдиновым и научным сотрудником отдела философии Академии наук Таджикской ССР Г. Ашуровым. Автор подраздела по литературе XVII в. — А. Мухтаров, по литературе XVIII и первой половине XIX в. — А. Масуми.

Исторические карты составлены К. Г. Большаковой.

В подготовке этого тома к печати приняли участие ведущий сектором истории средних веков Института истории им. А. Дониша А. Мухтаров и сотрудники сектора — Ш. Юсупов, А. Егани, Ф. Хушенов, В. Ибрагимов, Н. Касымов и А. Г. Перевертунова. Указатели составлены Г. Б. Нагаевой.

## ВВЕДЕНИЕ

*(Обзор источников и литературы)*

Материалы по истории таджикского народа XVII и первой половины XVIII в. очень разнообразны. Источники «среднеазиатского круга», в которых описаны местные события, представлены несколькими сочинениями, весьма подробно освещающими политическую историю этого времени. По заказу Аштарханида Надир-Мухаммад-хана в 1634 г. начал свой труд Мухаммад бен Вали. Четвертая часть его сочинения «Бахр ул-асрор фи мунакиб ул-ахбор» («Море тайн в летописи известий») посвящена истории Аштарханидов.

Сочинение Мухаммад Юсуфа Муниши «Тарихи Муким-кони» («Муким-ханская история») посвящено балхскому правителю и наследнику престола Мухаммад Муким-хану (1702—1707), но фактически в нем излагается история всей династии Аштарханидов. Автор предполагал написать два тома. Однако до нас дошли только рукописи первого тома, в которых история доведена лишь до начала XVIII в. Это сочинение стало известно еще в начале XIX в., из него публиковались отдельные извлечения, широко известные в России<sup>1</sup>.

О правлении Убайдулло-хана (1702—1711) писал Мир-Мухаммад Амини Бухори<sup>2</sup>. Хронологически его сочинение «Убайдулло-нома» как бы продолжает «Муким-ханскую историю», но оно значительно богаче последней по содержанию. Здесь не только подробнейшим образом описаны феодальные войны. В сочинении Мир-Мухаммад Амини Бухори имеются интересные сведения о народных восстаниях, состоянии хозяйства, некоторых реформах, внутренней политике Убайдулло-хана, культуре и ее деятелях и т. д. Изложение событий доведено до восшествия на престол Аштарханида Абулфайз-хана и наказания лиц, причастных к убийству Убайдулло-хана.

Непосредственным продолжением «Убайдулло-нома» является «История Абулфайз-хана» Абдуррахмон-и Тали, посвященная политическим событиям первых четырнадцати лет

правления этого хана<sup>3</sup>. В сочинении детально нарисована картина феодальных войн, междоусобий, придворных интриг, упадка центральной власти, которые довели хозяйство некоторых областей страны до разорения.

Эту серию исторических хроник завершает «Тухфай-хони» («Ханский подарок») Мир-Вафо-и Карминаги. Труд касается исторических событий, происходивших в Средней Азии с 1722 по 1782 г. включительно<sup>4</sup>. Он состоит из двух частей, написанных разными лицами. Первая часть, охватывающая период с 1721 по 1758 г., написана Мухаммад Вафо-и Карминаги, а вторая — Алимбеком, уроженцем города Карши. В работе описываются походы первых мангытских правителей Бухары против непокорных соседних областей. Автор особенно подробно останавливается на борьбе Мухаммад Рахим-хана с правителями Гиссара, Ура-Тюбе, Ходжента, Пенджикента и Куляба.

Интересные сведения по истории таджикского народа в этот период имеются также в «Родословном древе тюрков» Абдулгази<sup>5</sup>, где рассказывается о взаимоотношениях с Аштарханидами, о набегах хивинцев на территорию Мавэранныхра в XVII в. Известный интерес представляет «Тарихи-Сайид-Рахим» — сочинение, законченное в 1680 г. и сокращенное в начале XVIII в. Рукописи этого сочинения (в двух редакциях) известны в большом числе<sup>6</sup>.

Некоторые факты политической истории и важные сведения по экономике и культуре содержатся в жизнеописаниях шейхов. В качестве примера следует указать на сочинение XVII в. Абулаббаса Мухаммада Талиба «Матлаб-ут-Толибин».

Серьезными источниками по истории этого периода служат памятники дипломатических и торговых сношений Средней Азии с Россией. В них содержится замечательный материал, характеризующий сельское хозяйство, состояние торговли, ремесла и многие другие стороны хозяйственной и социально-экономической жизни. Особенно ценны в этом смысле обстоятельные отчеты русских послов И. Д. Хохлова<sup>7</sup>, братьев Пазухиных<sup>8</sup>, Флорио Беневени<sup>9</sup>, а также сведения лиц, живших в Бухаре (например, купца Николая Григорьева)<sup>10</sup> или осведомленных о тех или иных событиях (например, П. И. Рычков)<sup>11</sup>. Интереснейшие материалы содержатся также в дипломатической переписке между среднеазиатскими ханами и русскими царями, в записях показаний среднеазиатских купцов и послов, в их письмах и челобитных<sup>12</sup>.

Важным источником для характеристики аграрных отношений, ремесла, торговли, денежного обращения являются юридические документы XVII—XVIII вв.<sup>13</sup>. Их число весьма велико, но изданы лишь немногие.



Памятники материальной культуры этого периода изучены еще недостаточно. Интересный материал дают монеты. В сопоставлении с письменными источниками (особенно юридическими документами) они позволяют изучить денежные реформы, финансовую политику ханов, характеризовать общее положение страны и даже классовую борьбу. Из других памятников материальной культуры этого периода лучше всего изучена архитектура, значительно хуже — миниатюрная живопись и разнообразная продукция городского ремесла.

Для изучения истории таджикского народа второй половины XVIII и начала XIX в. большой интерес представляет рукопись Мухаммад Якуба «Гулшан ул-мулук» («Цветник царей») <sup>14</sup>, написанная в первой четверти XIX в. В ней подробно говорится о политическом строе Бухары, централизаторской политике правителей Бухары, в цветистых выражениях описываются их походы против феодалов-сепаратистов и победы над последними. Автор рукописи был братом эмира Хайдара (1800—1826), а поэтому в его распоряжении, несомненно, имелись такие исторические источники, которые не были доступны другим.

Интересные материалы фактического характера содержатся в рукописи Мухаммад Шарифа бен Мухаммад Наки «Тадж ат-таварих» («Венец летописей») <sup>15</sup>, составленной им в 1800 г. по поручению эмира Хайдара. Автор освещает генеалогию мангытов, происхождение тюрков, борьбу правителей Бухары с непокорными феодалами и политический строй ханства. В ней также имеются некоторые сведения о народных волнениях в Бухаре во второй половине XVIII в. В целом для указанных выше источников, написанных на таджикском языке, характерно освещение главным образом политической истории; вопросы социально-экономической жизни Бухарского ханства в них, как правило, изложены весьма скудно.

Большую историческую ценность представляют источники на русском языке. Прежде всего следует указать на материалы купца Н. Григорьева <sup>16</sup>, проживавшего в Бухарском ханстве в середине XVIII в. Он приводит весьма ценные сведения о государственном строе, состоянии сельского хозяйства и кустарного ремесла, а также внешней торговле ханства с сопредельными странами.

Большую ценность имеют записки Ф. Ефремова о его девятилетнем странствии <sup>17</sup>. Автор несколько лет прожил в Бухаре, служил в войсках хана, участвовал в военных походах, что и дало ему возможность хорошо разобраться во внутреннем и внешнем положении ханства. Поэтому его сообщения, как и сведения Н. Григорьева, очень интересны.



В работе Ефремова мы находим данные о государственном и политическом строе Бухарского ханства и о его экономике. Автор очень подробно пишет о бухарских войсках, в частности об их структуре и о снабжении их продовольствием и обмундированием, а также о борьбе правителя Бухары с непопулярными мерами за создание централизованного государства и о походах в Хорасан и Хиву.

Ефремов приводит интересные данные о посевах зерновых и технических культур, о занятии населения огородничеством и бахчеводством. Здесь можно найти сведения о технике обработки земли, что тоже представляет для нас известный исторический интерес.

Для изучения истории Бухарского ханства во второй половине XVIII в. очень важны записки и рассказы Мендиара Бекчурина<sup>18</sup>, который в начале 80-х годов был в Бухаре в качестве русского посла. Он хорошо описывает политическое положение Бухары, характеризуя хана как безвольного и бесхарактерного человека, при котором фактическим правителем страны был аталык. В записках содержатся весьма важные сведения о ремесленном производстве и о добывающей промышленности Бухарского ханства.

Весьма важные сведения приводит Т. С. Бурнашев<sup>19</sup>, в 1794 г. побывавший в Бухарском ханстве. Он сообщает данные о земледелии, обрабатывающей и добывающей промышленности, о бухарских войсках, их структуре и снабжении, о численности населения и внешней торговле ханства. Автор также останавливает внимание на структуре правительственного аппарата.

Для истории Бухары конца XVIII столетия небезынтересны также примечания В. В. Григорьева к запискам Мирзы Шамса Бухори<sup>20</sup>. Эти данные касаются главным образом реформ эмира Шах-Мурода (1785—1800), направленных на укрепление в стране власти феодалов.

Истории Бухарского ханства первой половины XIX в. посвящена работа Муини «Таърихи авоил ва овохир» («История начал и концов»), иначе «Таърихи Бухоро» («История Бухары»)<sup>21</sup>. Большое внимание автор уделил правлению эмира Хайдара. Конец рукописи посвящен истории узбекского племени юз и правлению его представителей в Гиссаре, Холженте и Ура-Тюбе. Правление эмира Насрулло (1826—1860) описано в труде анонимного автора «Зафарномаи Хисрави» («Царственная книга побед»)<sup>22</sup>. По всей вероятности, автор был близок к придворным кругам, о чем свидетельствуют подробнейшие описания военных походов эмира Насруллы в соседние владения, сведения о заключении договоров и т. п. Не менее важным источником являются записки Мирзо Шамса Бухори, посвященные главным образом

описанию Бухарского ханства в первой четверти прошлого столетия<sup>23</sup>.

Из источников, касающихся Кокандского ханства, использовано сочинение Мирзо Каландар Мушриф Исфараги (или Мирзо Мушриф) «Шахномаи Умар-хоии» («Умарханова царская книга»)». Книга посвящена периоду правления кокандского хана Умара (1810—1822).

О правлении Худояр-хана в Коканде (1845—1858; 1862—1863; 1866—1875) рассказывает труд Абдулгафура «Зафарномаи Худойрхон» («Книга о победах Худояр-хана»)»<sup>25</sup> и «Таърихи Шохрухи» («Шахрухова история») Мулло Нияз Мухаммада<sup>26</sup>. В этой книге рассказывается история ханства со дня основания и до последних дней его существования. Особенно интересны события последних годов, свидетелем которых был сам автор. Работа была издана в 1885 г. в Казани на таджикском языке Н. Н. Пантусовым.

Недостаток всех вышеперечисленных источников заключается в том, что в них описываются только политические события, история отдельных ханов, их походов и побед. История народных масс этих авторов совершенно не интересует. Существенным недочетом этих трудов является также отсутствие последовательной хронологии событий, что в известной мере затрудняет задачи исследования. Однако наряду с чрезвычайно большим количеством сомнительных сведений в этих трудах имеется много ценного фактического материала, касающегося сложной политической обстановки в Средней Азии. Описывая победы того или иного завоевателя, авторы сообщают много ценных фактов о разорении, грабежах, угоне побежденных в рабство.

Очень интересен труд Имом Али Кундузи (псевдоним — Коми) под названием «Таворихи Манзума» («Стихотворные хронограммы»)»<sup>27</sup>. В отличие от предыдущих источников эта работа посвящена не отдельным правителям, а истории всей Средней Азии и некоторых зарубежных стран Востока. В ней нередко встречаются описания различных событий, не имеющих между собой никакой связи, взятых из разных мест. В большинстве случаев сообщаются и даты этих событий за период с 1233 г. х. (1817—1818) по 1305 (1887—1888). Недостатком труда Коми является сухость описания фактов, наличие множества лишних, порой ненужных слов и предложений, отсутствие связи между событиями. Очень коротко описывая факты, он говорит об их причинах. Тем не менее эта работа служит серьезным дополнением к описанным выше источникам.

Большой интерес, несмотря на имеющиеся ошибки, представляет работа В. П. Наливкина<sup>28</sup>. Ценность этого труда заключается главным образом в том, что в нем даны инте-

ресные документы канцелярии кокандских ханов и приведены факты, не отмеченные другими исследователями.

Несколько более подробные и весьма ценные сведения по истории Средней Азии первой половины XIX в. дают архивные материалы — дела канцелярии Оренбургского военного губернатора и министерства иностранных дел России. Здесь собраны донесения официальных и неофициальных агентов царского правительства, сообщения среднеазиатских и русских купцов, посольств и пр. Мы находим тут сведения о связях среднеазиатских ханств с Россией и странами Востока; о происках английских агентов в Бухаре, Хиве и Коканде; о народных волнениях; о состоянии ремесла и земледелия; о различных политических событиях.

Письменные источники местного происхождения во многом дополняются актовными документами о порядках землепользования, купле и продаже земли, назначении на административные должности, сборе налогов, жаловании грамотами, о правах ишанов-феодалов на землю, воду и т. п.

О присоединении Средней Азии к России немало говорится в источниках на таджикском и узбекском языках. В них содержатся сведения о политической обстановке в крае накануне вторжения царских войск; о походе последних в глубь страны; об отношении различных групп местного населения к вопросу присоединения; о раздорах среди властителей Средней Азии в тот период; о слабости военных сил местных правителей во время русско-бухарской войны; о беспечности ханов и эмиров края, которые вели войны против России вслепую, не представляя себе военной мощи последней.

Остановимся на некоторых из этих источников. Н. Веселовский записал рассказ ташкентского жителя Халибая, услышанный им от его отца — участника войны против царизма<sup>29</sup>. Рассказчик считает, что кокандцы вели против царских войск справедливую войну, борясь за свою независимость.

В незаконченной повести хивинского историка Агехи (Мухаммад Риза) «Шохид-и икбол» («Свидетель счастья») <sup>30</sup> дана история завоевания царскими войсками различных городов и местностей Средней Азии. Автор рассказывает также о войнах между эмиром Музаффаром и его сыном Абдулмаликом, подробно повествует о Хиве накануне ее присоединения к России. Агехи в своих рассказах о завоевании Средней Азии царскими войсками занимает объективную позицию, и его рукопись является одним из основных источников для изучения затронутой нами проблемы. Оба выше-названных труда написаны на узбекском языке.

Ташкентскому историку Мухаммаду Салиху принадлежит объемистая рукопись на таджикском языке под названием



«Таърихи джадиди Тошкент» («Новая история Ташкента») <sup>31</sup>. В ней мы находим много интересных подробностей о завоевании Туркестанского края, в частности Ташкента, царскими войсками. Мухаммад Салих был ярым противником присоединения Средней Азии к России. Он с болью в сердце пишет

PDF Compressor Free Version

Выдающийся просветитель таджикского народа Ахмад Дониш (1827—1897) в своих рукописных произведениях, в частности в «Краткой истории мангытских эмиров Бухары» («Рисола ё мухтасаре аз таърихи салтанати хонадони мангытия»), вскрывает отсталость, беспечность и бахвальство эмира Музаффера во время войны Бухары с Россией. В этом произведении просветитель сосредоточил свое внимание на анализе причин быстрого крушения вооруженных сил эмира. Дониша возмущало то, что Музаффар вследствие своей политической слепоты и глупой самоуверенности не мог понять, с кем имеет дело <sup>32</sup>.

Бухарский историк Мирзо-Азим Соми в своем историческом сочинении «Шахский подарок» («Тухфан-шохи») <sup>33</sup> подчеркивает беспечность Музаффера в период русско-бухарской войны и резко осуждает его за то, что тот не сумел отстоять ханство от царских завоевателей. Он видит спасение Бухарского ханства в переходе эмирата под власть турецких халифов.

Автор книги «История Туркестана» («Туркистон таърихи») <sup>34</sup>, написанной на узбекском языке, Алим-Махдум-Ходжи считает, что завоевание Средней Азии царским правительством вызвано попытками кокандских войск разорить русские земли.

Кроме указанных источников вопросы присоединения Средней Азии к России нашли свое отражение в устном народном творчестве среднеазиатских республик, в частности Таджикистана. Если в письменных источниках подчас говорится о враждебном отношении местного населения к присоединению, то в устном народном творчестве отражено положительное отношение трудовых слоев местного населения к этому факту. Фольклорный материал наглядно подтверждает ту мысль, что народам Средней Азии легче стало жить в крае, присоединенном к России, чем под игом алчных ханов <sup>35</sup>.

Отдельные сведения о Таджикистане накануне и в период первой буржуазно-демократической революции сохранились в архивных источниках. Так, некоторые материалы имеются в Ленинградском государственном историческом архиве (ЛГИА) СССР, в частности в фонде «Ревизия Туркестанского края» К. К. Палена. В нем в связи с общей характеристикой Туркестанского края в конце XIX и начале XX в.

помимо материалов общего характера есть некоторые данные по северным районам дореволюционного Таджикистана. Значительная часть материалов этого фонда в свое время была опубликована, но при более детальном изучении здесь удалось найти дополнительные сведения по интересующим нас вопросам. В Центральном государственном историческом архиве Узбекской ССР (ЦГИА) также имеются интересные материалы по Восточной Бухаре и западным районам Памира, причем в связи с общим положением Бухарского эмирата тут дается характеристика юго-восточных районов дореволюционного Таджикистана. Что же касается Центрального государственного архива Таджикской ССР в Душанбе, то в нем находятся соответствующие материалы лишь о северных районах Таджикистана.



До сравнительно недавнего времени политическая история таджикского народа XVII—XVIII вв. была изучена крайне слабо. В течение долгого периода для истории Аштарханидов был известен только один упомянутый выше источник — «Муким-ханская история». Значительно позже обратили на себя внимание другие источники, например «Убайдуллонома», подробнейшее содержание которого было пересказано Ф. Л. Тейфелем<sup>26</sup>.

Основная заслуга в изучении источников и политической истории Таджикистана XVII—XVIII вв. принадлежит русской науке. Ценные сведения из разных источников были извлечены В. В. Вельяминовым-Зерновым<sup>27</sup>, В. В. Бартольд<sup>28</sup> и др. Значителен вклад А. А. Семенова, который перевел и прокомментировал все важнейшие нарративные источники по истории Аштарханидов. Это дало ему возможность восстановить обстоятельную картину политических событий того времени<sup>29</sup>.

Хозяйство и социально-экономические отношения в XVII—XVIII вв. изучены значительно слабее, чем политическая история. Одна из основных причин — специфика повествовательных источников. В. В. Бартольд пытался осветить историю народов Средней Азии того времени. Собранные им факты и поныне весьма ценны. Значительные результаты в изучении некоторых вопросов экономики и социальных отношений были достигнуты П. П. Ивановым («Очерки по истории Средней Азии XVI — середины XIX в.»), а также при подготовке соответствующих глав «Истории таджикского народа» Б. Г. Гафуровым и в «Истории Узбекистана».

Наиболее слабым местом является изучение истории окраинных и особенно горных районов, ибо известные сейчас



письменные источники содержат материалы, относящиеся преимущественно к центральным областям Средней Азии.

Исследование многих вопросов социально-экономической истории проведено О. Д. Чехович. Очень важны изданные и проанализированные ею юридические документы XVII—XVIII вв. **PDF Compressor Free Version** О. Д. Чехович уделяет вопросу развития феодальной земельной собственности. Ей удалось установить факты значительного роста частнособственнических земель и концентрации земельной собственности в руках феодалов; выявить процесс роста феодальной раздробленности в государстве Аштарханидов и ухудшения положения крестьянства в этот период. Большое значение имеет статья О. Д. Чехович о причинах и сущности хозяйственного упадка в первой половине XVIII в., по-разному трактовавшегося в литературе <sup>40</sup>.

В источниках XVII—XVIII вв. содержится довольно много сведений для характеристики народных восстаний; некоторые из них освещены в статьях О. Д. Чехович, Р. А. Абдураимова, Е. А. Давидович <sup>41</sup>.

Город, ремесло, внутренняя и отчасти внешняя торговля этого периода изучены очень слабо. Несколько работ Е. А. Давидович посвящены разным вопросам денежного обращения <sup>42</sup>. Обширная литература имеется о торговле с Россией: монографии и статьи А. Попова, С. В. Жуковского, А. В. Панкова, А. Чулошникова, Х. Зияева и др. <sup>43</sup>.

Вопросы культуры этого периода изучены весьма неравномерно. Во многих статьях и книгах В. Л. Вяткина, Б. П. Денике, Б. Н. Засыпкина, М. Е. Массона, Г. А. Пугаченковой, Л. И. Ремпеля и других описаны главным образом архитектурные сооружения XVII—XVIII вв. Значительно слабее изучена среднеазиатская миниатюра того времени <sup>44</sup>. Историей же науки еще никто специально не занимался.

Для изучения иерархической структуры Бухарского ханства во второй половине XVIII в. исключительно большое значение имеет источниковедческая работа А. А. Семенова <sup>45</sup>. В ней обстоятельно говорится о чинах и званиях служилых людей как центрального правительственного аппарата, так и на местах и об их обязанностях.

Из работ дореволюционных этнографов, занимавшихся вопросом расселения таджикского народа, следует указать работу А. Шишова и А. Гребенкина. Они приводят интересные данные о расселении в XVIII в. таджиков и других народов, в частности узбеков и киргизов, живших тогда на территории современного Таджикистана.

По вопросам водопользования большое значение имеет работа Л. Н. Соболева <sup>46</sup>, написанная на основе русских и

среднеазиатских источников. В ней содержатся сведения о строительстве новых оросительных каналов и о восстановлении старых в долине Зеравшана и в Восточной Бухаре. Автор приводит интересные данные о мобилизации рабочей силы на ирригационные работы.

С историей ирригационного дела, в частности в Бухарском и Кокандском ханствах, знакомит также работа В. В. Бартольда<sup>47</sup>, посвященная орошению Туркестана в целом.

В монографии М. Е. Массона<sup>48</sup> по истории горной промышленности Таджикистана содержатся сведения о добывающей промышленности, ремесленном производстве, в частности об обработке металлических изделий во второй половине XVIII в.

Фактический материал имеется в интереснейшей работе П. П. Иванова<sup>49</sup>, освещающей экономическое и политическое положение среднеазиатских народов, состояние сельского хозяйства, ремесленного производства, внутренней и внешней торговли, налоговую систему и классовую борьбу в Бухарском и Кокандском ханствах.

Истории Таджикистана второй половины XVIII в. посвящена специальная статья А. А. Семенова и И. С. Брагинского<sup>50</sup>. В ней отражено социально-экономическое и политическое положение таджикского народа в указанный период, а также состояние культуры и классовые взаимоотношения в Таджикистане.

Некоторые интересные вопросы коснулся В. В. Бартольд в работе «История культурной жизни Туркестана»<sup>51</sup>. В ней автор говорит о феодальных усобицах и политическом положении в Бухарском и Кокандском ханствах.

О землепользовании и взаимоотношениях Бухарского и Кокандского ханств имеются важные данные в двух статьях А. Мухтарова<sup>52</sup>.

Цеховая организация ремесленников и состояние ремесленного производства в XVIII в. получили некоторое отражение в статье Н. Н. Ершова<sup>53</sup>.

Ценные сведения по истории Средней Азии дают русские путешественники и исследователи XIX в. Здесь следует отметить работу Ф. Назарова<sup>54</sup>, в которой автор сообщает о многочисленных фактах, свидетельствующих о внутренних войнах и разорении края в начале XIX в. О степени развития ремесла в первой четверти века сообщают Генс, Г. Мейендорф, Н. Ханыков<sup>55</sup>.

Некоторые сведения имеются в работе неизвестного автора «Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии»<sup>56</sup>.

В большинстве упомянутых работ русских авторов све-

дения даны без их анализа и критики. Отчасти это происходило потому, что многие эти авторы не знали языка и жизни народа.

Об уровне развития ремесла, торговли и налогов в Ура-Тюбе в первые годы после присоединения его к России сообщает Ю. Южаков<sup>57</sup>. Его сведения о числе ремесленных и торговых заведений Ура-Тюбе, по нашему мнению, слишком преувеличены. Эти пробелы могут быть восполнены работами А. Кушакевича об Ура-Тюбе и Ходженте<sup>58</sup>. Автор в 1867 г. был назначен председателем комиссии по организации Ходжентского уезда, а затем уездным начальником. Он объехал города и кишлаки Ходжента и Ура-Тюбе и собрал различные материалы. Учитывая, что за короткий промежуток времени серьезных изменений в жизни местного населения не произошло, мы отнесли данные, сообщаемые Кушакевичем, к первой половине XIX в.

Специальных исследований по истории Средней Азии первой половины прошлого века имеется немного. Среди наиболее крупных работ советских историков следует отметить работы П. П. Иванова<sup>59</sup>, в которых на основе марксистских методов изучения истории освещено социально-экономическое положение северных районов Таджикистана.

Экономическая политика царизма, заинтересованность русской буржуазии в среднеазиатском рынке, вопросы торговли с ханствами Средней Азии, англо-русское соперничество и т. п. исследованы в работе М. К. Рожковой<sup>60</sup>.

История северных районов Таджикистана первой половины прошлого столетия в той или иной степени нашла отражение в работах академика В. В. Бартольда<sup>61</sup>, в обобщающей работе Б. Г. Гафурова<sup>62</sup> и в «Истории Узбекской ССР»<sup>63</sup>.

По сравнению с северными районами история южных районов Таджикистана и Памира первой половины XIX в. изучена недостаточно.

Отдельные сведения о Бухаре мы находим в произведениях капитана английской Ост-индской компании А. Борнса; в работе члена экспедиции Борнса доктора Лорда<sup>64</sup> приводятся сведения о политических событиях в Кундузском ханстве с районами побережья Аму-Дарьи в 20-х годах XIX в. К несколько более поздним работам относятся произведения русских путешественников, посетивших восточную часть Бухарского ханства и Памир<sup>65</sup>. Приведенные в этих работах материалы о населении, земледельческих орудиях, технике производства, о природных богатствах можно отнести к первой половине XIX столетия.

В дореволюционной историографии по этому периоду встречаются лишь отрывочные сведения. Только советскими



историками написан ряд ценных работ, в которых частично освещена история Южного Таджикистана и Памира в первой половине XIX в.<sup>66</sup>

Немало трудов, написанных как до Октябрьской революции, так и после нее, посвящено вопросу присоединения Средней Азии к России. Историки-востоковеды, путешественники, публицисты, военные деятели России и зарубежных стран в свое время с различных позиций оценивали это событие.

Этому вопросу в основном посвящены работы академика В. В. Бартольда, М. А. Терентьева, Ф. Ф. Мартенса, В. И. Масальского, Н. И. Веселовского, С. В. Жуковского, А. А. Кауфмана, А. Н. Куропаткина, Д. Н. Логофета, В. В. Григорьева, Б. А. Тагеева, М. Грулева, Е. Маркова<sup>67</sup>, Ф. Михайлова и других авторов. В этих работах имеются ценные сведения по истории народов Средней Азии; об экономических и политических связях России с среднеазиатскими ханствами; о военных походах русского царизма на Восток — в Хиву, Бухару и Коканд; о взятии русскими войсками городов Средней Азии; об образовании Туркестанского генерал-губернаторства; об англо-русском соперничестве; о военной и гражданской администрации.

Буржуазные историки рассматривали завоевание Средней Азии Российской империей с колонизаторских позиций царизма. В их трудах нет правильной оценки событий, нет ясности в освещении этого вопроса. Они приукрашивают роль и заслуги царского самодержавия, пытаются скрыть мрачную, реакционную сторону его господства в Средней Азии. Кроме того, в их работах не раскрыты социально-экономическое положение народов, глубокие внутренние и внешнеполитические условия, приведшие к завоеванию царизмом Средней Азии, и, что самое существенное, не отражены результаты присоединения Средней Азии к России.

Ясно, что различные слои населения Средней Азии по-разному оценивали присоединение к России, которое к тому же проходило далеко не везде одинаково. Большая часть края была присоединена в результате военных действий и лишь отдельные районы мирным путем.

Немалый интерес представляют работы Б. А. Тагеева, посвященные Памиру, особенно «Памирские походы 1882—1895 гг.».

Много исследований о взаимоотношениях России и Средней Азии, о возникновении и развитии капитализма, о колониальной политике царского правительства в Средней Азии, об истории ее завоевания было написано после победы Октябрьской революции. Так, ценные сведения имеются в трудах П. Галузо «Колониальная политика царского пра-

вительства в Средней Азии» и «Туркестан и царская Россия»<sup>68</sup>.

Далеко не всегда и не все советские авторы занимали правильные позиции в оценке рассматриваемого нами исторического периода. Так, бытовала теория, авторы которой трактовали присоединение Средней Азии к России как «абсолютное зло». Теория «абсолютного зла» была справедливо отвергнута советскими учеными как неправильная, не отражающая объективной действительности.

Отсутствие решительности и смелости в постановке вопроса, ограниченность, не позволяющая охватить широкое историческое полотно; оценка явления с позиций не только исходного факта, но и его последствий — все это привело к выдвиганию бытовавшей некоторое время в литературе теории «наименьшего зла». Но эта теория в силу своей ошибочности оказалась нежизнеспособной. Ее принципиально неправильное исходное и особенно завершающее утверждение под влиянием фактов и научных выводов, сделанных на марксистско-ленинской основе, было признано несостоятельным.

Господствующее положение завоевала теория в целом безусловно прогрессивного значения присоединения Средней Азии к России. Но это положение ни в коей мере не отрицает колонизаторской, антинародной политики русского царизма.

В 1945—1950 гг. вышло много трудов по истории народов Средней Азии. В них правильно оценены отдельные стороны присоединения Средней Азии к России. Однако в ряде этих работ были допущены серьезные недостатки. Так, слишком упрощенно освещали характер присоединения Средней Азии к России авторы первого издания второго тома «Истории народов Узбекистана». Прогрессивность этого события сводилась ими только к тому, что благодаря присоединению в Средней Азии начал развиваться капитализм<sup>69</sup>. В книге не дана оценка социально-экономического положения Средней Азии накануне присоединения к России<sup>70</sup>. В первом издании «Истории Казахской ССР», вышедшем в 1943 г., при изложении этого вопроса тоже были допущены серьезные ошибки. В труде Б. Г. Гафурова «История таджикского народа» вопросы присоединения Средней Азии к России освещены с подлинно научных позиций<sup>71</sup>.

В последние годы историческая литература пополнилась новыми ценными исследованиями. В 1957 г. были выпущены заново написанные «История Узбекской ССР» и «История Казахской ССР». В том же году вышла в свет «История Туркменской ССР». Эти работы во многом выгодно отличаются от предыдущих изданий. В них учтены критические



замечания, устранены имевшие ранее место недостатки. Охарактеризована экономическая, социальная и внутривосточная обстановка в Средней Азии накануне и после присоединения края к России, рост революционного движения и другие проблемы.

Так, в монографии А. М. Аминова дана характеристика экономики Средней Азии накануне присоединения и экономического развития края после присоединения к России<sup>72</sup>.

История Таджикистана XX в. (дореволюционный период) затрагивается в некоторых работах в связи с общей постановкой вопроса. Среди них обращают на себя внимание труды Б. Г. Гафурова и З. Ш. Раджабова, Н. А. Кислякова<sup>73</sup>, где наряду с историей дореволюционного Карагегина рассматривается вопрос о Восточной Бухаре в целом.

За последние годы был выпущен ряд монографических исследований А. Маджлисовым, М. Хамраевым, Н. Л. Латыповым, Х. Назаровым, М. Бабахановым, С. А. Стеценко, В. Бахрамовым<sup>74</sup>. Интерес представляет и работа А. В. Макашова<sup>75</sup>. В ней автор заостряет внимание на участии трудового населения Северного Таджикистана в революции 1905—1907 гг. В разработке данного вопроса большое значение имеют труды А. В. Пяковского и А. М. Аминова<sup>76</sup>.

Среди литературных произведений, в которых упоминается об участии трудящихся масс Таджикистана в революции 1905—1907 гг., следует отметить «Воспоминания» Садриддина Айни<sup>77</sup>.

Хотя все упомянутые выше работы посвящены самым различным вопросам, в них имеется также немало сведений о революции 1905—1907 гг. в северных районах Туркестана. Небезынтересна также и литература дореволюционного периода, содержащая много полезных сведений в основном экономического характера.

Среди опубликованных трудов, содержащих интересные сведения по истории Таджикистана накануне и в период Февральской революции, следует упомянуть работы Т. Каримова и А. В. Макашова<sup>78</sup>, в которых имеются некоторые материалы, относящиеся к победе Февральской революции в северных районах Таджикистана.

Особого внимания заслуживает статья А. Рябинского<sup>79</sup>. В отличие от других исследований автор много внимания уделяет экономическому закабалению Бухары в эпоху империализма. В работе использован большой фактический материал.

Отдельные факты о Февральской революции на Памире изложены в работе А. Набиева<sup>80</sup>.

Получены, опубликованы и патентованы в СССР  
и в зарубежных странах в 1948 г. в Советском Союзе, в том числе в не-  
которые другие государства. Публикации: "Изобретения" (журнал)  
№ 1, 1948 г. и № 2, 1948 г. в СССР и в Германии. Под  
защитой в СССР и в Германии. Международная регистрация  
по международной конвенции. Публикации: 1948 г.

**PDF Compressor Free Version**

## ГЛАВА I

УСИЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ.  
ЖИЗНЬ ТАДЖИКОВ В БУХАРСКОМ ХАНСТВЕ  
В XVII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

## ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

После смерти Абдулло-хана II в государстве Шайбонидов вновь начались смуты и раздоры. Этим сразу воспользовались на юге Сефевиды, вернувшие себе почти весь Хорасан, на северо-западе — хивинская династия, вернувшая себе власть над Хорезмом, а на северо-востоке — казахи, захватившие Ахсы, Андижан, Туркестан, Ташкент и даже на короткое время Самарканд. Последний Шайбонид Пир-Мухаммад-хан II владел лишь небольшой частью бывшего шайбонидского государства и вскоре погиб, пытаясь овладеть Самаркандом<sup>1</sup>.

После взятия Астрахани войсками московского царя один из Аштарханидов — Джанибек-султан (Джани Мухаммад-хан) нашел убежище в Бухаре и породнился с Шайбонидами. После смерти Пир-Мухаммада феодалы предложили Джанибек-султану занять трон Шайбонидов. По словам Мухаммад Юсуфа Муиши, он отказался, и первым ханом новой династии фактически стал Боки-Мухаммад (1599—1605). Однако известны монеты с именем Джани-Мухаммад-хана, в том числе некоторые с датами 1009/1600—1601 гг. и 1011/1602—1603 гг.

Аштарханидам удалось вернуть Балх, которым во время неурядиц завладел ставленник Сефевидов. Город стал резиденцией наследника престола.

Боки-Мухаммад реорганизовал правительственный аппарат и армию<sup>2</sup>. После его смерти и кратковременного правления его брата Вали-Мухаммада (1605—1611) престол захватил их племянник Имом-Кули-хан (1611—1642). Вали-Мухаммад бежал в Иран и вернулся во главе шахского

войска, но был разбит. Вскоре Имом-Кули-хан одержал победу над казаками и отнял у них Ташкент. Ему удалось также разгромить каракалпаков и калмыков.

Имом-Кули-хан умело противодействовал сепаратистским тенденциям своих родичей и феодалов и установил твердую власть. Вероятно, не простым словословием были слова историка того времени: «Пока его ноги были в стремях государства, ни в какой стороне охраняемых им владений, ни в Балхе, ни в Бухаре не было ни бунтов, ни беспорядков»<sup>3</sup>.

При Имом-Кули-хане его брат Надир-Мухаммад с сыновьями владел Балхом и подчинялся центральной власти. Когда же ослепший Имом-Кули-хан отказался от престола и последний занял Надир-Мухаммад, снова в государстве начались междоусобия. В это время казахи напали на Ходжент. В результате заговора бухарский престол занял сын Надир-Мухаммада Абдулазиз (1645—1680). Надир-Мухаммад вынужден был возвратиться в Балх. Причины этого переворота не совсем ясны. Однако сопоставление косвенных данных позволяет предположить, что Надир-Мухаммад попытался значительно увеличить доходы казны<sup>4</sup> и, видимо, задел интересы феодалов.

В борьбу между отцом и сыном активно включились остальные сыновья Надир-Мухаммада, принимая сторону то отца, то брата. В центре событий опять оказался Балх, окончательно разоренный. По словам историка того времени, в окрестностях и районах Балха «не осталось и следов населенных мест»<sup>5</sup>.

Пользуясь этими распрями, на территорию Мавераннахра неоднократно проникали хивинцы, разоряя население и угоняя пленных. Аштарханиды не могли пресечь эти опустошительные набеги, поэтому хозяйство некоторых районов междуречья, подобно области Балха, сильно пострадало в этот период. Хивинцы достигали Бухары, а однажды даже захватили часть города. Лишь активная борьба всех горожан и, очевидно, ближайшего сельского населения обеспечила им победу и изгнание хивинцев. По словам историка, «в ту ночь узбеки, таджики, земледельцы и базарные торговцы — все ополчились на уничтожение врага»<sup>6</sup>. Набегами хивинцев воспользовался Субхов-Кули (1680—1702), захвативший престол брата в Бухаре.

Хивинские войска, опустошив Мавераннахр, овладели Самаркандом, причем знать города добровольно признала власть хивинского хана, за что позднее, после изгнания хивинцев, Субхов-Кули взыскал с самаркандцев огромную контрибуцию<sup>7</sup>. Многие эмиры удалились из Бухары к своим племенам в Ходжент и Гиссар и направили их против Суб-



хон-Кули-хана. Последний не мог уже преодолеть сопротивление ни хивинцев, ни самаркандцев, ни бунтовавших в разных концах Мавераннахра и Балха узбекских племен и вынужден был обращаться к одним эмирам, дабы усмирить других. Большую помощь оказал ему Махмуд-бий — бадахшанский аталык. Бадахшан в это время был независимым. Так, его правитель не допустил бухарских чиновников Махмуд-бия к разработке знаменитых рубиновых рудников. Но Махмуд-бий сумел добиться получения продукции этих рудников, добытой в течение двух лет. В благодарность за услуги Субхон-Кули-хан передал Махмуд-бию сначала Балх и в конце концов Бадахшан.

Субхон-Кули-хану удалось прекратить набеги хивинцев. Не без влияния Бухары два хивинских хана были смещены местной знатью. Хива признала власть Субхон-Кули-хана, который и послал туда заместника.

Последние годы правления Субхон-Кули-хана характеризуются чрезвычайным усилением знати узбекских племен, междоусобными войнами между эмирами и племенами и крайним ослаблением ханской власти. Восстания племен против центральной власти и их междоусобная борьба вынуждали бухарского хана выступать против них то в Самарканде, то в Гиссаре, то в Термезе, то в Шахрисябзе. Нередко эти походы кончались поражением ханской армии, так как хан не обладал ни средствами, ни достаточным войском и обычно оказывался игрушкой в руках крупных эмиров, опиравшихся на военную силу своих племен.

После смерти Субхон-Кули-хана власть перешла в руки Убайдулло-хана (1702—1711). Он был последним Аштарханидом, делавшим попытки укрепить ханскую власть и пресечь своеволие крупных феодалов и племен.

Так, летописец Убайдулло-хана Мир-Мухаммад Амине Бухори неоднократно писал о вражде между ханом и эмирами: «Его благоуханные мысли отвернулись от эмиров и войска», последние же «тоже отвратили от монарха сердце, и в их умах возникло волнение», «очевидная немилость государя относительно эмиров и армии дошла до последней степени»; «намерение государя, с одной стороны, и эмиров и армии — с другой, оказались в вопиющем противоречии». Эти слова свидетельствуют, что хан вступил в открытую и острую борьбу со своими противниками.

Убайдулло-хан стремился ослабить политическое влияние эмиров. С одной стороны, по свидетельству источника, «он предпринял твердые шаги к разрушению устоев некоторых эмиров», а с другой — он привлек к государственной службе людей «низкого происхождения», в частности сыновей ремесленников и торговцев.



PDF Compressor Free Version

بسم الله الرحمن الرحيم

مجلس عالی  
وزارت معارف و اوقاف و صنایع مستظرفه  
تاریخ ۱۳۰۲

اداره معارف و اوقاف و صنایع مستظرفه  
مجلس عالی



چشمه اولیای قزاقیه و سایرین که سعادت ایشان از سعادت اقیانوس  
دینیه است و این است که در آنوقت که بدو انجمن استقامت انجمن  
وفاداری و این سعادت و در نتیجه انظار او چیز دیگری معلوم شده  
بدولت علامه ای که مقصود باشد با او امید انجمن و اگر او بخواهد  
بود و این است که از آنکه باقر است از آنجمله که در این است که  
فصلیه معنی که فاضل و او در مورد این بار انجمن است و فصلیه  
بعد از آنکه با یکدیگر در میان خود با او است که در اصل از این  
مجلس عالی که با یکدیگر در میان خود با او است که در اصل از این  
زادها معلوم شد که این انجمن است که در عالم است که در این  
کتابخانه است که در این انجمن است که در این انجمن است که در این  
تصیحت است که در این انجمن است که در این انجمن است که در این  
خواهان معارف و اوقاف و صنایع مستظرفه

و در این میان که در این زمانه  
 نصیحت پادشاه فرستاده شد با یک وقت نامیده شد و در دو روز  
 خواهی جویداری و خواهی نوشتند که در این وقت با او  
 و خواهی شیخ محمد را روزی در این وقت در این وقت  
 نصیحتند در ادل هم بودند و در این وقت در این وقت  
 پسری دارد هر چه فرستاده اند با او باقی در این وقت در این وقت  
 بخلاف تو قیام را داشتیم که بدلت ما باقی در این وقت در این وقت  
 بر چند و آن از واقع شده ما غسل نه داشتیم که در این وقت در این وقت  
 مضطرب را بر پا کرد از جمله اثرات بدیستی این وقت در این وقت  
 از ما نیز از طرف در این وقت در این وقت در این وقت در این وقت  
 با او کجی و لغوی چنانها نوشته در مسأله اند که همان چنانها را آن چنان  
 اوقات در قیام و بوسه رفتن در مسأله ای بسیار در این وقت در این وقت  
 آن اوقات صند که در این وقت در این وقت در این وقت در این وقت  
 خوب میداند نصیحت که در این وقت در این وقت در این وقت در این وقت  
 نصیحت است که در این وقت در این وقت در این وقت در این وقت  
 بر نهایی تفاوت گویند مقبول است که در این وقت در این وقت در این وقت  
 خوب میداند آنکه واقع شده است در این وقت در این وقت در این وقت  
 در این وقت در این وقت در این وقت در این وقت در این وقت در این وقت

Пытаясь вначале в борьбе за власть опереться на какую-то часть эмиров и военачальников узбекского происхождения, Убайдулло-хан потерпел поражение и переменял ориентацию. Он решил искать себе опору в тех слоях общества, которые больше всего были заинтересованы в усилении центральной власти и прекращении междоусобий. Сюда относились те феодалы (включая старую знать и чиновничество), которые были не только землевладельцами, но и тесно связаны с городами и торговлей, а также торгово-ремесленная городская верхушка. Убайдулло-хан способствовал экономическому укреплению феодалов, интересы которых противоречили интересам узбекских эмиров и военных; он привлекал к управлению также «безродных людей», обязанных только ему и не связанных ни с узбекскими эмирами, ни с чиновной знатью.

Эмиры составили заговор и убили Убайдулло-хана. После его смерти Аштарханид Абулфайз-хан был только номинальным властителем, а государством управлял всемогущий временщик Мухаммад-Хаким-бий из племени мангытов. Даже чины и должности распределялись без ведома Абулфайза. Феодалная раздробленность достигла таких размеров, что единое государство фактически перестало существовать, распавшись на многие почти независимые феодалные владения. Так, в Фергана один из эмиров племени минг, Шахрух-бий, основал самостоятельное владение. То же произошло в Балхе и Бадахшане.

В период ослабления Аштарханидского государства в Иране престол захватил Надир-шах. Он не только укрепил свое государство, но и расширил его, дойдя на востоке до города Дели. Его сын в это же время захватил принадлежавшие раньше Аштарханидам области по левому берегу Амударьи, затем Балх, а потом вступил в Мавераннахр и около Карши разгромил Аштарханидов. Только помощь, оказанная Бухаре хивинским войском, заставила иранцев отступить. Но в 1740 г. Надир-шах вступил в Мавераннахр. Сначала на его сторону перешли некоторые вельможи, а затем и Абулфайз-хан с придворными выехал ему навстречу. Таким образом, Аштарханидское государство без сопротивления подчинилось завоевателю. Надир-шах сохранил Абулфайзу престол и даже породнился с ним. Но фактическую власть он закрепил за Мухаммад-Хаким-бием. После смерти последнего власть перешла к его сыну Мухаммад-Рахим-бию, который при поддержке Надир-шаха начал успешную борьбу с мятежными феодалами. Убив затем Абулфайза, он в 1753 г. вступил на ханский престол. Формально династия Аштарханидов просуществовала до 1785 г. Последним ханом этой династии был Абулгази.

Земледелие

В источниках XVII—первой половины XVIII в. содержатся интересные сведения о культуре полевых, огородных и садовых растений. Основными зерновыми культурами по-прежнему были пшеница, ячмень, просо, джугара, рис; из технических сеяли кунжут, хлопок, лен; из кормовых — люцерну. Любопытно, что в вакуфных документах, предусматривавших вознаграждение зерном, часто оговаривалась его выдача пшеницей, ячменем, просом в равных долях. Нередко эти хлебные культуры объединялись общим термином «галля» (зерно). Янтарное просо и ячмень упоминает в своих стихах замечательный поэт XVII в. Сайидо Насафи<sup>8</sup>. Послы московского царя к бухарскому хану (1669) братья Пазухины получали «корм» в числе прочего «хлебом и пшеном»<sup>9</sup>. Грек Николай Григорьев, много лет живший в Бухаре (во второй четверти XVIII в.), оставил очень интересные записки о хозяйственных занятиях. Он отметил: «Домашние же у тамошних жителей промыслы больше в хлебопашестве состоят, и сеют пшено сорочинское, пшеницу, ячмень, да по их названию югара, что все родится довольно, и в хлебе они, когда неприятели к посеву препятствия не учинят, нужды не имеют»<sup>10</sup>. Упоминал также Григорьев и хлопок.

Примерно к этому же времени относятся свидетельства о наличии полевых культур в Ташкентском владении. В 1735 г. в Уфе были записаны показания ташкентца Нур-Мухаммада: «полевых плодов: пшена сорочинского премножество, пшеница, ячмень, просо крупное, подобное семени коноплянному, евгари, подобно сорочинскому пшену, зыгирь [подобно конопле — делают масло], кунжут [подобно льняному семени], кунак, подобно просу». Он отмечал также, что «в бумаге хлопчатой довольство»<sup>11</sup>.

Те же культуры выращивались и в городе Туркестане с его районом: «На полях около его родятся пшеница, ячмень, просо и хлопчатая бумага»<sup>12</sup>. По-видимому, меньше всего сеяли джугары, льна, кунжута и кунака. Очевидно, значительные площади занимали посевы люцерны, о чем упоминается в самых различных источниках. Они отмечают также изобилие разных фруктов, наличие прекрасных садов и виноградников в Бухаре, Ташкенте и других местах. В садах Бухарской области, например, росли яблоки, груши, айва, абрикосы, персики, сливы, миндаль, гранаты, инжир, финики<sup>13</sup>. Из винограда делали вино, давили сок и сушили изюм<sup>14</sup>. Уделялось большое внимание тутовым посадкам. Тут употребляли в пищу и для разведения шелковичных червей.



**Добыча полезных ископаемых** О добыче полезных ископаемых и состоянии запасов металла в стране источники сообщают очень мало. Известно только, что золото добывалось в разных местах. Однако о его добыче в XVII в. пока ничего определенного сказать нельзя. Сведения же первой половины XVIII в. позволяют допустить, что оно добывалось в достаточном количестве. Так, золото, намываемое в верховьях Чирчика и Сыр-Дарьи, продавали в Бухару; добывали золото в горах близ города Туркестана, в припамирских районах, в верховьях Зеравшана и по Сыр-Дарье<sup>15</sup>.

Золото намывали преимущественно из рек. Добыча рудного золота в горах в рассматриваемое время почти не производилась. В этой связи небезынтересно вспомнить замечание русского посла Ф. Беневени о том, что «в горах золото и серебро искать заказано, и непрестанно в таких местах караулы держат». В середине столетия отмечался наплыв иностранной золотой монеты, в это же время золото из Средней Азии вывозилось в Россию.

О достаточном количестве золотых запасов свидетельствует также тот факт, что в XVIII в. именно золотые монеты стали основой денежного обращения, крупные сделки совершались не на серебряные деньги, а на золото. Бухарские купцы уже могли покупать в Индии товары на золото.

Значительно хуже обстояло дело с добычей других металлов. Бухарский посол в Москве Мулло Фаррух отмечал в 1671 г.: «Руды серебряной много, но промышленников мало»<sup>16</sup>. Количество серебра во второй четверти XVIII в. увеличилось за счет притока его из-за границы.

Есть сведения и о добыче других полезных ископаемых: селитры, серы и свинца. Бухарский посол Мулло Фаррух рассказывал, в частности, что селитра числилась среди товаров «Бухарской земли»<sup>17</sup>. Известно было, что хивинцы «серу покупают в Бухарии»<sup>18</sup>, что «свинцу вблизи Туркестана в горе, называемой Сувукду, великое множество, где всяк, кому надобно, берет и льет пули»<sup>19</sup>. Возможно, именно ташкентский район в свое время был одним из основных поставщиков свинца в государстве Аштарханидов.

Олово, медь, железо частью добывали на месте (например, в Бухарской и Самаркандской областях), частью ввозили. Однако в этих металлах, очевидно, постоянно ощущался недостаток. Не случайно русское правительство неоднократно запрещало продавать в Среднюю Азию медь, железо и сталь<sup>20</sup>.

Немало добывалось в Средней Азии строительных материалов: мрамора, ганча и пр., а также драгоценных и полудрагоценных камней, в частности в Бадахшане по-прежнему существовали рубиновые копи.

Наши сведения об уровне развития ремесленного производства в городах очень ограничены. Но очевидно, в XVII в. по сравнению с предшествующим периодом существенных изменений не произошло. Узкая специализация ремесла XVI в. сохранялась и в рассматриваемый период. Случайно Сайидо Насафи в своих стихотворениях приводит более двухсот названий ремесел, существовавших в XVII в. в Бухаре<sup>21</sup>. По-видимому, текстильное производство в это время продолжало развиваться. Стимулом этого послужило упрочение и расширение торговых связей, в частности с Московским государством. Текстиль был одним из основных товаров, вывозившихся из Средней Азии как среднеазиатскими, так и русскими купцами. Большой спрос на среднеазиатский текстиль был у кочевников. Данные о русско-среднеазиатской торговле позволяют заключить, что в городах Средней Азии вырабатывались разные сорта и виды хлопчатобумажных тканей, а также скатерти, завесы, кушаки и прочие изделия.

Шелковые ткани и изделия изготовляли в меньшем количестве. И вывоз их по сравнению с хлопчатобумажными был невелик. Братья Пазухины отмечали, что шелк-сырец вырабатывали в Бухаре в небольшом количестве, поэтому дополнительно привозили его из Хивы. Еще более красноречиво свидетельство Муллы Фарруха, что «товары де у них киндяки да зедени и китайки, а камок и атласов мало, а которые и есть, и те обычные»<sup>22</sup>.

Производство хлопчатобумажных и шелковых тканей и изделий было по-прежнему кустарным. По сообщению купца Николая Григорьева, «у них же бухарцев из червивых семян от тутового дерева и шелк також хлопчатая бумага родится, и хотя мануфактурная фабрика там только одна собственная помянутого Рагимбека, да и та небольшая, в которой делают шелковые парчи и бархат, однакож де оныя и прочие жители у себя в домах своими руками прядут и платки, кисей и другие шелковые, также бумажные вещи из них и ткут; других же фабрик и заводов никаких там нет»<sup>23</sup>.

По-прежнему высокого качества была обработка кожи, изготовление оружия и различных металлических изделий. Высоко ценились и вывозились за границу бухарские сафьяны и замши. Большим спросом пользовались бухарские луки, ножи, сабли, простое, а также дорогое богато украшенное холодное оружие. Тобольский казак Федор Скибин сообщал в 1697 г., что в Бухаре порох и пули делают сами: «...мелкого огненного оружия много, зелье де и свинец делают сами»<sup>24</sup>. А по словам купца Николая Григорьева, бухарцы сами начали делать «из чугуна и пушки, а из железа ружья...

и винтовки, також и порох»<sup>25</sup>. В источниках упоминается также выделка ковров и ковровых изделий. Большое место по-прежнему занимало шитье готовых изделий: некоторые из них вывозились.

В крупных городах базарная торговля была ежедневной, в др. PDF Compressor Free Version. Базары были преимущественно специализированными. Большой вес имела торговля товарами, привозимыми из других областей и стран. Особенно тесные торговые связи существовали между Бухарой и Хивой. «Бухарцы для торгу с товарами в Хиву приезжают на маленьких судах, сделанных из маленьких досок»<sup>26</sup>. Хивинские торговцы в свою очередь ездили с товарами в разные города Бухарского ханства<sup>27</sup>. Есть много подробных сведений о торговых связях Ташкента во второй четверти XVIII в. (когда он уже не входил в состав Аштарханидского государства) со всеми главнейшими городами Средней Азии — Бухарой, Самаркандом, Кулябом, Балхом, Шахрисябзом<sup>28</sup>.

Очень плохо изучена торговля Бухарского ханства с Индией, Персией, Китаем. Самой значительной была обоюдная торговля с Индией. Объем этой торговли был, очевидно, достаточно велик. В Бухаре подолгу жили многие индийские купцы, упоминается даже квартал, заселенный ими. Бухарские купцы также нередко ездили за товарами в Индию<sup>29</sup>.

Чаще всего они покупали иностранный товар оптом, но не за наличные деньги, а в долг и расплачивались уже после продажи его в розницу. Кроме того, согласно шариату, купленный товар можно было возвращать в течение трех лет<sup>30</sup>. Все это создавало значительные неудобства для иностранных купцов. Убайдулло-хан, например, для улучшения условий торговли в государстве и увеличения притока иностранных товаров игнорировал постановления шариата. При нем, по свидетельству источника, «защищали индийца и делаали дело не по шариату»<sup>31</sup>. Это начинание было прогрессивным толчком для дальнейшего развития торговли и увеличения поступлений в государственную казну соответствующих доходов.

В индийско-среднеазиатской торговле основным товаром были безусловно дешевые, но хорошего качества ткани. Через Среднюю Азию они попадали также и в Московское государство. Их привозили купцы. Эти товары входили в число некоторых ханских подарков. К середине XVIII в. среднеазиатские, особенно бухарские, купцы стали привозить индийские товары — «хорошья и широкия кисей и другие бумажныя полотно, шелковыя и полушелковыя парчицы» уже в Оренбург<sup>32</sup>.



Меньшее значение имела торговля с Персией. Из Китая вывозили шелковые и хлопчатобумажные ткани, корицу, табак, чай, фарфор и пр. Большое количество китайских товаров бухарские купцы продавали в Московское государство<sup>33</sup>.

Значительное место во внешней торговле занимал обмен с кочевниками. Среднеазиатские купцы поставляли им продукцию городского ремесла, а у них брали главным образом скот, который частично отгоняли во внутренние области Средней Азии, частично же в Сибирь для торговли с русскими купцами.

**Торговые  
и дипломатиче-  
ские отношения  
с Россией**

В рассматриваемый период дипломатические и торговые отношения между Средней Азией и Московским государством расширялись и укреплялись. Эмиры Бухары и владельцы Бадха в течение XVII в. направили в Россию 16 посольств; из Москвы в Бухару было послано 5 посольств<sup>34</sup>.

Послы по большей части выступали в роли купцов.

В этот период становятся чрезвычайно оживленными торговые пути на Волгу и в Сибирь. Центрами сибирской торговли были города Тобольск и Тара. С 30-х годов XVIII в. основным центром торговли становится уже Оренбург (заложенный в 1735 г.).

Из Бухары и Хивы купцы часто ходили на Самару и Казань сухопутным путем. Но эти пути были слишком длинные и опасны. Здесь кочевники особенно часто грабили торговые караваны. Несколько позже купцы стали ходить и на Астрахань. В ней постоянно жили многие выходцы из Средней Азии, они же пускали на свои дворы приезжих бухарских, хивинских и прочих купцов. А в 1681 г. в Астрахани был основан «гостинный двор каменный», и «на том дворе сделали лавки и погребы и построили лавки рядами» для приезжих торговцев<sup>35</sup>.

В Астрахань было два пути: сухопутный и по Каспию. Морской путь был удобнее, выгоднее, безопаснее и отнимал меньше времени. Однако «государевых бус» (больших парусных судов) не хватало для перевозки всех русских и среднеазиатских купцов. Дипломатическая переписка того времени полна жалобами на своеволие корабельного начальства, на нехватку судов и просьбами к московскому правительству увеличить их число<sup>36</sup>.

Преимущества именно такого сообщения между Средней Азией и Московским государством диктовали необходимость дополнительных мероприятий, которые избавили бы купцов и послов от грабительских набегов кочевников. В частности, оживленный обмен мнениями был между хивинскими ханами



и Москвой относительно постройки крепости на берегу Каспия, где русские и среднеазиатские купцы спокойно и безопасно могли бы ждать прихода судов и даже торговать<sup>37</sup>.

**RDF Compressor Free Version** атской торговли этого периода характерно общее увеличение объема торговли и активное участие в ней русских торговцев, иногда подолгу живших в среднеазиатских городах. В этой торговле нередко участвовали крупные русские купцы, посылавшие в Среднюю Азию своих приказчиков.

О значительности русского экспорта в Среднюю Азию свидетельствует возникновение в Бухарском ханстве в это время двух единиц измерения, подогнанных под русский вес. Первая размером в 16 пудов, т. е. 640 фунтов, была создана путем округления бухарского штурвары — «верблюжьего выюка» (625 фунтов), вторая размером в 8 пудов (т. е. 320 фунтов), путем округления одного из бухарских батманов (312,5 фунта). Обе искусственно созданные единицы получили местные названия «манов» или «батманов». Первоначально они употреблялись лишь в торговле с русскими купцами, но постепенно органически вошли в состав местных мер веса и получили самое широкое употребление для чисто местных нужд<sup>38</sup>. Их появление и укрепление убеждают в том, что какую-то немалую часть товаров Московского государства на бухарских рынках продавали именно сами русские торговцы или их приказчики. По свидетельству хивинского посла, ежегодно в Среднюю Азию из России приезжали якобы по 40—50 купцов<sup>39</sup>.

Русские купцы везли в Среднюю Азию главным образом кожи и меха, сукна (в том числе европейские), разнообразную деревянную посуду (ведра, ушаты, блюда, ставцы, сита) и другие деревянные изделия (сундуки, коробки, ларцы), зеркала, различные галантерейные и ювелирные товары (иголки, булавки, наперстки, пуговицы, серьги, бисер), гвозди, писчую бумагу, а также муку и даже шелк<sup>40</sup>. Московское правительство очень интересовалось возможностью получать среднеазиатский шелк-сырец, однако его вывозили в редких случаях и в весьма ограниченном количестве. Он был «заповедным» товаром — вывоз его из Бухары и Хивы был запрещен<sup>41</sup>.

Среднеазиатские купцы везли и на Волгу и в Сибирь главным образом различные хлопчатобумажные ткани, в меньшем количестве полушелковые и шелковые, а также шитые из этих тканей изделия. Пользовались спросом на русских рынках и другие среднеазиатские товары: кожи, бухарские луки, некоторые меха, ковры, «бумага хлопчатая», сушеные фрукты.

Отдельно следует отметить ремень, который пудами вывозили как бухарские купцы, так и подданные Московского государства<sup>42</sup>.

Бухарские купцы часто выступали в роли посредников, доставляя в Россию товары Китая и в меньшей степени Индии и Ирана (китайские ткани, мускус, бадьян, корицу, чай, иногда посуду)<sup>43</sup>.

В XVIII в. в ассортименте товаров торговли Средней Азии с Россией появились драгоценные металлы. Золото и серебро среднеазиатские купцы привозили главным образом в виде индийских, персидских и бухарских монет<sup>44</sup>.

Русское правительство охотно покровительствовало среднеазиатскому импорту и старалось создать для него нормальные условия. Среднеазиатские купцы постепенно получили право торговать во всех городах русского государства. Самой льготной по-прежнему была сибирская торговля: со среднеазиатских купцов здесь взимали пошлину в размере 1/20 всего их товара, тогда как с русских купцов — в два раза больше. Пошлину нередко взимали не деньгами, а товаром же<sup>45</sup>, что было выгодно купцам, так как при взимании пошлин деньгами оценка товаров часто оказывалась выше их рыночной цены. Некоторые товары (например, золото, серебро) пошлинами не облагались. Для привлечения купцов в новые пункты торговли в последних создавались особо льготные условия. Например, в Оренбурге в первые годы торг был совсем беспошлинный, потом была наложена небольшая пошлина, и лишь через десять лет она была повышена до размера сибирской — в 1/20 часть<sup>46</sup>.

Как и в предшествующее столетие, развивалась ханская и царская торговля. Она была в привилегированном положении; ее товары не облагались пошлинами, в ее ассортимент входили «запретные» товары. В этой торговле принимали активное участие не только послы, но и крупные феодалы, а также сами ханы и московские цари.

В первой половине XVIII в. русско-среднеазиатские отношения приобрели новый оттенок. В 1721 г. в Бухару прибыл посол русского царя Флорио Беневени. Ему Петр I поручил разведать о рудных богатствах страны, особенно о золоте, а также выяснить возможности более свободного проникновения русского купечества в Среднюю Азию.

В своих репликациях Флорио Беневени отмечал большие перспективы развития русско-среднеазиатской торговли: «А что касается до товару здешнего, то онаго сыщется довольно; некоторый на Руси годится, а некоторые и далее; а русский товар здесь весьма потребен»<sup>47</sup>. Но вместе с тем он же отмечал, что практически для развития торговли нет необходимых условий.

Феодалные междоусобия и сопутствовавшая им хозяйственная разруха, бессилие хана, грабежи на дорогах не могли не отразиться на внешней торговле, в частности на русско-среднеазиатской, хотя и не пресекали ее полностью. Состояние торговли уступало лишь к самому концу правления Аштарханидской династии.

**Общая характеристика хозяйства** Междоусобные войны и вторжения извне пагубным образом отражались на хозяйстве. Особенно разорялись города, которые захватывали противники. Набеги кочевников и хивинских отрядов носили откровенно грабительский характер. В центре борьбы оказались Балх с его областью и долина Зеравшана. Сельское и городское хозяйство этих территорий было разорено. Население обрекалось на длительный голод. Крестьяне массами бежали в города, бросая свое хозяйство и превращаясь в нищих. Сайидо Насафи писал:

Кипеньем нищих до краев наполнены улицы города,  
Так что и ветерку невозможно пробраться<sup>48</sup>.

Из городов, наиболее часто страдавших от осад и грабежей, население бежало на окраины государства, где было более спокойно.

В середине XVII в. Самаркандская область была еще в цветущем состоянии. А во второй половине столетия там разразился такой страшный голод, что последствия его, по свидетельству источников, сказывались в течение двадцати лет. Многие бежали, оставляя насиженные места.

Во второй половине XVII в. была сильно разорена Балхская область, которую сначала «законно» грабил ее правитель, потом грабили завоеватели-моголы, а затем продолжали разорять воюющие между собой члены династии.

Для характеристики хозяйства этого времени весьма существенны данные источников о том, что уже к концу XVII в. во внутригородской торговле наметился определенный застой. Это отмечал поэт Сайидо Насафи, в старости занявшийся ткачеством:

Веський раз, как я выношу свой товар на базар,  
Мне приходится тащить покупателя за полу и рукав<sup>49</sup>.

Различные источники рисуют картину бедственного состояния, до которого были доведены сельское хозяйство и крупнейшие города Средней Азии в первой половине XVIII в.

По свидетельству Флорно Беневени (1722), все окрестности Бухары были разграблены, и в городе начался неве-



роютный голод. Восставший против хана феодал «ни одну деревню в целости не покинул, все разграбил и утащил. Окромѣ того, город так оскудел провѣянтами и иными запасами, что простой народ принужден был детей своих продавать и тем кормиться, а другие и с голоду померли»<sup>50</sup>. По свидетельству Мухаммад Якуба «в течение семилетних беспрерывных набегов [кочевники] разоряли земледельческие районы, расположенные между Самаркандом и Бухарой. В Мавераннахре наступил [небывалый] голод... повсюду люди, покинув родные места, разбрелись в разные стороны. В Бухаре осталось два гузара жителей; в Самарканде ни одной живой души не осталось»<sup>51</sup>.

В первой половине XVIII в. из всех мест более всего пострадала Самаркандская область, и особенно Самарканд, почти совершенно опустевший. Небольшое число жителей осталось лишь в цитадели<sup>52</sup>.

Междоусобные войны, разбойничьи нападения и грабежи на дорогах весьма затрудняли также межгородскую и внешнюю торговлю.

Следует, однако, отметить, что некоторые области и города, не ставшие ареной постоянных междоусобий, не только не пострадали, но даже достигли известного процветания. Особенно это относится к второстепенным и окраинным городам, население которых увеличилось за счет бежавших из центра. Их рост, начавшийся именно в рассматриваемое время, стал особенно отчетливым во второй половине XVIII в., когда многие из второстепенных в прошлом городов стали крупнейшими ремесленно-торговыми центрами Средней Азии<sup>53</sup>.

**Феодалная  
земельная  
собственность**

В XVII—XVIII вв. обработанная земля по праву феодалной собственности, как и в XVI в., делилась на те же пять категорий: земли государственные, частнособственнические, милковые феодалные, милковые крестьянские и вакуфные. Однако удельный вес каждой категории изменился: уменьшился контингент государственных и милковых земель, заметно увеличилось число земель частнособственнических. Их рост — наиболее характерный процесс для этого времени. Новые массивы частнособственнических земель возникали путем «распадения» феодалных милков на земли государственные и частнособственнические или же путем купли-продажи и дарения государственных земель. В первом случае милковая земля делилась на две части: две трети ее становились государственными, а одна треть частнособственнической (милки холис, милки хурр-и холис). Этот раздел милковой земли между ее совладельцами — частными лицами и государством — оформлялся особым документом в канцеляриях ка-



зиев. Во втором случае продажа государственной земли оформлялась как двойной акт: государственная земля как бы превращалась в условную милковую, которая как бы делилась между покупателями и государством. Такая форма явно свидетельствовала о том, что превращение государственной земли в частнособственническую путем купли-продажи еще не стало к тому времени типичным явлением и поэтому требовало юридических ухищрений. Земельные подарки оформлялись совершенно так же, как продажа государственной земли. Только вместо реальной цены в документе называлась какая-нибудь условная цифра или чаще предмет (например, Корзи). В эпоху междоусобий и феодального самовластия такое оформление было прочнее, чем ханский указ о подарке.

Увеличение размеров частнособственнических земель за счет государственных и милковых означало сокращение размеров налога-ренты в пользу государства. Этому процессу сопутствовало настолько широкое и повсеместное развитие условных земельных пожалований за службу, что земельные доходы центральной власти сводились до минимума. Это обстоятельство еще в XVII в. отметили русские послы в Бухаре братья Пазухины: «А денежные казны в их государствах в казне у царей мало, потому что росписаны все деревни на жалование ратным и всяких чинов людям»<sup>54</sup>.

Убайдулло-хан пытался изменить и упорядочить землевладение и землепользование. Особое внимание было обращено на те милковые земли, собственники которых обладали «обельными» грамотами, т. е. не вносили в казну поземельных налогов. В частности, были лишены налогового иммунитета крупнейшие земельные собственники Средней Азии — джуйбарские ходжи. По свидетельству источника, «на их исконные наследственные милковые земли выдавали бераты и взымали с них поборы, а людей, уполномоченных этими великими ходжами, заключали в тюрьму и в оковы»<sup>55</sup>.

В источнике сообщается также о том, что группа придворных и финансовых чиновников «завладела на основании указа землями и таихо узбеков»<sup>56</sup>. Под узбеками здесь подразумевались эмиры и военачальники кочевых племен, т. е. те феодалы и зависимые от них лица, которые и были главными политическими противниками центральной власти. Это следует рассматривать как начало серьезного экономического наступления Убайдулло-хана на своих противников. Он рассчитывал усилить экономически своих союзников по борьбе с феодалами-узбеками; экономически ослабить военачальников — опору своих противников и обострить борьбу между двумя группами феодалов; казна же при этом получала значительные суммы денег.

В XVII—XVIII вв. государственная доля ренты в милковых землях повсеместно раздавалась на разных основаниях. В одних случаях она передавалась собственнику милковой земли, так что в его руках оказывалась вся рента с этой земли. В данном случае милковая земля «обелялась», т. е. освобождалась от налога-ренты в пользу государства. «Обеление» было с [PDF Compressor Free Version](#) вознаграждения за службу, своего рода «жалованьем», причем размеры таких пожалований за определенный вид службы были освящены временем и традицией<sup>57</sup>. В других случаях государственные доли милковых земель передавали посторонним лицам в вознаграждение за службу. Весьма существенно, что жалованному лицу при этом могла быть передана лишь определенная часть ренты-налога с милковых земель. В итоге получалось, что эта рента оказывалась в руках нескольких частных лиц, но на разных основаниях.

Обращает внимание, что милковые земли в юридических документах этого времени описывались обычно иначе, чем в XVI в. В юридической номенклатуре закреплялись новые слова и термины, более точно определявшие милковые земли с точки зрения размеров феодальной ренты, причем само слово «милк» иногда даже опускалось. Например, при купле-продаже обычного вида милковой земли, с которой собственнику-феодалу причиталась рента в размере десятой доли урожая, в XVI в. писали просто «милковая земля». В рассматриваемый же период такое определение уже не считалось достаточным. В юридических документах XVII—XVIII вв. фигурируют такие определения этого обычного феодального милка: «милковая десятина» такой-то местности; «десятина» такой-то местности; земля «с ее десятиной», земля «милковая, десятинная», «десятинный милк», «милк, имеющий десятину», и т. п. Все эти определения фиксируют внимание именно на размерах земельной ренты. Это обстоятельство весьма убедительно говорит о сложности взаимоотношений совладельцев милковых земель, получающих права на разные доли феодальной ренты. Только очень большая сложность «совладения» и могла породить необходимость новых определений при фиксации гражданских сделок, которые исключали бы разные толкования относительно объекта купли-продажи. Сама земля в этих определениях отходила на второй план, а на первом оказывалась доля ренты.

Еще одно характерное явление этого времени — дальнейшая концентрация земли (частнособственнической и милковой) в руках крупных феодалов, приводившая к разорению и исчезновению мелких и средних собственников милковых земель<sup>58</sup>. Этот процесс зашел так далеко, что некоторые крупные феодалы, сконцентрировав свою земельную собственность

в одном месте, становились абсолютными хозяевами целых районов. Из документов видно, что крупные феодалы любыми средствами, нередко в обход законов прикупали к своему массиву участки, принадлежавшие другим лицам. Им удавалось присоединить даже вакуфные земли.

**Феодалы** **PDF Compressor Free Version** **с**матриваемого периода характерна **центральная власть** перегруппировка внутри класса феодалов. На первые места стала выходить знать узбекских племен. Если в XVI в. лишь отдельные представители племенной знати выдвинулись при дворе Шайбанидов, то при Аштарханидах именно племенная знать и в экономическом и в политическом отношении заняла в государстве господствующее место.

В основе этой перегруппировки лежали экономические причины. По документам можно проследить, что с XVI в. начался постепенный процесс сосредоточения в руках племенной знати земельных и прочих богатств, скупленных, награбленных и полученных в качестве пожалования от центральной власти. При Аштарханидах этот процесс усилился. Эмиры часто владели огромным количеством земли. Например, Ялангуш-бий владел огромными земельными массивами преимущественно в Самаркандской области. Огромные доходы (в основном от земли) позволяли ему снаряжать большое войско для дальних походов, строить великолепные архитектурные сооружения и т. п. Такими же крупными земельными собственниками были Аллоберды-бий и его сын Аллоёр-бий. Их земли были собраны путем систематической и планомерной скупки, обмена и сплошным массивом располагались главным образом в Шавдорском тумене Самаркандской области<sup>59</sup>. При этом племенная знать эксплуатировала не только крестьянство (сидевшее на ее собственных или жалованных землях), но и рядовых членов своего племени. Представители знати завладевали лучшими пастбищами, эксплуатировали кочевников, возлагая на них вынас и уход за стадами, переработку продуктов скотоводства. Начавшийся в XVI в. процесс оседания беднейшей части кочевых узбекских племен в XVII—XVIII вв. продолжался, вероятно, более интенсивно. Оседавшие кочевники попадали в еще большую зависимость и кабалу от племенной знати, особенно если получали от нее помощь для орошения необработанных земель.

В первой половине XVIII в., когда междоусобия достигли крайней степени, племенная знать, очевидно, немало поживилась за счет вакуфных имуществ. Не случайно позже, в конце XVIII в., в пору постепенного усиления центральной власти было предпринято возобновление утраченных вакфов и сплошное обновление документации.



Различные представители племенной знати потеснили также старую чиновную знать и звали многие высокие посты в государстве. Это сопровождалось получением определенных экономических выгод и привилегий.

Особенно большой простор самовластию и всяким экономическим и административным злоупотреблениям открывала должность правителя области. В XVI в. области, как правило, были уделами членов династии. В рассматриваемое время области являлись «юртом» того или иного племени; племя не только размещалось на территории этой области, но и «кормилось» в значительной степени за счет ее коренного, оседлого населения. Племенная знать и рядовые воины получали в этой области «станхо» — право собирать с государственных и милковых земель ренту-налог в свою пользу. Правителями областей-юртов назначались эмиры обычно из того племени, чьим юртом была область. Такое положение делало эмира особенно могущественным. Попытки же назначать правителями юртов эмиров из других племен обычно вели лишь к новым междоусобным войнам. Богатство позволяло эмирам держать постоянные отряды. В случае нужды они всегда могли поднять свое племя. Это превращало их в такую военно-политическую силу, которая становилась угрозой центральной власти.

При Аштарханидах все более сокращались доходы казны из-за уменьшения размеров государственных и милковых земель (продажа первых и раздел вторых) и чрезвычайно развитой системы пожалований за военную и гражданскую службу. К тому же во второй половине XVII в. и особенно в первой половине XVIII в. дальнейшее разорение крестьянского хозяйства еще более сокращало поступление ренты и исключало возможность ее увеличения. В результате основным источником доходов казны стали город, торговля, монетный двор, отчасти эксплуатация рудников, но и эти источники дохода также сокращались. Не случайно Аштарханиды часто прибегали к крупным займам у богатых горожан. По свидетельству «Убайдулло-нома», в начале XVIII в. долг казны по займам был столь велик, что ее доходов уже не хватало на его покрытие, так что «путь займов тоже сузился»<sup>60</sup>. В этой связи понятно, что Аштарханиды максимум доходов пытались извлекать из монетного чекана. Динамика порчи серебряных монет при Аштарханидах как нельзя лучше отражает общее состояние казны и нарастание финансового кризиса. В первой половине XVII в., когда центральной власти все же удавалось сдерживать сепаратизм феодалов, монеты портились неоднократно, но понемногу: каждый раз проба снижалась всего на 5—10%. Во второй половине столетия, когда междоусобные войны потребовали напряжения



PDF Compressor Free Version

всех средств, с монетами опять производили не менее радикальные операции; проба была резко снижена, в монетах оказалось всего 35, 25 и даже 22,5% серебра. А когда междоусобия достигли своего апогея и хозяйство многих областей было разорено, а доходы казны совсем сократились, Убайдулло-хан понял, что борьба с богатыми и сильными эмирами невозможна без укрепления финансовой основы центральной власти. Обычный путь — прямое увеличение поземельных и городских налогов — был исключен, ибо грозил народными волнениями. Как уже отмечалось, значительная часть государственной и даже милковой земли уже была пожалована в условное владение за службу, так что доходы в казну не поступали. Это прекрасно понимали финансовые чиновники Убайдулло-хана. Необходимо было найти новые пути и способы. Первым в их ряду оказалась денежная реформа 1708 г.<sup>61</sup>.

Основная предреформенная монета — теньга — содержала 35% серебра, т. е. была уже достаточно низкопробной. Согласно указу, в основу обращения была положена новая теньга, содержание серебра в которой было уменьшено в четыре раза по сравнению со старой. Монета эта вовсе не походила на серебряную, так как серебра в ней было не более 9%. Тем не менее оба вида монет — с 35 и с 9% серебра — были приравнены друг другу. Необходимо отметить, что осуществить реформу в такой форме не удалось, сопротивление всех городских слоев заставило Убайдулло-хана пойти на компромисс и декретировать новое соотношение, когда одна теньга с 35% серебра была приравнена не к одной, а к двум теньгам с 9% серебра. Тем не менее даже в таком урезанном виде реформа должна была принести казне значительные доходы. Однако расходы продолжали их превышать. Так, государственной казны не хватало на содержание большой постоянной армии. Сбор ополчения также требовал огромных средств, которыми казна обычно не располагала. Такое положение весьма беспокоило, в частности Убайдулло-хана, пытавшегося проводить централизаторскую политику. Одним из мотивов его денежной реформы 1708 г. было желание иметь в казне резерв именно на случай внезапного сбора ополчения<sup>62</sup>.

Немаловажным источником доходов стала продажа «подарков». От ханских подарков нельзя было отказаться, но за них приходилось платить. По свидетельству источника, подаренную государем вещь оценивали завышенно. «С подарками, которые государь жаловал своим слугам, [Мехтар Шафи' поступал так]: „ту вещь, которая стоила десять тенег, он, оценив ее в сто тенег, отдавал за эту сумму“. Несчастливым узбекам не стало мочи дышать...»<sup>63</sup>. Таким способом Убай-

дулло-хан старался выкачивать деньги преимущественно у своих политических противников — у узбекской племенной знати.

Экономическая слабость центральной власти определяла и ее военную слабость. Эмиры становились могущественнее ханов. Последние не имели сил для пресечения сепаратистских тенденций эмиров и постепенно попадали к ним в зависимость. К тому же без помощи эмиров ханы не могли бороться и с внешним врагом.

Усилению независимости эмиров способствовало получение прав на управление теми областями, где жило их племя. Со второй половины XVII и особенно в первой половине XVIII в. это стало правилом. В конце концов области — уделы племен, управляемые собственной знатью, превращались в совершенно независимые и самостоятельные владения.

Однако класс феодалов не был единым. Если всех феодалов объединяла общая цель — эксплуатация и подавление сопротивления трудящихся, то в остальном интересы их разных групп далеко не совпадали. В то время как племенная знать была заинтересована в ослаблении центральной власти, другая группа — средние и крупные земельные собственники, старая знать и чиновничество, наоборот, были заинтересованы в ее укреплении, так как междоусобные войны разоряли их хозяйства и сокращали их доходы. Кроме того, эта группа феодалов экономически была теснейшим образом связана также с городами и торговлей. Феодалы были собственниками лавок, торговых рядов, караван-сараяв, мастерских, домов. Они эксплуатировали непосредственного производителя в городе так же, как и в деревне. Они участвовали во внутригородской и внешней торговле. Взятие же городов сопровождалось грабежами и погромами; караванная торговля лишалась необходимой безопасности; обмен между городом и деревней часто бывал затруднен или невозможен.

Источники этого времени свидетельствуют, что обе группы феодалов, прекрасно понимая различие своих интересов, враждовали и боролись друг с другом. На данном этапе сильнее оказалась племенная знать.

Духовенство тоже было заинтересовано в усилении центральной власти. Духовные феодалы ничем не отличались от светских: они владели землями, городскими постройками и также экономически несли урон от междоусобий. Поэтому часто духовенство открыто выступало против феодалов-сепаратистов. Так, например, в 1709 г. группа эмиров ультимативно потребовала от хана убрать неудобного им правителя Самарканда. Один из крупных представителей духовенства предлагал хану свое содействие в борьбе против мятежных эмиров. Летописец влагает в его уста следующие слова:

«...я сделаю распоряжение всем ходжам, сейидам, всем ремесленникам и обитателям этой области, чтобы они в короткое время прихлопнули это упорное сословие камнями и палками»<sup>64</sup>.

PDF Compressor Free Version

Вместе с тем духовным феодалам в борьбе за сохранение и умножение своих богатств приходилось проявлять большую гибкость и изобретательность. Разные представители узбекской племенной знати часто покушались на земельные богатства и привилегии духовных феодалов, а центральная власть не всегда могла и хотела защищать последних, поэтому они прибегали и к подкупам и к убийствам. В этом смысле весьма показательна деятельность джуйбарских ходжей, которые в рассматриваемый период, несмотря на сильный натиск узбекской военно-племенной знати, все же сохранили и даже увеличили свою земельную собственность, хотя нередко терпели также поражения и убытки<sup>65</sup>.

Нельзя также не учитывать того, что огромные богатства племенной знати позволяли ей задабривать духовенство — производить соответствующие пожертвования, строить богоугодные заведения, обеспечивать их вакуфным имуществом.

Сложность обстановки приводила к тому, что часть духовенства занимала не только примиренческие позиции, но иногда даже открыто примыкала к сильной партии и боролась уже против центральной власти<sup>66</sup>. Не случайно поэтому, что и центральная власть изредка наступала на некоторые привилегии духовных феодалов.

<p><b>Дехканство и феодальная земельная рента</b></p>	<p>В источниках крестьяне по-прежнему делятся на арендаторов и сельчан. В этом смысле особенно интересны два документа XVII в. В одном из них (правление Имом-Кули-хана, 1611—1642) говорится о собственнике многих милковых участков земли в Ташкентской области. Ему была пожалована государственная доля феодальной ренты с этих же земель и сказано, что «отные корандахо и риойё» этих милковых земель должны все налоги вносить упомянутому лицу. При перечислении отдельных участков указано, что на некоторых сидят риойё, относительно же других этой оговорки нет<sup>67</sup>. Очевидно, именно этими участками пользовались корандахо (арендаторы). В обоих случаях речь идет о пахотных землях. Следовательно, под риойё подразумевались крестьяне, положение которых было несколько отлично от положения арендаторов. Эти обстоятельства поясняет другой документ — 1686 г., в котором названы куравихо (т. е. жители карьё — деревни, сельчане) и корандагон — арендаторы<sup>68</sup>. Эти же две группы существовали, видимо, и в середине XVIII в. По словам купца Николая Григорьева, ему за долги досталось несколько деревень; причем в одних случаях его землю обра-</p>
---	--



батывали жители деревни, в других — он вынужден был сдавать ее в аренду из доли урожая<sup>69</sup>.

Положение сельчан было лучше положения арендаторов уже потому, что землями своей деревни они пользовались бессрочно, тогда как сроки аренды нередко были весьма короткими.

Однако следует отметить, что в рассматриваемое время, несомненно, шел интенсивный процесс изживания общинных традиций, перекраивания земель, принадлежавших карьё, и превращения карьё в административные единицы. Так, в одном из сочинений конца XVIII в. «Собрание цифр», сказано: «Если площадь селения достигает четырехсот танабов и упомянутые площади заселены, это селение называют карьё; если же в нем триста танабов или меньше того, его называют *мазра* независимо от того, заселено оно или нет»<sup>70</sup>.

В предшествующее время территории карьё были различны, подчас очень большие. Для XVI в. известны, например, карьё, земельная площадь которых была тысяча и более танабов. Следовательно, к концу XVIII в. уже завершился давно начавшийся процесс превращения карьё из общины в административно-хозяйственную единицу, причем размер карьё значительно уменьшался. Этот факт указывает на то, что после разложения общины земли, числившиеся за крестьянами этой деревни, стали отчуждаться.

Под *мазра* подразумевалось не только пахотное поле, но и административная единица, которая обрабатывалась арендаторами — *корандахо*. При этом последние могли жить тут же, а могли приходить из другого места. *Мазра* была не частью карьё, а сосуществовала с ней. Этот процесс протекал в центральных областях государства Аштарханидов. Нечто аналогичное происходило также в равнинных и горных районах юго-восточного Таджикистана и Памира. Известно, что здесь были общинные земли (земли общего пользования) и наследственное крестьянское владение. Но феодалы различными путями пытались завладеть этими землями<sup>71</sup>.

Основная часть земельной ренты-налога по-прежнему чаще всего именовалась *молу джихатом*, иногда *хароджем* или выражением «мол из одной и двух десятых». Такая же рента-налог с садов, виноградников, клеверников чаще обозначалась словом *танабона*. Государственная доля ренты с милковых земель иногда называлась *милкона*. Официальный размер основной части земельной ренты, судя по документам этого времени, оставался таким же, как и при Шайбонидах. Крестьяне-сельчане выплачивали феодальным земельным собственникам (государству и частным лицам) три десятых урожая. Но практически с них взимали значительно больше. В этом отношении интересно свидетельство Малехо: «Субхон-



кули-хан во всей своей державе, особенно в Самарканде, каждый год брал налоги в семикратном размере. Если кому-нибудь надо было уплатить одну таягу, с него брали семь. Да еще во много раз больше перепадало чиновникам дивана и помещикам. А с милковых земель налог, называвшийся «мульчоназ», был так велик, что владельцы этих земель отдавали их даром, но никто их не брал»<sup>72</sup>. К началу XVIII в. в обстановке хозяйственной разрухи налоги достигли таких размеров, что дальнейшее их увеличение грозило общенародным восстанием. Так, Убайдулло-хан, несмотря на крайнюю нужду в деньгах, уже не рискнул прибегнуть к этому испытанному приему.

Кроме постоянных налогов и повинностей существовало много экстраординарных и тем самым особенно обременительных налогов, причем одни распределялись на области или на государство в целом, другие даже на отдельные деревни. Широко практиковалась раздача *хавола* или *бератъа*, нечто вроде пожалований самого различного содержания (например, сбор в свою пользу денежных или натуральных налогов). Система сбора налогов создавала большой простор для злоупотреблений, ибо слишком много лиц были причастны к этому на разных правах и основаниях.

Размеры отработочной ренты также были велики. Существовало несколько видов отработки (хашару-бигар, джувтигав, мардикор)<sup>73</sup>. Очень важно, что крестьяне, сидевшие на частнособственнических, милковых или на разного рода жалованных и обеленных землях, от отработок не освобождались, только отработавать они обязаны были уже не государству, а частным лицам. Об этом свидетельствуют акты об обелении земель.

Но особенно красноречив один факт, приведенный в «Убайдулло-нома». Убайдулло-хан очень спешил с постройкой сада и дворца. «Когда эмиры увидели такое устремление благородных мыслей государя мира, то каждый из них исполнил долг службы, приведя работников из местностей, являвшихся их собственными именьями»<sup>74</sup>. Положение крестьян при Аштарханидах значительно ухудшилось по сравнению с предыдущим периодом.

**Обострение** Усиление феодальной эксплуатации, рост классовой борьбы налогов, разорение хозяйства от постоянных междоусобий и грабительских набегов извне, рост цен на продукты и голодовки чрезвычайно обострили классовые противоречия. Наиболее дальновидные из ханских чиновников понимали, что народное недовольство достигло предела. Не случайно, например, один из опытных финансовых чиновников Убайдулло-хана, несмотря на крайние денежные затруднения, не рекомендовал увеличивать прямые налоги на

трудящихся города и деревни, ибо это, по его мнению, «явится причиною отвращения их сердец [от высшей власти], породит опустошение областей и городов»<sup>75</sup>.

Борьба народа против эксплуатации и разорения выливалась в разные формы. Так как основным бедствием того времени были феодальные разбои, выступления народа часто бывали направлены против феодалов-сепаратистов, в поддержку центральной власти. Поэтому в ряде случаев народ выступал во временном союзе с некоторыми слоями господствующих классов против общего врага — вотчинников-сепаратистов. Источники весьма глухо и обычно лишь попутно упоминают о народных выступлениях. Но даже из этих беглых замечаний видно, что центрами народных выступлений были Бухара, Самарканд, Гиссар и другие города. Однако в городских восстаниях нередко самое деятельное участие принимали крестьяне, бежавшие в города от разорения и разбоя.

Классовая борьба особенно обострилась в первой половине XVIII в. (в 1703 г. в Гиссаре, в 1708, 1709 и 1713—1714 гг. в Бухаре, в 1713 г. в Самарканде, в 1719 г. в Балхе и Бухаре, в 1740 г. в Ташкенте, в 1746 г. в центральной части Бухарского ханства).

Толчком для народного выступления в Гиссаре в 1703 г. послужили феодальные распри. Вот как рисует эти события летописец<sup>76</sup>. Территорией Гиссара владело узбекское племя юз. В одной из крепостей обосновался некий Уткан, личный враг бухарского атакыка Мухаммад Рахим-бия. Последний заставил хана санкционировать поход на Гиссар и возглавил бухарскую армию. Однако взять крепость бухарцам не удалось. Мирное население Гиссара и прилегающих районов слишком хорошо предвидело неизбежность затяжной феодальной войны. Представители городского населения обратились к Мухаммад Рахим-бию с просьбой обеспечить для мирных жителей безопасность и спокойствие.

Бухарские эмиры отказали уполномоченным, а те продолжали настаивать. Дошло до того, что один из бухарцев обнажил шашку и бросился на уполномоченных. Это переполнило чашу терпения. Горожане «схватили камни и палки». Восставшие изгнали бухарцев, разгромив их лагерь. Даже придворный летописец не скрыл, что бухарское войско бежало в смутении, страхе и ужасе. Это свидетельствует о силе, размахе и массовости восстания, несмотря на то что повстанцы были вооружены только камнями и палками, бухарцы же имели огнестрельное оружие.

Гиссарское восстание 1703 г. — одно из крупнейших стихийных выступлений горожан против зачинщиков феодальных войн, несущих бедствия.

Несколько другого характера было городское восстание 1708 г. в Бухаре. Поводом послужило введение уже упоминавшейся денежной реформы Убайдулло-хана. Реформа задевала интересы всех слоев городского общества, включая и верхушку, поэтому все они выступили против нее. Недовольство было направлено главным образом против хана и его финансового ведомства.

Выступление состоятельной группы городского общества, связанной с ремеслом и торговлей, вылилось в форму пассивного сопротивления. «Участники купеческих компаний, промышленники и все, связанные с ремеслом и базаром, заколотили досками свои лавки; прекратив [всякие] торговые операции, они унесли с базаров сундуки с товарами и пищевыми продуктами; простонародье и беднота оказались в бедственном положении, лишившись ежедневного пропитания, отдавая богу душу, они не находили даже материи себе на саван». Толпы народа, преимущественно бедноты, собравшись у дворца хана, а потом у дома аталыка, сначала смиренно просили о помощи и справедливости, потом начали требовать и, наконец, стали кричать и громить камнями ворота арка.

Несмотря на то что это массовое восстание бедноты было подавлено и зачинщики повешены, оно напугало хана и его приближенных. Хан вынужден был значительно изменить содержание реформы<sup>77</sup>.

В 1709 г., во время пребывания хана в Самарканде, там произошло столкновение между военачальниками двух узбекских племен, разгорелась вражда между эмирами. Группа влиятельных эмиров потребовала отставки назначенного ханом правителя Самарканда и демонстративно не явилась на прием. Хан заподозрил существование заговора против себя. Все это стало известно в столице. Испуганный бухарский наместник вызвал в город войско кочевников. Горожане решили, что он готовит государственный переворот. Дальнейшие события историк описывает так: «Видя палатки кочевников на улицах города, городские старшины тоже обважили оружие и приказали охранять башни и укрепить крепости, а охрану ворот поручили бдительным часовым. Жители деревень при виде этого тоже испугались и стали с семьями переселяться в город. Жителям Бухары пришлось испытать ужасное смятение... Чернь и подонки общества воспользовались этим должжданным случаем и стали грабить имущество [богатых] мусульман. Чтобы увеличить испуг жителей, эти лжецы распустили слух, якобы к Бухаре приближаются ургенчцы. Это удвоило смятение в городе, а они, пользуясь им, творили свои дела»<sup>78</sup>.



Даже из этого тенденциозного описания видно, что среди участников движения в Бухаре не было единства интересов. Городская верхушка взяла в свои руки защиту города. На первых порах общая опасность объединила все слои общества.

Однако по мере развития событий в движении выделилось наиболее левое, прогрессивное крыло. Те, кого придворный источник называет «чернью» и «подонками общества», выступили против городской верхушки и начали громить дома богатей.

Можно полагать, что городская беднота защищала свои классовые интересы.

Все слои городского общества, как правило, поддерживали хана против феодалов-вотчинников. Например, в Бухаре при Абулфайзе в 1719 г. группа влиятельных феодалов с большим отрядом пыталась овладеть бухарским арком и совершить переворот. Хану удалось одержать победу и сохранить престол лишь благодаря помощи народа, который построил на улицах заграждения и перебил отряд противников<sup>79</sup>.

Таким образом, народные массы Аштарханидского государства продолжали активно выступать против гнета и произвола феодалов.

### ФИЛОСОФИЯ, ЛИТЕРАТУРА И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

**Философия** Мусульманские теологи XVII в. также всячески глушили проявление живой мысли и отвлекали внимание людей от социальной борьбы. Они оправдывали общественное неравенство и эксплуатацию, утверждая, что подниматься выше своего сословия грешно, так как это разделение установлено богом.

Однако классовая борьба не прекращалась. В области общественной мысли она находила отражение в борьбе реакционного духовенства, придворных писателей и поэтов, защищавших интересы господствующих классов, и прогрессивных мыслителей, защищавших интересы народа и выступавших против феодальных порядков.

В этот период широкое распространение получают произведения этического характера, в которых говорится, что терпение, умеренность, помощь и дружественное расположение, человечность, щедрость, мягкость, благородство, богопочитание, кротость и другие этические категории являются основами мусульманской нравственности.

Большое распространение в рассматриваемый период получает и суфийская литература<sup>80</sup>. Суфийские теоретики



особенно подчеркивают, что суфизм не противоречит исламу и целиком отвечает его требованиям.

Наиболее крупным представителем суфизма первой половины XVII в. был *Юсуф Карабах Мухаммад Шахи* (ум. в 1645 г.). Он был представителем ордена Кубравийя. В своих сочинениях, в частности в произведении «Семь расвет» («Хафт бихишт»), пытается доказать существование скрытых физических и душевных сил человека, высказывает ряд интересных мыслей о взаимоотношении возможности и действительности в духе пантеизма.

Такие прогрессивные деятели культуры этого периода, как *Бинои, Восифи, Хилоли, Сайидо Насафи* и др., в своих трудах отражали главным образом интересы трудового народа, его протест и ненависть к феодалам-эксплуататорам.

Самым выдающимся мыслителем этого периода был *Мирзо Абдулходир Бедиль* (1644—1721), живший в Индии. Свои философские взгляды он изложил в произведениях «Четыре элемента» («Чахор унсур»), «Познание» («Ирфон»), «Остроты» («Нухот»), в стихотворном девоне «Касиды».

Философские взгляды Бедилья очень сложны и противоречивы. Он стремился эклектически соединить разнородные, противоречивые воззрения индуизма, восточных перипатетиков, Платона, Аристотеля и суфизма. Бедиль утверждал, что мир не имеет ни начала, ни конца, что смерть одной сущности является началом жизни другой. Так же как его многочисленные предшественники, Бедиль признавал основой всего сущего воздух, содержащий частицы воды, земли и огня; последние же, соединившись и разъединившись, образуют якобы все тела в мире.

Решая основной вопрос философии идеалистически, Бедиль дополняет его нередко такими оговорками и отступлениями, которые в некоторых случаях приближали его к порогу материализма.

В основе его теории лежала идея познания человеком окружающего его материального мира с помощью науки. Обращаясь к человеку, Бедиль писал: «Не вдали в небесах ты постигнешь науку наук. Путь к познанию — здесь, на земле, где живет человек. Среди людей ты дойдешь до высот совершенства, уверишься в том, что небесное царство и пари — это мечта, а не быль. Через знание придет к тебе вера в то, что превыше всего есть человек, полный силы, могучий, покоряющий все на земле»<sup>61</sup>. Он считал, что

В ком светильник науки зажжен,  
Вовеки не постигнет его печаль смерти ...  
И хотя каждый лес — это волшебство,  
Лес науки и совершенства — это пророчество<sup>62</sup>.

Однако, по мнению Бедия, человек не сможет достичь совершенства в науке, если он не станет философом (хакимом), так как понять сущность вопроса о соотношении души и тела могут только философы. Он писал:

Вот в чем философия, если познать,  
Одно отношение души к телу ...  
Кто бы ты ни был, ученый или философ,  
Перед знанием [твоим] я преклоняюсь<sup>22</sup>.

В социально-экономических работах Бедия было немало прогрессивных для того времени мыслей. Он подвергал резкой критике современную ему действительность, порядки, господствовавшие в империи Великих моголов, жестокости и насилия, протестовал против религиозных догм и антигуманизма духовенства.

Бедиль жил в эпоху, когда было опасно высказывать прогрессивные, гуманистические идеи. Поэтому он вынужден был облекать свои мысли в теологическую форму.

Следует отметить, что творчество Бедия оказало большое влияние на последующее развитие таджикской общественно-политической и философской мысли. Прогрессивные поэты и мыслители воспринимали у Бедия преимущественно идейное содержание и развивали мотивы социального протеста против деспотизма и религиозного ханжества. Другие же поэты и мыслители, в основном придворные, заимствовали у него только сложную поэтическую форму изложения.

В первой половине XVII в. религиозная и политическая вражда между Ираном и Мавераннахром несколько утихла и культурные связи были в какой-то мере восстановлены. В Мавераннахре снова оживила литературная жизнь. Особенно заметным это оживление становится с 40-х годов XVII в.

Автор «Музокир ул-Асхоб» («Напоминающий о друзьях») называет имена 114 поэтов только в Мавераннахре, причем почти со всеми из них он встречался лично. Среди них было немало поэтов, снискавших большую известность своими стихами (Вали, Коли Лутфулло Шокир, Мулло Обид Мумтоз, Мулло Мухаммад Амин Сарафоз, Муниб Бухорои, Мир Мухаммад Шариф, Мулхам Бухорои, Мулло Мухаммадшоҳ Вавбар, Наими Бухорои, Коли Носир, Ходжа Соми Содот, Сайидо Насафи, Хитрат Зардуз Самарканди, Ходжи Бахром и Шавкат).

Поэты передовых литературных кругов добились больших успехов. Из среды ремесленников и мелких торговцев выдвинулся ряд выдающихся представителей художественной литературы, например: рукавичник Мухаммад Амин Сарафоз, каллиграф Мулло Обид Мумтоз, ткач Сайидо Насафи, пала-

точник Мулхам Бухорои, позументшик Фитрат Самарканди, кузнец Масехо Самарканди. Из среды бедняков происходил Кур Кабо, называвший себя учеником Сайидо Насафи. Кроме того, некоторые поэты были студентами мадраса, не мирившимися с несправедливостями эмиров и их приближенных.

Таджикская литература XVII в. в основном обязана своими достижениями поэтам — представителям средних городских слоев.

Придворный круг поэтов также сильно вырос за это время. При Имом-Кули-хане вокруг двора сгруппировались такие поэты, как Мулло Нахли, Мулло Якто Катли, Ягона, Хасанбек Рафе, Ходжи Собир. В царствование Абдулазиз-хана число поэтов ханского двора, по свидетельству «Музокир ул-Асхоб» и «Тазкирани Насрободи», было более 30. Кроме того, в двух центрах Аштарханидской державы<sup>84</sup> были также поэты, которые, хотя и не жили при дворе, а занимались, например, ремеслом, все же (из-за материальной нужды или чтобы заручиться покровительством властей) иногда писали касыды в честь ханов. Однако пышная придворная поэзия в целом не способствовала развитию передового направления в литературной жизни того времени, так как двор ценил лишь панегиристов, описцев, не способных создать подлинно художественные произведения. Поэтому кратковременному расцвету придворной литературы пришел конец уже в восьмидесятых годах XVII в., т. е. после восшествия на престол Субхон-Кули-хана, при котором гнет и разорение народа достигли крайних пределов. Культурная жизнь при дворе хирела. Такие поэты, как Негматулло Самарканди, Шокир Бухорои, Ходжи Мухаммад Собир, Мулло Зариф, Маджнун Бухорои, Ниёзбек Матлаб и Хайрулло-бек Шамим Бухорои, оставляли свои «придворные службы, избирая себе уделом бедность и одиночество»<sup>85</sup>. Другие эмигрировали в соседние страны. Эмиграция достигла таких больших размеров, что за короткий срок более 15 придворных поэтов, в их числе Джалол Китобдор, Дастур Насафи, Ходжа Соми Содот, Губор, Мулло Мустафид Балхи, Мун'им Бухорои, Мустаид Бухорои, Насим Махрам, Паш'а Ломе Насафи и Мирсаид Джалол<sup>86</sup>, вырвавшись по выражению Малехо «из тесни Мавераннахра», устремились в Индию.

Вместе с тем ухудшение внутреннего положения страны, вызвавшее обострение классовых противоречий и рост народных движений, побуждало к активной деятельности передовых представителей литературы. Появилось много стихов, выражавших протест, ненависть и презрение к правящему классу. Развивается городская литература — передовая литература трудящихся, появляется много нового как в идей-

ном содержании произведений, так и в их форме. Блестящим образцом такой литературы служит творчество Миробида Сайидо Насафи.

**Сайидо Насафи** Сайидо родился в конце первой половины XVII в. в Насафе (ныне Карши). О детстве поэта сведений нет. Однако в одном из его бейтов сказано, что, когда Сайидо был еще ребенком, его семью постигло какое-то несчастье, приведшее к утрате благополучия и к необходимости покинуть Насаф:

Как только я родился, я стал пленником скорби.

Покою, который был у меня на родине, не осталось.

Сайидо начал учиться в Бухаре, которая в то время была единственным научным центром Мавераннахра. В своих стихах поэт упоминает о занятиях философией, моралью, музыкой, риторикой и арузом (метрикой).

По окончании учебы Сайидо не возвратился на родину, а остался навсегда в Бухаре.

Основные произведения Сайидо создал в 70-х годах XVII в. Творческие успехи поэта, простота и народность языка его произведений, высокое художественное мастерство создали ему известность особенно среди трудового народа, с которым поэт был тесно связан в личной жизни. Об этом свидетельствуют его стихи, посвященные ремеслу живописца, пекаря, медника, мясника, труду крестьянина. В этих стихах Сайидо отразил жизнь, чаяния, идеологию трудящихся, в частности ремесленников. Вот почему, по словам Малехо, «стихи его народ лучше знает и больше читает [чем стихи других поэтов]».

Отражая специфику литературной жизни феодального общества, Сайидо указывает, что в его время талантливому человеку невозможно получить признание без поддержки высокопоставленного покровителя (мурабби). Хотя Сайидо и пытался поддерживать отношения с некоторыми аштарханидскими чиновниками, но не мог найти среди них покровителя-мурабби. Поэт, посвятивший свое творчество интересам трудового народа, не мог надеяться на их поддержку. Поэтому Сайидо порвал с ними и стал, как и прежде, рассчитывать только на собственные знания и мастерство:

Не нашлось моему перу пристанища в мире.

Но есть еще у меня опора — острое [моего] языка.

Критика современного поэту общества стала особой темой в творчестве Сайидо. Называя представителей правящего класса тиранами «эслимон», знатью «ахли чох» и поклоняю-



шимся мирскому «дуньёпарастон», он подверг их резкой критике. По его выражению, Мавераннахр под властью Аштарханидов стал «разграбленной деревней».

С состраданием и глубокой скорбью описывая в своих произведениях тяжкую жизнь обреченного на нищету трудящегося люда, разруху, царящую в государстве, поэт обвиняет во всем этом правящие слои. Причину несчастий и обнищания ученых и людей искусства, их вынужденного бегства в соседние страны Сайидо видел в невежестве правящей верхушки. Вот почему Сайидо называл ее представителей совами, сравнивая их с червем, завернувшимся в шелковый кокон, показывая их как людей корыстных и нечестных.

В стихотворениях Сайидо Насафи есть много строк, направленных против отшельников, шейхов и мухтасибов. В этом поэт также шагнул вперед по сравнению со своими предшественниками. Он развил передовые идеи, содержащиеся в произведениях этих мастеров художественного слова. Пользуясь простыми, жизненными сравнениями, народными образами, Сайидо сделал их идеи понятными и близкими угнетенному народу.

Другим выдающимся представителем средневековой таджикской литературы второй половины XVII и первой четверти XVIII в. был *Мирзо Абдулқодир Бедиль*. Его произведения написаны особым стилем. Идеи Бедилья и его стиль (бедилизм) приобрели наибольшее число сторонников именно в Средней Азии, в таджикской и узбекской среде. Но из-за культурной отсталости Бухары и сильного влияния в ней религиозного фанатизма последователи Бедилья наибольшее внимание уделили суфийским мотивам в его стихах. Однако в последующий период бедилизм кроме консервативных эпитетов приобрел также и передовых последователей<sup>87</sup>.

**Архитектура и искусство** В XVII в. были воздвигнуты лучшие и наиболее значительные архитектурные памятники. Однако число их особенно по сравнению с XVI в. невелико. Позднее же из-за феодальных междоусобий, нарастающей разрухи хозяйства, дороговизны, голода и обострения классовой борьбы ничего значительного в области архитектуры уже не было создано.

Весьма показательно, что самые крупные работы в XVII в. были проведены не центральной властью, а видными, влиятельными и богатыми вельможами. Так, один из них, Надир-Девон-биги, развил довольно бурную строительную деятельность. На его средства в Бухаре был завершён крупнейший ансамбль Ляби-хауз: против мадраса Кукалтош были сооружены хауз, хонако и мадраса. Этот же феодал построил в Самарканде мадраса (ныне известную как мадраса Ходжа Ахрора) и мечеть — камазго. Другой сановник, Ялангтуш-

бий, завершил крупнейший из среднеазиатских архитектурных ансамблей на самаркандском Регистане. На месте двух улугбековских построек XV в. здесь были сооружены мадраса Шир-Дор и мадраса-мечеть Тилло-Кори<sup>88</sup>.

С точки зрения развития архитектуры рассматриваемый период вносит мало нового. Опять в центре внимания становится декоративная отделка зданий. Скромное, получившее подчиненное значение декоративное украшение построек предшествующего времени вновь сменяется пышным убором, сплошным ковром, затягивающим стены здания. Здесь явно проступает тенденция возрождения стиля и манеры декорации XV и начала XVI в. Вновь большое место занимают дорогие и трудоемкие мозаики. Широко применяются и все прочие виды отделки фасадов и интерьера. Однако в целом декоративная отделка монументальных построек XVII в. не является простым копированием предшествующих образцов. Декораторы XVII в., стараясь творчески переосмыслить наследие прошлого, кое в чем добились успехов.

Большого совершенства достигли резчики по ганчу. Новые формы сталактитов в сочетании с теми, которые широко использовались ранее, позволили мастерам создать шедевры, изумительные по тонкости и сложности пространственного рисунка. Некоторые плоскости сталактитов покрывались к тому же тончайшей росписью.

В отделке фасадов применялась наборная мозаика, майолика, выкладка глазурованными кирпичиками; внутренние стены расписывались по гладкой алебастровой штукатурке, украшались богатой росписью. В это время значительно чаще, чем в XV—XVI вв., использовались изобразительные мотивы: тигроподобные хищники и ланя, летящие птицы, гусеницы, вазы с цветами и целые пейзажи.

Следует отметить некоторую рационализацию в технике набора самых трудоемких мозаичных работ. Вместе с тем цветовая гамма мозаик заметно ухудшается: желтый и зеленый тона, забывая все остальные, огрубляют рисунок, делают его аляповатым, пестрым.

Надписи на постройках сохранили нам имена среднеазиатских зодчих и декораторов. Лучший из архитектурных памятников XVII в. — мадраса Абдулазиз-хана в Бухаре — соорудил зодчий-бухарец Мухаммад Салих; самаркандец Дуст Мухаммад построил мадраса около могилы Ходжа Ахрора; строителем самаркандского мадраса Шир-Дор был Абдулджаббар.

Творческие искания и инициатива архитекторов XVII в. были ограничены характером заказов: богатые вельможи из знати узбекских племен не жалели денег, чтобы создать постройки, похожие на наиболее пышные памятники, увеко-

вечившие имена ханов и вельмож прошлого. В рамках такого заказа новаторство ограничивалось второстепенными деталями и не приводило к созданию определенного и гармоничного стиля. Не исключено также, что не только грубость вкусов заказчиков, закрывавшая путь творческой мысли, но и сокращение строительства, вызванное хозяйственной разрухой, привело к тому, что многие талантливые архитекторы и декораторы так же, как поэты и художники, покидали государство Аштарханидов.

**Миниатюра и каллиграфия** Искусство оформления книги и каллиграфия в XVII в. стояли все еще на большой высоте. В Самарканде в это время изготовлялась прекрасная бумага. В области миниатюры продолжались традиции бухарско-самаркандской школы предшествующего столетия. Богатая палитра, тонкость рисунка, умелая передача движения, искусство компановки многофигурных композиций — всем этим владели миниатюристы XVII в. Недаром, характеризуя тонкость рисунка, Сайидо Насафи писал про живописца: «Соловьиные ресницы он для кисти раздобыл, дивно тонкому узору чтобы не было вреда». В своей касыде живописцу Сайидо Насафи восклицает:

О наш мастер! Так прекрасны образцы его труда,  
Что китайским живописцам не достичь их никогда!<sup>88</sup>

Сайидо Насафи не преувеличивал. Доказательством этого служат 12 блестящих миниатюр к сочинению Шарафуддина Язди «Зафарнома». Рукопись переписана и иллюстрирована в Самарканде; на одном листе есть дата переписки — 1628 г.<sup>89</sup> На большинстве миниатюр изображены сцены сражений. Миниатюры отличаются яркостью красок, тонким рисунком всех деталей лиц и костюмов, большой динамичностью батальных сцен.

Большой интерес представляет портрет Имом-Кули-хана, написанный художником-миниатюристом Ходжа-Мухаммад Муссавиром<sup>91</sup>.

Замечательными иллюстрациями снабжен научный трактат по анатомии человека, переписанный по распоряжению Субхон-Кули-хана. Шесть иллюстраций выполнены неким Абдулгафуром. На них детальнейшим образом изображены скелет, нервная система и прочие части человеческого тела.

**Наука** Историческая наука представлена несколькими хрониками. Сочинения типа всеобщих историй для этого периода не характерны. Создаются преимущественно труды, целиком или в значительной части посвященные истории Аштарханидов. Некоторые хроники содержат историю даже не всей династии, а лишь некоторых ее представителей. События приводятся в хронологической



последовательности, с большими подробностями. Авторы стремятся сочетать объективное изложение с панегирическими восхвалениями правителя, которому посвящен труд.

Из всех исторических сочинений этого времени наиболее интересна летопись, посвященная царствованию Убайдулло-хана. Ее автор **Мир Мухаммад Амини Бухори**, происходил из среды придворных канцеляристов. Из отдельных его высказываний видно, что он с ненавистью относился к эмирам и знати узбекских племен, считая их зачищниками феодальных войн и междоусобий. Автор — сторонник централизованной власти.

По литературным приемам «Убайдулло-нома» не отличается от обычных придворных хроник. Стиль изложения — цветистый, с массой метафор и пустых словословий, с многочисленными стихотворными вставками. Однако чувствуется, что все это — лишь дань традиции, вынужденно принятая форма. Автор часто порывает с этой традицией, с этой формой. При описании ряда важнейших событий он нередко переходит на простой и живой язык, изложение его приобретает несвойственную придворным хроникам четкость, ясность, а подчас и лаконичность.

Большая заслуга Мир Мухаммад Амини Бухори заключается в том, что он дал яркую картину экономической и политической разрухи, отметил многие существенные моменты хозяйственной и социально-экономической жизни, не обошел молчанием факты обострившейся к тому времени классовой борьбы. Как правило, во многих других летописях такие факты авторами обычно не отмечались.

Интересное сочинение по космографии и географии «Ал-жоиб-ул-Табакот» («Диковинки разрядов»), посвященное Надир Мухаммад-хану (1642—1645), написал *Мухаммад Тохир ибн Абулкосим*. Эта работа в основном компилятивная; автор указывает основные источники. Но географическая часть имеет значительную научную ценность, так как в ней изложены сведения (в частности, о Балхе и прилегающих районах, о Фергане), которые были установлены самим автором. Это сочинение пользовалось успехом, его охотно переписывали<sup>92</sup>.

В первой половине XVII в. был закончен весьма интересный трактат по музыке, посвященный Имом-Кули-хану. Автор его — певец и музыкант *Дарвеш Али*. Этот трактат касается теории музыки, дает характеристику музыкальных инструментов и сообщает о знаменитых музыкантах-исполнителях и композиторах, а также об известных знатоках, ценителях и теоретиках музыки<sup>93</sup>. Большую ценность представляют также данные о современных ему мастерах музыкального искусства.



Как и в XVI в., из естественных наук продолжали развиваться лишь медицина и фармакология. Субхон-Кули-хан очень интересовался медициной; он построил в Бухаре больницу, где была хорошая специальная библиотека. Сам Субхон-Кули-хан написал медицинский трактат и приказал отыскивать и переписывать ранее составленные трактаты по медицине. В XVII в. было переписано и сохранено много старых трактатов по медицине и фармакологии<sup>94</sup>.

В значительно худшем состоянии были другие естественные и точные науки. Источники, правда, называют имена некоторых ученых, но их трактаты или не дошли до нас, или не изучены. Большим знатоком астрономии, математики, химии и других дисциплин был, например, *Мулло Турсун Фароизи*. Занимался астрономией и даже написал трактат поэт *Лутфулло Шокир*<sup>95</sup>. Сохранилась астролябия XVII в., сделанная *Мухаммад Заманом ибн Ходжа Шарафуддин Хасаном*<sup>96</sup>. В библиотеке Субхон-Кули-хана были астрономические сочинения, например, комментарий на астрономический трактат Насируддина Туси об астролябии<sup>97</sup>.

Таким образом, в XVII — начале XVIII в. в Средней Азии проявлялся определенный интерес к точным наукам. Однако пока нет оснований утверждать, что в области изучения этих наук было создано что-либо оригинальное и значительное.

## ГЛАВА II

ТАДЖИКСКИЙ НАРОД ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII  
И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

## ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Бухарское  
и Кокандское  
ханства

Для политической истории Бухарского ханства второй половины XVIII в. характерно стремление феодалов Восточной Бухары, Ура-Тюбе и Ходжента стать независимыми от центральной власти. Эта тенденция особенно ярко выразилась в период правления Мухаммад Рахим-хана, вступившего на престол после убийства последнего Аштарханидского хана Абул-файза. С этого момента началось правление новой династии — Мангытов.

Мухаммад Рахим стремился восстановить нормальную жизнь страны и пресечь сепаратизм некоторых феодалов. Для укрепления централизованной власти он создал сильную армию, основой которой были афганцы<sup>1</sup>, приведенные из Ирана, где хан ранее был на службе у Надир-шаха.

Мухаммад Рахим упорно боролся с мятежными феодалами Мианкаля, особенно со знатью узбекских племен кенегес, бахрин, кипчак, етти-уруг и др.<sup>2</sup> Мухаммад Рахим боролся с ними на протяжении почти двух лет и заставил их подчиниться центральному правительству<sup>3</sup>.

Крепости мианкальских кипчаков были срыты, пленные казнены, а руководители мятежа переселены на жительство в город Бухару. Племена етти-уруг и бахрин также были ослаблены не только политически, но и экономически. Их земли были конфискованы, а народ переселен поближе к Бухаре. Усмирение мятежных феодалов Мианкаля имело большое значение в борьбе Мухаммад Рахима с феодалами Восточной Бухары; отныне его тыл был спокоен, а столица — вне опасности. Однако Мухаммад Рахиму пришлось вести продолжительную борьбу с объединенными военными силами

Гиссара, Кабадиана, Ургута, Пенджикента, Ура-Тюбе<sup>4</sup>. Во время первых боев особенно сильно пострадал Пенджикент, многие жители которого были истреблены, а часть оставшихся в живых уведена в плен в Бухару<sup>5</sup>. Однако, не добившись сраженного успеха, Мухаммад Рахим решил пойти на перемирие, с тем чтобы лучше подготовиться к следующему походу. Военные действия были прекращены.

Закончив приготовления к очередному походу, Мухаммад Рахим снова двинул свои силы против Гиссара, Ургута, Ходжента и Ура-Тюбе. На этот раз ему удалось взять Пенджшамбе и Ургут, причем пятьсот семейств ургутцев он переселил в окрестности Бухары. Затем он двинулся на Ура-Тюбе и Ходжент. На помощь последнему пришел правитель Гиссара, оказывавший военную помощь правителям всех тех областей современного Южного, Центрального и Северного Таджикистана, которые вели борьбу против Мухаммад Рахим-хана<sup>6</sup>.

Борьба последнего с феодалами Восточной Бухары, Ура-Тюбе и Ходжента иногда носила жестокий характер. Временами Мухаммад Рахим-хану сопутствовал успех.

Борьба Мухаммад Рахима за создание и укрепление централизованного государства в известной степени отражала интересы населения, сильно страдавшего от частых феодальных усобиц и от произвола отдельных феодалов.

Борьбу Мухаммад Рахима с феодалами Западной и Восточной Бухары удачно использовал правитель молодого афганского государства Ахмад-шах (1747—1773)<sup>7</sup>. В 1750—1752 гг. он оккупировал Балх, Шибирган, Андхой, Кундуз, Меймене и другие места<sup>8</sup>, но свободолобивое таджикское и узбекское население этих ханств упорно боролось против афганского господства и добивалось независимости и свободы.

После смерти Мухаммад Рахим-хана от Бухары отложился ряд областей. Правитель Ура-Тюбе и Ходжента захватил Джизак, Хатырчи, Катта-Курган, Самарканд и даже намеревался захватить Бухару и стать правителем всей страны.

Таково было внутривосточное положение Бухары, когда на престол сел Абулгази-хан, но фактически страной стал управлять аталык Даниэл-бий<sup>9</sup>. Со значительным войском он подступил к Кермине, где нанес поражение правителю Ура-Тюбе и Ходжента, освободив захваченные им города<sup>10</sup>.

Борьба с феодалами требовала упорства, чем не обладал хан Абулгази. По-видимому, учитывая это обстоятельство, Даниэл-бий сконцентрировал в своих руках всю полноту власти. Подобно своему предшественнику, он вел

упорную борьбу с феодалами-сепаратистами. Так, влиятельный бухарский феодал Нарбута-бий пытался даже захватить власть в городе Бухаре, но потерпел поражение и был выслан в Карши. Находясь там, Нарбута в 1771 г. совместно с правителями Шахрисябза и Хузара восстал против Даниэля-бия<sup>11</sup>.

Правительственные войска подавили это восстание, подчинив Бухаре Карши, Шахрисябз и другие города. В 70-х годах XVIII в. «почти все тамошние города» были подчинены Бухаре<sup>12</sup>, в том числе и Гиссар.

После смерти Даниэля-бия во всех частях Бухарского ханства разгорелась смута, причем в городе Бухаре вспыхнуло восстание горожан, в ходе которого было одних только убитых более тысячи человек<sup>13</sup>. Абулгази-хан не имел авторитета, поэтому бухарские феодалы самовольно призвали к власти в 1785 г. Шах-Мурода в качестве аталыка. Через некоторое время он низложил Абулгази-хана, овладел тронном, но отказался от ханского титула и предпочел именовать себя «эмиром».

Шах-Мурод совершал грабительские походы на Мерв и северо-восточный Хорасан, дважды разрушал Мургабскую плотину, лишив тем самым воды население Мервского оазиса, вел войну с Тимур-шахом афганским. Но военные действия против афганских войск не были успешными.

Шах-Мурод продолжал борьбу за создание централизованного государства и в результате подчинил себе непокорные владения, в том числе Гиссар и Ура-Тюбе, хотя последние были лишь номинально зависимы от Бухары и служили яблоком раздора между Бухарой и Кокандом.

Внутриполитическое положение Кокандского ханства, где тоже жили таджики, было неустойчивым. Это ханство образовалось в первой половине XVIII в. Около 1732 г. Абдул-Рахим-бий положил основание городу Коканду, а его преемник Абдул-Карим-бий в 1740 г. приступил к его расширению.

Правление Абдул-Карима сопровождалось почти непрерывавшимися усобицами феодалов, борьбой между отдельными племенами и группами. Киргизские и кипчакские феодалы нередко грабили оседлое сельское население и наваливали на города. Для водворения в стране порядка не хватало боеспособной армии. Правители сменяли один другого. Междоусобная борьба кокандских феодалов не прекращалась.

В политическом положении Коканда и Бухары было много общего: слабость центрального правительства, стремление феодалов к независимости, усобицы между ними, ухудшение положения трудящихся масс.



Войны между Бухарским и Кокандским ханствами в первой половине XIX в.

В начале XIX в. в Средней Азии существовало три самостоятельных ханства — Бухарское, Кокандское и Хивинское. На всем протяжении первой половины прошлого столетия между ними происходили

войны их владений и городов — Ташкента, Джизака, Ура-Тюбе и Ходжента. Борьба за власть и за источники обогащения служили причинами междоусобиц. Нередко личные обиды ханов решали судьбу населения целых областей. Для достижения своих целей правители прибегали к любым средствам (доносы, клевета, убийства).

Интересно отметить, что именно захват столицы ханства или бекства означал переход всего владения в руки противника. Только взятием столичного города обеспечивалось территориальное приобретение. Поэтому каждая столица была укреплена высокими стенами и глубоким рвом.

На протяжении первой половины XIX в. часть северных районов современного Таджикистана (Канибадам и Исфара) находилась под властью кокандских ханов. Иногда эти области приобретали самостоятельность (особенно верховья Зеравшана) или завоевывались другими ханами. Из-за других городов — Ходжента, Нау и Ура-Тюбе шла жестокая борьба с переменным успехом. Но в первой четверти XIX в. преимущество было на стороне Кокандского ханства.

Эмиры Бухары в свою очередь также стремились к захвату Ходжента и Ура-Тюбе и с этой целью совершили немало походов. Однако военные силы эмира были ослаблены голодом и волнениями 1810 г., а также восстанием китай-кипчаков в 1821—1825 гг. Так, в донесении русских купцов Оренбургскому военному губернатору в 1824 г. сказано, что «владельцы Коканда и Ташкента теперь гораздо сильнее бухарского»<sup>14</sup>.

Двадцатилетняя борьба за Ходжент и Ура-Тюбе не принесла успеха ни одной из воюющих сторон, так как население этих городов и близлежащих кишлаков активно боролось с нападающими врагами. Бухарский эмир Хайдар и кокандский хан Омар были вынуждены прекратить военные действия. Они заключили между собой «вечный мир» и завещали своим наследникам хранить его «свято и нерушимо»<sup>15</sup>. Этим миром закончился первый этап борьбы за Ходжент и Ура-Тюбе.

Однако наследники недолго соблюдали завет своих отцов. Новый властитель Коканда Мухаммад Али-хан (1822—1842) не признавал первенства Бухары. Тогда эмир Насрулло (1826—1860) направил послов в Турцию и просил у султана «повеления» — подтверждения религиозного первенства Бухары над другими среднеазиатскими владениями. Того же

добивался и кокандский хан. Все это привело к разрыву договора о «вечном мире» и к новой вооруженной борьбе. Но ряд военных неудач заставил эмира Насрулло в 1830 г. заключить с Кокандом новый мир, длившийся десять лет. Ходжент и Ура-Тюбе в течение этого периода оставались вассалами Коканда. С 1840 г. и до присоединения северных районов Таджикистана к России начался второй этап активной борьбы Коканда и Бухары за эти города. В течение почти полутора десятков лет они переходили из рук в руки.

На этот раз перевес оказался на стороне Бухары. В этот период Бухарское ханство было более сильным, чем другие владения Средней Азии, и поэтому играло главенствующую роль во всех среднеазиатских делах. Кроме того, бухарский эмир Насрулло оказался более умным государственным деятелем, сумевшим установить дружественные отношения с такими крупнейшими государствами того времени, как Россия и Турция, чего не могли добиться кокандские ханы. Эмиру Насрулло удалось на время подчинить себе такое непокорное до того Шахрисябзское бекство, в состав которого входили Китаб и Яккабаг. Шахрисябзские правители вместе с таджикским населением области отражали наступления эмира, организуя оборону, затопляя пограничные районы. В течение своего правления Насрулло почти ежегодно устраивал поход против Шахрисябзского владения, а последнее успешно отбивало его наступления. В конце концов после тридцати с лишним походов в 1856 г. эмир овладел Шахрисябзом и присоединил его к Бухарскому ханству. Чтобы окончательно укрепить свою власть над этой областью, он женился на дочери шахрисябзского правителя. Однако эмир просчитался. Спокойствия здесь не наступило. Враждебные действия феодальной верхушки кенегесов в скрытой форме все более усиливались, а иногда принимали открытую форму. Поэтому после смерти Насрулло Шахрисябз в течение почти десяти лет снова был независимым ханством.

К началу 40-х годов XIX в. взаимоотношения между Бухарой и Кокандом снова ухудшились. Начались военные действия, закончившиеся жестоким разгромом Кокандского ханства. Ханство Коканда «много потерпело от вторжения бухарцев, не говоря о грабежах и убийствах. Победители присвоили себе даже право торговать кокандцами как собственными невольниками; ужас распространился повсеместно, и вся страна была поработана в короткое время»<sup>16</sup>. Все это послужило причиной широкого народного восстания, в результате которого власть эмира была свергнута.

После этих событий до 1848 г. Ура-Тюбе находился под властью бухарского эмира, а Исфара, Канибадам, Ходжент и Нау — во владении кокандского хана. Такое положение

в общем сохранялось вплоть до захвата этих городов царизмом.

Борьба между Бухарой и Кокандом из-за северных районов Таджикистана была жестокой. Так, примерно в течение 50—60 лет на Ура-Тюбе было совершено более сорока походов эмирами и ханами.

PDF Compressor Free Version  
Политическая история первой половины XIX в. свидетельствует о том, что основным ее содержанием был процесс дальнейшего формирования среднеазиатских ханств и связанная с ним борьба между этими владениями.

В начале XIX в. Гиссар был независимым феодальным владением.

Южный и Юго-восточный Таджикистан в первой половине XIX в. В конце 1800 г. Гиссар признал формально зависимость от Бухары, которая сводилась к оказанию последней военной помощи. Так, в походах эмира против хивинцев принимали активное участие объединенные войска Гиссара, Андхоя и Балха под командованием гиссарского правителя. Независимое положение края сохранялось до 60-х годов XIX в.

В первой половине XIX в. области, лежавшие к югу от Аму-Дарьи, перестали зависеть от Бухарского ханства и начали распадаться на небольшие владения.

В первой половине XIX в. независимыми феодальными владениями были Каратегин и Дарваз. В 20—30-х годах оба эти владения в конце концов были объединены под властью дарвазского правителя<sup>12</sup>. К югу от Дарваза располагались мелкие таджикские владения: Рушан, Шугнан, Вахан и другие, территории которых ограничивались одной или двумя горными долинами.

В середине века между Гиссаром, Кулябом, Каратегином и Дарвазом сильно обострилась междоусобная феодальная борьба, ослаблявшая их.

В 1877—1878 гг. Каратегин и Дарваз были подчинены Бухарским ханством.

В первой половине XIX в. области, лежавшие к югу от Аму-Дарьи (называемые ныне Афганским Туркестаном), из-за слабости центральной власти Бухары, а также бесконечных феодальных войн последней с Кокандским и Хивинским ханствами были фактически независимы. Они делились на ряд самостоятельных феодальных владений — Балх, Меймене, Андхой, Катаган и другие. В этих владениях проживало много таджиков, ведущих оседлый образ жизни. Во главе каждого владения стояли местные правители из узбеков.



В середине XIX в. был самостоятельным также Бадахшан. Он распался на три независимых владения: центральный район с главным городом Файзабадом, западный район с центром в Рустаке и восточный район с центром в Ишкашине<sup>18</sup>.

В 60-х годах XIX в. русские войска начали продвижение в глубь Средней Азии. В 1865 г. пал Ташкент, год спустя были заняты Ходжент, Ура-Тюбе и Джизак.

Бухарский эмир Музаффар (1860—1885) стремился восполнить потерянные территории за счет Гиссарского и других самостоятельных владений. Эмирские войска с огнем и мечом прошли по территории Гиссара и Куляба. Правителями этих областей были назначены преданные эмиру люди. В 1868 г. после падения Самарканда и поражения царизмом бухарских войск под Зерабулаком Гиссар и Куляб снова отложились от Бухары. Но в 1870 г. русские войска, взяв Шахрисябз и передав его бухарскому ханству, помогли эмиру окончательно захватить Гиссар и Куляб.

Таким образом, для политической истории Восточной Бухары и Западного Памира первой половины XIX в., несмотря на централизаторские тенденции среднеазиатских ханств, характерны феодальная раздробленность и междоусобные войны, задерживавшие развитие производительных сил страны.

Трудящиеся массы постоянно были обречены на голод и разорение. После присоединения Средней Азии к России феодальные междоусобицы прекратились, что имело положительное значение.

**Последствия феодальных войн** Феодальные войны непрерывно разрушали производительные силы страны. Завоеватели вытапывали пашни и виноградники, срубали фруктовые деревья, сжигали урожай, угоняли скот, увозили хлеб, разрушали и сжигали целые селения. Жители укрепленных городов и окрестных кишлаков временно укрывались за городскими стенами. Если противник не мог захватить город, он осаждал его иногда по нескольку месяцев. В таких случаях запасы продуктов у населения иссякали и оно обречалось на голод и гибель. Например, во время одной из продолжительных осад Ура-Тюбе кокандскими войсками в начале прошлого столетия «лепешка стоила столько же, сколько и человеческая душа, многие питались древесной корой, а когда один из наукаров хакима притащил ему откуда-то мешок пшеницы, тот обрадовался ему больше, чем если бы это был мешок драгоценных камней»<sup>19</sup>.

Когда противнику удавалось захватить осажденный город, то по приказу хана или военачальника начинались грабеж и физическое уничтожение населения. Так, по словам автора



«Шахруховой истории», Алим-хан кокандский после захвата Ура-Тюбе приказал разграбить его. «Кроме земли и камня в этой обильной области разграбили все, что имелось»<sup>20</sup>. От алчных глаз захватчиков нельзя было укрыть ничего. Поэтому, чтобы не умереть с голоду, люди обмазывали свои дома глиной, употребляя вместо самана просо. Такой способ сохранения хлеба был общепринятым. Когда войска завоевателей покидали города, то жители, сняв штукатурку и смыв глину, отделяли просо и ели его.

В бедственном положении оказывались не только горожане, но и жители кишлаков, куда вступала нога завоевателей, грабивших и уничтожавших все на своем пути. Дехкане нередко вынуждены были навсегда бросать насиженные места и переселяться на новые, чаще всего в глубь гор.

Царский чиновник, побывавший в 1869 г. в Ходженте, Ура-Тюбе и Джизаке, писал: «Вся эта местность, некогда богатая и населенная, теперь представляла грустный вид безлюдья и запустения. Глиняные стены кишлаков местами уже обваливались. Главнейшею причиной запустения этого края были частые и губительные набеги»<sup>21</sup>.

Мир-Солех Бекчурин, будучи в Средней Азии в 1865—1866 гг., рассказывал: «Неподалеку от Тагаба [близ Ходжента], на высокой горе, видны развалины цитадели... она была в свое время сильно укреплена, но лет 20 назад разорена Насрулло Багадур-ханом.

На восточной стороне этого селения [Кыстакуза] находятся тоже развалины, которые, по словам местных жителей, составляли прежде лучшую часть Кыстакуза. Разорена тем же эмиром»<sup>22</sup>. Он же сообщал о развалинах кишлака Джари-Хуштаир вблизи Ура-Тюбе.

В 1813 г. Ф. Назаров описывал свой переезд из Коканда через Ходжент в Ура-Тюбе: «Дорогою почти на каждом 15-ти верстах встречали мы деревни, никем не обитаемые...»<sup>23</sup>.

Эмиры Бухары и ханы Коканда после каждого похода вводили в плен сотни и тысячи людей.

После одного из походов Алим-хан увел в Коканд из Ура-Тюбе пять тысяч пленных<sup>24</sup>. Через некоторое время еще много сотен жителей этого города угнал с собой в Коканд Мухаммад Али-хан. В 1858—1859 гг. Ура-Тюбе был завоеван эмиром Насруллою. Он приказал начисто разграбить город, зарезать всех жителей и даже самого хакима Рустам-бека, а жен и дочерей его и других женщин, оставшихся в живых, отправил в Бухару в свой гарем<sup>25</sup>. О варварском поведении эмира в Ура-Тюбе сообщали купцы, прибывшие из Средней Азии в Россию. Они писали, что гарнизон города «был перерезан бухарцами поголовно»<sup>26</sup>.

От произвола деспотов не было покоя даже мертвым. Как



Часть городской стены в Ходженте

пишут историки эмира Хайдара, Алим-хан кокандский в одном из своих походов на Ура-Тюбе приказал собрать тела убитых в бою людей и перенести их под городские стены. Трупы были сложены в виде лестницы, а солдаты Алим-хана, поднимаясь на них, вели бой с осажденными горожанами<sup>27</sup>.

По приказу ташкентского кушбеги, в 1840 г. сто аулов Дюрткаринского рода в казахских степях были совершенно разграблены, скот расхищен. Ташкентцы увезли с собой много женщин и детей и несколько мешков с головами убитых<sup>28</sup>.

В результате артиллерийского обстрела и увода в плен население городов уменьшалось из года в год. По сведениям, сообщенным Муллою Нияз Мухаммадом, во времена правления Алим-хана кокандского население Ура-Тюбе составляло 12 тыс. человек<sup>29</sup>, а к 1866 г. оно уменьшилось более чем на две тысячи. Сократилась и площадь обрабатываемой земли. Одной из причин этого была неуверенность дехкан в завтрашнем дне, опасение, что результаты их труда используют завоеватели или местные правители.

Население эксплуатировали также путем сбора различных налогов, контрибуции и пр. Бедняков заставляли укреплять городские стены, строить ирригационные сооружения и здания. В 1840 г. Мухаммад Али-хан кокандский силами мест-

ного населения безвозмездно отремонтировал в Ура-Тюбе городские стены. Ура-Тюбинский хаким Рустам-бек за пять-шесть лет своего правления тем же способом построил в городе мадраса, караван-сарай, баню, салом-хону.

Голод и обнищание трудящихся, чему немало способствовали PDF Compressor Free Version ты саранчи, уничтожившей почти весь урожай, создавали благоприятные условия для эпидемий.

Были весьма часты случаи воровства, грабежа, насилия, убийств. Продвижение караванов из одного пункта в другой было очень опасно. Чтобы спасти себя и свой груз от грабежа и насилий, купцы для дезориентации воров подковывали лошадей и ослов задом наперед.

### АРЕАЛ РАССЕЛЕНИЯ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА

Во второй половине XVIII в. таджикский народ жил на территории Бухарского и Кокандского ханств, а также в Афганистане. В последнем таджики составляли значительную часть оседлого населения Кабула, Желалабада (Наанграхара) и Кухистана<sup>30</sup>. Они проживали в узких долинах афганского Горбенда, Пянджшира и Ниджроу. Кроме того, отдельные поселения и группы таджиков были расположены в долине Кунгара, в Хосте и в других местах Афганистана, не говоря уже о северных районах этой страны, где жили не только таджики, но и узбеки<sup>31</sup>. В Бухарском и Кокандском ханствах же как в городах (Бухара, Самарканд, Ходжент, Ура-Тюбе и Гиссар), так и в сельских местностях жили преимущественно таджики<sup>32</sup>. И горные районы этих ханств были заселены в основном ими же<sup>33</sup>. Во второй половине XVIII в. горы по верховьям Чирчика и Зеравшана, а также горы, отделяющие бассейн Зеравшана от бассейна Сыр-Дарьи, были в основном заселены таджиками; узбеки, казахи, киргизы и другие народности жили там в весьма незначительном количестве<sup>34</sup>.

Вследствие междоусобиц в Бухарском и Кокандском ханствах таджики и узбеки нередко были вынуждены группами переходить с одного места жительства на другое. Так, во второй половине XIX в. было немало случаев перехода таджиков из Бухары и Самарканда в пределы Кокандского ханства и наоборот<sup>35</sup>. Многие бедняки из Каратегина и Дарваза из-за острого недостатка земли часто уходили в Ферганскую долину и Бухарское ханство, где работали у баев на кабальных условиях издольной аренды. Нередко они оставались там на постоянное жительство, пополняя ряды сельских бедняков-издольщиков.



Таджикское население Средней Азии местами жило сплошной массой, а местами было смешано с другими народностями. Как во второй половине XVIII в., так и позже центральные и южные районы современного Таджикистана были заселены, кроме таджиков, различными родами и племенами узбеков<sup>36</sup>. В этом было их отличие от таджиков<sup>37</sup>, уже утративших родовое деление.

PDF Compressor Free Version  
Определить хотя бы приблизительное число таджиков, узбеков и других невозможно. О количестве населения Кокандского ханства в конце XVIII в. в исторической литературе никаких сведений нет. Население же Бухарского ханства в 1794 г. примерно исчислялось в 3 млн. человек<sup>38</sup>. Эта цифра несомненно была завышенной, ибо путешественник, посетивший Бухару в 1820 г., определил население ханства цифрой около 2748 тыс. человек<sup>39</sup>.

Таким образом, в начале XIX в. таджикский народ заселял значительные территории Бухарского и Кокандского ханств. Верховья Зеравшана и Гиссара входили в состав Бухарского ханства, Канибадам, Исфара, временами Дарваз и Каратегин — в состав Кокандского ханства.

Невозможно точно определить также число населения Восточной Бухары и Памира. Однако, исходя из различных источников<sup>40</sup>, относящихся к концу XIX в., можно приблизительно определить, что число жителей этих районов составляло около 400 тыс. По числу населения первое место занимали таджики. Горные районы Ширабада, Денау, основная часть Байсуна, Сары-Джуя, южные отроги Гиссарского хребта (ущелья Ширкен-Дарьи, Каратаг-Дарьи, Ханака-Дарьи, Лучоба, Варзоба, Семиганча, верхнее течение Кафирнигана), долины Файзабада и Дашти-Будона, горные районы Куляба, Каратегина, Дарваза, Памира в основном были населены таджиками. Долину Дашти-Будона начали заселять с 40—50-х годов XIX в. В ней имелось более 30 кишлаков, жителями которых были таджики, переселившиеся из горных районов Куляба и Рамитского ущелья. По утверждению старожилов, такие селения, как Кальан-Дашт, Элокдара, Суфимирзо, существовали уже более 100—120 лет тому назад. В таких крупных городах и поселениях, как Гузар, Ширабад, Байсуи, Келиф, Регар, таджики дружно жили вместе с узбеками.

Второе по числу населения место принадлежало узбекам из различных племен, родов, колен, живших в долинах Сурхан-Дарьи, Гиссара, Явана, Куляба, Вахша и Бешкента. В Сурханской долине жили в основном племена кунград, родиной которых считался Термез; в Гиссарской — юзы, марка, барлос, тюрки; в Яванской и Кулябской — карлуки и локайцы; в Сурхане, Кулябе, в нижних течениях Вахша и Кафир-



нигана жили узбеки-катаганцы, родиной которых считался Кундуз.

Кроме таджиков и узбеков, в Восточной Бухаре жили и киргизы разных родов; в основном они селились в восточной части страны, в частности в Каратегине, Гиссаре и на Восточном Памире<sup>41</sup>.

PDF Compressor Free Version

Таким образом, в некоторых местах центральных и южных районов современного Таджикистана таджики жили совместно с узбеками, а в восточных районах — вместе с киргизами.

Во второй половине XVIII в. в Курган-Тюбинском вилояте и некоторых других местах Восточной Бухары стали селиться кочевники — туркмены-эрсаринцы, приходившие сюда из Чарджоуской области современного Туркменистана и частично из Афганистана<sup>42</sup>. Тогда же на территории современного Таджикистана проживали также евреи, иранцы, афганцы, арабы, лезгинцы, армяне, индийцы<sup>43</sup>.

Таджики, проживавшие в Бухарском и Кокандском ханствах и в Афганистане, вели оседлый образ жизни, занимались главным образом земледелием и скотоводством. Тюркоязычные же народы указанных стран были или кочевниками, или полукочевниками, хотя к концу XVIII в. среди них уже имелось немалое число оседлых.

Государственным языком в ханствах был таджикский, на котором велась официальная переписка.

## ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

**Административное устройство Бухарско-о и Кокандско-о ханств**

Во второй половине XVIII в., как и в последующее время, во главе Бухарского и Кокандского ханств стояли эмиры и ханы, власть которых была неограниченна; никаких представительных учреждений в ханствах не было.

Правда, один из современников Шах-Мурода отмечал, что при этом эмире был совет из нескольких членов и «каждый из них обязан подать свое по делу мнение, и если все оные согласны, то владетель утверждает общий приговор и вскоре приводится он в исполнение»; о совете говорится также и в бухарском источнике «Гулшан-ал-мулук» («Цветник царей»)<sup>44</sup>. Очевидно, этот совет имел совещательный характер и состоял из феодалов-сановников. О том, был ли такой совет при кокандском хане, сведений в источниках нет.

В Бухарском ханстве во второй половине XVIII в. большую роль играл аталык, в обязанности которого входило наблюдение за распределением вод реки Зеравшана от Самарканда до Кара-куля. В действительности же, как показывают источники, контроль за распределением вод был второсте-

пенной или третьестепенной задачей аталыка, державшего в своих руках всю полноту власти в ханстве и нередко превращавшего в игрушку даже хана<sup>45</sup>.

В центральном правительственном аппарате большую роль играл кушбеги, ведавший всеми хозяйственными и административными делами, в том числе и сбором поземельного налога — хараджа. Финансовой частью страны ведал закятчи-калян, которому подчинялись все девонбеги. Одним из помощников главы государства был парвоначи, по распоряжению хана раздававший ярлыки тем сановникам и чиновникам, «кои́м они [были] пожалованы».

Разведывательной службой ханства руководил кукольтош; было еще немало других чиновников<sup>46</sup>, в том числе «великий инак», доставлявший приказы хана разным должностным лицам.

Судей (казиев) назначали и смещали эмиры. Главный судья назывался кази-калян, ему подчинялись судьи всей страны. Важным лицом в судопроизводстве был кази-аскар (военный судья); судьи совершали различные юридические акты, осуществляя надзор за вакуфными имуществами и за действиями местных властей, донося о них правителю страны.

В судебном деле большую роль играли аълям (ученейший), муфтий и муфтий-аскар (войсковой муфтий). В обязанность муфтиев входило составление юридических заключений, основанных на шариате и называвшихся ривоятами. Ривоят, скрепленный печатью муфтия, составлялся за плату и передавался казию для вынесения решения. Большие права имели военный казий и военный муфтий. До эмира Шах-Муро́да апелляционной и кассационной инстанции не было, а поэтому решение местного судьи считалось окончательным.

К числу реформ, проведенных Шах-Муро́дом для упрочения в стране феодальных порядков, относится и судебная реформа. Благодаря ей была организована высшая судебная палата, состоящая из сорока ученых-законоведов под председательством самого хана. Несомненно, что эта палата была своего рода апелляционной и кассационной инстанцией в феодальной Бухаре. В своей судебной реформе Шах-Муро́д усилил наказание за преступления против частной собственности и в этой связи ввел смертную казнь за разбой на дорогах и отрубание правой руки за воровство. Эта реформа носила классовый характер и была направлена на укрепление в стране власти феодалов. Трудящиеся массы за малейшее покушение на частную собственность светских и духовных феодалов должны были нести жесточайшее наказание. Были и другие формы наказаний: штрафы, палочные удары, заключение на неопределенное время в подземные тюрьмы (зиндоны).

В западных районах Памира осужденному, как правило, отрубали руки и ноги, а тело клали в мешок и бросали в Пяндж. Кроме того, там существовал обычай, по которому население забрасывало провинившегося камнями<sup>47</sup>.

Как в Бухарском, так и в Кокандском ханствах большую роль играл мухтасиб (раис), наблюдавший за исполнением шариата и его предписаний, касающихся поста, молитвы и правил мусульманской нравственности. Кроме того, раис наблюдал и за правильностью весов и мер длины.

Однако функции отдельных должностных лиц в центре и области часто менялись. Известно, что в Бухарском ханстве первым лицом после эмира был кушбеги. В начале XIX в. этот пост занимал Хаким-бий. Он пользовался большим авторитетом и доверием у эмира Хайдара. Известно, что Насрулле удалось захватить трон именно благодаря кушбеги. Однако через некоторое время новый эмир отстранил Хаким-бия от должности. Преемником его был Шукурбек. Интересно, что он назывался не кушбеги, а инак, потому что Хаким-бий был «еще жив и в Бухарии будто бы не водится, чтобы при жизни смененного кушбегия звание это было присвоено другому». Но жил Шукурбек также во дворце эмира, однако не в доме, который занимал Хаким-бий. В доме последнего уже жил другой чиновник — мехтар, на которого эмир «возложил ...из прежних обязанностей Хаким-бия ту, чтобы готовить у себя и отправлять к нему за печатью кушанья»<sup>48</sup>.

Таким образом обязанности и права кушбеги были ограничены и распределены между двумя (может быть и более) лицами.

В 30-х годах XIX в. некоторые функции кушбеги в Бухаре перешли к раису. Он ведал назначением послов и вел переписку с иностранными государствами. Представители царского правительства России считали раиса одним из влиятельных лиц в ханстве. Так оренбургский губернатор писал в Петербург, что если ему «будут даны способы поддерживать переписку с ишан-раисом от времени до времени этим обычным у азиатцев образом изъявления дружбы, то нет никакого сомнения, что он будет ...наш усердный служитель и помощник не только на словах, но и на деле». По словам одного русского пленного, «важнейший и значительнейший у эмира человек в Бухарии есть теперь ишан-раис... Прямая обязанность его есть сохранение тишины и порядка в городе и в окрестностях, но как эмир имеет к нему неограниченную доверенность, то поручает ему и другие дела... С ним одним эмир совещается о важных делах, подлежащих тайне»<sup>49</sup>.

Мухтасиб и курбаши как блюстители мусульманской нравственности и предписаний шариата играли значительную



роль в системе бухарской государственной машины, добиваясь сохранения и упрочения существующих феодальных порядков.

В Западной и Восточной Бухаре, также и в Кокандском ханстве, полицейскую службу несли курбани (миршаби). Всю ночь солдаты с сановниками разъезжали по городу и встретившегося после полуночи брали под стражу, а на другой день представляли его начальнику города.

Во главе ирригационной администрации стоял мираб, который руководил сооружениями и распределением между земледельцами оросительной воды.

Киргизами и туркменами, жившими на территории современного Таджикистана, управляли родоплеменные старшины, которые у киргизов назывались биями, а у туркмен — беками и вакилами.

Все сказанное выше свидетельствует об иерархической структуре Бухарского феодального ханства. Говоря о таком типе государства, Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» писали: «Иерархия есть идеальная форма феодализма; феодализм есть политическая форма средневековых отношений производства и общения»<sup>50</sup>.

Государственный строй Кокандского ханства был примерно таким же, как в Бухаре. И здесь, как и всюду в Средней Азии, строгого разграничения функций отдельных сановников не существовало. Объем власти каждого из них определялся степенью его личного влияния при ханском дворе. В Кокандском ханстве первым лицом после хана был мингобоши. По сравнению с аталыком в Бухаре объем власти здесь был намного меньше, хотя и тут он играл значительную роль в политической жизни страны. В центральном правительственном аппарате Коканда наряду с указанными лицами большую роль играл и главный казначей — закатикалян. К влиятельным сановникам ханства также относились кази-калян и другие. Вилюятами управляли хакимы и беки, назначавшиеся обычно «из приближенных к хану лиц и пользовавшиеся большими полномочиями»<sup>51</sup>. Кроме рассмотренных должностных лиц, как в центральном правительстве, так и на местах имелось немалое число чиновников, несших административно-полицейские и другие службы страны.

И в Бухарском и в Кокандском ханствах в духовном и экономическом порабощении народных масс большую роль играло официальное и неофициальное (представители дервишских орденов) мусульманское духовенство, которое было защитником феодальных порядков и именем аллаха освящало гнет и бесправное положение поработанных народных масс.



Выше говорилось, что в начале XIX в. была ликвидирована самостоятельность Ура-Тюбинского владения и бекств в верховьях Зеравшана. Захватив эти области, эмир ограничился тем, что назначил новых преданных ему правителей, но не внес почти никаких изменений в административное устройство.

Назначение хакима в Ура-Тюбе была сохранена. Он был несколько ограничен лишь во внешних сношениях с другими ханствами Средней Азии, а также не мог контролировать действий правителей Ходжента, которые назначались эмиром Бухары и подчинялись непосредственно ему. Во внутреннем же управлении хакимы по-прежнему пользовались неограниченными правами. Отчасти это объяснялось дальностью Ура-Тюбе от Бухары и близостью его к Коканду. Широкие права привлекали хакима на сторону назначавшего его сюзерена, ибо в противном случае он мог изменить свою ориентацию. Хаким имел в каждом населенном пункте большой административный аппарат. После него старшим чином считался ходжа-и-калян (великий ходжа), назначавшийся бухарским эмиром или кокандским ханом. В ярлыках указывалось, что все должностные лица и придворные обязаны были почитать и уважать человека, удостоенного звания ходжа-и-каляна.

Мири-асад и накиб тоже назначались ханским приказом. Судя по двум ярлыкам кокандского хана, выданным в разное время на имя некоего Туро-хана, в 1817 г. назначенного на должность мири-асада, а позднее — накиба, накиб был высшим должностным лицом, и его были обязаны почитать и уважать все другие чиновники. В числе последних не упоминаются придворные. Можно предположить, что, хотя в ярлыке должность накиба называлась высшей, фактически она, будучи выше мири-асада, стояла ниже должности ходжа-и-каляна.

Остальные должностные лица в области назначались хакимом. В Ташкенте, Ходженте и Ура-Тюбе существовала должность саркора, который собирал харадж и танакные сборы и ведал сельским хозяйством вообще и ирригацией, в частности. Он следил за чистотой и исправностью арыков, разбирал споры, жалобы и тяжбы, особенно по вопросам водопользования<sup>62</sup>. Последняя функция саркора была связана с тем, что в районах с простой ирригационной системой не было необходимости в арык-аксакале. Саркоры выполняли такие же обязанности, как и великий девонбеги в Бухарском ханстве. Девонбеги были в некоторых областях, в частности в Ура-Тюбинском владении. Девонбеги подчинялись саркорам. В каждом селении или городке, имевшем не менее двухсот домов, при саркоре были девонбеги и мирза (писарь).

Девонбеги назначал и сменял саркор. Последний назначался хакимом. Саркор имел широкие полномочия. Ему подчинялись, кроме девонбеги, амлякдор, закотчи и кадхуды (в кишлаках).

У кочевников светские и судебные дела решали бии.

В ве **PDF Compressor Free Version** в бекствах или тюменях Матчи, Фальгара, Фана имелась такая административная единица, как сада, в Ягнобе — тоже сада или даха.

Каждый сада или даха имел в подчинении амина, арбоба или старшего аксакала. Амин велел оросительной системой, разбирал споры между кишлаками или внутри одного кишлака. По приказу амина арбобы собирали подати и представляли их аминам, а те передавали их бекским сборщикам. В обязанность аминов входило снабжение приезжих сборщиков податей всем необходимым, а также оповещение населения о приказах бека. Часто амины исполняли роль казиев.

Арбобы были в каждом кишлаке. Они разбирали споры и исполняли приказания амина. В каждом тюмене были также казий и раис.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что феодальная административная система в ханстве не была единообразной и в различных местах имела свои характерные особенности.

Управленческий аппарат ханств защищал интересы господствующего класса и помогал держать в повиновении народные массы.

#### Восточная Бухара

В административном отношении Восточная Бухара делилась на вилояты. Последние делились на тумени (амлякдарства), возглавляемые амлякдарами. Тумени делились на миразары (мири хазора), которые состояли из нескольких кишлаков во главе с арбобами. Все территории к юго-востоку от Шахрисябза до Памира включительно в первой половине XIX в. были слабо связаны с центральным управлением ханства. В каждом феодальном владении: Шахрисябзе, Гиссаре, Кулябе, Каратегине, Дарвазе и ряде Припамирских княжеств сидели свои правители и управляли почти самостоятельно. Хань охотно возвышали местных самостоятельных или полусамостоятельных феодальных владетелей, давая им почетные звания до аталыка включительно.

Главы феодальных владений в Шахрисябзе и Гиссаре назывались хакимами, в Каратегине и Дарвазе — ша (шахами). При каждом владетеле существовало финансовое ведомство. Управляющий им чиновник именовался девонбеги. На штатных должностях были мирзо (личные секретари хакима или ша, а также секретари-писари).

При каратегинском ша находились советники из местной придворной знати. В середине XIX в. в Каратегине было около 400 кишлаков, в среднем по 30 дворов в каждом, причем кишлаки объединялись в 22 группы, из которых каждая управлялась особым беком<sup>50</sup>.

В Шугане в начале XIX в. главой светской власти, так же как в Каратегине, был ша. После него шли миры, или экобири. Они занимали высшие посты при дворе владетеля. Из числа своих приближенных ша назначал правителей на местах. За ними шли кази, а дальше многочисленные местные служилые сословия — аксакалы, арбобы, нукеры и др.<sup>51</sup>. Роль полицейских во всех феодальных владениях Восточной Бухары исполняли миршабы.

Представители низшей администрации — амлякдоры собирали государственные подати через подчиненных им аксакалов, аминов и арбобов. К низшей администрации относились также мирабы и доруга.

При феодальных владетелях существовал еще штат закати — собирателей натуральных налогов со скота. Весь этот государственно-чиновничий аппарат кормился за счет населения. Отсутствие какого-либо порядка в выплате жалованья чиновникам, низшим административным лицам и духовенству приводило к жестокому ограблению ими дехкан, ремесленников и прочей бедноты.

**Войска и вооружение** Господствующее положение и власть светских и духовных феодалов над трудящимися массами в Бухарском и Кокандском ханствах поддерживались главным образом вооруженными силами. О структуре кокандских войск во второй половине XVIII в. в литературе и источниках никаких данных не имеется. О бухарских же войсках имеются весьма ценные сведения в русских источниках, в частности у Ф. Ефремова, в 70-х годах служившего в рядах эмирских войск. Он писал, что «по большей части войско у них [у бухарцев] из разных народов»<sup>55</sup>. В их составе были не только узбеки, но и таджики, туркмены, афганцы. Таджики из Каратегина, Дарваза и других мест служили также в кокандских и афганских войсках<sup>56</sup>.

Во второй половине XVIII в. бухарское войско состояло только из конницы<sup>57</sup> и формировалось из нукеров (служилых людей) и кара-чириков (ополченцев). Нукеры за свою постоянную службу получали определенное вознаграждение натурой и деньгами, несли службу на казенных лошадях, а также были освобождены от всех, кроме военной, повинностей. Но питались и вооружались за свой счет. Число нукеров было ограничено; гораздо больше было кара-чириков, которых брали в армию в военное время. В ополчение шла основная масса мужского населения<sup>58</sup>. Они несли службу на своих



лошадях. Не все кара-чирики имели оружие, но у всех у них были кетмени и допаты. По миновании надобности кара-чириков распускали по домам, дабы «не было вреда населению».

Бухарские войска подразделялись на полки, роты и т. д., вооружение войск составляли сабли, ружья без замков, конья и стрелы<sup>59</sup>. На вооружении войск имелись и пушки, часть которых оставалась еще со времени похода Надир-шаха на Бухару. Орудия были громоздкими, для перевозки каждого требовалось восемь быков. Малокалиберные пушки укреплялись на верблюдах. Орудия еще меньшего калибра перевозили на колесах, «заправленных в одну лошадь»<sup>60</sup>. Дальность полета ядра и его сила были ничтожными. Орудия больше наводили страх на необученных солдат противника, чем поражали цель. Очевидец писал об огне этих пушек: «Обессиленные дальним полетом ядра падали на землю, едва оставляя след на сухой почве. В конце их полета скорость была до того мала, что можно было видеть летящие ядра и увернуться от них, в случае если бы им пришла фантазия лететь прямо на Вас»<sup>61</sup>.

Во главе бухарских войск стоял топчи-боши-и-лашкар (начальник артиллерии), хотя нередко войска возглавлял либо эмир, либо его аталык.

Слабость бухарской армии чувствовалась при каждом столкновении с соседними ханствами. В первой половине XIX в. поражения в войнах с Хивой и Кокандом привели эмира к мысли о необходимости скорейшего проведения военной реформы.

Состояние военного дела в Бухаре в первой половине XIX в. следует подразделить на два этапа. Первый — до середины 30-х годов, т. е. до организации регулярных войск; второй — после организации этих войск в 1837 г. Толчком к военной реформе послужил приезд в Бухару русских солдат и казаков, сопровождавших миссию Негри в 1821 г. Но в 20-е годы создать регулярную армию эмиру не удалось, препятствием послужили восстания китай-кипчаков, смена правителей и междоусобица сыновей эмира Хайдара.

В 1837 г. эмир Насрулло приступил к формированию регулярной армии. Прежде всего была создана пехота. Ее солдаты (сарбазы) в военное время носили форму (красная куртка, белые штаны и персидская шапка), в свободное от службы время они ходили в халатах. К середине 50-х годов у каждого из 2,5 тыс. солдат было ружье со штыком, сабля и пистолет<sup>62</sup>. Первыми инструкторами в обучении регулярного войска в Бухаре были русские пленные.

В 1837 г. эмир организовал батальон артиллеристов (тупчи).

Сарбазы были первым регулярным войском. Это крупное новшество в истории военного дела Средней Азии вызывало недовольство в отдельных группах правящего класса, особенно у глав узбекских племен, отнюдь не заинтересованных в укреплении центральной власти. Поэтому эмир обошел их, набрав солдат из среды плененных персиян, русских и добровольцев из местных жителей.

Сарбазы постоянно жили в своего рода казармах со всем семейством<sup>63</sup>. Им выдавалось жалованье из казны по три рубля серебром в месяц. Один из очевидцев в своих записках «О военных силах Бухарского эмира» писал в 1856 г., что в Бухаре не было регулярной кавалерии, но иррегулярное конное войско постоянно находилось в полной готовности и насчитывало до 13 тыс. человек. Кавалеристы жили в своих городских домах и в мирное время, как и пехотинцы, занимались хозяйством, не получая из казны содержания.

В военное время им платили жалованье «по 2—3 тилло в месяц». Кроме того, в случае падежа собственной лошади взамен давали новую за счет казны. Кавалеристы назывались «галабатырами» и «касабадорами». Они были вооружены длинной пикой, саблей и винтовкой. Во время войны собиралось еще конное ополчение. Каждая область высылала свой контингент, именовавшийся по племенам — мангыты, кипчаки. Глава племени был командующим отрядов. Эти ополченцы получали жалованье наравне с постоянной кавалерией, а в случае падежа собственной лошади получали казенную.

Наконец, в военное время набирали особую рабочую команду, род саперов, снабжавшуюся топорами, мотыгами и лопатами. Команда вела осадные работы и возводила полевые укрепления<sup>64</sup>. Сарбазы и топчи служили бессрочно.

В первой половине XIX в. регулярная армия еще полностью не вытеснила иррегулярную. В эмирских походах карачириков часто было больше, чем сарбазов.

Сарбазы и артиллеристы не раз наводили страх на врагов, обеспечивая эмиру победу. Войска сыграли весьма существенную роль в борьбе центрального правительства с феодалами-сепаратистами, а также с соседними государствами. Кроме того, с организацией регулярной армии правящий класс получил постоянную вооруженную силу для подавления выступлений народных масс. Войска помогали сборщикам податей собирать налоги и наблюдали за выполнением крестьянами феодальных повинностей.

В первой половине XIX в. военная организация Кокандского ханства была слабее бухарской. Для укрепления политической мощи Кокандского ханства и борьбы с военно-феодальной знатью, не желавшей усиления ханской власти,

понадобились значительные военные силы. Удельные правители имели ополчение, в основном состоявшее из узбеков. В противовес им Алим-хан собрал войско из таджиков — выходцев из Матчи, Дарваза, Каратегина и других горных таджикских областей. Эти отряды составили ядро ханских войск, PDF Compressor Free Version в результате была создана армия из местного узбекского населения. В Кокандском ханстве, так же как и в Бухаре, основным назначением иррегулярных и регулярных войск было расширение подвластной правителям территории, охрана личности и собственности господствующих слоев, ограбление трудящихся и подавление народных восстаний.

### ПРОИСКИ АНГЛИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Интерес Англии к среднеазиатским ханствам в основном начал проявляться в 20-х годах XIX в., когда в Бухару, Коканд и Хиву стали приезжать английские путешественники и торговцы. В конце 1824 или в начале 1825 г. через Индию в Бухару прибыло несколько английских чиновников в сопровождении каравана из 150 верблюдов и военного отряда в 75 человек. Семеро из них были англичане, остальные — индийцы, иранцы, нанятые англичанами для obsługi. Отряд был одет в красные мундиры и вооружен несколькими пушками. Свое пребывание в Бухаре англичане мотивировали закупкой лошадей. Иноземцы привезли с собой разные товары — сукно, ситец, кисею, шелковые ткани и изделия из стали и продавали их бухарцам по заниженным ценам. Кроме того, они привезли большую сумму наличных денег. По словам очевидца, жителя Бухары Габитова, все англичане знали таджикский язык, а один из них ранее был в России и свободно владел русским языком. По приезде в Бухару они «на большую сумму сделали подарки хану и щедро дарили чиновников бухарских»<sup>65</sup>. Эмир Хайдар дружелюбно отнесся к приезжим. Они пять раз были у него на приеме, а у кушбеги бывали почти ежедневно. В их распоряжение был отведен караван-сарай, их продвижение по территории ханства не было ограничено. Они даже вмешивались во внутренние дела — в частности, помогли эмиру в подавлении восстания китай-кипчаков. Английские агенты добивались благожелательного расположения эмира к Англии и восстанавливали его против России.

Для достижения своих целей Англия пользовалась услугами индийских, персидских и афганских купцов и пыталась через них вытеснить соперничавшие с ней государства со среднеазиатского рынка. В 1833 г. бухарский караванный



начальник донес, что в Бухаре появились в значительном количестве английские товары, которые продают по весьма низким ценам по сравнению с русскими товарами. Например, кусок кисей в России стоил 50 руб., в Бухаре — около 8 руб. серебром; штука коленкора в 16 аршин в России — 27 руб., в Бухаре — 3 руб. В результате «бухарские купцы, сбыв с убытком привезенные из России бумажные изделия, не намерены были покупать их ныне»<sup>66</sup>. Англия путем демпинга хотела завоевать господство на бухарском рынке. В 1836 г. бухарский посол, проезжая через Оренбург, заявил, что англичане из Индии предложили Бухаре заключить соглашение «для поставки товаров на выгодных для Бухары условиях»<sup>67</sup>.

Царское правительство России принимало контрмеры. В инструкции вице-канцлера, данной 10 апреля 1839 г. инженер-капитану Ковалевскому, который должен был отправиться в Бухару, сказано: «Несколько лет тому назад со стороны англичан сделана была попытка войти в тесные торговые связи с Бухарией, для чего они присылали даже туда своих агентов, сверх того неоднократно появлялись в Бухарии товары их, которые нарочно продавались по довольно низким ценам, дабы уронить там мануфактурные произведения, привозимые из России»<sup>68</sup>.

Проанглийская политика Бухары продолжалась до первой англо-афганской войны.

После кровопролития, учиненного англичанами в Афганистане, отношение эмира к Англии резко изменилось. Тут сказались и воздействие России, не одобрявшей сближения Бухары с Англией. Эмир перестал допускать в свою страну английских агентов и стал сообщать царскому правительству о действиях англичан. Примерно в 40-х годах посол Бухары в России от имени эмира сообщил, что в Бухару стали «часто наезжать британские агенты с предложением войти в более тесные сношения с Бухарой, обещая взамен того доставлять бухарцам все нужные предметы самым выгодным для них образом»<sup>69</sup>. Англия всеми способами стремилась не допускать продвижения России в глубь Средней Азии, продолжая направлять в нее своих разведчиков. Так, в 1838 г. в Бухаре был арестован полковник Стодарт. Бухарские купцы сообщили царским властям в Оренбурге, что по приказанию эмира в 1839 г. в Бухаре было задержано семеро англичан, из которых шестеро были отпущены, но погибли в пути, не доехав до Кабула, куда они были отправлены. Седьмой был освобожден в начале 1840 г. и выслан из Бухары.

После неудачи в Бухаре в центр внимания Англии попала Хива. В 1840 г. туда были посланы капитан Шекспир и

А. Конолли. Последний посетил и Коканд, а на обратном пути был задержан в Бухаре, где его казнили вместе со Стоддартом.

Эмир прервал всякое сношение с областями, подвластными англичанам. Он запретил также бухарским купцам отправлять торговые караваны в Кабул. Индийцы и афганцы, проживавшие в Бухаре, были арестованы за тайную переписку с Кабулом.

В тревожное для народов Средней Азии время, когда Кабул временно был захвачен Англией, эмиру пришлось серьезно подумать о судьбе своего ханства. В 1840 г. он направил в Россию посольство с ходатайством «о защите Бухарии от англичан, грозящих ее завоевать»<sup>69</sup>.

Таким образом, миссии британских агентов в Средней Азии в первой половине XIX в. не принесли ожидаемых Англией результатов.

### РУССКО-БУХАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Из трех ханств Средней Азии наиболее оживленные сношения с Российской империей имела Бухара. В начале XIX в. Россия начала проявлять повышенный интерес к изучению экономической жизни и политического устройства ханства. С этой целью в Бухару стали направляться не только отдельные чиновники, но и целые миссии.

Русско-бухарские отношения в первой половине XIX в. можно разделить на два этапа. Первый из них охватывал первую четверть века. В этот период обе стороны значительно ближе знакомятся с положением дел друг у друга.

Первая попытка отправить посольство в Бухару была предпринята летом 1803 г. Цель его, по словам главы миссии, заключалась в том, чтобы «утвердить теснее мир и обоюдное народам доставить спокойствие; успокоить можно более торговлю и купеческим караванам сделать безмятежный через степь киргизскую проход, дабы торговлю российскую и бухарскую привести на высшую ступень и в цветущее состояние»<sup>70</sup>.

Однако из-за нападения хивинских и казахских грабителей посольство вынуждено было осенью того же года возвратиться в Оренбург.

Другая миссия, более важная по своей задаче, была отправлена в 1820 г. во главе с надворным советником Негри. Миссию Негри сопровождал также большой купеческий караван и пятьсот человек конвоя с двумя пушками. Миссия должна была урегулировать размер торговой пошлины с русских купцов на территории Бухары, а также добиться осво-



Городская стена в Бухаре

бождения русских пленных<sup>71</sup>. Однако эмир принял миссию недружелюбно и заставил ее покинуть пределы ханства. По возвращении в Россию участники миссии составили интересный материал для изучения истории Бухарского ханства.

После неудачи миссии Негри в русско-бухарских отношениях наступило некоторое затишье, продолжавшееся до 30-х годов. На этом закончился первый этап взаимоотношений Бухары с Россией. К этому периоду относится также приезд эмирских послов в Россию. Так, с 1801 по 1818 г. эмир отправил в Россию шесть посольств. С 30-х годов начался второй этап сближения, причем Россия стала проявлять большую активность в изучении экономической и политической жизни Бухарского ханства.

В 30-х и 40-х годах XIX в. в Бухару начали все чаще приезжать русские ученые, царские чиновники и целые миссии. Эмир Насрулло относился к России благосклоннее своих предшественников. Он видел в лице России надежного союзника и защитника от вторжения извне, видел в ней крупнейшее государство, с которым полезно и выгодно поддерживать торговые отношения. Насрулло говорил: «Дел мой и отец не ссорились с Россией, и я не хочу»<sup>72</sup>. В течение 1830—1843 гг. он четыре раза отправлял в Россию своих послов. Оживленной была и переписка. В 1841 г. Бухару посетила миссия Бутенева. Однако его переговоры с эмиром были неудачны:



последний отказался вернуть русских пленных и двух англичан (Стоддарта и Конолли).

После политической неудачи миссии Бутенева царское правительство решило, что «подобающего России влияния в Средней Азии можно приобрести не нравственными убеждениями, PDF Compressor Free Version им деспотам, а лишь проявлением материальной силы, которую одну они привыкли уважать»<sup>72</sup>. Иными словами, мирным отношениям между царской Россией и среднеазиатскими ханствами пришел конец.

## СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ХАНСТВ

### Ирригация

Экономическую основу Бухарского и Кокандского ханств составляли земледелие и скотоводство. В этих ханствах, как и во многих азиатских странах, земледелие было основано главным образом на искусственном орошении; без сооружения новых ирригационных каналов и восстановления старых невозможно было существование и развитие земледелия.

«Климатические условия и своеобразие поверхности, — писал Маркс, — особенно наличие огромных пространств пустыни, тянущейся от Сахары через Аравию, Персию, Индию и Татарию вплоть до наиболее возвышенных областей Азиатского плоскогорья, сделали систему искусственного орошения при помощи каналов и ирригационных сооружений основой восточного земледелия»<sup>74</sup>.

В Бухарском и Кокандском ханствах во второй половине XVIII в. были проведены значительные ирригационные работы. В Кокандском ханстве, например, из крупных рек — Нарына и Кара-Дарьи было выведено несколько оросительных каналов, в том числе Янги-арык<sup>75</sup>. В Бухарском же ханстве особенно энергично ирригационные работы велись в бассейне Зеравшана, из которого были выведены водные каналы — Джуй-хурма длиной четыре километра, глубиной метр и Джуй-саразим — длиной три километра, глубиной также метр. Воды этих каналов орошали земли Пенджикентского тумана, заселенного таджиками и узбеками.

При Шах-Муроде из Зеравшана было выведено много больших каналов (Казань-арык длиной 40 км и глубиной до 2 м, который орошал земли Ургутского тумана, большинство населения которого состояло из таджиков; зрык Тайман длиной 24 км, глубиной до 1,5 м, орошавший земли Ширазского тумана; Тогуз-арык длиной 24 км, глубиной до 2 м, орошавший земли Сугутского тумана). Кроме того, были выведены оросительные каналы также из Ак-Дарьи и Кара-Дарьи.

Большие ирригационные работы требовали новых методов привлечения населения на оросительные работы. При атамане Даниэле каналы прорывались или за счет казны, или частных лиц, располагавших необходимыми средствами<sup>76</sup>. Эти лица нередко пользовались бесплатным трудом немущего PDF Compressor Free Version сего от них населения. Земли, орошаемые новым каналом, государство передавало в пользование тому лицу, за чей счет был прорыт канал<sup>77</sup>, т. е. феодалу, ибо трудящиеся дехкане, не имея средств, не могли провести оросительные работы.

Одним из нововведений Шах-Мурода в организации оросительных работ было создание каналов «посредством особого наряда рабочих от хлебопашцев»<sup>78</sup>, превратив, таким образом, организацию этих работ в дело рук исключительно «высшего единства — деспотического правительства»<sup>79</sup>. Вскрывая роль правительства в организации оросительных работ и в подъеме или упадке сельского хозяйства в странах Азии, Марке писал: «в азиатских государствах земледелие приходит в упадок при одном правительстве и снова возрождается при каком-нибудь другом. Здесь урожай также зависит от хорошего или дурного правительства, как в Европе — от хорошей или дурной погоды»<sup>80</sup>.

Второе нововведение Шах-Мурода в ирригационном деле касалось изыскания средств для оросительных работ, а также для приобретения строительных материалов. Шах-Мурод ввел особый налог кош-пули в размере 40 копеек с каждого коша (48—50 таналов), взимаемый с земледельческого населения. Этот налог, однако, взимался только с трудящихся дехкан; светские и духовные феодалы были освобождены от уплаты его. Оросительные работы Шах-Мурод проводил не только в Западной, но и в Восточной Бухаре. До начала оросительных работ «через особые комиссии таналчей (землемеров) он [Шах-Мурод] разделил восточную часть своего государства на округа, а эти последние на тумени [тумоны]»<sup>81</sup>.

Расширение оросительной сети вело к увеличению посевов зерновых и технических культур, а также к развитию огородничества и садоводства.

Сооружение новых каналов имело также и другое прогрессивное последствие: вдоль них оседали кочевники, переходя к земледелию<sup>82</sup>. В конце XVIII в. процесс оседания кочевников имел место как в Западной и Восточной Бухаре, так и в Кокандском ханстве.

В. В. Бартольд отмечал, что узбеки, оседая, основывали селения, давали им названия, причем существовало большое число мелких селений, носящих название одних и тех же родов или колен. Этот факт, по его мнению, свидетельствовал о

том, что в Бухарском ханстве в отличие от Хивы кочевники переходили к оседлости небольшими частями рода, а не всем родом<sup>83</sup>. Переход кочевников к оседлости сопровождался борьбой за землю между ними и оседлым населением<sup>84</sup>. Вероятно, этим объяснялись медленные темпы оседания кочевников. PDF Compressor Free Version

Как писал Мейендорф, в начале XIX века в Бухарском ханстве насчитывалось еще около миллиона кочевников<sup>85</sup>.

**Земледелие** В Бухарском ханстве выращивали пшеницу, рис, просо, лен-кудряш, горох, фасоль, ячмень, джугару, кунжут, бобы и люцерну. Эти же культуры сеяли и в Кокандском ханстве. Джугару употребляли не только на корм скоту; она служила основной пищей главным образом для бедных слоев городского и сельского населения.

Источники свидетельствуют, что урожай указанных культур был хороший. «Несмотря на великие в летнее время жары и недостаток дождей, хлеб в сей стране [Бухаре] почти всегда родился изобильно и даже иногда бывает по две жатвы»<sup>86</sup>.

Из технических культур возделывали хлопок, табак, коноплю, красильные растения; причем о хлопководстве сообщается: «Разведение хлопчатой бумаги составляет также немаловажный предмет промышленности жителей Бухарии... для посева ее избирают места песчаные и сеют около 8 пудов на десятину»<sup>87</sup>.

В Бухаре выращивали различные сорта винограда, яблоки, груши, шелковицы, сливы, гранаты, абрикосы, персики, различные ягоды, миндаль, лук, морковь, огурцы, тыквы, дыни и арбузы. В садах кроме фруктовых сажали деревья, шедшие на строительство.

Источники отмечают также развитие скотоводства, каракулеводства, особенно у кочевников-киргизов и узбеков Каратегина, Куляба и некоторых других местностей. Было много верблюдов, ослов, рогатого скота и особенно овец. «Шкурки молодых барашков или мерлушки бывают здесь [в Бухаре] отменной доброты»<sup>88</sup>. — писал очевидец. Часть населения специально занималась коневодством и выводила ценные породы лошадей.

В 40-х годах XVIII в. феодальные усобицы и нашествие Надир-шаха привели в упадок сельское хозяйство Бухары. Особенно пострадало шелководство — одно из важных подспорий населения. Шелковичные насаждения были распространены почти во всех районах. Сушеный тут являлся важным подспорьем в питании местных жителей.

Во второй половине XVIII — начале XIX в. в Бухарском и Кокандском ханствах происходило восстановление сельского



хозяйства, что положительно сказывалось на всей экономической жизни страны. Однако техника земледелия была крайне примитивной. Пахали деревянной сохой (омач), которая лишь взрыхляла почву. Поле бороновали деревянной бороной (мала). Урожай убирали серпом.

PDF Compressor Free Version

В странах Средней Азии — Афганистана и Бадахшана в целом значительная часть дехканских земель находилась по крутым склонам гор на каменистой почве, поэтому пахать омачом было чрезвычайно трудно. Здесь нередко почву обрабатывали кетменем. Для получения небольшого урожая необходимо было приложить огромные усилия.

**Землеуладение** В странах Азии, в том числе в Бухарском и Кокандском ханствах, верховным собственником земли являлись феодальные государства, выражавшие волю светских и духовных феодалов.

Маркс, говоря об аграрных отношениях на Востоке, писал: «Государство здесь — верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе»<sup>89</sup>.

Но наличие верховного собственника отнюдь не мешало существованию частной собственности на землю. Крупные феодалы по своему усмотрению использовали свои земельные богатства. Даже дехкане, владевшие землей, обрабатывали ее, передавали по наследству и иногда даже, вопреки предписанию шариата, продавали<sup>90</sup>, хотя они не были собственниками земли, а скорее всего временными арендаторами и фактически находились на положении крепостных. Между тем юридически крепостного права в Бухарском ханстве не было<sup>91</sup>.

По-видимому, можно считать, что в среднеазиатских ханствах существовали земли амляковые, милковые, хараджные, вакуфные и танхо.

Амляковые земли считались государственными. Их владельцы не имели права ни завещать эти земли своим наследникам, ни обращать в вакфы, ни отдавать в залог, ни предъявлять на них иск; иными словами, амляковые земли не отчуждались. В этом была их главная особенность<sup>92</sup>.

Право на владение амляковыми землями не было вечным: оно утрачивалось, и земля возвращалась государству, как только владелец прекращал ее обработку. Амляковые земли существовали на территории почти всех современных северных районов Таджикистана под названиями «замини амлок, замини подшохи, замини султони» и пр. Общее количество их не установлено. Но их было немало. Так, в 60-х годах только в Ура-Тюбинском владении было около 9020 таналов амляковых земель<sup>93</sup>. На этих землях работали арендаторы, нередко вносящие в казну по две пятых урожая. Поэтому крестьяне иногда отказывались пользоваться амляковыми землями. Так 600 та-

напов земли в кишлаке Хайрабад (верховья Зеравшана) были государственными. При эмире Насрулло беки отдавали их в обработку жителям кишлаков Мади и Кум и каждый год получали с них по 2 тыс. тенег хараджа. Дехкане не могли внести такие огромные суммы и в конце концов вынуждены были отказаться от них. Они оказались брошенными, а оросительная система разрушенной. После этого земли были отданы 35 жителям кишлака Дар-Дар<sup>96</sup>.

Земли милки-хурр-и-халис были обеленные частные земли, с которых государство не взимало никаких налогов. Основными владельцами земли милки-хурр были ишаны. Таких ишанов в Северных районах Таджикистана было немало, и они имели своих мюридов во многих кишлаках Ура-Тюбинского, Ходжентского, Джизакского районов и даже в Зеравшанской и Гиссарской долинах. В кишлаках милковые земли были самыми лучшими, плодородными и обильно орошаемыми. Так, в Ура-Тюбинском и Ганчинском районах насчитывалось 4750 танапов молочной земли, расположенной в 78 кишлаках<sup>97</sup>. Кроме того, около 414 мер воды тоже были милковыми, т. е. обеленными, как и пахотная земля. Владельцы милковых земель, называемые «милкдор» (собственник милка), как правило, сами своих земель не обрабатывали, а обычно отдавали их в аренду дехканам за определенную часть урожая, этих арендаторов называли «коранда»<sup>98</sup>.

Милковые земли, воду и другое имущество милкдор мог пожертвовать в вакф. А в случае смерти милкдора право пользования землями и водой переходило к его наследникам, если последние предъявляли хану или эмиру документы на право наследования. На основе такого документа правитель составлял и вручал наследнику новый документ, подтверждавший его право на землю предков.

Право пользования милки-хурром подтверждалось каждым новым правителем, о чем свидетельствуют документы. Так, в конце XVIII в. некий Мухаммад Солах ходжа получил от правителя Ура-Тюбе Худояра девоибегги подтверждение на право владения имеющимися у него землями. В 1804 г. эмир Хайдар выдал ему новый документ на владение тем же милком<sup>99</sup>. И это понятно. Ведь каждый новый правитель мог сохранять власть, лишь заручившись поддержкой феодалов-ишанов — основных владельцев милков.

Некоторые землевладельцы приобретали милки-хурр путем покупки. При этом все права прежнего милкдора переходили новому владельцу, а эти сделки подтверждались государем.

Вакуфные земли делились на земли, пожертвованные религиозным учреждениям, на общественные и семейные земли. Обладатели вакфа пользовались сборами с этих земель пол-

ностью или частично. Вследствие большого влияния духовенства и покровительства, оказываемого ему эмирами (особенно при эмире Хайдаре и его отце Шах-Муроде), количество вакуфных земель очень возросло. Так, в Бухарском ханстве вакуфное землевладение духовных феодалов составляло 24 пр. **PDF Compressor Free Version** площади<sup>98</sup>.

В Пенджикентском районе насчитывалось более 1600 тананов вакуфных земель, принадлежащих мадраса, мечетям, мазарам и т. п., в Кштуте — около 400 тананов. Половину вакуфных площадей в Пенджикенте и Кштуте составляли богарные земли, относившиеся к категории семейных вакфов (вакфи авлод)<sup>99</sup>. Вакуфные земли имелись в 70 кишлаках Ура-Тюбинского владения и занимали 10 тыс. тананов. В небольшом кишлаке Итарчи с 64 домами (Ура-Тюбинский район) было 2280 тананов вакуфной земли<sup>100</sup>. Отдельные мадраса и мечети обладали огромным количеством вакуфной земли и разного другого имущества. Например, мадраса Худояра-валлами в Ура-Тюбе имела 2400 тананов земли, несколько лавок и много другого имущества. Вакф Халифа Хасана в кишлаках Хурми и Пори Пенджикентского района состоял из тысячи тананов земли и нескольких мельниц<sup>101</sup>.

Как известно, согласно шариату, при пожертвовании семейных вакфов их владельцы имели право на известную долю дохода с них или на управление ими. Такая форма жертвования стала источником для спекулятивных сделок землевладельцев с вакуфными учреждениями. Под видом семейных вакфов крупные землевладельцы сохраняли за собой и за своим потомством право на фактическое пользование этой землей. Такое почти фиктивное перенесение прав владения на вакуфное учреждение с сохранением, однако, прав пользования гарантировало имущество от залога или продажи за долги. Такой род вакфов имел место во всех ханствах Средней Азии.

За сохранностью вакуфного имущества и за правильностью использования доходов с него должны были следить правители той области, на территории которой оно находилось. А так как доход с него непосредственно в их казну не поступал, то фактические правители никакого надзора за ним не вели. Казни, как блюстители шариата, вместо контроля за вакфами сами участвовали в расхищении их имущества и доходов. Они составляли фиктивные документы и продавали вакуфное имущество. Часто казни незаконно получали доходы, причисляя себя к муддаррисам и мутавалли мадраса. «Вакфы при ханском правительстве были овцами без пастыря, поэтому непрестанно приходили те или другие волки и расхищали этих овец, до которых мусульманскому правительству... никакого дела не было... Мутавалли, муддаррисы, мудды и имамы как лица, лишь временно связанные с интересами учреждения, отнюдь



не заинтересованы будущим этого учреждения и принадлежащего ему имущества, они заботятся лишь о том, как бы побольше получить из вакуфного дохода»<sup>102</sup>.

Земли, закрепленные за населением, платившим за них харадж (поземельный налог) или ушр (десятину), назывались харидж. Так, после присоединения Средней Азии к России в Ходжентском уезде насчитывалось 82 804 танапа таких земель, из них в Ура-Тюбинском районе было около 2500.

Большинство этих земель не орошалось, и урожай на них зависел от количества атмосферных осадков. В одном из своих отчетов начальник Ходжентского уезда писал, что участки, принадлежавшие населению, состоят исключительно из богарных земель<sup>103</sup>. Многие крестьяне не имели собственной земли. Так, четыре с лишним тысячи дехкан в 26 кишлаках Ура-Тюбинского района собственных полей не имели и работали на землях милк-и-хурр, принадлежавших крупным феодалам. По далеко не полным данным, безземельное население составляло не менее 25% жителей Зеравшанской долины<sup>104</sup>.

В кишлаке Тарилу Ура-Тюбинского района из 250 танапов земли 247 принадлежали милковладельцам и только 3 танапа дехканам, в то время как их здесь проживало около 175 человек. Особенно в тяжелом положении находились дехкане горных районов — Матчи и Фальгара. Занятие земледелием не обеспечивало их продовольствием. Безземельное население было вынуждено на любых невыгодных условиях работать на земле феодала, который был полновластным хозяином дехканина и распорядителем всей земли. Дехканин-арендатор, юридически не будучи крепостным, фактически находился в его положении.

Немало земель было занято садами, огородами, виноградниками. Так, в Ходжентском уезде под овощами было занято в среднем 1456 танапов, а под садами и виноградниками — 8044. Много удобной земли занимали сады в Фальгаре и соседних с ним нижних кишлаках Матчи. Сады, огороды и виноградники располагались на поливных землях и большей частью принадлежали религиозным учреждениям, милкдорам и государству. Крестьянин, владевший хотя бы небольшим виноградником, часто не имел средств для обработки его. Поэтому ему приходилось идти к торгашу-ростовщику, чтобы под залог своего поля, сада или виноградника получить необходимую сумму (не превышавшую стоимости залога). Ростовщик получал годовой урожай с земли должника. Это называлось «хосил гарав» (залог урожая) и оформлялось соответствующим юридическим документом через казия. Если за год или два дехканин не мог уплатить своего долга, а ростовщик требовал денег, дехканин был вынужден продавать свою землю. Причем, если продажная цена не превышала суммы долга, ростовщик

мог вместо денег присвоить себе заложенное имущество. Если же цена превышала сумму долга, ростовщик доплачивал разницу. Чаще всего цена заложенного имущества не превышала суммы долга, ибо так называемая оценочная «комиссия» состояла из представителей местной власти, защищавшей интересы **PDF Compressor Free Version**

Крупные землевладельцы в виноградниках и садах использовали наемную рабочую силу — мардикоров, работа которых оценивалась в зависимости от экономического состояния района. В голодные годы рабочая сила стоила дешево. Цена зависела еще от того, брал ли хозяин на себя обеспечение работника питанием. В последнем случае плата снижалась наполовину. Заработная плата мардикора была очень низкой (10—20 руб. в год).

Следующий вид землевладения — общественные земли. Они располагались в степных районах вблизи зимовок кочевников и в горах. Луга и пастбища считались общинными, но ими пользовались преимущественно крупные скотоводы.

В Матче и Фальгаре выгоны составляли обширное владение и с давних времен были поделены между жителями отдельных или нескольких кишлаков. Однако точных границ не было, вследствие чего между кишлаками ежегодно возникали споры из-за обладания тем или другим выгоном. В равнинных районах общественными были богарные земли. Они входили в категорию «мертвых земель» (замини мавот). Никто их не возделывал, не занимал, и они могли быть предоставлены государем «оживителю». Мертвыми признавались не только необработанные земли, но и покинутые неизвестными хозяевами и вообще свободные. Богарные земли к юго-западу от Ура-Тюбе на возвышенности Кухак считались общественными, никаких прав собственности на них не было, и из-за неплодородности они почти не обрабатывались. Иногда их брали под пашню те жители окрестных кишлаков и города, которые имели рабочий скот и необходимые сельскохозяйственные орудия. В таких случаях с крестьян, возделывающих эти земли, брали налог как за хараджные земли<sup>106</sup>.

Выгоны в верховьях Зеравшана по долинам Фан-Дарьи и Искандар-Дарьи никому не принадлежали. Сюда пригоняли свой скот жители долины Зеравшана, Джизака, Гиссара, Заамина и других районов<sup>106</sup>.

Горные леса тоже считались общественными. Ими в основном пользовались безземельные бедняки оседлого населения и киргизы-кочевники, которым лес служил добавочным средством существования. Лес рубили на дрова, жгли из него уголь для продажи в городе.

При купле и продаже земель руководствовались нормами шариа, и сделки на это совершались у казиев по общей фор-

ме. Владелец земли или его доверенное лицо и покупатель выступали перед казимем, тот выслушивал их и писал купчую крепость «васика», в которой указывалось местонахождение земли, бывшая ее принадлежность и то, кому она будет принадлежать впредь, с указанием суммы ее стоимости. Казий удостоверял совершившейся купли-продажи приложением своей печати.

Цена на землю зависела от ее плодородности, орошаемости, расстояния до кишлака или города и др. В первой четверти XIX в. стоимость земли в Бухаре колебалась от 200 до 2 тыс. руб. за танап<sup>107</sup>.

Цены на земли, занятые под садами и виноградниками, были очень высокие, особенно они поднялись в связи с увеличением объема торговли с Россией и повышением цен на сушеные фрукты.

Недостаток и примитивность орудий труда, незначительное количество рабочего скота с давних времен способствовали возникновению системы взаимопомощи между дехканами (хашар). Большой частью во время уборки урожая с полей и обработки виноградников дехкане приходили на помощь один другому. Труд этот не оплачивался. Чаще всего на помощь приходили родственники или соседи.

Светские и духовные феодалы превратили хашар в своеобразную форму отработочной ренты, всячески вынуждая дехкан оказывать им такую «помощь». Кроме сельскохозяйственных работ под видом взаимопомощи феодалы использовали крестьянский труд на строительстве караван-сараяв, мостов, мечетей, мадраса, городских стен и т. п. Дехкане обязаны были приносить с собой еду, так что феодал, очень часто ишан, не только не тратил денег, но «превращал эти деяния в довольно выгодную покупку «саваба», с одной стороны, и условной популярности — с другой»<sup>108</sup>.

К сожалению, материалов, сколько-нибудь полно характеризующих распределение земли в этот период, нет. Для примера возьмем некоторые данные по Ходжентскому уезду, за исключением долины Зеравшана, районов Исфары и Канибадама. за 60-е годы XIX в. Всего пахотной земли было 100 892 танапа, из них 82 809 танапов (82%) являлись хараджными землями, остальные 18 083 танапа (18%) состояли из амляковых, милковых и вакуфных земель. Население уезда приблизительно определялось в 74 900 человек. Из них основных милковладельцев насчитывалось 600 человек (0,8%); торговцев и ремесленников — 2636 (приблизительно 3,5%); 71 664 человека (95,7%) составляли земледельческое население уезда<sup>109</sup>.

Даже такая очень приблизительная статистика показывает, что в северных районах современного Таджикистана ничтожное меньшинство (около 1%) владело 18% лучших земель, а



абсолютное большинство — трудовое дехканство — эксплуатировалось духовными и светскими феодалами, включая и государство. Их собственность на землю была основой социального строя.

**Полезные** Территория Средней Азии была очень богатыми различными полезными ископаемыми. Однако господство феодальных производственных отношений, отсутствие специалистов, знакомых с назначением и способом обработки большинства металлов, тормозили добычу ископаемых богатств.

Добыча целого ряда металлов не обеспечивала потребности в них ханства. Поэтому многие металлы поступали из-за границы: золото из Персии, Индии и из России (в виде голландских червонцев), серебро из Китая, медь и железо из России. Поэтому «в шестидесятых годах прошлого столетия ходжентские и уратюбинские литейщики не столько плавляли руду, сколько занимались переплавкой старого чугунного лома на разные предметы сельского хозяйства и домашней утвари, как котлы, чирати, сошники, втулки для арб, ступки и т. п.»<sup>110</sup>.

Правда в XVIII в. таджики, жившие в зеравшанских горах, добывали немного золота по течению рек Зеравшана и Искандар-Дарьи.

Однако золото, получаемое кустарным способом, не могло удовлетворить потребности страны.

В XVIII и в начале XIX в. в Бадахшане интенсивно добывали ляпис-лазурь (лазурит), употреблявшийся главным образом для окраски тканей. В начале XIX в. ханы стали обращать особое внимание на добычу свинца и селитры, ибо они им были нужны для приготовления пуль и пороха. Свинец и серебро добывали в районах Ура-Тюбе и Ферганы, соль и графит — вблизи Бухары, бирюзу, медь, сурьму, железную руду — в Нурате, гипс — в Самарканде, селитру в Ура-Тюбе. В долине реки Исфары известно было месторождение нефти, здесь же встречались бирюза, изумруды, яхонты, рубины<sup>111</sup>.

Верховья Зеравшана были богаты серой, селитрой, сурьмой, каменным углем и многими другими ископаемыми. Сера добывалась близ крепости Сарвада (Фальгар). Исключительное право добычи серы принадлежало бекам. Однако большинство местных месторождений не разрабатывалось, и серу привозили из Герата и Балха. Жители верховьев Зеравшана не имели ни малейшего представления о каменном угле и не верили, что камень может гореть, до тех пор, пока при них не зажгли груды угольных кусков<sup>112</sup>.

Страсть эмира к созданию сокровищ заставила его в конце 30-х годов XIX в. обратиться к правительству России с просьбой помочь в разведке местонахождения полезных ис-

копаемых. Царское правительство в 1841—1842 гг. послало в Бухару горных инженеров под руководством Бутенева. Задача миссии Бутенева заключалась в изучении «благородных металлов и камней, так же как и руд, находящихся в Бухаре»<sup>113</sup>. В верховьях Зеравшана миссия разведала и определила местонахождение угля, кварцевого сланца, железного купороса. Однако практически результаты этой работы были очень незначительны.

Разработка полезных ископаемых, обнаруженных миссией Бутенева, велась в небольшом объеме, крайне примитивно, хищническими методами. Ни в одном из ханств добыча полезных ископаемых не достигала сколько-нибудь значительных размеров. Разработка месторождений часто носила эпизодический характер.

Месторождения железной руды находились в горах Шах-рисяба, Байсуна, в Каратаге, а также в верховьях реки Ванч, особенно по ее долине. В селениях Поимазар, Пишхарв, Потоу издавна занимались кустарной выплавкой черного металла, имевшего местное значение. Довольно развито было кустарное производство железа в Бадахшане. Несмотря на то что месторождения железной руды были достаточно известны, во многих районах иногда предпочитали собирать руду в речной гальке (например, вблизи Байсуна, у селения Авлят).

Способы выплавки железной руды были очень примитивны. Ее выплавляли с помощью изготовленного из арчи угля, который подвозился с отдаленных гор на ослах.

Рудоплавильщики свозили железо туда, где концентрировались кузнечные мастерские. Таким пунктом помимо Дарваза был Гарм. В некоторых местах кузнецы перебирались к источникам сырья и там же на месте изготовляли из железа различные предметы хозяйственного назначения. А из Гисара кузнецы на лето обычно перебирались в Каратаг, поближе к железорудному району, здесь они временно размещались за городом на правом берегу Каратаг-Дарьи<sup>114</sup>.

В первой половине XIX в. значительно оживляется добыча цветных металлов. Во многих районах современного Южного и Восточного Таджикистана были известны месторождения золота. В россыпях оно имелось на реке Вахш, в районе Бальджуана, в Сафеддарьинском ущелье, в среднем и верхнем течении Пянджа (особенно у селения Гармчашма, на правом берегу этой реки), а Бадахшан, как считали, просто изобилует золотом.

Хотя были известны многие пункты месторождения золота, масштаб его добычи был незначителен. У Гармчашмы на Памире существовала группа золотопромышленников в 20—30 человек; но, как правило, золотопромышленные группы

состояли из 3—4 человек. Техника добычи золота была крайне примитивна.

Месторождения серебра были известны у перловьев реки Гунт, в местечке Кумишджилга (недалеко от озера Яшил-куль). Там же имелось месторождение свинца.

В горах Куйтан-Тау, вблизи Келифа, находились свинцовые рудники, снабжавшие все ханство. Выплавка производилась по мере надобности. Всего ежегодно добывалось от 48 до 160 пудов свинца. Для его добычи собирали знающих мастеров из ближайших кишлаков и районов<sup>115</sup>.

На берегу Пянджа, близ Шугнана, добывали рубины. Здесь кустари-производители рубина до 20-х годов XIX в. наследственно владели месторождением этого драгоценного камня. Свое искусство шлифовки рубинов они передавали из рода в род.

В первой половине XIX в., как и раньше, население широко пользовалось природной каменной солью. Ее месторождения были известны в районах Карши, Байсуна, селения Норах, в горах Ходжасартиса и Ходжамумина на юге современного Таджикистана. Селитра разрабатывалась в районах Карши, Шахрисябза, а также вблизи селений Наукат, Шахар-Джуй, Кармок и в других местах между Денау и Камаша. В районе Гузара в 30-х годах прошлого века добывался графит.

**Городские ремесла** Население городов Бухарского и Кокандского ханств занималось в основном ремесленным производством и торговлей. Но городские жители занимались не только кустарным производством, а и земледелием, сельские же — не только земледелием и скотоводством, но и домашним промыслом. Их хозяйство еще носило натуральный характер.

О соединении городского ремесла с земледелием свидетельствуют следующие факты из истории второй половины XVIII в. Так, жители города Бухары, кроме знати, «все почти пахотные, торговые, мастерские и ремесленные...», жители Ходжента занимались земледелием в черте города и в ближайших окрестностях<sup>116</sup>. Надо полагать, что такое же положение существовало во всех городах Бухарского и Кокандского ханств. Так, Ф. Ефремов сообщает, что в Бухаре «множество шелку . . . в великом количестве родится здесь хлопчатая бумага», из которых ремесленники вырабатывали различные изделия. О ремесле в кишлаке рассказывает Т. С. Бурнашев: «Некоторые из сельских жителей, подобно городским, прядут бумагу и шелк и ткнут материи; но те и другие не имеют для работ особенных зданий, а справляют их в своих домах»<sup>117</sup>.

В городах и кишлаках было очень распространено текстильное ремесло. Ткачество было специализировано; отдель-



ные операции были закреплены за определенными кварталами и определенными лицами. Например, в Ходженте были кварталы теребилыщиков хлопка (пахтакаш), мотальщиков шелка (пиллакаш), кварталы, где ткались шелковые и хлопчатобумажные ткани, и т. д.<sup>118</sup>

Из хлопчатобумажной ткани ткались разнообразные ткани, необходимую для женской и мужской одежды. Ткацкие станки в Дарвазе (как надо полагать, и по всей Средней Азии) были примитивны. Однако, несмотря на это, продукция ткачей отличалась высоким художественным качеством и пользовалась заслуженной славой.

В Бухаре, Самарканде и Каратаге выделяли многоцветные шелковые ткани «шохи» и атлас с богатым и разнообразным орнаментом «абр» (облако). В Ходженте, кроме того, ткали полушелковые ткани — пестрый адрас и полосатый бекасаб, а также бумажные полосатые ткани алача и калами<sup>119</sup>.

Большим спросом среди городских и сельских жителей пользовалась бумажная и шелковая алача.

Ткали и мужчины и женщины; дехкане этим ремеслом занимались в зимнее время, когда были свободны от сельскохозяйственных работ<sup>120</sup>. В Дарвазе, как и в других местах Средней Азии, из шерсти ткали различные шерстяные и полушерстяные ткани.

Продукция сельских тканей шла прежде всего на удовлетворение потребностей жителей своего села, и лишь крайне незначительная часть ее реализовалась в соседних кишлаках. Продукция же городских ткачей, работавших в небольших мастерских, шла в основном на продажу.

Кроме ткачей, были кузнецы, серебряных и золотых дел мастера, гончары, деревообделочники, оружейники, сапожники и другие мастера. При дворце хана работали ремесленники различных специальностей, в частности ткачи ковров, шелковых материй, ювелиры. Во всех городах Бухарского и Кокандского ханств ремесленники одной профессии образовывали своего рода корпорацию, занимая тот или иной квартал. Многие кварталы Ходжента, например, были специализированы по обработке металла и изготовлению металлических изделий (кварталы котельщиков, звоночников, оружейников и др.).

По-видимому, продукция ходжентских ремесленников не только удовлетворяла потребности местных жителей, но и вывозилась в соседние вилояты Бухарского и Кокандского ханств. В продукции каждого города ведущее место занимало какое-нибудь определенное изделие. Так, Гиссар и Каратегин славились своими клинками — саблями и ножами, которые вывозились в другие районы Средней Азии. В XVIII и XIX вв.

город Ура-Тюбе был известен своими мастерскими, в которых изготовлялось холодное оружие, качеством близкое к гиссарским клинкам.

Долина Ванча славилась своим железом. Здесь «с незапамятных времен выплавливается чугуи и выделываются железо и сталь»<sup>121</sup>. Отсюда вывозились чугуи, железо и сталь в близлежащие местности и даже в Кокандское ханство.

Ни в Западной, ни в Восточной Бухаре не было ни заводов, ни фабрик<sup>122</sup>.

Развитию ремесленного дела, однако, сильно мешали феодальные порядки и цеховое устройство ремесленников. В каждом ремесле были мастера (усто) и ученики (шогирд). Мастер выступал в качестве эксплуататора учеников и других исполнителей работ; без его разрешения никто не имел права принимать и исполнять заказ; его воля была законом для всех подчиненных ему лиц.

Развитие кустарного ремесла и торговли способствовало росту городов. Коканд и Наманган, основание которых относится к первой половине XVIII в., стали крупными городами именно во второй половине этого столетия. Выросло экономическое значение Балха, Гиссара и Термеза.

В первой половине XIX в. города Бухара, Коканд, Хива были столицами ханства, другие — Самарканд, Ташкент, Ура-Тюбе, Ургут — центрами более мелких феодальных владений, часто независимых от ханов. Крупнейшим городом в Средней Азии считалась Бухара. В первой четверти XIX в. здесь проживало около 70 тыс. человек, в Самарканде — 30 тыс., в Ходженте — 17 тыс., в Ура-Тюбе — 12 тыс.

Так, в Ходжентском уезде насчитывалось 2616 лавок и ремесленных заведений. Из них 621 (23,7%) было расположено в кишлаках, 1995 (76,3%) в городах Ходженте и Ура-Тюбе. Многие ремесленники работали в Исфаре, Канибадаме и Пенджикенте.

Основным источником дохода кустарей была продажа их продукции.

Положение ремесленников мало отличалось от положения крестьян. Их дневного заработка едва хватало на обеспечение семьи и покупки сырья. Вот что писал очевидец: «В течение зимы, которую я провел в Бухаре, хорошая погода вызывала жалобы сапожников. Трудясь целый день, они зарабатывали лишь 45 пулов. Хлеб, необходимый для пропитания самого бедного человека, поглощает более половины этой суммы, а ему еще нужен рис более чем на 10 пулов. Таким образом, при полном отсутствии мяса у таких ремесленников остается только 25 копеек ассигнациями в день на одежду и квартиру»<sup>123</sup>.

Ремесленники передавали свое мастерство по наследству от отца к сыну или братьям. Каждое ремесло имело цеховой устав «рисола», где были указаны виды и размеры производства того или иного изделия. Ремесленник не мог нарушать эти правила, поэтому введение каких-либо новшеств было сопряжено с большими трудностями из-за этой средневековой регламентации и оппозиции духовенства.

В первой половине XIX в. в Южном и Юго-восточном Таджикистане было значительно развито специализированное кузнечное ремесло. Одни производили мелкие изделия (деревянные цепи, подковы, гвозди, скребки). Другие занимались ковкой различных инструментов для плотников, землекопов и земледельцев. Третья группа изготовляла шилья, подпилки, ножины, бритвы и разнообразные ножи. Имелись и такие специалисты, которые делали холодное и огнестрельное оружие. Их было очень мало, и они выполняли лишь заказы своих правителей. В середине XIX в. правитель Гиссара имел медное огнестрельное оружие. Возможно, оно было изготовлено в самом Гиссаре. Для производства высокосортных клинков оружейники использовали старые шашки и сабли дамасской стали. Гиссарские мастера славятся производством исключительно добротных клинков. Красивые ножи из стали с рукоятками, выложенными золотом и серебром, изготовляли в Карши.

Каждый мастер-кузнец имел помещение, где находился горн с мехами, сделанными из козьих шкур. В одном из кварталов Гарма сто хозяйств ремесленников занималось обработкой железа.

В XIX в. из-за дороговизны меди в Бухарском ханстве большое распространение получили чугунные пушечные стволы. Очень часто они изготовлялись местными котельщиками. В этом отношении славятся котельщики Шахрисябза. Здесь, между прочим, в середине XIX в. отлили самый крупный пушечный ствол. Для него был устроен очень массивный по тому времени станок на двенадцати колесах<sup>124</sup>.

Так же как и в XVIII в. самым распространенным ремеслом было ткачество, которым занимались и мужчины и женщины.

Основными орудиями производства служили ручной хлопкоочистительный станок и деревянная прялка. Для прядения грубой пряжи из хлопка и шерсти повсеместно пользовались ручным перетеном. Главным же образом применялся деревянный ткацкий станок простейшей конструкции. Ремесленники-ткачи, специализируясь на одном-двух видах изделий, достигали высокой степени совершенства. Но это не облегчало их положения. Их нещадно эксплуатировали феодалы. Работая с раннего утра до позднего вечера, ткач успевал изготовить



но оживилась. Из России в Среднюю Азию, в том числе и в Бухару, ввозили «рыбий зуб» (моржовые клыки), охотничьих птиц (соколов и кречетов), олово, золото в иностранной монете, сукно, ткани, меха. Некоторые русские товары вывозились из Бухары в Герат, Балх и другие области по левому берегу Аму-Дарьи, а оттуда в Кабул и к северо-западным границам Индии<sup>135</sup>.

В первой половине XIX в. происходил дальнейший рост внутренней и внешней торговли. Внутренняя торговля в ханствах велась в основном между городами. Об этом свидетельствует увеличение числа караван-сараев и лавок в городах. Так, в 1820 г. в Бухаре было 14 караван-сараев, а в 1825 г. уже 35. В первой четверти XIX века в Ура-Тюбе имелся один караван-сарай, к середине столетия — три, а в Ходженте — пять. Караван-сарай были и в других городах на территории современного Северного Таджикистана, Исфаре, Канибадаме, Костакозе, Гулякандозе и Нау.

Крупным торговым и транзитным пунктом для всей Средней Азии служила Бухара. Иностранцы, побывавшие здесь, писали, что в городе существовали большие базары и лавки и что Бухара «город весьма торговый и населенный». Тут были многочисленные крытые улицы с рядами лавок по сторонам, тянувшимися на протяжении полуверсты. Ежегодно в Бухару доставляли товаров на 12—15 тысячах верблюдов<sup>136</sup>.

Бухара славилась выработкой шелковых, полушелковых и хлопчатобумажных материй. Только в «растан читфуруши» (ситцевом ряду) насчитывались 284 лавки<sup>137</sup>. Примерно такая же картина имела место и в других городах (Ходженте, Канибадаме, Исфаре).

Ходжент был важным торговым пунктом, через который купцы провозили свои товары из городов Бухарского ханства в Кокандское и обратно. Многолюдным был и базар в Ура-Тюбе. Сюда приезжали жители Матчи, Фальгара и даже Гиссара и Каратегина. Население верховьев Зеравшана сбывало здесь продукцию сельского хозяйства, а приобретало взамен все необходимое для обихода.

В Ходженте и Ура-Тюбе лавки были сосредоточены на городских базарах. Так, из 854 лавок и ремесленных заведений Ура-Тюбе 642 находились на базаре, а остальные 212 были разбросаны по всему городу. Только на двух ходжентских базарах насчитывалось 790 лавок<sup>138</sup>.

Торговлей занимались даже эмиры и ханы. Они были крупными оптовыми торговцами и благодаря своей неограниченной власти и связям получали огромные прибыли.

Все бухарские послы, приезжавшие в Россию, кроме дипломатической миссии выполняли и коммерческие задания эмира. Эмиры держали тесный контакт с крупными торговы-



Мадраса в Ходженте

ми представителями, которым предоставляли большие льготы по части оптовой торговли и порою даже освобождали от второстепенных поборов. Зато притесняли средних и мелких торговцев. Последние нередко скрывали количество своего товара от алчных глаз хана и его должностных лиц. В ханстве «опасно было прослыть богатым, иметь напоказ много товара, почему торговцы выставляли в своих лавках на вид не больше как недельную порцию товаров, а излишек прятали в домах»<sup>139</sup>.

Все торговцы платили закят. С торговцев взимали еще так называемый отхона-пули (сбор за коюшши), сбор с тех верблюдов, которых заводили в определенные места (чаще всего в сарай) для осмотра нагруженных на них товаров. Сбором пошлин, как и ведением всего закятного дела, ведал кушбег. Ханство делилось на западную и восточную половины; в каждой из них был один сборщик, подчиненный кушбегу. В середине XIX в. к восточной части ханства были причислены Самарканд, Ургут, Пенджикент, Чилек, Джизак и Ура-Тюбе. Общая сумма собираемой по ханству пошлины составляла 47 тыс. бухарских червоицев<sup>140</sup>. Однако, несмотря на расширение местных рынков, в первой половине XIX в. еще не произошло сложения их в единый национальный рынок. «Образование внутреннего национального рынка тормозилось слабым развитием товарно-денежных отношений, территориальностью разделения труда, специализацией отдельных районов в производстве рыночного продукта»<sup>141</sup>.

В первой половине и особенно в середине XIX в. в Центральном, Южном и Юго-восточном Таджикистане существовала и развивалась внутренняя и внешняя торговля. Ее предметами были излишки продукции земледелия (пшеница, рис, хлопок) и животноводства (овцы, козы, крупный рогатый скот, лошади, мерлушка), а также продукция ремесленного производства.

Основными покупателями зерна были кочевые и полукочевые скотоводы, которые почти не занимались земледелием. Излишки зерна (главным образом пшеницы и риса) из Гиссарской и Сурханской долин вывозились в города Карши, Керки, Чарджоу, а также сплавлялись на каюках по Аму-Дарье. Очень часто в Денау и в города Гиссарского вилоята приезжали караваны из Карши за товарным хлебом. Из Чиракчи вывозили хлеб на продажу в Самарканд и Катта-Курган. Из Денау, Гиссара и Душанбе в Бухару вывозили хлеб и лен.

Велась широкая торговля фруктами, особенно сушеными<sup>142</sup>, часть которых поступала из юго-восточных районов ханства и вывозилась даже за пределы страны. Так, с 1837 по 1847 г. из Бухарского ханства было вывезено в другие государства за пределы Средней Азии на 171 898 руб. различных фруктов<sup>143</sup>.

Существовавшие пути сообщения сыграли значительную роль в развитии торговых отношений между различными районами страны. Эти пути в основном были для вьючных животных и проходили через горные хребты. Здесь население не знало колесного транспорта. Многие же районы Каратегина, почти весь Дарваз и Памир страдали бездорожьем, и местами население было круглый год оторвано от внешнего мира.

Торговля с западными районами шла через Байсун и Ширабад, а также водными путями по Аму-Дарье. Торговые пути пролегали через Гиссарский хребет (перевалы Мур, Шутур-Гардан, Анзоб, Пакшив, Матча). По ним можно было попасть в северные районы — Самарканд, Джизак, Ура-Тюбе, Ходжент, Коканд и в другие города Ферганской долины, куда ежегодно в большом количестве гнали овец и лошадей на продажу.

В середине XIX в. наиболее населенным городом в ханстве после Бухары был Карши. Здесь находился важнейший рынок, обслуживавший жителей всей окружающей кочевой степи, и крупный транзитный пункт торговли с южными сопредельными странами<sup>144</sup>. Шахрисябз и Китаб в это время также были торговыми городами с многочисленными базарами и караван-сараями. Ширабад считался торговым центром, где



продавалось много скота, хлопка и других товаров. Сюда съезжались купцы из Балха и Бухарского ханства<sup>145</sup>.

Одним из основных предметов торговли служили овцы, козы, лошади и крупный рогатый скот. На рынках Карши, Гузара, Ура-Тюбе, Коканда производилась продажа скота, пригоняемого из Средней Азии и, в частности, из центрального, южного и восточного районов современного Таджикистана. Так, с территории современного Центрального и Южного Таджикистана и Северного Афганистана стогнали на бухарский и каршинский рынки баранов. Гузар тоже считался крупным рынком для скота. На его базары еженедельно пригоняли из горных районов до 4 тыс. голов разного скота<sup>146</sup>.

Другими предметами торговли были ткани различных сортов и всевозможные железные изделия. Гиссарская алача была известна далеко за пределами области.

Торговые связи существовали также между соседними владениями. Отдельные торговцы из Ура-Тюбе, Коканда и Кашгара приезжали даже в такие отдаленные труднодоступные горные районы, как Каратегин. Они обменивали ткани, седла, платки, обувь, гребни, зеркала на скот, шкуры и пр. Между прочим все товары приравнивались к танге — серебряной монете стоимостью в 20 коп.<sup>147</sup>

Основной статьей ввоза в Шугнан, Рушан и Вахан были хлопчатобумажные ткани и хлопок (посевы которого в этих горных районах не производились), а также хлеб<sup>148</sup>.

В первой половине XIX в. в Бадахшане выделяли различные железные предметы, которыми торговали с Восточным Туркестаном и прилегающими с юга землями. Экспортировали главным образом кетмени, лемехи, ножи, удила. В горных районах широко торговали деревянными изделиями. Например, сельскохозяйственные орудия, блюда, чашки и ложки, производимые в селении Пшихарв, расходились по всему Дарвазу<sup>149</sup>.

Ежегодная добыча рубинов в долине реки Кокча достигала 30—60 пудов; торговля этим драгоценным камнем была весьма значительной. Так, бадахшанские рубины (лалы) вывозились в Россию и Иран. Лучший сорт этого самоцвета в Бухаре продавался от 30 до 60 тилло за пуд<sup>150</sup>.

В первой половине XIX в., как и раньше, чеканка денег производилась в Гиссаре, Шахрисябзе и Карши<sup>151</sup>. Но торговля с кочевниками и с горными кншлагами велась в меновой форме.

Торговые отношения сравнительно развиты были лишь в долинных областях. Обмен еще не оказывал разрушающего влияния на натуральное хозяйство.

Торговля с Россией в первой половине XIX в. Выше говорилось, что уже в XVIII в. ханства Средней Азии, торгуя с соседними странами — Индией, Афганистаном, Ираном, Китаем, вывозили туда, кроме среднеазиатских, также русские товары.

PDF Compressor Free Version  
Торговля с Россией в первой половине XIX в. начала играть все возрастающую роль в экономике ханств. Размер торговли и удельный вес вывоза и ввоза отдельных товаров увеличивался из года в год. Так, в связи с отменой запрещения вывоза из России металла и металлических изделий в начале XIX в. наблюдался большой ввоз этих товаров в города Средней Азии. Значительное место в вывозе из России занимали золото (40%) и заграничный текстиль (21%) — бархат, сукна. Кроме того, в Среднюю Азию вывозили пушнину, крашеную кожу и металл (медь, сталь, железо, чугун).

Из Средней Азии в Россию вывозили хлопок-сырец, хлопковую пряжу, хлопчатобумажные ткани, кашмирские шали, мерлушку, выбойку, фрукты. Торговля между Россией и Бухарой играла очень большую роль для обеих стран, особенно для Бухары. Здесь из русского металла делали посуду, монеты, земледельческие орудия и прочие изделия.

По данным Бунакова, в удельном весе вывоза России в отдельные страны Востока на долю Бухары приходилось 3,2%, Коканда — 0,2 и Хивы — 0,8, а ввоз в Россию соответственно — 4,3; 0,2 и 1,5%<sup>152</sup>. Торговля со Средней Азией во второй четверти XIX в. составляла одиннадцатую часть всей торговой деятельности России<sup>153</sup>. Объем торговли со Средней Азией увеличивался из года в год. Так, в 1801 г. из Бухары в Россию было вывезено разных товаров на 718,9 тыс. руб. Первое место принадлежало хлопчатобумажной пряже, второе — кожевенному сырью. Из России в Бухару вывезли товаров на 504,7 тыс. руб. Здесь на первом месте были золотые червонцы, разные сукна и другие ткани. В последнем десятилетии первой половины XIX в. русских товаров в Бухару ввозилось ежегодно на миллион с лишним рублей, а в Россию из Бухары — почти на полтора миллиона<sup>154</sup>. По сведениям Оренбургской таможни, в 1834 г. в Бухару было вывезено товаров на 793 152 руб., монеты — на 60 135, в 1838 г. — товаров на 1 164 423, монеты на 496 122 руб.<sup>155</sup>. Следовательно, за сравнительно короткий промежуток времени вывоз товаров только через Оренбургскую линию увеличился на 371 271, а монеты — на 435 987 руб.

Как отмечено выше, Бухара была транзитным пунктом для русских товаров, через которую они проникали во все соседние страны Востока. В свою очередь бухарские купцы проезжали по торговым делам через Россию в Турцию, арабские страны и даже в страны Западной Европы (например,

на Лейпцигскую ярмарку)<sup>156</sup>. Среди этих купцов были люди с крупными капиталами, имевшие в городах России приказчиков, торговые заведения и имения и участвовавшие почти во всех русских ярмарках. Бухарским купцам разрешено было иметь 19 лавок на Нижегородской ярмарке<sup>157</sup>.

Однако торговый оборот между Россией и среднеазиатскими ханствами был недостаточен. Ряд существенных обстоятельств мешал развитию торговли в более крупных масштабах (феодалские междоусобицы в ханствах<sup>158</sup>, узость их внутреннего рынка, бедность их населения, дискриминация, проводимая эмиром по отношению к русским купцам — торговый зякет вдвое больший, чем у местных купцов, плохое состояние торговых путей и переправ, грабеж на дорогах караванов).

Это не отвечало экономическим и политическим интересам царской России в Средней Азии. К тому же рост английской агрессии в Индии, Афганистане и Средней Азии вызывал опасения царского правительства<sup>159</sup>, и оно решило силой овладеть среднеазиатским рынком.

#### ФЕОДАЛЬНАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ ТРУДЯЩИХСЯ. НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ

**Налоги** Трудящиеся таджики, жившие в Бухарском и в Кокандском ханствах, испытывали на себе жесточайший гнет феодалов и духовенства.

В пользу феодалов и государств дехкане платили многочисленные налоги, в том числе: харадж, танап и закят. При Рахим-хане налоговой гнет трудящихся усилился, ибо он ввел несколько новых обременительных налогов. Не случайно поэтому сразу же после его смерти в 1758 г. в Бухаре началось восстание, сопровождавшееся захватом бедняками имущества богачей, поджогом их домов. Восстание было подавлено. Феодалный гнет не только не ослабел, а наоборот, усиливался.

При Даниэл-бии были введены еще новые налоги, вследствие чего положение народных масс резко ухудшилось. Поэтому после смерти Довиэл-бия в Бухаре снова вспыхнуло народное восстание, в ходе которого было убито более тысячи человек. Именно страх, внушенный этим восстанием, вынудил нового эмира Шах-Мурода, вступившего на престол в 1785 г., освободить жителей города Бухары от денежной подати, взимаемой с каждого дома, и дать им тарханную грамоту, согласно которой они получили привилегию в налоговом и некоторых других отношениях. Кроме того, он отменил налоги, не предусмотренные шариатом, сохранив только



следующие сборы: харадж, зякет и джизие<sup>160</sup>. Как пишет Ахмад Доиш, в указе о финансовой реформе было сказано, что никто не имеет права взимать налоги, кроме указанных трех, и брать с населения взятку. Этот указ был написан даже на камнях, которые стояли на высоких видных местах. Эта реформа носила лишь формальный характер.

В действительности, отмененные Шах-Муродом налоги продолжали существовать и при эмире Хайдаре<sup>162</sup>.

Положение непосредственных производителей — дехкан и городских низов ухудшалось еще тем, что феодалы-чиновники, не получая от государства жалованья, жили за счет поборов с населения. При взимании налогов они совершали большие злоупотребления, обирали дехкан и городскую бедноту, широко практиковали взяточничество.

Правителя Бухары и Коканда давали в пожизненное или временное владение феодальное земельное пожалование — танхо начальникам войск, многим сановникам и чиновникам<sup>163</sup>. По сведениям П. П. Иванова, в Бухарском ханстве в начале XIX в. насчитывалось около 36 тыс. танходоров<sup>164</sup>.

В первой половине XIX в. наибольший доход ханам давали хараджные земли. Количество хараджа с каждого танапа зависело от ирригации: с орошаемых земель собирали четвертую и пятую часть урожая, с богарных полей — шестую. По словам Н. Ханькова, с каждых десяти батманов урожая брали три батмана хараджа<sup>165</sup>. По другим сведениям, в начале XIX в. в Бухаре харадж с частных земель (милки-хараджи) собирали в год с 25 пудов урожая по одному, а с государственных (ханских) земель — с 10 пудов по одному пуду<sup>166</sup>.

Количество хараджа ежегодно определялось на корню и взималось после уборки хлебов непосредственно с токов (хирманов). Так, харадж натурой со всего вилоята уратюбинский хаким собирал в год от 100 до 135 тыс. пудов пшеницы, ячменя, проса, что составляло в денежном выражении от 35 тыс. до 46 тыс. руб.<sup>167</sup>. С вакуфных земель Ура-Тюбинского вилоята собирали в год 60 тыс. пудов хлеба.

В горных кишлаках долины Зеравшана харадж собирался в размере пятой части урожая. Крестьяне — арендаторы на землях милки-хурр платили хозяину четверть урожая и на вакуфных землях — десятую часть. Натуральный сбор хараджа в Магианском и Фарабском бекствах (по неполным данным) составлял от 14 тыс. до 20 тыс. пудов.

В Кштутском бекстве 150 пудов хараджа платил только один из 17 кишлаков, остальные вносили харадж деньгами (так называемый кош-пули).

В Фальгаре, Фане и Ягнобе харадж собирали деньгами, а в Матче половину его матой.

В равнинной части Восточной Бухары и Памира (главным образом в Гиссарском владении) налог взимался в денежной форме, а в горных районах — в натуральной.

Танап ~~PDF Compressor Free Version~~ли преимущественно деньгами. В Ура-Тюбинском вилояте за клевер, виноград, хлопок взыскивали с танапа по 2 руб. серебром, с богары — 80 коп., со льна и других масличных культур, абрикосов, изюма, гороха, габака, моркови, лука и свеклы — десятую часть стоимости урожая, исчислявшейся по базарным ценам. В Бухарском ханстве с танапа сада взимали 3 руб. 60 коп., а с танапа люцерны — 1 руб. 20 коп. В Кокандском ханстве, куда временами входили северные районы Таджикистана, с каждого обработанного танапа взыскивали 7 руб. 70 коп. Измерение площади для исчисления танапного сбора делалось раз в три года. Танапный сбор производился во время распускания почек деревьев и цветения винограда, т. е. налог взимался независимо от урожая. Сумма танапного сбора в Ура-Тюбинском вилояте составляла 30 тыс. руб.<sup>168</sup>. Это примерно равнялось сумме собираемого здесь хараджа.

В Магианском, Кштутском и Фарабском владениях танапного сбора не существовало<sup>169</sup>. В этих кишлаках, а также в верховьях Зеравшана второй после хараджа значительной податью был закят. Он собирался со скота по раскладке, делаемой в каждом кишлаке арбобом, проверяемой амином и сборщиками беков. Раз сделанная раскладка и поверхностная проверка скота обычно оставались без изменения на долгое время. Сумма, собираемая правителями с горных селений, была незначительной, кочевники на равнинах были бедны, и «законный» сбор закята не удовлетворял правителя. Поэтому при сборе закята нарушались установленные нормы.

Кроме постоянных сборов закята во время разных пиршеств (свадьбы, обрезания) и праздников, хакимы, беки и эмир брали у оседлых жителей и у кочевников скот. Например, из 14 тыс. баранов, попавших в руки царских войск в 1866 г. у Мирза-Рабата, часть была собрана ранее у жителей «для эмира по случаю предстоявшего тогда праздника курбан-байрам»<sup>170</sup>.

Обременительным для населения сбором в горных тумениях был кепсек, или кафсан, составлявший около 4—5 рублей с каждого коша<sup>171</sup>.

Жители некоторых областей платили так называемое боки-пули, которое, согласно шариаду, взималось в виде штрафа с лиц, не участвующих в общественных работах по исправлению арыков и плотин. Наложение штрафа следова-

ло немедленно, как только люди не выходили на эти работы; взималось по 40 коп. с каждого человека за рабочий день<sup>172</sup>.

В Кокандском ханстве в середине XIX в. с каждого дома собирали налог от 4 до 8 руб. серебром<sup>173</sup>. В Бухарском ханстве в начале XIX века с каждого дома собирали по 3 руб. русскими деньгами<sup>174</sup>, а с евреев от 2 до 6 тенег ежемесячно только за то, что они были иноверцами<sup>175</sup>. В исключительно тяжелых условиях жили немусульмане (евреи, русские, индусы, персы и пр.)<sup>176</sup>.

Особые ханские пошлины взимались с имущества и капиталов при разделе наследства. Под наименованием «луката» в пользу правителей поступали все выморочные имущества. Во время войны победители брали с побежденных так называемый пайах пул — плату победителям, причем ее размер зависел от произвола последних. За право заниматься промыслом золота и добычей нашатыря тоже надо было платить пошлину беку. В первом случае — по 4 руб. в год с партии; во втором — вносили целыи кишлаком около 50 пудов очищенного нашатыря<sup>177</sup>.

В период подготовки к новым войнам правители прибегали к допозитительному экстраординарному сбору с населения. Так, когда Мухаммад Али кокандский помирился со своим братом, правителем Ходжента Султан Махмудом и снова отнял у эмира Насрулло завоеванные им земли до Ура-Тюбе, эмир зимой 1841/42 г. стал готовиться к новому походу, для чего обложил экстраординарным налогом каждый дом<sup>178</sup>.

Сбором податей и повинностей ведали девонбеги, амлякдары, амины, арбобы и аксакалы. Они привозили правителю собранные подати и сдавали их под расписку<sup>179</sup>, получая за «спон труда» вознаграждение не от хакима, бека или эмира, а от плательщиков. Кроме этого, сборщики податей пользовались «добровольными» приношениями от дехкан — взятками, даваемыми за то, чтобы они показывали действительные размеры обрабатываемой земли. Не отставало и духовенство. Имамы мечетей получали «божью долю».

Главная тяжесть налогового гнета ложилась на беднейшую часть дехканства, не имевшую возможности давать взятки, подкупать местную администрацию. А жалобы на действие сборщиков податей рассматривались властями как проявление непокорности и только ухудшали положение жалобщиков.

**Эксплуатация дехкан** На сельскохозяйственных работах широко применялся труд чорьякоров (издольщиков). Условия их труда отличались от условий наемных рабочих. В некоторых областях чорьякору не могли по собствен-



ному желанию освободиться от взятых обязательств и уйти с земли одного землевладельца к другому или заняться иной работой, т. е. они находились как бы на положении полукрепостных, о чем свидетельствует, например, указ кокандского хана в 1837—1838 гг., по которому из кишлака Дах-Манора Ура-Тюбинского владения были освобождены 21 чорьяккор.<sup>180</sup>

Богатые землевладельцы широко применяли в своих хозяйствах исполную аренду. Условия найма зависели от наличия производства средств у арендаторов. Половину урожая получал тот, кто затрачивал свои семена и пахал на своих быках. Но так как у крестьян, особенно безземельных, количество рабочего скота было незначительным, они становились чорьяккорами, или десятниками, т. е. получали по выделении податей четвертую или десятую часть урожая.

Нередко крупные землевладельцы взимали арендную плату независимо от урожайности.

В первой половине XIX в. натуральная повинность по сооружению оросительных каналов в Фергане переводилась уже в денежную. В середине века на этих работах наемный рабочий получал в месяц около 2 руб. 30 коп. серебром. Годовая плата сельскохозяйственного рабочего составляла 18—25 руб. серебром. Поденщик получал за день не более 50 коп. ассигнациями<sup>181</sup> (примерно 14 коп. серебром).

Кроме того, в сельском хозяйстве использовался труд батраков, мискинов<sup>182</sup> и ятимов. Они не имели ни земли, ни быков, ни семян и в большинстве случаев нанимались за деньги и харчи. Так, зажиточные кухистанцы нанимали ятимов на целый год и платили им от 8 до 20 руб. в год, а также кормили и одевали. Зимой ятимы смотрели за скотом, носили с гор дрова, ходили на базар и выполняли другие работы<sup>183</sup>. Бедняки нередко были вынуждены брать у зажиточных жителей долины баранов и коз на прокорм их в горах в летнее время. Осенью они возвращали этот скот хозяевам, за что получали мизерное вознаграждение.

**Рабский труд** В некоторых областях на сельскохозяйственных, ремесленных и домашних работах применялся труд рабов. По свидетельству Г. Мейендорфа, состоятельные бухарцы обыкновенно имели до 40 рабов. «Некоторые большие вельможи вроде кушбеги обладают, быть может, сотней, так как... они владеют громадными садами и другими поместьями. Владельцы поместий отдавали свои земли в аренду или обрабатывали их при помощи рабов...»<sup>184</sup>.

Рабы в основном были иноземцами и иноверцами. Они работали от зари до поздней ночи, жили впроголодь, ходили в лохмотьях. По словам Г. Вамбери, трудно было определить

хотя бы приблизительно число всех невольников, живущих в Средней Азии<sup>185</sup>. Как пишет А. А. Семенов, «общее количество рабов в Бухаре перед поражением от паризма в 1868 г. исчислялось десятками тысяч, потому что в одном Самаркандском уезде [впоследствии уезде] их насчитывалось до 10 тысяч»<sup>186</sup>. По некоторым данным, общее количество только персидских невольников в Бухаре определялось в 50 тыс.<sup>187</sup>.

Рабство, купля и продажа рабов существовали почти во всех крупных городах — Бухаре, Коканде, Хиве, Ташкенте.

В XVIII в. правители памирских таджикских владений в большом количестве продавали своих подданных — мальчиков и девушек в рабство в Фергану, Бадахшан и Кабул<sup>188</sup>. Отсюда можно заключить, что в те времена в Кокандском ханстве и в Афганистане было немало таджиков и таджичек, находившихся на положении рабов. Представители господствующих классов не только продавали, но и дарили друг другу рабов<sup>189</sup>. Почвой для порабощения людей были феодальные войны, внезапные набеги на соседние области Ирана, особенно северо-восточные, голод и нищета. «Рабство в среднеазиатских ханствах существовало лишь как пережиток давно прошедшей общественной формации. Сохранение рабства играло глубоко реакционную роль, так как это задерживало переход к более прогрессивным формам хозяйства и способствовало эксплуатации трудящихся в самой грубой и тяжелой форме»<sup>190</sup>.

Рабы, так же как и «свободные» трудящиеся, часто умирали от тяжелых условий жизни и от всевозможных эпидемий<sup>191</sup>, нередко свирепствовавших в ханствах. В Бухарском ханстве была весьма распространена болезнь ршта. Нередко можно было наблюдать случаи, когда целые селения вымирали от различных болезней.

**Положение  
ремесленников  
и торговцев**

Ремесленники и торговцы Средней Азии также платили в казну различные сборы. При продаже товаров и изделий с них взывали особый сбор «даллоли», размер которого достигал 7% стоимости товара и более. Сбор этот распространялся на самые разнообразные продававшиеся на базарах товары, начиная от веревки и кончая древесным углем, чаем, фруктами, кондитерскими изделиями и пр. При продаже товаров на базарах ремесленники и торговцы платили весовые и базарные сборы. Взывались повила с зерна, шелка, коконов, хлопка, масла, жмыха, хлопкового, льняного, кунжутного семени, с крупного рогатого скота и баранов (по 5 копеек с головы), с лошадей и верблюдов (по 15 копеек с головы), с сена, дров, клевера, соломы, дынь, винограда<sup>192</sup>.

Весовой сбор производился не деньгами, а натурой — по три пригоршни с батмана, вследствие чего весовая плата зависела от ценности взвешиваемых продуктов и предметов. Поэтому весовой сбор был весьма различен при одном и том же количестве товара и зависел от произвола весовщика. Весовая плата не столько на производителя (продавца), сколько на потребителя (покупателя), т. е. оплачивался не основной производительный капитал, а оборотный. Весовые сборы брались с пуда: шелка — 10 коп. серебром, нила (индиго) — 10, чая — 5, сахара — 2,5, металла — 2,5 коп. серебром. Таким образом, ценность товара только из-за взвешивания уже значительно увеличивалась, что способствовало повышению цен и на другие продукты и предметы торговли.

На базарах Средней Азии покупатели не могли обходиться без посредничества маклеров (даллолов). Их «услуги» обходились дорого. Они принимали участие почти во всех сделках. Чаще всего они заранее находили общий язык с продавцом и сбывали его товары по искусственно завышенным ценам. По словам очевидца, в 20-х годах XIX в. маклеров в Бухаре было «очень много и всякую вещь не только дорогую, но и мелочную купить без них нельзя»<sup>193</sup>. Маклерство было узаконенным мошенничеством.

Промыслы, торговля и капиталы оплачивались заклатной пошлиной в размере сороковой части стоимости изделий, торговых оборотов и денежных капиталов.

Кроме всех перечисленных податей и сборов, в казну правителей поступали другие доходы: аренда с казенных лавок, сараев, садов, мельниц, доход от вакантных мест в мадрасах и худжрах (кельях) при них. Ежегодно правители областей и районов собирали много податей и сборов для взноса в казну своего сюзерена — бухарского эмира или кокандского хана.

Например, по сведениям начала 40-х годов, Ура-Тюбе и Ходжент поставляли кокандскому хану 600 тыс. чариков пшеницы, 7 тыс. тиллей пошлин и 3 тыс. тиллей потанапного сбора. Приняв за основание средние цены на хлеб и считая, что тилля того времени равны 12 руб. 80 коп. ассигнациями, можно установить, что Ура-Тюбе и Ходжент в год платили Коканду 4224 тыс. руб. ассигнациями<sup>194</sup>.

О жадности власть имущих и их приспешников, о грабительских методах сбора налогов свидетельствуют порядки, установленные в Кокандском ханстве, в состав которого часто входили северные районы современного Таджикистана. Н. В. Петровский писал о последнем правителе Коканда: «Худояр хан каждогодно открывал новые предметы обложения и раз от разу становился изобретательнее. Несмотря на



то что податями облагались каждый сноп сена, чашка молока, десяток яиц, вынесенные на базары, изобретательному хану все еще было мало; он сделал регалией пляски скомоухов, вождение медведей, игры фокусников, поручив эти занятия своим людям или отдав их на аренду за известную плату. — говорил мне один коканец, — за караул лавок, которые мы сами окарауливаем, за место на базаре, где мы временно останавливаемся со своими возами, за купленную пьявку, за проданный хворост и солому. На ханские работы выгоняются тысячи людей; рабочим не только не дают денег или пищи, но еще с них берут деньги, и избави боже, если кто-нибудь уклонится от работы: бывали примеры, что таких людей на самом месте работы живыми зарывали в землю»<sup>195</sup>. Далее автор делает справедливый вывод, что подобное положение дел не могло долго существовать даже в Средней Азии и рано или поздно должно было вызвать народное возмущение.

Тяжесть налогов усиливалась еще тем, что пятая часть урожая взыскивалась деньгами по существовавшей цене хлеба, которую сборщики нередко произвольно увеличивали<sup>196</sup>.

**Ростовщичество** В крупных городах и кишлаках были определенные группы людей (так называемых судхуров), обогащавшихся за счет процентов, получаемых с должников. Так, в Ура-Тюбе было 18 менял, в Ходженте — 4<sup>197</sup>. По словам старожилков, должники на каждые десять тенег уплачивали ростовщику проценты от одной до трех тенег в месяц, что составляло от 120 до 360% в год. В долговой расписке указывались проценты, получаемые ростовщиком.

Часто ростовщики заключали с должниками договоры, по которым выдавались под залог земли. При этом составлялось два документа, подтвержденных печатью казны. В одном говорилось о продаже земли лицу, дающему ссуду, во втором — об отдаче должнику того же участка земли в бессрочную аренду. По одному документу арендная плата должна была уплачиваться деньгами, а по другому — продуктами земледелия. Эту плату должники считали процентом на занятый ими капитал и вносили ее весьма исправно, несмотря на то что она ежегодно составляла от 25 до 40% всего капитала.

Должникам вследствие их темноты и неграмотности в большинстве случаев представлялось неясным существо заключаемых ими договоров, и они считали себя хозяевами земли, а не арендаторами. Кредитор, опираясь на бессрочность договора об аренде, иногда прекращал действие договора и сгонял должника с земли, уже культивированной последним тяжелым многолетним трудом. Таким путем зе-

мельная собственность сосредоточивалась в руках небольшого числа богачей, а мелкие собственники разорялись, особенно в случаях внезапного прекращения аренды.

Выдавались ссуды и под другие обязательства, когда за долги в несколько десятков тиллей должник должен был работать на поклажу только на кредитора. Причем обязательство это выдавалось не только за себя, но и за сыновей и их потомство и при условии, чтобы впредь до уплаты долга ни должник, ни его сыновья, ни их потомство не имели права работать на кого-либо, кроме кредитора. Должник попадал в кабалу.

Росту кабальных и полукабальных отношений в значительной мере способствовал также так называемый бунак — денежная ссуда, которую крупный землевладелец заранее выдавал бедняку, нанимавшемуся для обработки земли. Не будучи в состоянии возратить бунак, батрак или издольщик вынуждены были оставаться у хозяина. В случае смерти лица, получившего ссуду, его долг переходил на его наследников. Бунак практиковался также и при найме ремесленников хозяевами мастерских<sup>198</sup>. «Получив бунак, рабочий исправно получает от своего хозяина сдельную, по уговору, плату по исполнению известного количества работы... Переходя к другому хозяину или вообще отходя от нанимателя, рабочий обязан сполна выплатить полученный бунак»<sup>199</sup>.

Непосильные налоги заставляли жителей городов и кишлаков искать себе побочные заработки, уходя в поисках работы в крупные города. Там они в основном нанимались мардикорами на строительные работы.

Горожане для дополнительного заработка нанимались садовниками, конюхами, водовозами, занимались мелкой торговлей, имея основной капитал в сумме рубля или двух. В таком же бедственном положении находились и кочевники. Особенно были бедны киргизы Шахристанского аула. Они нанимались пастухами, заготовляли в горах лес, выжигали уголь для продажи в городах. Но господство феодальных отношений, непосильные налоги крепко держали народ в своих когтях, и ни основные, ни побочные заработки не могли вырвать его из нужды.

Многочисленные непосильные налоги и повинности, злоупотребления должностных лиц, разорение и обнищание народных масс в результате бесконечных феодальных войн стали основными причинами массовых народных восстаний.

**Народные восстания** В начале XIX в. народные восстания происходили в ряде областей и городов Средней Азии. Крупнейшими из них были события 1810 г. в Бухаре. Поводом послужило следующее. Зима была холодной,

и от жестокой стужи весь хлеб вымерз. Кроме того, с 1 апреля по 16 мая в городе бушевал такой ураган, что несколько ближайших кишлаков было занесено песком. Их жителям пришлось переселиться в другие места. Все это вызвало страшную дороговизну и голод. Рынки опустели, лавки были закрыты, никто не продавал хлеба и других съестных припасов. Люди гибли. В результате голода усилилось воровство. Шайки грабили дома и убивали людей. Бухара была доведена до совершенного разорения. Но эмир и его приближенные не приняли никаких мер, чтобы помочь голодающему населению. Все это вызвало народное возмущение<sup>200</sup>. Последующие события, совершившиеся в Бухаре, показали организованность и решительность народных масс. Они собрались на площади Регистан перед эмирским дворцом. Эмир испугавшись народного гнева, бежал из города. Затем, чтобы подавить восстание, он приказал под предлогом трехдневного моления у мазара патрона Бухары шайха Баховаддина выселить из города всех жителей. После этого эмирские чиновники устроили обыски, разграбили дома, кладовые и амбары. Обнаруженный запас хлеба, по словам очевидца, невзирая на личность владельца, изымался и не раздавался, а продавался голодающему народу по пять червонцев за батман (восемь пудов). Такая высокая цена была недоступна большинству горожан.

Эмиру удалось силой подавить волнения и восстановить в Бухаре относительно нормальную жизнь. Однако он был настолько сильно напуган, что, например, когда ему доложили о двух бухарских караванах, ограбленных туркменами на пути из Персии, он ответил, что главное — миновала опасность на Регистане, прочее для него безразлично<sup>201</sup>.

События 1810 г. сильно отразились на внутреннем и внешнем положении Бухары. Спустя некоторое время Ургут, Магнан, Фараб и другие мелкие владения, а также более сильные роды туркменов отложились от эмирата. Тяжелым внутренним положением в Бухаре воспользовался и кокандский хан, захватив Ура-Тюбе.

Только через несколько лет бухарскому эмиру удалось вернуть Ургут и Ура-Тюбе.

Вскоре народные восстания снова повторились. В них участвовали туркмены, жители Ура-Тюбе и Джизака, китай-кипчаки и многие другие<sup>202</sup>. Восстание китай-кипчаков в плодородной долине Мианкаля (между Самаркандом и Катта-Курганом) происходило в 1821—1825 гг. Непосредственным поводом послужил набор в армию эмира. Восставшие прогнали эмирскую администрацию и овладели Катта-Курганом, Чилеком, Янги-Курганом. Восставших активно поддерживали беднейшие слои городского и сельского населения.



Но руководили восстанием феодальные элементы. «Хотя участие той или иной группы феодалов в руководстве мянкальским восстанием является вполне бесспорным, однако необычайно широкий размах и исключительная устойчивость движения 1821—1825 гг. указывает на то, что оно не являлось делом одной или нескольких отдельных незначительной группы, а совершалось при участии широких масс крестьянства, видевшего в восстании против эмира путь к освобождению от тяжелой феодальной эксплуатации»<sup>203</sup>. Волнение было сильным. Эмир Хайдар неоднократно пытался овладеть крепостями китай-кипчаков и подавить восстание, но все его попытки оказывались безуспешными, и он ограничивался уничтожением посевов вокруг восставших городов. Несмотря на многолетнюю успешную борьбу народа с вооруженными силами эмира, восстание потерпело поражение. Виной тому были узкоклассовые интересы руководителей из феодально-племенной знати, а также оборонительная тактика восстания.

«В конце концов китай-кипчакское движение оказалось изолированным, замкнувшись на небольшой сравнительно территории. Восставшие вынуждены были прекратить активные операции; они ограничивались защитой своих крепостей от эмирских войск и лишь иногда вступали в борьбу в открытом поле»<sup>204</sup>.

В подавлении восстания китай-кипчаков эмиру помогли находившиеся в то время в Бухаре английские разведчики, которые применили новое, неизвестное для местного населения огнестрельное оружие. По словам очевидца, бухарского купца Габитова, в начале 1825 г. при усмирении китай-кипчаков с эмиром были вооруженные англичане.

Весной 1825 г., после того как эмир захватил два главных центра восстания — города Янги-Курган и Чилек, военные действия были прекращены. Последующие попытки китай-кипчаков восстать в 1826 г. (после смерти эмира Хайдара) успеха не имели.

В том же году произошло массовое восстание городского, преимущественно ремесленного населения Самарканда, тоже закончившееся поражением<sup>205</sup>.

Стихийные народные волнения в Бухарском ханстве, особенно восстание китай-кипчаков, были «одним из наиболее значительных эпизодов в общей цепи стихийных восстаний, потрясавших Бухарское ханство на протяжении всего периода его существования»<sup>206</sup>.

Народные волнения первой четверти XIX в. сильно влияли на общее состояние страны. Продолжительная неудачная борьба против восставших китай-кипчаков подорвала авторитет эмира в глазах народных масс. Бухарское ханство осла-

бело. Войска хивинского хана доходили до окрестностей Бухары. Кокандский хан стал активизировать свои действия на Бухарской территории.

Только в конце 30-х годов Бухарское ханство изчало играть роль между среднеазиатскими ханствами.

В этот период значительно усилилась борьба трудящихся масс против господствующего класса в целом. Народ не мог примириться с рабским положением, открыто выражал свое недовольство, выступал против эксплуататоров. В 1818/19 г. на Ура-Тюбе напал кокандский хан. На защиту города встали все его жители, даже женщины<sup>207</sup>.

Роль народных масс в эпоху феодальных войн справедливо оценил П. П. Иванов, который писал, что «некоторые из военных событий XVI—XIX вв., до сих пор рассматривавшиеся историками в качестве обычных феодальных войн между представителями узбекской родовой феодальной аристократии, окажутся в действительности крестьянскими или народными движениями, лишь возглавлявшимися или иногда использовавшимися феодальной знатью в своих классовых интересах»<sup>208</sup>.

К народным движениям следует отнести и события 1842 г. в Коканде, когда широкая волна восстаний была направлена против насилия и произвола эмира Бухары, захватившего столицу Кокандского ханства. В результате этих восстаний власть эмира в Коканде была свергнута.

Неоднократные волнения народных масс в первой половине XIX в. подавлялись огнем и мечом. В условиях господства феодализма восстания крестьян и ремесленников не могли привести народ к освобождению от эксплуататоров, так как были неорганизованными и носили стихийный характер.

## ДУХОВНАЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

**Литературная жизнь** Важнейшими литературными источниками, содержащими сведения о литературной жизни XVIII и первой половины XIX в., являются тазкире. Особо следует остановиться на двух тазкире прошлого столетия, а также на одной литературоведческой работе С. Айни.

1. «Маджмуат-уш-шуаро» Фазли Намангани. Она была составлена в поэтической форме в 1822 г. и напечатана в Ташкенте в 1900 г. Фазли был придворным поэтом при дворе кокандского правителя Умар-хана. «Маджмуат-уш-шуаро» дает сведения примерно о пятидесяти поэтах конца XVIII и

начала XIX в., современниках составителя тазкиры, живших в Кокандском ханстве.

2. «Тухфат-ул-ахбоб фи тазкират-ул-асхоб» Кори Рахматулло Возеха. Она была составлена в 1871 г., а напечатана в Ташкенте в 1914 г. Последняя часть тазкиры была дополнена Салими во время подготовки ее к печати.

Возех дает сведения о литературной жизни XVIII и XIX вв. в Бухарском ханстве и о некоторых представителях литературных кругов Ферганы. Поскольку Возех принадлежит к литераторам просветительского направления, он и в изложении биографий поэтов и подборе образцов их творчества в какой-то мере следует просветительским литературным традициям.

3. «Образцы таджикской литературы» Садриддина Айни. (Это советское таджикское литературоведческое произведение было напечатано в Москве в 1926 г. Оно содержит значительный материал по литературе Мавераннахра с X до начала XX в., а также по литературе первых лет советского периода).

Вышеназванные источники и некоторые другие произведения позволяют нам более или менее полно охарактеризовать литературную жизнь XVIII и первой половины XIX в. Она отличается прежде всего тем, что начало периода — первая четверть XVIII в. — совпало с завершением творческой деятельности группы выдающихся поэтов XVII в. (Сайядо, Фитрата, Зардуза, Бедия, Малехо), а конец — вторая четверть XIX в. — с началом литературной деятельности таджикских просветителей (Ахмада Дониша, Абдулкодира Ходжи Савдо, Рахматулло Возеха и других).

Писатели, чья литературная деятельность начинается и протекает в первой половине XVIII в. и чье творчество уже определяется к его концу, до сих пор еще не изучены. Таким образом, если мы исключим таких поэтов, творческая деятельность которых начинается еще в XVII в. и завершается в начале XVIII в., то увидим, что основную массу поэтов первой половины XVIII в. представляют имена, место которых в истории таджикской литературы еще не определено.

Литературная жизнь рассматриваемого периода протекала в трех центрах Средней Азии — Бухаре, Коканде и Хиве.

В Хивинском ханстве литература развивалась на узбекском языке; в Бухарском и Кокандском — на двух языках — таджикском и узбекском, и все поэты были «двуязычны».

Как в Бухаре, так и в Коканде литература этого периода подражала предшествующей, преимущественно придворной литературе, что в конечном счете привело к формализму, игре слов и бессодержательности. Значительная часть поэтов, принадлежавших к так называемому кокандскому литера-



турному кругу (Фазли, Адо, Хотиф, Хиджлат, Нола, Холис, Рамзи и другие), были выразителями политического, культурного и литературного соперничества, существовавшего между Бухарой и Ферганой. Такое положение не только способствовало развитию касыды, но и дало толчок к зарождению своего рода политической придворной сатиры. Вместе с тем оно породило среди придворных поэтов высокомерие и настроения местничества. Так, один из идеологов политики Умар-хана — Фазли пишет:

Лев [Хайдар], страхась твоего меча, подобно женщинам  
В Бухаре, закутает голову чадрой.  
Лишь временами по совести и он скажет:  
«Кто, кроме Умара, может состязаться с Хайдаром?»<sup>209</sup>

Льстивые панегирики, проповедь религии и подражание идеям суфизма, а также приемы внешнего украшения и обыгрывания слов были основными причинами упадка и бедности содержания литературы феодально-придворного направления.

Наряду с этим в Коканде были и такие поэты, как Гулхани, Муджрим, Кошиф, Мъадан, Хозик, Дага, Акмал, которые творчески отличались от своих современников. Хотя они и имели официальные связи с литературными кругами при дворе Умар-хана, между тем материально они от правителя не зависели; каждый жил на средства, добываемые своим трудом, занимаясь земледелием, ремеслом или служа в качестве нукера, казия, муфтия и т. п.

Хотя некоторые свободомыслящие поэты (Ирси Хисори, Хиджлат Бухорои, Хусайн Махдуси Доиш, Рахим Самарканди, Гулхани, Лисони Худжанди) и не сумели создать новых жанров и форм, однако в их поэзии звучала тенденция к критике существующего строя. Это придавало их творчеству и стилю демократическое направление и отделяло их от чисто придворной феодальной литературы. Так, Гулхани в одном из стихотворений, говоря в шутовском тоне на диалекте горных таджиков о своем бедственном положении, разоблачает придворные порядки и методы управления ханов<sup>210</sup>.

Поэтов этого направления было немало как в Бухарском ханстве, так и в Фергане.

**Доиш Бухорои.** Настоящее имя его Мулло Хусайн Махдум. Он один из известных поэтов конца XVIII и начала XIX в. Даже по разрозненным отрывкам его произведений, приводимых в тазкире, можно легко себе представить, что это был очень талантливый, принципиальный, тонкий поэт. Как и его предшественники, он считал, что литература имеет высокое назначение, и подчеркивал, что поэты

должны чутко относиться к слову и не осквернять драгоценной сущности языка преклонением перед невеждами и недостойными людьми.

По убеждению Мулло Хусайна, слова, доступные пониманию народа и выражающие народные страдания, трудны и чисты. Произвращая поэта, он видел в сочувствии и сострадании народу.

Если можно говорить о небосводе и звездах,  
Как только коснешься совести,  
Трудно бывает и одно слово сказать так,  
Чтобы оно дошло до народа<sup>211</sup>.

Хотя в поэзии Дониша Бухорои довольно отчетливо слышны жалобы на жизнь и недовольство окружающим, тем не менее поэт не мог исчерпывающе говорить о своих помыслах и желаниях и о том, что мучило его. На его пути стояли страшная действительность и коварные владыки, из-за которых многие его сокровенные песни не зазвучали «на струнах».

В Донише Бухорои мы видим поэта, который всеми силами старался вывести литературу из тупика подражательства и формализма. Но веяние эпохи помешало ему добиться этой цели.

Содик

Мирзо Мухаммад Содик Мунши родился в Бухаре, в тумене Джоидор. Окончив учение, он в пору самого расцвета своего таланта поступил на службу к эмиру Хайдару на должность секретаря (отсюда и его прозвище «мунши» — секретарь, писец).

Содик Мунши был жизнерадостный остроумный человек, поборжелательно относившийся к народу.

Возех в своей тазкире характеризует Содика «бедилхаёли сонбмисол» (он мыслит, как Бедиль, и пишет подобно Сонбу) и о его литературном наследстве говорит следующее: у Содика «был завершённый девон его стихов, а также около пятнадцати тысяч различных двустиший [бейтов] и трехстиший [месневи]». Произведения Содика не были напечатаны.

Ясно, что вольнолюбивый, непокорный поэт не мог примириться с обстановкой раболепия и угодничества, царившей во дворце. Придворная среда не соответствовала его духу и устремлениям, и он не смог пойти по проторенному пути восхвалений и лесты.

Во времена Мунши традиции дидактической поэзии, занимавшей столь большое место в предшествующую эпоху, утратили свое значение. Передовые люди того времени уже понимали, что невозможно изменить существующий социальный строй наставлениями, исправить зарвавшихся бога-

чей и уничтожить насилие и гнет нравочениями и мудрыми изречениями. Содик тоже принадлежал к тем, кто считал бесполезным делом искать милости у жестокосердых владык путем увещаний. Он говорил:

**PDF Compressor Free Version**

Не выступая с проповедью о милосердии на собраниях богатых, Содик, они глухи, их уши залиты ртутью богатства<sup>212</sup>.

Мирзо Содик Мунши писал также и поэмы. Известна его поэма «Усыпальница царей», посвященная деятельности бухарских правителей XVIII и начала XIX в. Произведение написано размером «Шахнома». Но стиль, манера изложения событий, описание поступков героев совершенно своеобразны и присущи лишь данной поэме. Автор заставляет говорить усопших царей, и каждый из них рассказывает свою жизнь. Таким путем излагается история и разоблачается бессмысленная жизнь феодальных правителей, полная жестоких убиц и кровавых интриг.

«Усыпальница царей» написана простым, ясным языком, художественные же достоинства ее свидетельствуют о высоком мастерстве поэта. В поэме встречается немало изречений — пословиц (например, «да наступит вечер — и не станет мух»), народных выражений, названий мелодий классического цикла «Шашмаком», названий музыкальных инструментов, распространенных в Мавераннахре; все это свидетельствовало о близости поэта к жизни народа. «Усыпальница царей» Мирзо Содика Мунши — образец исторической поэмы, впоследствии оказавшей непосредственное влияние на Саид Ахмада Аджи, создавшего в 1912 г. поэму «Собрание духов».

**Хозик**

Джунайдулло Махдум Хозик родился в Герате. О жизни поэта до прибытия его в Мавераннахр сведений нет. Возех и Айни указывают, что Хозик прибыл учиться в Бухару в 1801—1802 гг. Как свидетельствует отдаленный факт, сохранившийся в литературных источниках, Хозик, будучи ученым и видным поэтом, вращался среди знатных людей своего времени и имел какое-то отношение к придворной среде. Однако в дальнейшем он так же, как и поэты Муджрим и Кошиф, бежал от бухарских правителей и переселился в Коканд к Умар-хану.

После смерти Умар-хана литературная жизнь в Коканде начала замирать и былая слава Коканда как литературного центра померкла. В связи с этим Хозик снова возвратился в Бухару, которой правил эмир Насрулло (1826—1860), и поступил к нему на службу. Рассказывают, что однажды Хозик сопровождал эмира в его воездке в Самарканд и во время этого путешествия сложил стихи о жестокости и наси-



лиях правителя. Это стихотворение дворцовые соглядатаи довели до сведения Насрулло, и тот пришел в ярость. Хозик через друзей своевременно узнал об этом и бежал в Шах-рисябз, бывший тогда независимым городом. Но и там поэт не мог спастись от преследования эмира. По рассказам, Хозик был казнен в 1815 г.

PDF Compressor Free Version

Литературное наследие Хозика, дошедшее до нас, состоит из нескольких разрозненных газелей и стихов, поэмы «Юсуф и Зулайхо» и свидетельствует о высоком поэтическом мастерстве и литературном совершенстве поэта.

В создании поэмы «Юсуф и Зулайхо» Хозик является продолжателем творческих традиций предшествующих поэтов и повторяет сюжет древнего сказания об Юсуфе из Ханаана и Зулайхе из Египта. Как пишет сам автор, он шел по стопам Абдурахмона Джоми и Нозима, сохранив основную сюжетную линию и традиционный размер, установившиеся в литературе после Фирдоуси. В своем произведении поэт писал, что основным условием для благоденствия государства является не только справедливый государь, но и просвещенные министры и чиновники, заботящиеся о благе народа.

По легенде, Юсуф — идеальный герой, наделенный высокими качествами. И поэт, используя богатые традиции предшествующей литературы, изображает его жизненный путь и постепенное совершенствование его моральных качеств.

Повторяя сюжет легенды о Юсуфе и Зулайхе, Хозик трактует ее как светскую тему.

**Гулахани**

Мухаммад Шариф Гулахани считается одним из выдающихся поэтов Ферганы.

Родился он в Каратегине, в селении Бульк.

Примерно в 90-х годах XVIII в. Гулахани прибыл в Наманган. Днем он работал грузчиком, а вечерами учился в мадраса. Во времена правления Алим-хана (1800—1810), надеясь улучшить свое материальное положение, поэт поступил на военную службу. В походах он проявил храбрость и геройство, но это не избавило его от нужды. После смерти Алим-хана Гулахани продолжал служить в армии и перешел ко двору Умар-хана.

Гулахани, подобно другим ферганским поэтам, писал на таджикском и узбекском языках. В его социально-гражданской лирике ясно звучали жалобы на жизнь, безнадежность и отчаяние обездоленных людей, к числу которых принадлежал и сам поэт. Из его литературного наследия сохранились лишь разрозненные таджикские и узбекские стихи и прозаическое произведение назидательного характера «Пословицы». Написано оно по-узбекски. И по языку, и по идейному содержанию, и по литературным достоинствам это один из прекрасных образцов узбекской художественной прозы.

«Пословицы» — совершенное сюжетное произведение и яркий образец резкой сатиры, созданной на основе устного народного творчества.

Наиболее существенная черта книги Гулхани — это ее органическая связь с действительностью того времени. Изображение персонажей и материалы, взятые из жизни, определяют произведение и его содержание; в целом в нем в форме притч и басен изображена общественная жизнь. Сопоставление по аналогии обычно дается в характеристике отрицательных явлений самими персонажами басен, и это предоставляет писателю возможность подвергнуть резкой критике и осмеянию туеядцев и мошенников, занимавших высокое общественное положение. Так, в рассказе «Фач и Кач» Ниёзча огалик, Бободжон Ашур и Али разоблачаются как невежественные глупцы, корыстолюбцы, туеядцы, лжецы и вредные советчики, а муфтий Мухаммад Аминходжа — как человек бестолковый и даже низкий, поучающий глупцов, безграмотный, но претендующий на ученость. Гулхани особенно остро высмеивал скупость, бичевал порочных людей.

Целью писателя стал показ отрицательных сторон феодального общества: произвола правящих слоев и бесправия трудящихся масс<sup>213</sup>.

«Пословицы» Гулхани в узбекской классической литературе считаются выдающимся образцом рифмованной прозы. Применяя литературные и фольклорные приемы, поэт создал нечто действительно новое.

#### Махмур

Махмуд Махмур родился в конце XVIII в. в кишлаке Байтуман вблизи Коканда. Отец его Мулло Шермухаммад Акмал был видным поэтом. У него был девон стихов, написанных на таджикском и узбекском языках.

Деятельность Махмура была весьма разнообразной. Она прослеживается до 1845 г. Он принадлежал к демократической группе кокандских литераторов и как выдающийся поэт-сатирик внес в узбекскую и таджикскую литературу значительный вклад, способствовавший развитию сатиры и общественной мысли. Махмур — поэт реалистического направления. В его произведениях изображаются и тяжелая доля трудящихся, и беспощадный гнет феодалов, и лживость, ханжество духовенства и казиев. В узбекском стихотворении «О кишлаке Хапалак» поэт с чувством патриотизма и одновременно с чувством боли описывает разруху в кишлаке и невыносимые страдания его жителей. Перед глазами встает страшная картина разоренного селения с истощенными голодными людьми.

Отрицательное отношение поэта к хану и политике его правительства ярко выражено в хронограмме, посвященной

дате смерти Алим-хана, Махмур избрал для хронограммы на смерть правителя выражение «проклятый тиран», так как народ прозвал хана «Алим-тиран».

В «Сатире на аштского домудло Ато» вынесен суровый приговор стяжательству, вничтожничеству, безнравственности верховного судьи Ферганы. В этом произведении сатира уступает место сокрушающей критике:

В ту пору, когда он был облечен полномочиями,  
Своими грабежами он обездолил жителей страны.  
Уловками и хитростями, своими пантками этот вымогатель  
Разграбил все население Ферганы,  
Мусульмане стонут под гнетом его произвола,

Острая сатира Махмура настигала и придворных поэтов-панегиристов. Его сатира на Мавлоно Фазли Намангани свидетельствует о существовании в литературных кругах Ферганы двух противоположных направлений и их борьбе.

Лирические стихи Махмура, представленные разрозненными касыдами, газелями и мухаммасами, различны по своей тематике и содержанию. Махмур принадлежит к передовым поэтам своего времени. Он прежде всего сатирик, и именно этот жанр острого социального характера, выражающий резкий протест поэта против существующего строя, определяет его место в литературе передового направления первой половины XIX в.

**Мъадан**

Поэт родился в 1788 г. в селении Пангоз (или Панджгози) современного Аштского района, в семье бедняка-крестьянина Авазмухаммада. Умер поэт там же в 1856 г.

В детстве Мъадан был пастухом. С двенадцати лет он начал слагать стихи и распевал их во время пастыбы скота. В дальнейшем Мъадан занимался земледелием, одновременно совершенствуя свои знания и поэтический талант. Он прославился не только как видный поэт, но и как образованный человек.

Поэтическая слава Мъадана достигла Коканда. Но хотя он в свое время и написал панегирик в честь эмира Умар-хана, ко двору он не приблизился и от приглашения эмира Мухаммад Али-хана отказался, сказав: «Хотя я сам и умещаюсь в своем городе, но мои стоны в нем не умещаются». Этот ответ свидетельствует о непокорной, вольнолюбивой натуре поэта и о том, что его творчество выражало протест против существующего строя.

Мъадан, как и все ферганские поэты, слагал стихи на двух языках — таджикском и узбекском. Его литературное наследие состоит главным образом из газелей и мухаммасов.



Они выражают интересы трудящихся и пронизаны глубоким состраданием к народу.

В острой сатире поэт разоблачает способы управления страной, отвратительные поступки аристократии, произвола невежественных, утративших совесть и стыд чиновников:

**PDF Compressor Free Version**

Совесть ушла, о господи, из мест обитания жителей Пангоза,  
В руках невежд управление жителями Пангоза.  
Неизбежно разорение посевов жителей Пангоза,  
Собаки насытятся в охоте за добычей — жителями Пангоза.

\* \* \*

Сто тридцать кровожадных волков идут наперекор пастуху,  
Среди овец началось смещение,  
Беда в Пангозе, разорение в Шайдоне.  
Обе страны пришли в упадок, разрушаемые этой влкостью,  
Не растет трава на земле Пангоза.

\* \* \*

Скажи, чтобы против орды обманщиков восстали, ибо наступила  
пора,  
Когда ересь перешла границы и произвол губит народ.  
Тираны преследуют людей своей жестокостью,  
Не стало молитв и благословения от умерших,  
Не снизойдет дух мертвых на могилы Пангоза<sup>214</sup>.

Мъадан слагал мухаммасы на основе газелей, внося в них гражданскую лирику. Его творческая удача заключалась в том, что в содержании автор строго придерживается гармонии слов и соответствия их внутреннего содержания художественному уровню.

Одной из выдающихся черт и крупных удач передовой литературы конца XVIII и начала XIX в. является развитие социальной сатиры. Сатира особенно в творчестве Гулхани, Махмура и Мъадана по своему содержанию остра и беспощадна, по тематике и характеру образов необычайно конкретна, а по стилю и языку — народна. Это оказало влияние на содержание лирики поэтов-просветителей.

Демократическое просветительское направление литературы этого круга не имело большого числа последователей, но по своему высокому творческому уровню было весьма мощным и имело чрезвычайно важное значение на данном историческом этапе развития передовой литературы и общественной мысли таджикского и узбекского народов. Жанры и литературные формы этого направления не были ограничены

подобно придворной литературе. Среди произведений передовых, свободомыслящих писателей мы видим поэмы Хозика («Юсуф и Зулайхо»), выдающийся образец художественной прозы Гулхани («Пословицы»), мухаммасы и газели Мъадана, Акмала и других поэтов, создававших гражданскую лирику.

PDF Compressor Free Version

Следовательно, в XVIII и начале XIX в. передовая демократическая литература продолжала существовать. На сумрачном тусклом небе Бухарского и Кокандского ханств блистали, как звезды, общественные идеи. И хотя демократическая литература рассматриваемой эпохи не достигла высот предшествующей ей классической и просветительской литературы второй половины XVII в., тем не менее она продолжала лучшие творческие традиции и послужила связующим звеном между литературой эпохи Сайидо и эпохи Ахмада Довиша и Шохина.

**Наука и просвещение** При эмире Шах-Муроде пышно расцветало богословие, а светская наука носила схоластический характер. К концу XVIII в. Бухара становится религиозным центром Средней Азии.

Научная жизнь в среднеазиатских ханствах сосредоточивалась в городах и в основном нашла выражение в некоторых исторических трудах, суфистской поэзии, литературе, находившейся под влиянием поэта-философа Бедиля, и в переписке богословских, подчас фантастических книг средневековых авторов. Из исторических работ той эпохи некоторый интерес представляет сочинение Мухаммада Вафо-и Карминаги «Таърихи Рахимхони» («Рахимхонова история»), иначе называемое «Тухфан хони» («Ханский подарок»).

В 30-х годах XIX в. в Бухаре на таджикском языке было написано историческое сочинение «Гулшан-ул-мулук». Его автор Мухаммад Якуб происходил из придворных кругов и был свидетелем и участником многих исторических событий. Поэтому сообщаемые им сведения о событиях с конца XVIII и начала XIX в. имеют особую ценность.

В 40-х годах был завершен написанный на таджикском языке крупный исторический труд «Мунтахаб-ат-тавориш» («Избранные истории») Мухаммада Хакима.

В свое время он близко стоял к придворным кругам Кокандского ханства и многие события описывает как очевидец. В обоих вышеназванных сочинениях нашли отражение многие факты по истории северных районов Таджикистана, их роль и значение в борьбе между Кокандским и Бухарским ханствами.

В городах население разговаривало главным образом по-таджикски, «бухарцы говорят языком более сходным с персидским, нежели с татарским»<sup>215</sup>.

Говоря о культуре, следует остановиться на вопросе образования. По словам П. П. Иванова, в XVIII в. существовали два типа школ: низшая (мактаб), средняя или высшая (мадраса)<sup>216</sup>. В мактабах дети в возрасте от 5 до 16 лет обучались грамоте и воспитывались в духе мусульманского благочестия. Преподавание велось на таджикском языке.

Высших конфессиональных школ-мадраса в первой половине XIX в. в Ходженте и Ура-Тюбе соответственно было шесть и четыре с 214 и 173 учащимися. Мадраса существовали и в других городах — Пенджикенте, Канибадаме. Особенно много было их в Бухаре и Самарканде. В 1821 г. члены посольства Негри в Бухаре писали: «мечетей здесь 360 и 285 медресе, в которых триста учителей преподают науки сам хан учит алкорану»<sup>217</sup>. Были мадраса в Қарши, Гиссар и в Кулябе. Основным языком был арабский. Программа в мадраса была построена почти целиком на изучении богословской схоластики и шариата — мусульманского канонического права. Кроме богословия, тут изучали первые четыре правила арифметики, а также начатки алгебры и геометрии, хотя последние два предмета преподавались не везде. Срок обучения в мактабах и мадраса не был твердо установлен; в последних, например, он продолжался от 8 до 20 лет. В школах, особенно в мадраса, обычно учились дети богачей. При Шах-Муроде число учащихся в бухарских мадраса достигло 30 тыс.<sup>218</sup>.

#### Искусство

Говоря об искусстве таджикского народа, следует отметить массовое народное творчество, проявившееся в песнях, рассказах и сказаниях. На территории тогдашнего Таджикистана, как и в других районах Средней Азии, существовали театры двух типов: уличные театральные представления бродячих артистов и кукольные театры. В своих выступлениях артисты этих театров критиковали проделки судей, духовенства и администрации.

Среди населения широкое распространение имела музыка. Хотя музыкальные инструменты (духовые, струнные и ударные) были примитивны, но талантливые музыканты исполняли на них различные мелодии.

Во время праздников и на семейных торжествах пение сопровождалось игрой на музыкальных инструментах.

Массовое распространение имели спортивные игры (козодрание, борьба, скачка на конях или бег на определенную дистанцию), организуемые во время свадеб и других празднеств.

Довольно высокого уровня достигли разнообразные виды прикладного искусства, отражавшего состояние народной культуры того времени.

Как в центральных и южных, так и северных районах со-



временного Таджикистана большое распространение имели настенные росписи, резьба по дереву, резной штук, резная терракота — простая и поливная. Художественная резьба и роспись по ганчу (алебастру) широко практиковались при сооружении жилых и общественных зданий. Кроме того, резьба **PDF Compressor Free Version** некоторые предметы домашнего обихода, как, например, коробки для различных домашних вещей, подставки под книги и др. В этой отрасли прикладного искусства было много высококвалифицированных мастеров — художников-живописцев, которые составляли орнаменты для специалистов многих профессий.

Высоким художественным уровнем отличались ткани различных сортов и красок, вышивки и набойки, производившиеся местными мастерами.

Очень красиво выделялись налобные повязки, вышитые нашивные фартуки на женские рубашки, мешочки для зеркал и для гребней, вышитая одежда, вышивки, украшающие головные уборы. Таджикские мастера-набоекники весьма искусно выделяли набойки для тканей.

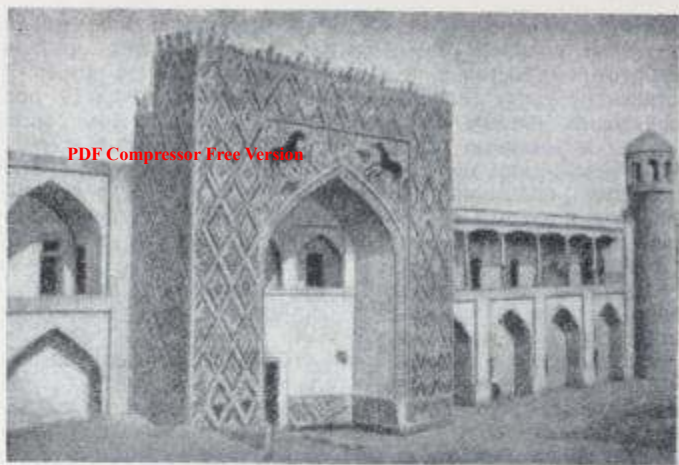
Однако все эти богатства были доступны лишь правящему классу и более или менее состоятельным людям. Таджикский же народ, имея богатое культурное наследие, не мог им воспользоваться.

#### **Архитектура**

Во второй половине XVIII в. восстанавливались архитектурные памятники прошлого. Самарканд, например, в XVIII в. в значительной степени был восстановлен. В нем строилось множество жилых домов, квартальных мечетей, лавок, мастерских и подновлялись разрушенные старые святыни<sup>219</sup>. Более того, при Шах-Муроде в него переселяются жители из Мерва, Ура-Тюбе, Джизака и других городов<sup>220</sup>. Как в городах, так и в кишлаках жилые дома строились из глины и из сырцового кирпича квадратной и прямоугольной формы.

В монументальном строительстве употребляли жженный кирпич. Бедняки жили в полужемлянках с толстыми глинобитными стенами и без окон. Стены их покрывались грубой глино-саманной штукатуркой, а у богачей алебастром. Хотя строительство культовых зданий и мадраса продолжалось, но оно теряло свою монументальность, свои высокие технические и художественные качества<sup>221</sup>. Об этом свидетельствуют постройки конца XVIII в., возведенные, например, в городе Бухаре. Здесь был сооружен комплекс мечети, мадраса, сардобы и мазара Халифа Худойдода (1777—1855), мадраса Рахман-кула (1794—1795), Ир-Назар-ильчи (1794—1795), Турсун-джана (1796—1797)<sup>222</sup>.

В первой половине XIX в. строительная техника по сравнению с прошедшими столетиями находилась на низком



Мадраса Рустам-бека в Ура-Тюбе

уровне. Из монументальных архитектурных памятников этого времени до нас дошли немногие. Наиболее значительными из них в Бухаре была мадраса Чор-Манор, а в Ура-Тюбе — мадраса Намазгах и Рустам-бека. Фасад последней был облицован разноцветными майоликовыми кирпичами. Несколько небольших мадраса было построено в Ходженте (Шохи-девовбеги, Мухаммад Садык Олим). Частично были перестроены мечеть Шайха Маслихаддина, мавзолей Туба-хана и городские стены<sup>223</sup>.

К середине XIX в. в Ура-Тюбе на возвышенности были прекрасно достроены и оформлены резиденция хакима — Муг, караван-сарай, несколько бань. Автор исторической летописи «Таворихи Манзума» большинство построек в середине прошлого столетия в Ура-Тюбе связывает со временем правления Рустам-бека<sup>224</sup>. Очевидно, одной из причин сравнительно большого количества построек была близость туркестанских гор, где в изобилии рос арчевый лес. Сравнительная с Бухарой и другими городами хаства дешевизна леса способствовала широкому применению его в каркасном строительстве жилых домов в Ура-Тюбе и Ходженте. Необходимость же такого строительства возникла из-за частых землетрясений в этом районе.

## ГЛАВА III

## ПРИСОЕДИНЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ

ПОЛОЖЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ  
НАКАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИСоциально-  
экономическая  
обстановка

Историческая обстановка и социально-политическая жизнь народов Средней Азии накануне их присоединения к России были чрезвычайно сложными. К этому времени территория Средней Азии не представляла собой единого централизованного государства и по-прежнему была разделена на несколько феодальных государств: Бухарское, Хивинское, Кокандское ханства, различные бекства и шахства. В верховьях Зеравшана были расположены Фальгарское, Матчинское, Кштутское, Магиано-Фарабское бекства, которые вели весьма часто междоусобную войну друг против друга.

В центральной части Таджикистана и на Памире существовали Кулябское, Гиссарское, Дарвазское, Каратегинское, Шугнанское, Ваханское бекства, которые сохраняли также номинальную самостоятельность, временами подчиняясь то Кокандскому, то Бухарскому ханству. Но, по определению современников, эти государственные единицы «не представляли ни правильных государств, ни твердых правительств, ни определенных границ и территорий. Они то расширялись, то суживались по обстоятельствам в самое короткое время, и лишь то, что они находились в трущобах, в стороне от главных международных путей, спасало их от уничтожения»<sup>1</sup>.

В среднеазиатских ханствах, как и в других феодальных обществах, основой власти служила «собственность на землю духовных и светских феодалов, включая самого правителя. Наблюдались в то же время пережитки дофеодальных формаций — рабовладельческого строя, первобытнообщинного строя»<sup>2</sup>. На территории, где жили таджики и узбеки,



господствовали развитые феодальные отношения, но в отдельных случаях сохранились пережитки патриархально-родовых отношений, особенно в горных районах Куляба, Гарма, Памира.

Большинство земель во всех ханствах принадлежало феодалам и феодальному государству. Огромная часть орошаемых земель находилась в распоряжении мусульманского духовенства (вакуфные земли).

Земельная собственность служила основным орудием экономического и политического господства феодалов, источником эксплуатации дехканских масс. Большинство населения было занято земледелием, скотоводством и ремеслом.

В течение веков основными орудиями обработки земли являлись омач и кетмень. При помощи этих примитивных орудий дехкане пахали землю на волах, коровах и лошадях, а в горных районах обрабатывали вручную; жали серпами. Даже косы не были известны. Молотили урожай на току, гоня скот по снопу, а зерно молотили ручными мельницами.

Земля, как правило, обрабатывалась дехканами — чорьяккорами и мардикорами. Три четверти урожая, а иногда и больше присваивались феодалами и духовенством.

Дехкане в Бухарском эмирате, составляя около 85% населения, владели лишь 15% всех земель, большая часть которых, особенно в горных районах, использовалась под пастбища для скота, принадлежавшего в основном представителям господствующего класса. Четвертую часть сельского населения Бухарского эмирата составляли безземельные крестьяне<sup>3</sup>.

Характеризуя общественно-политический строй Туркестана, Бухары и Хивы, В. И. Ленин писал: «важнейшей характеристикой чертой этих стран является то, что в них господствуют еще докапиталистические отношения» и крестьяне, составляющие громадное большинство населения этих стран, эксплуатируются «не только торговым капиталом, но и феодалами и государством на феодальной основе»<sup>4</sup>.

Дехкане, работавшие на небольших участках амлячных и вакуфных земель, были по существу крепостными, и за пользование этими землями с них взималась большая рента в различных формах. Была распространена барщина, особенно в горных районах Таджикистана (Каратегин, Гиссар). Кроме ренты, взималось с населения более пятидесяти различных податей, налогов и поборов. Различные подати собирали с земли и имущества оседлого населения, с кочевников, караванов, купцов, ремесленников и пр.; налогами облагались урожай, рабочий скот, сады, огороды, дворы.

Наряду с налогами и податями существовала обязательная трудовая повинность. Широко практиковались принуди-



Базар в Каратаге

тельные бесплатные наряды на ту или иную работу, например, на постройку дворцов, мечетей, дорог, мостов, на проведение и очистку оросительных каналов, устройство колодцев и т. п.

Все земли в Бухаре делились на эмирские — 12,1%, амлячные — 55,8, вакуфные — 24,2 и милковые — не более 2—3%<sup>5</sup>.

В центральных районах Таджикистана отдельные феодалы имели по сто и больше десятин земли.

Амлячные земли эмир раздавал местной знати на правах танхо вместе с сидящими на них дехканами, а также движимым и недвижимым имуществом.

В Восточной Бухаре феодальные отношения облекались в патриархально-родовые формы.

Наиболее влиятельные феодалы закрепляли за собой ключевые участки ирригационной системы и источников орошения в различных районах Средней Азии. Феодальная собственность на землю и воду была чрезвычайно широко распространена во всех районах Средней Азии.

Кроме земли, арыков, колодцев, правящий класс владел и огромными стадами скота. В скотоводческих районах Средней Азии пастбища фактически находились в руках феодально-байской верхушки и родовой знати. Феодалы вели также различные торговые операции, занимались ростовщичеством, грабительскими набегами — аламанями и работорговлей.

Вплоть до присоединения к России в среднеазиатских ханствах существовало рабство, купля и продажа невольников, использовавшихся феодалами главным образом для домашних услуг. Особенно много рабов было в Хивинском ханстве.

Рабство было развито в южных районах страны. Продавали в рабство подданных и памирские феодалы.

Рабами были главным образом пленные. Среди них были представители различных национальностей. Г. Вамбери считает, что рабов в Хивинском ханстве было 80 тыс. В записках одного из царских чиновников Бланкеннагеля сказано, что рабов в Бухарском ханстве было 50 тыс.<sup>6</sup>

Во главе каждого феодального государства стоял эмир или хан. В своих владениях он был полновластным правителем. Принадлежащие ему имущество и казна не были отделены от казны государственной. Государственный аппарат состоял из представителей имущих классов и местной военно-феодальной знати, беков, амлякдаров и других чиновников. Среди высших чиновников важную роль играли кушбеги (в Бухаре) и мингбоши (в Коканде).

На все государственные должности назначались родственники или приближенные эмира или хана. Государственные должности были превращены в феодальную собственность, переходящую по наследству. В своем районе каждый феодал был полновластным хозяином.

Правовые нормы Бухарского эмирата, как и других среднеазиатских ханств, основывались на мусульманском феодальном праве — шариате, который был испытанным средством осуществления феодалами основной функции эксплуататорского государства — подавления трудящихся масс. Блюстителем шариата было духовенство — неотделимая часть местной феодальной эксплуататорской верхушки. Оно играло важную роль в управлении государством и в подавлении народа.

Невыносимый гнет, беспощадная эксплуатация вызывали протест трудовых масс, и территория среднеазиатских государств порой превращалась в арену массовых народных движений, выступлений и восстаний бедноты против феодалов.

В среднеазиатских ханствах непрерывно происходили междоусобные войны. Территория Средней Азии до ее присоединения к России продолжала оставаться ареной борьбы между различными ханами и феодалами, так как ни одно из ханств не обладало силами, достаточными для решительной победы. Междоусобные войны длились вплоть до 60-х годов XIX в. Такие богатые области, как Ходжент, Ура-Тюбе, Мерв и Джизак, постоянно были ареной военных действий, подрыв-



вавших их экономику. Например, кокандский хан Алим-хан только на Ура-Тюбе совершил 15 походов. Эмир Бухары Насрулло за время своего правления совершил более 30 походов на один Шахрисябз.

В результате феодальных междоусобиц многие города и области **PDF Compressor Free Version** пустошены, сельское хозяйство подрывалось в самой своей основе, хлопковые поля затаптывались, разрушалась ирригационная сеть. Люди уничтожались не только в ходе феодальных войн, но и при подавлении народных восстаний.

Садриддин Айни рассказывает, что при подавлении одного восстания в горной Бухаре эмир Музаффар (1860—1885) велел отрубить головы тысяче пленных и лично наблюдал за выполнением этой массовой казни<sup>7</sup>.

Нередко нашествия и набеги совершали также и соседние феодальные государства (Иран, Китай, Афганистан).

Экономическая отсталость, тяжкий феодальный гнет, политическая раздробленность и феодальные междоусобицы ослабляли ханства Средней Азии. Они не имели достаточно сил для защиты своей территории от иноземных захватчиков и вражеских нашествий. Их политическая и экономическая самостоятельность были весьма призрачны и эфемерны, так как необходимой материальной базы для защиты своей независимости у них, естественно, не имелось. Поэтому они не могли рассчитывать на сколько-нибудь длительное самостоятельное государственное существование.

**Борьба за Среднюю Азию** Основная особенность, характеризовавшая внешнеполитическое положение Средней Азии, заключалась в том, что перед присоединением к России она явно находилась под угрозой захвата ее Англией — самой крупной колониальной державой. Даже султанская Турция и шахский Иран не прочь были урвать себе кусок лакомой добычи. Эти государства особенно начиная с 20-х годов XIX в. усилили свою экспансию, направляя в Среднюю Азию под видом коммерсантов, путешественников, послов своих агентов. Оживилось паломничество в разные города Средней Азии; причем паломники разведывали торговые и военные пути и должны были проводить широкую антирусскую, проанглийскую, пантюркистскую и панисламистскую пропаганду, устанавливая тесные связи с отдельными лицами правящей верхушки среднеазиатских ханств.

В 50—60-х годах английские империалисты, укрепив свои позиции в Индии, вышли на подступы к Афганистану и стали разрабатывать план захвата Средней Азии. Разведывательный отряд английского штаба в Индии издал тогда большой военный справочник, третий том которого содержал сведения о Туркестане.

Еще в 1852 г. под лозунгом «священной войны» Англия предприняла неудавшуюся попытку создать против России союз трех среднеазиатских ханств — Бухарского, Хивинского и Кокандского. В период Крымской войны англичане особенно усиленно использовали лозунг «защиты ислама» в Средней Азии.

PDF Compressor Free Version

В города Туркестана проникали группы английских агентов. Так, капитан Батлер по заданию вице-короля Индии лорда Литтона руководил постройкой военных укреплений на южной границе Туркестана. В это время в городах Туркестана развернул свою агентурную деятельность в качестве корреспондента газеты «Дэйли ньюс» английский провокатор О'Донован. Даже в английской исторической литературе не отрицалась засылка этих агентов-разведчиков в Среднюю Азию.

Английские правящие круги использовали для антирусской деятельности в Туркестане персидских панисламистов и турецких пантюркистов. В конце 1853 г. турецкие миссионеры появились во всех ханствах Средней Азии, призывая их население выступить против России. Русский посол в Константинополе Игнатьев, донося об отправке из Турции в Бухару некоего Суфи-Эфенди, сообщил, что этому агенту поручено информировать английское правительство о положении дел в Средней Азии, а также вести там враждебную России пропаганду. Посол доносил, что турецкие и английские агенты ведут усиленную обработку представителей среднеазиатских ханств в Турции<sup>8</sup>.

Не был оставлен без внимания и Памир. «Афганистан и Памир сделались мишенью английской политики, и туда были направлены жадные взоры английского правительства»<sup>9</sup>. Но провокационные действия Англии, направленные против среднеазиатских народов, не увенчались успехом. Тогда английские агенты стремились разжечь вражду между народами Средней Азии и соседними странами (Афганистаном, Ираном и др.). Кроме того, англичане распространяли о России самые гнусные вымыслы и старались всячески воспрепятствовать быстрому росту русского влияния на среднеазиатские ханства. Однако все стремления английского правительства потерпели крах.

**Наступление царских войс** Царская Россия, вступив на путь капиталистического развития, стала проявлять большой интерес к Средней Азии.

В своей работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин писал: «Капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства.

И это свойство капитализма с громадной силой проявлялось и продолжает проявляться в пореформенной России»<sup>10</sup>. В. И. Ленин указывал также, что «Юг и юго-восток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь служат как бы колониями русского капитализма и обеспечивают ему громадные рынки сбыта — вглубь, но и вширь»<sup>11</sup>.

Именно эта тенденция развития русского капитализма вширь обусловила активизацию колониальной политики царизма во второй половине XIX в.

После реформы 1861 г., отменившей крепостное право, Россия решительно вступила на капиталистический путь развития. Расширение территорий, захват рынков сбыта и источников сырья отвечали интересам буржуазии. К тому же царское правительство надеялось найти пути к ослаблению внутренних противоречий в стране и недовольства широких слоев крестьянских масс, в частности, переселив часть их на новые завоеванные земли. Поэтому колониальная политика царского правительства в Средней Азии выражала также и интересы господствовавшего в России класса помещиков. В это же время в связи с гражданской войной в Америке прекратился ввоз американского хлопка в Россию, что усилило значение Средней Азии как сырьевой базы для русской текстильной промышленности.

Важным внешнеполитическим фактором, побудившим царское правительство ускорить завоевание Средней Азии, была военно-стратегическая обстановка того периода. Как уже упоминалось, в то время активизировалось проникновение Англии в эти районы. В соответствии с заключенным между царской Россией и Англией в 1873 г. соглашением «О нейтральной зоне», весь Афганистан оказался в сфере «непосредственного влияния» Англии. Это усилило угрозу завоевания Средней Азии Великобританией. Поэтому не случайно на страницах печати появились требования немедленного завоевания Средней Азии. С ними выступали министры и другие государственные чиновники Российской империи.

Решительное наступление царских войск на Среднюю Азию началось в 1864 г.<sup>12</sup>

Заняв ряд районов на территории Казахстана, царские войска во главе с генералом Черняевым в сентябре 1864 г. захватили Чимкент и двинулись к Ташкенту — крупному в то время экономическому центру Кокандского ханства, городу с многочисленным населением и сильным гарнизоном. Но отряд Черняева сперва потерпел неудачу и с большими потерями вынужден был вернуться в Чимкент. Весной 1865 г. царские войска вновь подошли к Ташкенту и заняли крепость Ниязбек на берегу Чирчика. Овладев этой крепостью, недалеко от которой находилось головное сооружение канала по снабже-



нию Ташкента водой, царские войска прекратили подачу воды городу и начали готовиться к его захвату. Город оказался в осаде и, несмотря на сопротивление кокандских войск, после двукратного ожесточенного штурма 17 мая 1865 г. перешел во владение Российской империи. Вслед за Ташкентом в планы царского командования отводилось внимание Ходженту, расположенному у ворот долины Ферганы и имевшему большое торговое и стратегическое значение. Царское военное командование рассчитывало, заняв Ходжент и Ура-Тюбе, окончательно изолировать Бухарское и Кокандское ханства друг от друга и затем покорить их.

С этой целью в мае 1866 г. был предпринят поход на Ходжент и Ура-Тюбе. Царские войска двигались по берегу Сыр-Дарьи. 19 мая была взята крепость Нау. 20 мая царская армия осадилась Ходжент. После двухдневной осады среди защитников города произошел раскол — образовались три группировки. Первая — ориентировалась на кокандского хана, вторая группировка — на бухарского эмира, третью группировку возглавил купец Азамат-ходжа, не однажды ездивший со своими товарами в Россию.

24 мая царские войска под командованием Романовского начали штурм города. Сторонники Азамат-ходжи открыли им городские ворота. Бои внутри города продолжались до самой темноты. 25 мая Ходжент пал. Азамат-ходжа и его единомышленники встретили в цитадели города Романовского и преподнесли ему хлеб-соль. Азамат-ходжа был назначен на должность мингбоши.

В конце сентября царские войска подошли к Ура-Тюбе. К этому времени бухарский эмир Музаффар объявил «священную войну» и стал подтягивать свои войска к Джизаку. 1 октября Романовский начал усиленную бомбардировку Ура-Тюбе. На следующий день, пробив в крепости брешь, царские войска штурмом овладели городом; оставив в нем небольшой отряд, войска двинулись к Джизаку.

18 октября 1866 г. Джизак пал. Эмир со своим войском бежал.

В начале 1868 г. попало в зависимость от царской России Кокандское ханство. Вскоре после этого царские войска во главе с Кауфманом двинулись на Самарканд. Вспыхнувшие в городе распри между местным населением и бухарскими властями привели к тому, что царские войска, разгромив эмирскую армию на подступах к городу, вошли в Самарканд, не встретив никакого сопротивления.

По словам Мирзо-Азима Соми, когда царские войска подошли к Самарканду, представители самаркандцев просили русское правительство взять Самарканд и его жителей под свою защиту. Затем представители феодалов — Мулло Камо-

литдин Муфти с шестью старостами города Самарканда — встретили царского губернатора и изъявили ему покорность. Губернатор принял делегацию и освободил Самарканд от дани<sup>13</sup>. Оставив в городе гарнизон, Кауфман с частью своих солдат двинулся на Зерабулакские высоты, чтобы окончательно разбить PDF Compressor Free Version. Воспользовавшись этим обстоятельством, часть местных феодалов и духовенства при поддержке шахрисябзских беков и старшего сына бухарского эмира Абдул-малика (Катта-тюра) подняли восстание против самаркандского гарнизона. Пока Кауфман сражался под Зерабулаком и, наконец, одержал победу над бухарскими войсками, осажденный в Самарканде гарнизон оказался в очень тяжелом положении. Боязнь дальнейшего развития восстания и истребления гарнизона в Самарканде заставила Кауфмана вернуться. Восстание было подавлено.

Вслед за Самаркандом были взяты Катта-Курган и Ургут; царские войска двинулись на Бухару.

23 июня 1868 г. между Россией и Бухарой был заключен мирный договор. В результате вся захваченная территория до Зерабулака с городами Ходжендом, Ура-Тюбе, Пенджикентом, Самаркандом и Катта-Курганом отошла к России. Этот договор определил положение Бухары как вассала Российской империи, лишённого прав самостоятельного сношения с иностранными государствами. Кроме того, эмирское правительство обязывалось уплатить контрибуцию в размере 500 тыс. руб.; предоставить русским купцам право свободной торговли в ханстве и обеспечить их безопасность; разрешить русским купцам и промышленникам учреждать торговые агентства во всех выгодных им пунктах; обеспечить свободный проезд через территорию ханства.

Дальнейшее наступление царизма на Среднюю Азию происходило в обстановке резкого ухудшения англо-русских отношений. Правительство Великобритании выражало свое недовольство русско-бухарским договором и наступательным движением царских войск в глубь Средней Азии. Но царское правительство, укрепив свои позиции на завоеванных землях, предприняло новый поход — против Хивинского ханства.

12 августа 1873 г. хивинский хан принял все условия мирного договора с Россией, признал себя покорным слугой русского царя и лишился права самостоятельно вести внешние сношения. По договору Хива, как и Бухара, стала протекторатом. Владения Хивинского ханства на правобережье Аму-Дарьи отошли к России. Русским купцам и промышленникам предоставлялось право свободной торговли и предпринимательской деятельности на всей территории ханства с освобождением от пошлин и повинностей. Русским подданным разрешалось приобретать в ханстве недвижимое имущество, и

устанавливалась их неподсудность хивинскому суду. На ханство была наложена контрибуция — 2200 тыс. рублей, которую в течение 20 лет Хива должна была уплатить России. На отошедшей к России территории правого берега Амударьи был образован Амударьинский отдел, подчиненный военному губернатору Сырдарьинской области.

Установление русского протектората над Хивой и Бухарой ускорило подчинение всей Средней Азии России.

В 1876 г., после восстания, Кокандское ханство было упразднено и его территория включена в образованную в составе Туркестанского генерал-губернаторства Ферганскую область.

После ликвидации Кокандского ханства царское правительство, исходя из внутривосточных, административных и дипломатических соображений (опасаясь вмешательства Англии), формально оставило Хивинское и Бухарское ханства самостоятельными.

В начале 80-х годов, несмотря на протесты и препятствия со стороны английского правительства, русские войска заняли важное в стратегическом отношении побережье Каспийского моря, образовав Закаспийский военный отдел. В 1881 г. после неоднократных боев был занят Ашхабад. В 1884 г. русские войска заняли Мервский оазис. Через некоторое время было подчинено население Серахского оазиса и бассейна реки Теджен и образованы Мервский и Тедженский округа. К России отошли обширные территории по Мургабу, Кушке и Теджену.

Правящие круги Англии увидели в завоевании Россией новых районов на территории Средней Азии угрозу своей колонии — Индии. В. И. Ленин, указывая на осложнение в 1885 г. отношений между Англией и Россией, писал: «... Россия была на волосок от войны с Англией из-за дела добычи в Средней Азии»<sup>14</sup>.

Поэтому в 1885 г. царское правительство, стремясь мирным путем урегулировать отношения с Англией, предложило провести новое разграничение с Афганистаном. Была создана англо-русская комиссия. В 1887 г. была установлена новая северная граница между Афганистаном и Россией до озера Зор-куль, расположенного в глубине Памира. Однако дальше, на северо-восток граница не была определена. Пользуясь этим, Англия активизировала попытки проникновения на Памир. Русско-английское соглашение о разграничении на Памире было заключено только 25 февраля 1895 г. По нему к Афганистану отошли бухарские владения и левый берег Пянджа (южная часть Дарваза). Взамен его к Бухаре были присоединены Рушан, Шугнан и часть Вахана. Остальная часть Вахана, лежавшая выше владения рек Памира и Пянд-



жа (Вахан-Дарья), осталась за Афганистаном. Таким образом, Англия все-таки удалось отделить Россию от Гиндукуша узкой полосой афганских владений<sup>15</sup>.

Англо-русские разграничения 1895 г. вытекали из существва колониальной политики России и Англии. Заключение договора ослабило напряженность, которая существовала между странами. Ф. Энгельс писал: «Вопрос о возможном столкновении двух великих азиатских держав, России и Англии, где-нибудь на полпути между Сибирью и Индией... часто обсуждался с тех пор, как в 1839 г. Англия и Россия одновременно отправили армии в Среднюю Азию»<sup>16</sup>.

В результате этого соглашения народы западных районов Памира были разделены на две части. Территория, расположенная на правом берегу Пянджа, отошла к России, левый берег — к Афганистану. Аналогичная участь постигла и кочевое население Восточного Памира. Памир, входивший в сферу русского влияния, был разделен на две части: западная отошла к Бухаре, а восточная — к России.

Обладая Памиром, Россия получила возможность контролировать огромную территорию Туркестанского края.

В основу памирского разграничения 1895 г. был положен не этнический, а чисто географический административный принцип. Оно было осуществлено вопреки интересам народных масс, в частности интересам таджикского народа, который был разделен. Река Пяндж стала государственной границей между Россией и Афганистаном. Так в 1895 г. было запрещено присоединение Средней Азии к Российской империи. Этот процесс происходил не везде одинаково. Одни районы завоевывались, другие присоединялись к России мирным путем.

В ряде случаев народные массы надеялись найти в приходе русских войск избавление от ненавистного гнета ханов и других феодалов. Так, когда в 1870 г. Кухистан был присоединен к России, то его народы «хорошо приняли русские отряды и акт присоединения Кухистана ими рассматривался как освобождение от власти прежних беков»<sup>17</sup>. Некоторые из местных правителей — ханов, беков и реакционного духовенства, заинтересованные в сохранении неприкосновенности старых феодальных порядков, своей деспотической власти и привилегий, организовывали сопротивление и отдельные антирусские выступления. Однако их попытки повлечь народные массы в широкое восстание против России не удавались.

Против их феодально-клерикальной идеологии выступали передовые люди Туркестана.

Царское правительство для обеспече-  
ния своих военно-стратегических интересов  
и укрепления политических и экономиче-  
ских позиций в Средней Азии образовало

в 1867 г. Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте. Наряду с этим был образован Туркестанский военный округ. Руководством к управлению краем стало Временное положение 1867 г., установившее принцип «военно-народного» управления. Сущность его заключалась в следующих основных положениях: 1) нераздельность власти военной и административной и соединение ее в крае в одних руках; 2) необходимость приблизить устройство этих органов по возможности к администрации в других частях России; 3) выборное начало как основание устройства низших, собственно народно-общественных органов власти; 4) отстранение от этих учреждений порядков, вредных интересам России; 5) образование и развитие административных органов сообразно местной потребности, с точным определением пределов их власти; 6) отделение от администрации суда в возможной по местным обстоятельствам степени<sup>18</sup>.

Принцип «военно-народного» управления позднее был подкреплен Положением об управлении Туркестанским краем от 12 июня 1886 г. На основании ст. 8 этого Положения, управление краем, за исключением судебного, финансового и почтово-телеграфного ведомств, находилось в ведении военного министерства Российской империи, тогда как управление областями внутренней России находилось в ведении министерства внутренних дел.

В административном отношении Туркестанское генерал-губернаторство разделялось на пять областей: сначала были созданы Семиреченская и Сырдарьинская, а затем Ферганская, Самаркандская и Закаспийская области. Каждая из них в свою очередь делилась на уезды.

Царская власть рассматривала Среднюю Азию как неприятельскую территорию, а административный аппарат, управляющий ею, — как вооруженный лагерь среди враждебного населения. Судьба Средней Азии была вручена генералам и военным губернаторам. Им было поручено охранять «национальный мир». Политика царизма и его чиновников на окраинах России была политикой национального порабощения и угнетения, лишения этих народов политических и гражданских прав, гонений на национальную культуру и язык в школе, в печати, в суде, в учреждениях, политикой разжигания национальной розни. Территория Средней Азии, как и других окраин, постоянно оставалась на военно-осадном положении. Поэтому Ленин не случайно указывал, что в царской

России правительство не управляет народом, а воюет с ним<sup>19</sup>.

По царскому указу 1867 г. генерал-губернатор получил необычайно широкие полномочия. Вся власть в крае была сосредоточена в его руках. Он же являлся командующим войсками Туркестанского военного округа. Генерал-губернатору было дано право «вести в случае нужды войну и заключать мир с соседними владениями», решать всякие «политические», пограничные и торговые дела, «отправлять в сопредельные владения доверенных лиц для ведения переговоров и подписывать трактаты, условия и постановления, касающиеся пользы обоюдных подданных»<sup>20</sup>. Он мог определять и изменять границы уездов, докладывая об этом только военному министру. Генерал-губернатор имел право выслать из Туркестанского края представителей местного населения на срок до пяти лет без суда, если царская администрация считала их «вредными по политической неблагонадежности». Он имел также право высылать иностранцев, если их пребывание в крае признавалось нежелательным. В случае восстания генерал-губернатору разрешалось предавать его участников суду по законам военного времени<sup>21</sup>. В круг его деятельности входили также непосредственные сношения с бухарским эмиром и хивинским ханом.

Под председательством генерал-губернатора действовал совет из 7—10 человек, куда входили военные губернаторы областей, начальник штаба Туркестанского военного округа и постоянный член от министерства финансов. Вскоре в состав совета были дополнительно введены помощник генерал-губернатора, прокурор ташкентской судебной палаты, начальник управления земледелия и государственных имуществ края. Кроме того, по распоряжению генерал-губернатора на заседания совета приглашались председатель областного суда, прокурор ташкентской судебной палаты, управляющий канцелярией генерал-губернатора, политический агент в Бухаре. Совет мог обсуждать лишь те вопросы, которые генерал-губернатор «находил нужным передать» на его обсуждение. Официальным печатным органом генерал-губернатора служила газета «Туркестанские ведомости», издававшаяся на русском языке.

Опорой царской власти в областях Туркестанского края являлись военные губернаторы областей и областные правления при них. В Положении об управлении Туркестанского края говорилось, что губернатором области должно быть военное лицо. Губернаторы областей назначались и смещались царем по представлению военного министра после согласования с туркестанским генерал-губернатором и министром внутренних дел. Помощник военного губернатора области на-



значался военным министром по представлению генерал-губернатора. Военный губернатор области обладал большими правами. Областное правление при нем имело более широкие права, чем губернское правление в самой России. В пояснительной записке комиссии 1873 г. к проекту Положения об управлении Туркестанского генерал-губернаторства говорилось: «Местные условия Туркестанского края столь своеобразны, и русская администрация существует здесь так недавно, что предусмотреть, определить и оговорить в положительном законе все вызываемые местными особенностями изъятия пока еще нет никакой возможности. А потому областной администрации необходимо дать в этом отношении некоторый простор»<sup>22</sup>.

Каждая область делилась на уезды, города, кишлаки. Во главе уездов находились уездные начальники; в их лице была объединена административная и полицейская власть. Уездным начальникам подчинялись и воинские части. У уездного начальника были помощник и канцелярия. Уездные начальники назначались и смещались генерал-губернатором по представлению военного губернатора области. В состав Сырдарьинской области входил Амударьинский отдел. Так назывались отошедшие к царской России земли Хивинского ханства. Эта часть Сырдарьинской области управлялась начальником Амударьинского отдела, который совмещал в себе функции начальника уезда и дипломатического представителя царского правительства при Хивинском ханстве и имел право утверждения и увольнения всех выборных должностных лиц местной администрации и суда.

Власть уездного начальника распространялась и на город. Согласно Положению об управлении Туркестанским краем к категории городов относились также пункты, которые являлись местопребыванием областных и уездных органов власти и, кроме того, Чуст, Ура-Тюбе, Пенджикент и ряд других мест. Управление Ташкентом, главным административно-политическим центром края, было вверено начальнику Ташкента, обладавшему правами уездного начальника. Города с преобладающим местным населением делились на части (даха), и управление ими возлагалось на аксакалов (старшин). В крае был создан усиленный военный аппарат. Военная и гражданская власти были объединены. Начальником города назначалось, как правило, военное лицо. Военизация аппарата управления вызвана была тем, что Туркестан являлся колонией и поэтому управлялся через военного министра Российской империи, который должен был обеспечить здесь «порядок», установив военно-феодальный режим, сосредоточив в руках генерал-губернатора, военных губернаторов

областей и уездных начальников всю полноту военной и гражданской власти.

Уезды делились на участки, где управляли участковые приставы, полицмейстеры и полицейские приставы, осуществлявшие административно-полицейские функции.

Согласно Положению 1886 г. об управлении Туркестанским краем, коренное население было разделено на оседлое и кочевое. Волостями управляли волостные управители, а сельскими обществами — аксакалы, являвшиеся представителями местной феодальной знати.

Опасность народных восстаний заставляла искать и другие средства управления. Одним из них служило использование верхушки населения в низовом управлении. Низовой аппарат основывался на началах так называемой выборности. Волостных управителей, кишлачных аксакалов и их помощников полагалось выбирать обычно на три года. Но в действительности выборы не производились. Генерал-губернатор мог отложить выборы при объявлении местности на положении усиленной охраны.

Чтобы быть избранным в волостную или сельскую администрацию, требовалось иметь безупречную, с точки зрения царских властей, репутацию. Кроме того, кандидат должен был достигнуть 25-летнего возраста. Волостной управитель избирался путем косвенных выборов на волостном съезде. Участники последнего избирались сельскими сходами по одному от каждых 50 домохозяев. Избрание волостного управителя на волостном съезде выборных происходило в присутствии уездного начальника или лица, его заменяющего, т. е. под наблюдением представителя царской власти. Военный губернатор области утверждал выборы.

Волостной съезд избирал двух лиц: одного на должность волостного управителя, другого — в кандидаты. Эти лица представлялись сначала уездным начальникам на их заключение, а затем — военному губернатору, который мог утвердить или не утвердить выборы. В случае неутверждения выборов военным губернатором последний либо назначал новые, либо утверждал волостного управителя по собственному усмотрению. Сельские старшины и их помощники избирались в присутствии волостного управителя на сельском сходе и утверждались уездным начальником. В некоторых случаях генерал-губернатор мог назначать волостных управителей, не считаясь с волей местного населения.

Волостные управители и аксакалы несли административные и полицейские функции. Волостной управитель был обязан приводить в исполнение судебные решения и правительственные распоряжения, иметь список домов в сельских обществах, следить за прибылью и убылью населения, наблю-

дать за своевременным поступлением всех сборов и исполнением повинностей.

Русская часть населения Туркестана управлялась так же, как в центральной России. В крае были созданы мировые и областные суды. В 1898 г. областные суды были упразднены, а созданы окружные.

Для местного населения, кроме мировых и окружных судов, действовал еще так называемый народный суд — суд биев и казийские суды, ставший оплотом царской администрации в Туркестане. Суд биев рассматривал дела по адату (обычаям), а казиев — по шариату, но, как и прежде, эти суды оставались орудием господствующих классов. В 1886 г. эти суды стали называться «народными судами». На должность судей трудящиеся не могли выдвигать своих представителей; «избирались» только представители имущих классов — послушные агенты русского царизма.

### КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА

Начало 80-х годов XIX в., когда территория Средней Азии стала составной частью царской империи, было периодом быстрого развития российского промышленного капитализма, эпохой буржуазных преобразований в стране.

В результате завоевания и присоединения Средняя Азия была превращена в бесправную колонию царизма. Она сделалась колонией чистейшего типа, как говорил В. И. Ленин, колонией хищного агрессора, каким было царское самодержавие.

Политика царизма в Средней Азии была реакционной, агрессивной, колонизаторской. Отношение царизма к народам Средней Азии было отношением господства и подчинения, отношением метрополии и колонии. Царизм был палачом и мучителем нерусских народов. Но отношение русского народа, его передовых представителей к народам Средней Азии, вопреки царизму и местным угнетателям, было гуманным и дружественным.

Царизм обеспечивал русскому капиталу возможность грабить край, причем это сочеталось с сохранением в колонии докапиталистических отношений. Средняя Азия была использована как рынок сбыта, источник сырья для быстро растущей капиталистической промышленности России, источник новых доходов для правящих классов, а также как новый район для экспорта капиталов и расширения влияния их владельцев в странах Центральной и Южной Азии. В колонизаторской деятельности царизм опирался на своих чиновников, армию, кулаков-переселенцев, на местных эксплуататоров.



торов — эмира, ханов, беков и баев. Последние в душе тайли мечту отделиться от России, но во имя сохранения своей власти над народом раболепствовали перед царским правительством.

По определению В. И. Ленина, царская Россия была тюрьмой для народов. Политика царизма, помещиков и буржуазии по отношению к местным народным массам «состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности русифицировать их. Результаты такой политики — неразвитость и политическая отсталость этих народов»<sup>23</sup>.

Народы Средней Азии попали под двойной гнет: с одной стороны, их угнетали местные феодалы, манасы, бан, с другой — царские колонизаторы, капиталисты и помещики. Значительная часть населения Средней Азии продолжала оставаться еще и под гнетом феодальных деспотов Хивы и Бухары, полностью зависимых от русского царизма. Царское правительство, исходя из внешнеполитических соображений и во избежание прямого столкновения со своим соперником — Англией, формально сохранило статус протектората над Бухарой и Хивой, способствуя сохранению в них деспотического режима и феодальных отношений. Местный государственный аппарат, местные власти и формы правления Бухарского эмирата и Хивинского ханства не противоречили интересам русского царизма. Царская армия покровительствовала неограниченному произволу и кровавым злодеяниям эмиров и ханов, режиму средневековья, мракобесия. Русский царизм по своей классовой природе стремился к тому, чтобы извлечь как можно больше пользы из Туркестана для русского военно-феодального империализма. Колония оставалась страной полурабского труда. Жизнь трудящихся протекала в условиях жесточайшего угнетения и эксплуатации.

Царская власть в России как политическая надстройка помещичье-буржуазной диктатуры организовала государственное управление в Средней Азии в целом и на местах в соответствии с задачами и целями российского военно-феодального империализма.

**Экономическая политика** Присоединение к России дало некоторый толчок к появлению первых очагов капиталистической промышленности в Средней Азии. Политика царизма в области промышленности охраняла интересы русского капитала и обеспечивала ему монопольное положение в колониальном Туркестане. Для этого царское правительство задерживало развитие в крае обрабатывающей промышленности и не допускало создания отраслей тяжелой индустрии — машиностроительной, нефтяной, химической,

энергетической и других. Однако проникновение капиталистических отношений вызывало здесь явление, характерное для всей колониальной системы капитализма. Для нужд колонизаторов были построены железные дороги, фабрики и заводы, промышленные и торговые предприятия; а в результате этого появился пролетариат, зародилась местная интеллигенция, пробудилось национальное самосознание, усилилось освободительное движение.

Интересы развития текстильной промышленности России безотлагательно требовали промышленного сырья — хлопка. Царская администрация предприняла ряд мер по развитию хлопководства. Был образован специальный хлопковый комитет, который должен был содействовать развитию и усовершенствованию хлопководства и хлопковой промышленности, заботиться о выработке наиболее выгодных методов ведения хлопководства<sup>24</sup>.

Указывая на значение среднеазиатского хлопка, главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин в приложении к «всеподданнейшему» докладу о своей поездке в Туркестанский край писал: «Каждый пуд туркестанской пшеницы — конкуренция русской и сибирской пшенице; каждый лишний пуд туркестанского хлопка — конкуренция американскому хлопку. Поэтому лучше дать краю привозной, хотя бы и дорогой хлеб, но освободить в нем орошенные земли для хлопка»<sup>25</sup>.

О росте посевов хлопчатника в Средней Азии свидетельствуют следующие данные: если в 1884 г. под посевом «американского» сорта хлопчатника было занято 450 десятин, то к 1887 г. он занимал 14 500 десятин. «Американский» хлопок был более доходным, чем местный. В 1889 г. площадь под его посевом в Ходжентском уезде составляла всего лишь 133 десятины, а через десять лет она увеличилась в 50 раз с лишним, составив 6 654 десятины<sup>26</sup>.

Царское правительство придавало большое значение развитию хлопководства для удовлетворения своих потребностей. Для улучшения качества хлопка выписывались из-за границы семена высших сортов хлопчатника, главным образом так называемого американского. Оценивая значение покровительственной политики правительства в развитии хлопководства, дореволюционный экономист В. И. Масальский писал: «Хлопководство стало быстро развиваться в Туркестане в пределах орошаемых земель, вытесняя другие культуры. Могучим стимулом к этому развитию явилась покровительственная пошлина на привозимый из-за границы хлопок; пошлина с 1 р. 20 к. в 1891 г. была доведена в 1903 г. до 4 р. Под охраной обложения наше хлопководство достигло пышного расцвета и стало давать такое количество

волокна, которое покрыло сначала треть, а затем половину всей нашей потребности в сырье»<sup>27</sup>. Посевы американского хлопчатника настолько расширились, что правительство издало в 1891 г. закон, по которому в течение шести лет земли, занятые под посевами американского хлопка, были обложены госуд. **PDF Compressor Free Version** налогом в размере 10% от общей валовой доходности. Этот временный налог был затем обращен в постоянный на основе законодательного положения от 10 июня 1900 г.<sup>28</sup>

Проникновение в Среднюю Азию новых капиталистических отношений привело к быстрому возникновению ряда промышленных отраслей, преимущественно по обработке сельскохозяйственного сырья — хлопкоочистительной, масляной, мукомольной, кожевенной, винокуренной, механических мастерских, каменноугольных и золотых приисков. Создавались и численно росли фабрично-заводские предприятия в Ташкенте, Коканде, Ашхабаде, Андижане, Самарканде, Ходженте, Красноводске, Чимкенте и ряде других местностей Средней Азии. На этих заводах и фабриках обрабатывался хлопок и, очищенный, отправлялся в Москву, Ярославль, Иваново-Вознесенск, Варшаву, Лодзь и другие города империи. Характерной особенностью промышленных предприятий были их очень небольшие размеры, а также крайне низкий технический уровень. Везде широко применялся ручной труд. В развитии капиталистической хлопкообрабатывающей промышленности царизм не был заинтересован. «Создание нового, Туркестанского, фабрично-заводского района по обработке хлопка, — писал генерал-губернатор А. Самсонов, — весьма неблагоприятно отразилось бы на московском фабрично-заводском районе, сокращая в нем обработку хлопка на все то количество, которое останется с тою же целью в пределах Туркестана, и подрывая торговлю московских мануфактурных фирм на среднеазиатских и персидских рынках»<sup>29</sup>.

В первые же годы после присоединения Средней Азии к России начали возникать промышленные предприятия и в северных районах Таджикистана. В Ходженте была открыта шелкомотальная фабрика<sup>30</sup>. На ней размотчицами работали местные жители, в том числе и дети, получавшие в день 30 копеек<sup>31</sup>.

В 1872 г. в Ходженте была открыта другая шелкомотальная фабрика, принадлежавшая Московско-Ташкентскому товариществу. Она имела паровую машину, приводившую в действие 73 станка. На этой фабрике работали мастер, 3 рабочих, 73 размотчика (в том числе трое русских) и 4 чернорабочих. В 1873 г. фабрика выработала 127 пудов шелка<sup>32</sup>.



В мае 1880 г. там же была открыта шелкомотальная фабрика, принадлежавшая русскому купцу Мочалову. В 1881 г. она выпустила продукции на 12 тыс. руб.; работали на ней 40 рабочих<sup>33</sup>. В тот период фабрика была одной из крупнейших в северных районах Таджикистана. По другим данным, в 1884 г. было 42 станка, работало 42 размотчика и 12 сортировщиков. По данным 1884 г., фабрика имела паровой котел в 6 лошадиных сил с трубами и водокачку с машиной в 1 лошадиную силу. Мастеровых на этой фабрике было русских 2, местных 90<sup>34</sup>.

В северных районах Таджикистана строились также винокуренные заводы. В 1873 г. в Дигмае близ Ходжента был пущен в действие винокуренный завод, принадлежавший томскому купцу Исаеву. Производительность этого предприятия составляла около тысячи литров в год. Завод был сожжен во время восстания в 1875 г.

В 1880 г. в Ходженте русские купцы Фавицкий и Зуев открыли фруктово-вощные и винодельческие заводы<sup>35</sup>. В 1906 г. в Ура-Тюбе действовало три винодельческих заводов<sup>36</sup>.

В 1873 г. в Дигмае купец Исаев построил первый в Ходжентском уезде стекольный завод. За месяц он производил 6200 листов оконного стекла, но и этот завод во время восстания кипчаков был сожжен<sup>37</sup>. В дальнейшем в Дигмае казалинский купец Иванов открыл другой стекольный завод со средним числом рабочих 72. Последние жили в заводском помещении, работали 16—18 часов и получали по 35 коп. в день. Изделия дигмайского стекольного завода, который впервые в Средней Азии стал выпускать оконное стекло и лампы, пользовались широкой популярностью<sup>38</sup>.

В 90-х годах в Ходжентском уезде имелось примерно 30 предприятий, которые ежегодно выпускали продукции на сумму более 2 млн. рублей. Из них II были хлопкоочистительные, а остальные — винодельческие, мыловаренные и др. Широкое развитие получили также шелкоткацкие промыслы, на которых насчитывалось до 170 рабочих. Достаточно сказать, что в 1903 г. из Ходжента было вывезено свыше 13 тыс. пудов шелка. В крупных шелкоткацких мастерских было установлено по 6—7 станков. Возникли и другие предприятия — гончарные мастерские, красильни, мельницы, кожевенные заводы. Изделия последних после первичной обработки вывозились в города России<sup>39</sup>.

После присоединения северных районов Таджикистана к России начали более интенсивно проводиться исследования полезных ископаемых и их разработка. На заседании Русского географического общества в 1868 г. было сообщено, что «в 35 верстах от Ходжента, в урочище Кокин-Сай, найдены

месторождения каменного угля. Уголь очень хороший. Разработка этих пластов и добыча угля будет весьма выгодна, а близ от Ходжента и Сыр-Дарьи обеспечит сбыт горючего»<sup>40</sup>. Вскоре найденный уголь стал разрабатываться. Вначале он сбывался только лишь для недолго существовавшей моторальной фабрики Хлудова и стоявших здесь войск, а позднее его стали вывозить на Аральское море для нужд аральской флотилии.

Одним из первых горнопромышленных предприятий, открытых в 1868 г. в Ходжентском уезде, были каменноугольные копи Фавицкого<sup>41</sup>. Добыча угля в них продолжалась до 1875 г.

Несколько позднее были основаны Ново-Кокинсайские копи, принадлежавшие купчихе Петровой, и Кокинсайские копи, принадлежавшие купцу Иванову<sup>42</sup>. После 1895 г. на Кокин-Саяе были открыты еще копи, принадлежавшие Краузе.

С 1870 по 1880 г. каменный уголь добывался в бассейне ручья Карам-куль. В 1882 г. вступили в строй каменноугольные копи в Исфаринской волости, принадлежавшие сначала частному лицу, а затем Средне-Азиатскому горнопромышленному товариществу<sup>43</sup>. В Ходжентском уезде были еще каменноугольные копи, в частности на Кизил-Булаке; в 1893 г. из них было добыто 350 тыс. пудов угля, который продавался в Ташкенте, Ходженте и Ура-Тюбе. На этих копиях работало ежедневно до 120 рабочих<sup>44</sup>.

Добыча угля в уезде из года в год увеличивалась. Так, на копиях Фавицкого было добыто угля: в 1868 г. 14 тыс. пудов, в 1869 г. — 23 тыс., в 1870 г. — 29 тыс., в 1871 г. — 39 тыс. пудов<sup>45</sup>. На копиях Политковского в Исфаринской волости в 1884 г. было добыто 220 130 пудов, а в 1885 г. — 292 441 пуд каменного угля<sup>46</sup>. Условия труда в промышленности были чрезвычайно тяжелыми. Рабочий день длился 17—18 часов. Охраны труда не было. Заработная плата была очень низкой. Особенно трудно приходилось рабочим местных национальностей. За одинаковые работы они получали в полтора раза меньше, чем русские рабочие. Обращение с ними было грубое, их избивали, обсчитывали при расчетах, лишали отдыха. Даже некоторые царские чиновники признавали, что положение местных рабочих было гораздо тяжелее положения русских рабочих. Администрация заводов и фабрик держала их под постоянным страхом увольнения. Царское правительство проводило среди них политику натравливания представителей одних народов на других, сеяло национальную рознь, стремясь изолировать русских рабочих от местного населения.

В экономике Средней Азии значительное место занимала кустарная промышленность. Наряду с появлением промыш-

ленных предприятий сохранялись и многие старые ремесла — кожаное, кузнечное, плотничье, гончарное, мыловаренное, ковровое, обувное, резьба по дереву, чеканка металлических изделий, многие из которых своим высоким качеством завоевали мировую славу. В результате конкуренции с товарами, ввозимыми из метрополии, местные ремесла постепенно приходили в упадок, «шло вытеснение туземных вековых „кустарных“ промыслов, падающих под кояккурентней привозных московских фабрикатов»<sup>47</sup>.

Деградация многих кустарных промыслов шла параллельно с разорением мелких землевладельцев. Это привело к росту отходничества, дававшего для бедного населения дополнительный заработок и служившего для него основным источником существования.

Русский царизм не был заинтересован в широком промышленном развитии Средней Азии и поэтому поддерживал хозяйственную и культурную отсталость края, существовавшие в нем патриархально-феодалные отношения. В интересах русского капитализма царское правительство не допускало также ввоз иностранного капитала в Среднюю Азию (за исключением капиталов сопредельных стран).

Овладев обширной территорией Средней Азии, царское правительство, исходя не только из экономических, но и военно-стратегических соображений, приступило к строительству железной дороги. В дальнейшем она явилась важнейшим фактором вовлечения народного хозяйства края, как колонии России, в сферу влияния капиталистической метрополии. Строительство железных дорог связывало между собой отдельные районы, облегчало передвижение людей, ввоз сырья в метрополию. Строительство железных дорог было начато на средства казны. Первую магистраль — Закаспийскую железную дорогу — стали строить в середине 80-х годов. В 1888 г. дорога была доведена до Самарканда, в 1899 г. до Ташкента и Андижана. В 1905 г. Красноводская и Оренбургская железные дороги соединились. Таким образом, огромные территории Средней Азии — от побережья Каспия до Ташкента через Мерв, Чарджоу, Бухару и Самарканд, были соединены с русским рынком. Особенно важным в этом отношении было сооружение линии Ташкент — Оренбург, дававшей выход среднеазиатскому хлопку непосредственно в центральные районы России и снабжавшей хлопок-робов пшеницей из европейских районов. Железная дорога, доведенная до Андижана, проходила через северные районы Таджикистана.

В связи с железнодорожным строительством уделялось некоторое внимание улучшению вычюных путей, связывающих отдаленные горные районы с линией железной дороги.



Так, была проложена выючная дорога от Ферганы до Памира, между Самаркандом и Термезом, а также между Памиром и Дарвазом, что в значительной степени содействовало не только развитию торговли, но и стиранию вековой отсталости этих окраин.

На строительстве железной дороги работали вольнонаемные рабочие и солдаты. Наряду с русскими, украинцами, белорусами и рабочими других национальностей ежегодно привлекалось большое количество сезонных рабочих из таджиков, узбеков, туркмен. Численность рабочих на дороге временами превышала 20 тыс. Дорога строилась в исключительно трудных условиях. Живя в безводной песчаной пустыне, рабочие переносили всяческие лишения. Говоря о трудностях этого строительства, П. П. Семенов-Тяньшаньский писал: «Бесспорно, что почти еще нигде на земном шаре не приходилось пересекать железною дороною таких больших протяжений песчаных пустынь, как в Закаспийской области. Борьба железнодорожных строителей с песками в Новой Калифорнии и Алжирии не имела таких грандиозных размахов, как на Каспийском побережье и в особенности между Мервским оазисом и Аму-Дарьею»<sup>48</sup>. Строительство железной дороги способствовало вовлечению народного хозяйства Средней Азии в сферу влияния российского капитализма.

Экономическая политика царского правительства была направлена на укрепление своей власти в Средней Азии и поддержку в ней интересов правящих классов метрополии.

Первыми шагами царского правительства в области аграрной политики были приняты им меры против эмигрантов, непосредственно после подчинения края Россией оставивших свои земли и ушедших в Бухарское и Кокандское ханства. Царская администрация неоднократно обращалась к этим эмигрантам с призывом возвратиться и заняться ведением хозяйства. В начале 70-х годов XIX в. в качестве меры воздействия на них Кауфман издал распоряжение, в котором говорилось: «Если кто из числа бежавших в продолжение шести месяцев не воротится на родину, то его недвижимое имущество будет взято в казну»<sup>49</sup>. Поэтому земли некоторых эмигрантов были конфискованы и переданы на определенный срок в аренду другим лицам. Так, «в урочище Куру Исфаринской волости сорок тананов земли было отдано в аренду на 1869—1870 годы за 44 рубля 20 копеек; десять тананов земли было отдано в аренду на 1869 год за 21 рубль»<sup>50</sup>. Но эти мероприятия носили частный характер и не могли решить аграрной проблемы, вставшей перед колониальной администрацией. Для принципиального решения вопроса в 1873 г. генерал Кауфман

во «всеподданнейшем» отчете царю выдвинул проект нового поземельного устройства края. Сущность проекта сводилась к передаче амлячных, а также тех милковых и вакуфных земель, владение которыми не было юридически оформлено, в пользование лицам, их обрабатывавшим. Но правительство в кругах этого проекта было отвергнуто; причем министерства финансов, иностранных дел и государственного контроля признали его не только неудовлетворительным, а даже опасным в политическом отношении. В какой-то мере боязнь более или менее массового недовольства, очевидно, имела основания. Однако такое недовольство могло быть вызвано только у относительно небольшой группы землевладельцев, в основном крупных; у более же значительной части населения несомненно вызвало бы удовлетворение.

Генерал-губернатор Кауфман, понимая выгодность преобразований и стремясь ослабить феодальную верхушку, частично самовольно произвел все-таки некоторые земельные преобразования. Он издал распоряжения, благодаря которым при решении земельных споров народными судами принималось во внимание фактическое владение землей. Частично были конфискованы милковые земли, ликвидированы привилегии милкдоров, обложены налогом вакуфные земли.

Понадобилось более десяти лет, чтобы царское правительство под напором развивавшихся капиталистических отношений вынуждено было провести земельные преобразования в широком масштабе. В 1886 г. с введением нового Положения об управлении Туркестанским краем осуществлен был ряд мероприятий в области земельных отношений. В соответствии со ст. 255 Положения, излагавшей общие принципы поземельного устройства, «за оседлым сельским населением утверждались земли, состоящие в постоянном потомственном его владении, пользовании и распоряжении (земли амляковые), на установленных местными обычаями основаниях». Под амляковыми землями Положение понимало все земли, бывшие в пользовании населения как на правах милков, так и государственные. По ст. 259 землепользование могло быть общинным или подворноучастковым в зависимости от обычая, существовавшего в каждой волости. Передача прав на землю осуществлялась в соответствии со ст. 261 и 262 на основе местных обычаев с сохранением права купли-продажи. Причем указанные статьи подчеркивали, что покупатель в результате договора купли-продажи может приобрести только те же самые права на землю, которыми обладал продавец.

Определенное ограничение в отношении вакуфного землепользования устанавливали ст. 265, 266, 267. В соответствии с ними земли, входившие в состав признанных правитель-

ством вакфов, оставались во владении сельских обществ. Создание новых вакфов допускалось только с разрешения генерал-губернатора «в случаях, заслуживающих особого уважения».

Земли кочевого населения провозглашены были государственными, передаваемыми кочевникам на правах общинного землепользования.

Таким образом, земельные преобразования, проведенные в Туркестанском крае, создавали формы землевладения, приближающиеся к установленным в России в результате реформы 1861 г. Оценивая их, сенатор К. К. Пален писал: «Они заключались... в признании за всем оседлым населением одних и тех же прав на землю; исчезли держатели земли с правом только пользования последними, исчезли все разряды милковладельцев, пользовавшихся теми или иными льготами в обложении; все оседлое население получило по ст. 255 Туркестанского Положения права на землю, находящуюся в его потомственном владении и распоряжении»<sup>51</sup>.

Основным экономическим результатом преобразований, следовательно, было установление и закрепление частной собственности на землю со всеми вытекающими отсюда последствиями. Наличие частной земельной собственности, неизбежная дифференциация крестьянства вели к тому, что наряду с мелким крестьянским хозяйством выросло крупное кулацкое землевладение за счет разорения и обезземеливания значительной части крестьян. Тот же сенатор Пален подчеркивал, что «рядом с дроблением земли и обезземеливанием населения наблюдается в Туркестане и концентрация земельных владений в руках богатых туземцев»<sup>52</sup>.

Это свидетельствовало о росте сельской буржуазии. Но в условиях колониального Туркестана капиталистические отношения на селе не приобрели всеобъемлющего характера. Еще существовали феодальные привилегии. Широко распространена была издольная аренда различных видов. В связи с массовым разорением крестьян развилось мардикорство — использование наемных работников-поденщиков.

Оценивая в целом земельные преобразования, проведенные в соответствии с Положением об управлении Туркестанским краем, следует отметить, что поземельное устройство 1886 г. создало известные условия для развития мелкого крестьянского хозяйства, а вслед за этим и развития крупного хозяйства, в основе которого была заложена буржуазная собственность на землю. Однако проникновение капиталистических отношений в сельское хозяйство края сознательно тормозилось буржуазно-помещичьими кругами России, рассматривавшими Среднюю Азию как аграрно-сырьевой придаток метрополии.



В истории аграрной политики царизма в Средней Азии значительное место занимал вопрос о переселении сюда крестьян из центральной России. Царское правительство, организовывая переселение, преследовало две цели: во-первых, стремилось разрядить все сгущавшуюся революционную обстановку в России за счет переселения части крестьян в колонии; во-вторых, рассчитывало в лице русских переселенцев получить социальную опору для проведения колониальной политики.

Переселение очень часто сопровождалось насильственным захватом земель коренного населения. Эту ставшую системой экспансию вынужден был отметить директор лесного департамента Половцев, который писал в отчете: «В наделы крестьян пришлось включить много таких земель, которые в минуту их перехода к русским обрабатывались киргизами... которых они своим приходом сгоняли с насиженных мест»<sup>53</sup>.

Это же положение отмечал в отчете о своей командировке в Среднюю Азию экономист А. А. Кауфман. «Не подлежит сомнению, — писал он, — что условия, при которых до сих пор совершалось водворение переселенцев в Туркестанском крае, не могли способствовать установлению между ними и киргизами таких отношений, которые были бы желательны и даже обязательны между подданными одной державы. Ненормальность отношений в значительной мере коренилась в самом способе земельного устройства переселенцев на полудобровольно, полупринудительно уступавшихся киргизами землях»<sup>54</sup>. Пытаясь смягчить реально сложившиеся отношения, А. А. Кауфман в сущности признает аннексионистский метод переселения, осуществлявшийся царским правительством.

Поселки с переселенцами возникли в ряде местностей Туркестана, в том числе и в Ходжентском уезде.

Следует отметить, что, несмотря на реакционные цели и методы переселения, оно в целом сыграло и некоторую положительную роль, ибо содействовало внедрению в сельское хозяйство Туркестанского края более совершенных орудий труда, более передовых форм ведения хозяйства; сближению местных дехкан с русскими крестьянами; пробуждению классового сознания дехкан, видевших, что русский кулак в одинаковой мере эксплуатирует и русского и местного бедняка.

#### Налоговая политика

Основной формой эксплуатации трудового населения края служила сложная система многочисленных непосильных налогов. Характерно, что в ханствах и даже отдельных бекствах налоговые обложения имели специфические черты.

После присоединения Средней Азии к России царское правительство, не имея достаточных сведений о формах землевладения, существовавших в Туркестанском крае в доколониальный период, а главное — стремясь к консервированию здесь патриархально-феодалных отношений, на первых порах в соответствии с «Проектом положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях» 1867 г. сохранило прежние устои и не подвергало изменениям сложившуюся в ханствах налогово-податную систему. По-прежнему в Туркестанском крае жители платили поземельный налог-ренту в определенном, несколько сокращенном размере, равном десятой части урожая; ренту-налог-танап, размер которого теперь определял генерал-губернатор; двухпроцентный налог с торгового капитала; а также различные повинности в пользу государства и отдельных феодалов. Однако старая система налогового обложения и особенно организация сборов налогов ханскими чиновниками, присваивавшими себе значительную их часть, не удовлетворяла русскую колониальную администрацию<sup>55</sup>.

Генерал-губернатор К. П. Кауфман в 1870 г. резко увеличил размеры налоговых платежей, доведя их с 288 тыс. руб. в 1869 г. до 505 тыс. в 1882 г. К. П. Кауфман заменил харадж в Сырдарьинской области поземельным налогом, в основу которого была положена валовая доходность по хараджным и танапным спискам. Он равнялся десятой части средней валовой доходности орошенных земель. С богарных земель этот налог определялся по собранному за год урожаю. Этот налог стал одним из основных в Туркестанском крае. Размер его из года в год возрастал.

Кочевое население Туркестана облагалось налогом в размере 4 руб. с кибитки или заменяющего ее жилья (дома, юрты и т. п.). Кроме этого, с кочевого и оседлого населения взимался земский сбор.

О тяжести налогового ярма ясно свидетельствует рост недоимок. Так, только по Ходжентскому уезду было недоимок в 1887 г. 3962 руб., а в 1889 г. уже 8463 руб.

Кроме перечисленных налогов, сельское население было обязано нести различные денежные и натуральные повинности.

Городское население уплачивало государственный налог с недвижимого имущества, сборы за право торговли и занятия промыслами. Естественно, что и в городах от налогов страдала беднота — ремесленники и мелкие торговцы.

Непосильные налоги заставляли жителей городов и кишлаков искать себе заработка. В поисках его они уходили в Ташкент, Коканд, Самарканд и другие крупные города, где работали в основном в качестве мардикоров на строительных

работах. Особенно трудно приходилось беднякам городов. Они шли в садовники, кобюхи, водовозы.

Говоря о жизни таджиков, один из очевидцев писал, что, «когда они не имеют определенного занятия, они не чувствуют ни усталости, ни жары, ни холода и лешком или верхом переходят из города в город, из кишлака в кишлак, ставя перед собой определенную цель — заработать»<sup>86</sup>.

Значительная часть дехкан окончательно разорялась: тем самым усугублялся процесс классовой дифференциации дехканства.

#### **Народное образование**

Царское правительство в первый период после завоевания Средней Азии придерживалось «принципа невмешательства» в установившуюся здесь в течение столетий систему народного образования. Более того, правящие круги метрополии, стремясь держать массы коренного населения в темноте и невежестве и подавлять развитие национальной культуры, поддерживали реакционные феодальные институты, тормозившие культурное и политическое пробуждение масс.

Неграмотность, невежество широких народных масс, отсутствие светских школ, светского просвещения, газет и журналов — вот что было характерно для колониального периода. Основным типом школ так называемой азбучной грамотности остались мактабы. Учеба проходила в грязных, темных и сырых кибитках. Находясь в ведении мусульманского духовенства, они в основном сосредоточены были при мечетях и мадрасах.

Основой воспитания служили мусульманские религиозные принципы покорности и смирения. Формы и методы обучения в мактабах не способствовали распространению образования. Несмотря на большое количество мактабов, неграмотность была почти абсолютной. Незначительное количество грамотных людей сосредоточивалось в городах, в кишлаках же население было поголовно неграмотным.

Кроме мактабов существовало небольшое число частных школ для девочек, которых обучала грамотная женщина (бибиатуи или биятун).

Существовали в Туркестане духовные школы повышенного типа, так называемые мадраса. Основным предметом обучения в них было богословие, т. е. изучение корана и его толкований. В связи с тем, что на базе корана развивалось мусульманское правоведение, в учебных курсах мадраса ведущее место занимали также юридические науки в их мусульманско-теологической трактовке. Юридическая подготовка в мадраса обеспечивала правоведам Средней Азии активную роль в разработке мусульманского права. Значительное место в программе мадраса занимала логика. В области есте-





Школа в дупле дерева (кишлак Йол, XIX в.)

ственных наук, математики и истории учащиеся мадраса получали ничтожные знания.

Обучение в мадраса в основном было доступно имущим слоям населения. Бедному человеку трудно было попасть в это учебное заведение, а попавшему трудно было учиться, ибо для этого требовались средства на подарки мударрису (учителю) и на дорогие рукописные учебники.

Позднее царское правительство приступило к проведению политики русификации края и постепенной реорганизации системы образования. «Развитие народного образования в крае должно состояться, — писал генерал-губернатор Кауфман, — в направлении русских интересов, которые заключаются в развитии экономической жизни населения, его гражданственности и солидарности, его слияния с основами русской государственной жизни»<sup>57</sup>

Русификация должна была послужить, во-первых, подрыву влияния оппозиционно-настроенного духовенства и местных феодалов и, во-вторых, созданию определенной опоры царизма среди местного населения, часть которого должна была быть использована для проведения политики царизма (переводчики и пр.).

Наряду с мактабами и мадраса в 1884 г. в Ташкенте была открыта первая «русско-туземная школа»<sup>58</sup>. С 1886 г. начала разворачиваться целая сеть таких школ. Общеобразовательную подготовку в них вели русские учителя, а мусульманские — занимались только преподаванием Корана. Кроме «русско-туземных школ», к концу XIX в. были созданы так называемые «русско-туземные училища», где преподавание проводилось только русским учителем. В 1879 г. для обеспечения школ преподавателями, знающими местные языки, в Ташкенте была создана учительская семинария, выпускавшая в год не более 20 учителей.

Вначале в «русско-туземных школах» количество учеников местных национальностей было очень невелико. Однако благодаря тяготению к русскому языку оно стало возрастать, особенно к концу прошлого столетия.

Первая русско-туземная школа в Ходженте была создана в 1885 г., в Ура-Тюбе — в 1888 г. Позднее была создана такая же школа в Хоргое. В Ура-Тюбе также открылись вечерние курсы для взрослых по изучению русского языка.

Царское правительство приступило к организации просвещения среди русской части населения края, стремясь создать силы, опираясь на которые оно могло бы удерживать и расширять свое господство.

Основное внимание уделялось развитию среднего образования, в котором в наибольшей мере заинтересованы были чиновники и офицеры царской России. Руководство народным образованием осуществлялось Управлением учебными заведениями Туркестанского края. Вся система образования была построена на классовом принципе. 70% детей эксплуатируемых слоев общества не имели возможности обучаться в школе. В различных городах Туркестана создавались русские гимназии, приходские, реальные и коммерческие училища. Чтобы практически осуществлять русификацию края, администрация стремилась привлекать в учебные заведения детей местных богачей. На работу в школы назначались учителя с востоковедческим образованием, а в качестве штатных попечителей школ привлекались богатые и влиятельные люди.

Для подготовки квалифицированных технических кадров, в которых испытывалась острая нужда, в 1896 г. в Ташкенте было открыто специальное ремесленное училище, выпускавшее столяров, слесарей, токарей и кузнецов. Необходимость в них вызывалась развитием экономики края, и прежде всего развитием тех отраслей промышленности, в которых заинтересована была метрополия. Тормозя промышленное развитие края в целом ряде важнейших отраслей народного хозяй-

ства, российские предприниматели были заинтересованы, однако, в росте хлопководства и создании хлопкоочистительных предприятий. Именно для обслуживания хлопкоочистительных заводов ремесленное училище должно было готовить кадры.

В 80-х годах в Ташкенте, Самарканде, Коканде и других городах стали создавать типографии и выпускать газеты<sup>59</sup>.

В 1880 г. в Ташкенте была организована публичная библиотека, в книжных фондах которой были произведения классиков русской литературы, произведения революционных демократов — Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина и др. Это способствовало расширению кругозора передовых людей Средней Азии, их общению к более высокой культуре.

Воспитываясь на русской литературе, они воспринимали ее революционный демократизм и высокую гуманность, высоко ценили значение русской культуры для народов края.

Большую роль в изучении естественных богатств, истории и быта народов Средней Азии сыграли передовые русские ученые. Выдающиеся русские ученые П. П. Семенов-Тяньшаньский, Н. А. Северцев, И. В. Мушкетов, Г. Д. Романов и др. изучали географию и геологию Средней Азии. Огромную работу по естественно-историческому изучению Туркестана проделал А. П. Федченко, впервые исследовавший Ферганскую долину и Алай, открывший Заалайский хребет и высочайшую его вершину. Велики заслуги перед наукой И. В. Мушкетова, создавшего первую геологическую карту Туркестана.

Русские исследователи сделали также немало для изучения экономики, быта, этнографии, языков, истории народов Средней Азии. Среди них следует назвать В. И. Даля, В. В. Радлова, И. Н. Березина, В. В. Вельяминова-Зернова, Г. Н. Потанина, Н. А. Аристова, Н. Ханыкова, В. В. Григорьева, В. В. Бартольда, художника В. В. Верещагина. Русские ученые исследовали таджикский язык, установив его отличие от персидского, его самобытность. В 1896 г. А. Е. Крымский перевел на украинский язык «Шах-нома» Фирдоуси, стихи Абдурахмона Джоми и других классиков таджикско-персидской поэзии.

В 1869—1870 гг. силами русских ученых в Ташкенте была создана первая химическая лаборатория, сыгравшая важную роль в исследовании природных богатств края. В 1867 г. начала работать метеорологическая обсерватория. Во второй половине XIX в. возникли различные общества: туркестанское отделение русского технического общества, туркестанское



медицинское общество, общество ветеринарных врачей, общество сельского хозяйства, туркестанский отдел географического общества, восточное отделение русского археологического общества, геологический комитет, русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, кружок любителей археологии.

Русский театр пропагандировал русскую музыку, жизнь, быт и литературу.

Таким образом, передовые русские ученые даже в тяжелых для них условиях господства царизма проводили большую работу по изучению Средней Азии, тем самым открывая новую страницу в изучении природных богатств и истории ее народов.

Хотя царское правительство проводило свои мероприятия в области народного образования и культуры только лишь для идеологического подчинения коренного населения Средней Азии и обеспечения его эксплуатации, однако объективно возникали некоторые прогрессивные изменения, способствуя росту культуры, приобщению народов Средней Азии к культуре русского народа, укрепляли связи трудящихся Средней Азии и России.

#### **БОРЬБА НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ ПРОТИВ ЦАРИЗМА**

Объективно прогрессивное воздействие более передовой экономики России на хозяйство Средней Азии (возникновение капиталистических отношений, некоторое развитие производительных сил) встречало непреодолимое препятствие в колониальной политике царизма, тормозившей хозяйственное, политическое и культурное развитие народных масс. Это положение неизбежно создавало острые социальные конфликты, способствовавшие повышению классового самосознания трудящихся.

Ухудшение положения угнетенных масс Средней Азии приводило к усилению народных движений, к народным восстаниям против царизма, против феодально-деспотического гнета. Выступали трудящиеся таджики, узбеки, туркмены, киргизы и другие народы Средней Азии. Восставшие громили полицейские участки, нападали на помещичьи усадьбы, убивали царских чиновников.

Эти восстания иногда принимали широкий размах. Движущей силой их были дехкане, чорьяккоры, мардикоры, кустары, городская беднота. Бывали случаи, что народные выступления использовали в корыстных целях местные угнетатели — реакционное духовенство и феодалы. Однако следует

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

лаке Паши Шахристанского аксакальства действительно были беспорядки, для подавления которых и восстановления порядка в распоряжение одного из туземных лиц была послана военная команда»<sup>63</sup>.

В 1875 г. произошло крупное волнение в Ура-Тюбе, вызванное чрезмерно высокими налогами.

Во второй половине XIX в. в Средней Азии, в том числе и в северных районах, стали возникать крупные хлопковые плантации отдельных фабрикантов и акционерных обществ.

В Ходжентском уезде было организовано хлопковое плантационное хозяйство «Акционерного товарищества К. Кудрин и К<sup>о</sup>». На плантациях работали в основном мардикоры из близлежащих кишлаков; были среди наемных рабочих и русские переселенцы. Положение местных и русских пролетариев было очень тяжелое. За 12-часовой рабочий день на полях товарищества они получали по 25 копеек и по одной лепешке.

Непосильный труд, жестокая эксплуатация и произвол администрации заставили мардикоров объявить забастовку. О массовом характере ее говорит факт участия в ней свыше 800 человек<sup>64</sup>.

Выступление сельскохозяйственных пролетариев было крупной экономической забастовкой местных рабочих в Северном Таджикистане. 3 марта 1889 г. мардикоры прекратили работу и потребовали увеличения заработной платы и улучшения условий труда. Прекращение работы грозило срывом весенне-полевых работ. Попытка управляющего плантацией сорвать забастовку путем найма штрейкбрехеров не увенчалась успехом. Мардикоры путем уговоров, а иногда и силой заставляли штрейкбрехеров прекращать работу.

Напуганный размахом забастовки, управляющий отправил начальнику Ходжентского уезда телеграмму с просьбой прислать войска: «В Голодной степи между мардикорами находится много неблагонадежных людей, которые сегодня и учинили возмущение всех остальных, требуя прибавки полевой платы, несмотря на то что им недавно прибавлено. Тех же мардикоров, которые желают работать за соответствующую плату, прогоняют с работы, угрожая в противном случае убить. Вследствие чего у нас сегодня и работают вместо 700 человек только 123, да и тех, быть может, сейчас разгонят бунтовщики, наступающие на них с дракой, а потому прошу Вас извозможно скорее сделать распоряжение командировать сюда кого следует с джигитами для водворения порядка, а зачинщиков, которые будут указаны, заарестовать и убрать отсюда, иначе работы могут окончательно прекратиться»<sup>65</sup>. С помощью прибывшего военного отряда



удалось заставить рабочих прекратить забастовку и начать работу на полях.

В 1889 г. произошло восстание в Келифском бекстве, в 1901 г. — в Денауском, в 1902 г. — в Курган-Тюбинском, в 1906 г. — в Кулябском. Все эти восстания были жестоко подавлены PDF Compressor Free Version

Во второй половине XIX в. наряду с дехканскими восстаниями происходили и первые выступления зарождавшегося рабочего класса. Первые шаги рабочего движения против жестокой эксплуатации и бесчеловечного отношения начались еще в период строительства железных дорог на территории Средней Азии, когда рабочие местных национальностей боролись против угнетателей вместе с русскими рабочими.

В Таджикистане первые выступления зародившегося рабочего класса происходили в северных районах.

Во второй половине прошлого столетия царское правительство стало поощрять частную разработку полезных ископаемых.

На территории Северного Таджикистана геологи и местные жители открыли богатые залежи полезных ископаемых, в числе которых первое место занимал уголь. В уезде угольные копи были слабо оснащены техническим оборудованием, поэтому там применялся в основном ручной труд. Хозяева угольных шахт предпочитали использовать дешевый ручной труд, чем оснащать их машинами. Условия труда были очень тяжелыми.

Рабочие получали мизерную заработную плату, которой едва хватало для их существования. Все это, а также обесчет управляющими рабочих при выдаче денег неоднократно вызвали стихийные экономические забастовки. К числу наиболее крупных относится экономическая забастовка в 1885 г. на Зауран-Кштутских угольных копиях Пенджикентского уезда. Рабочие прекратили работу, а прибывших в шахту надсмотрщиков и управляющего избили. Затем восставшие отправились в Пенджикент, захватив с собой управляющего, чтобы подать на него жалобу русским властям. Рабочие думали, что царская администрация защитит их от произвола управляющего. Однако недалеко от Пенджикента они были встречены отрядом солдат и арестованы. Царская администрация оставила жалобу рабочих без внимания, а трое участников забастовки были преданы суду<sup>66</sup>.

Все восстания и народные выступления, происходившие на территории современного Таджикистана, были стихийными и заканчивались поражением. Основной причиной этого было отсутствие подлинного руководителя и союзника дехкан — промышленного пролетариата, самого революционного и передового класса.

Однако, несмотря на поражения, народные выступления против царизма и местных эксплуататоров имели большое историческое значение. Они способствовали росту самосознания трудящихся местных национальностей.

PDF Compressor Free Version

### ПРОГРЕССИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ

К. Маркс и Ф. Энгельс проявляли глубокий интерес и симпатию к русскому народу. Они следили с живейшим интересом за развитием революционного движения в России.

Серьезно изучая экономику и политику, расстановку классовых сил в России, условия, сложившиеся после Крымской войны, К. Маркс и Ф. Энгельс верили в приближение русской революции и ее всемирно-историческое значение. Они считали, что грядущая русская революция не только свалит царизм, но и даст мощный толчок пролетарской революции в западноевропейских странах. В 1859 г. Маркс писал в одном из своих писем к Ф. Энгельсу: «В России движение развивается быстрее, чем во всей остальной Европе... В следующей революции Россия любезно примет участие»<sup>67</sup>.

После падения Парижской Коммуны наступил продолжительный спад революционной борьбы в западноевропейском рабочем движении. Центр мирового рабочего движения все более и более перемещался из Западной Европы в Россию.

Позднее К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что внутреннее и внешнее положение России чрезвычайно своеобразно и чревато событиями, которые будут иметь важнейшее значение для будущего не только русских, но и западноевропейских пролетариев. В 1875 г. Энгельс указывал: «Что положение русских крестьян со времени освобождения от крепостной зависимости стало невыносимым, что долго это удержаться не может, что уже по этой причине революция в России приближается, — это ясно»<sup>68</sup>. К. Маркс и Ф. Энгельс чрезвычайно высоко расценивали революционный размах, громадный потенциал революционной энергии русского народа. Ф. Энгельс писал о России: «Здесь сочетаются все условия революции... эта революция будет иметь величайшее значение для всей Европы... Революция эта несомненно приближается»<sup>69</sup>. В 1882 г. К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что русская революция может послужить сигналом к пролетарской революции на Западе, «Россия... — писал К. Маркс в письме к Ф. А. Зорге, — давно уже находится накануне переворота; все элементы для этого уже готовы...

Революция начнется на этот раз на Востоке...»<sup>70</sup>.

К. Маркс и Ф. Энгельс указывали на выдающуюся роль России в мировом революционном движении. В предисловии к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» они писали: «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе»<sup>71</sup>.

В. И. Ленин в предисловии к русскому переводу книги «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.» так характеризовал отношение основоположников научного коммунизма к надвигавшейся в России революции: «Маркс и Энгельс были полны самой радужной веры в русскую революцию и в ее могучее всемирное значение. На протяжении почти двадцати лет мы видим в данной переписке это страстное ожидание революции в России»<sup>72</sup>.

Совсем иное положение было во второй половине XIX и в начале XX в. в буржуазной Англии. В силу ряда исторических причин и экономических особенностей в Англии тогда не было революционной перспективы. Еще в 1858 г. Ф. Энгельс в письме к К. Марксу писал: «...английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается...»<sup>73</sup>. А в 1863 г. снова подчеркивал, что «революционная энергия у английского пролетариата почти совершенно исчезла и он объявляет себя совершенно примирившимся с господством буржуазии...»<sup>74</sup>. Маркс не раз указывал на «...вялое настроение, охватившее теперь рабочий класс в Англии»<sup>75</sup>. Об этом свидетельствовал и Ленин. Он писал: «Английские рабочие в силу целого ряда особых исторических причин оказались в последней трети XIX века зависимыми от либералов, пропитанными духом либеральной рабочей политики. Они оказались не во главе народов и классов, борющихся за свободу, а в хвосте презренных лакеев денежного мешка, господ английских либералов»<sup>76</sup>.

Следовательно, Россия в период завоевания и присоединения Средней Азии была страной, идущей навстречу революции, а в конце прошлого и начале нынешнего столетия стала центром мирового революционного движения, очагом ленинизма; Англия же была страной отсталой в смысле развития революционной борьбы пролетариата.

Россия была многонациональным государством, и русский пролетариат был тесно связан с пролетариями национальных окраин: узбеками, таджиками, казахами, грузинами, азербайджанцами, армянами и др. В нем уже господствовали идеи интернационализма, идеи сближения с другими народами, идеи дружбы и взаимопомощи. Это открывало широкие возможности для установления единого боевого фронта трудящихся узбеков, туркмен, таджиков и других



народов с русским народом для борьбы против буржуазно-помещичьего гнета. В силу сложившейся обстановки революционная борьба русского пролетариата сливалась в единый поток с демократическим движением крестьянства и с национально-освободительным движением народов Средней Азии. Русский рабочий класс стал вождем борьбы всех народов против социального и национального гнета, он объединил вокруг себя прогрессивные силы отдаленных окраин России. Все это, конечно, не могло не сказаться на положении Средней Азии.

От представителей революционной России народы Средней Азии черпали новые политические и духовные силы, все шире вовлекались в общий поток революционного движения, руководимого передовым российским рабочим классом, коммунистической партией. После присоединения в Средней Азии были уничтожены рабовладение и работорговля. Рабы получили свободу, торговля невольниками была запрещена. Отмена рабства и торговли людьми была закреплена договорами, заключенными между Россией и ханствами Бухары и Хивы.

Упразднение глубоко устаревшего и реакционного института рабовладения и работорговли, ликвидация феодальной раздробленности и вековых феодальных междоусобиц были существенной и прогрессивной мерой. Прекратились и ала-маны — набеги на незащищенное население. Прекращение аламанов и успокоение степей содействовало развитию торговли. Спокойствие в степях края было воспринято коренным населением как великое благо, принесенное русскими.

Вопреки реакционной колонизаторской политике царизма в крае стали возникать и развиваться новые, более прогрессивные по сравнению с феодально-патриархальными отношениями капиталистические отношения, не ставшие, однако, здесь господствующей формой хозяйства. Незрелость производительных сил Средней Азии сохранилась вплоть до победы Великой Октябрьской социалистической революции. Тем не менее для развития производительных сил края и соответствующих им производственных отношений создавались более благоприятные условия, которые способствовали выходу хозяйства края из состояния феодальной замкнутости, ускорению процесса экономического развития и классового расслоения населения, уничтожению национальной обособленности. Возрастающая экономическая связь с Россией, стоявшей несравненно выше в своем хозяйственном и культурном развитии, расшатывала местные средневековые порядки и старые феодальные правовые институты.

Рост текстильной промышленности в России требовал увеличения производства хлопка, поэтому царская администра-

ция Туркестанского края поощряла развитие хлопководства. Оно стало главной целью экономической политики царизма в Средней Азии.

Потребность в хлопке вызвала быстрый рост хлопководства, которое открыло широкий путь для проникновения капиталистических отношений и способствовало включению хозяйства края в русло русского капитализма. Вместе с тем оно всецело было подчинено сырьевым потребностям текстильной промышленности России. Увеличение посевов хлопчатника происходило за счет зерновых культур. Развитие хлопководства привело к серьезным изменениям в сельском хозяйстве.

В ряде районов края (в Фергане, Ходженте, Самарканде, Ашхабаде и других местах) резко повысилась товарность сельского хозяйства. Создавались условия для хозяйственной специализации отдельных районов, повышения товарности сельскохозяйственного производства в хлопковых и животноводческих районах. Усилившееся разделение труда, начавшаяся специализация сельского хозяйства, рост товарного производства означали рост производительных сил и постепенное образование в отдельных областях Средней Азии единого внутреннего рынка.

Одним из последствий роста производства хлопка было развитие связанных с его переработкой отраслей промышленности, хлопкоочистительной и хлопкомаслобойной.

Финансирование хлопководства привело к открытию в Средней Азии банков, сыгравших важную роль в экономической жизни края. Наряду с русским финансовым капиталом в Среднюю Азию проникал и иностранный. Он направлялся по преимуществу не в производство, а на закупки местного сырья.

Наряду с хлопководством стали развиваться промышленное виноградарство, садоводство, шелководство, каракулеводство. Развитие основной отрасли хозяйства оседлых районов Средней Азии — земледелия — в первые же годы после ее присоединения к России выразилось в увеличении посевных площадей и сопровождалось весьма значительным увеличением населения за счет притока его из других восточных стран.

Имело значение для развития производительных сил Средней Азии и железнодорожное строительство. С появлением железных дорог возникали паровозные депо, вагоноремонтные мастерские, новые промышленные предприятия; росло число промышленных и железнодорожных рабочих.

На Аральском море и по Аму-Дарье открылось регулярное судоходство. Со строительством железных дорог и портов увеличилось также число наемных рабочих, быстро росли

кадры рабочих коренных национальностей. Так, на Среднеазиатской и Оренбургско-Ташкентской железных дорогах работало более 15 тыс. рабочих.

Ликвидация хозяйственной замкнутости отдельных районов, появление новых внутренних рынков, увеличение вывоза и ввоза промышленных и ремесленных изделий, общий рост населения, перемещение населения из одних районов в другие, в частности в города, — все эти явления знаменовали начавшуюся серьезную ломку феодально-патриархальных отношений. Они способствовали росту товарного производства, особенно в районах, где еще господствовало натуральное или полунатуральное хозяйство.

Основную массу железнодорожного пролетариата составляли русские рабочие, ставшие авангардом национально-освободительного и рабочего движения в Средней Азии. С возникновением в крае промышленных предприятий начал формироваться рабочий класс из коренного населения Средней Азии, что имело важное прогрессивное значение для судьбы края. Формирование промышленного пролетариата происходило за счет квалифицированных русских рабочих, добровольно приезжавших в Среднюю Азию или высланных царским правительством за участие в революционном движении, а также за счет ремесленников-кустарей и дехканской бедноты местного населения. Русские рабочие составляли примерно около 23%, а местные жители — узбеки, таджики, туркмены и другие — 77% всех промышленных рабочих края.

Квалифицированная часть рабочих сосредоточивалась в железнодорожных мастерских и депо и на наиболее крупных предприятиях. Ведущей силой в основном были русские рабочие. Рабочие — узбеки, таджики, казахи и другие пользовались в широких массах населения уважением, их называли «усто» (мастер). Таких рабочих было вначале очень мало. Большинство из них работало или временно (например, в сезон очистки хлопка), или чернорабочими.

Русские рабочие помогали местным не только в повседневной работе и в приобретении ими квалификации, но поддерживали их в борьбе (как, например, это было на каунчинском сахарном заводе, где объявившие стачку рабочие-узбеки были поддержаны русскими пролетариями).

В предреволюционные годы тяга коренного населения на заводы и фабрики усилилась, росли национальные кадры рабочих, которые вел за собою русский пролетариат — носитель передовой революционной идеологии. Пробуждалось классовое самосознание местных трудящихся. Русский рабочий класс сыграл большую роль в формировании пролетариата Средней Азии.



Проникновение капиталистических отношений оказало заметное влияние на общее состояние хозяйства края. Значительные изменения в экономической жизни произошли и в горных населенных таджиками районах Бухарского ханства.

Проникновение товарно-денежных отношений в хозяйства самых отдаленных районов в значительной степени усилило классовую дифференциацию и способствовало борьбе трудящихся против местных эксплуататоров.

Оказало влияние и переселение русских крестьян в различные районы Средней Азии, так называемая крестьянская колонизация. Масса переселенцев была неоднородна. Наряду с кулацкими элементами переселялось немало середняков и бедняков. Переселение русских крестьян нередко сопровождалось насильственным захватом земель местного населения. Переселенцы-кулаки эксплуатировали как местное население, так и русских бедняков. Несмотря на реакционные цели, которые преследовала колонизаторская политика царизма, крестьянская колонизация Туркестана имела в целом определенное положительное значение. В результате этой политики возникали новые поселки, села. Благодаря усилиям переселенцев, несмотря на трудности новых условий жизни, расширялись площади богарных посевов, увеличивалась площадь обрабатываемой земли вообще, что содействовало развитию земледелия в Туркестане. Часть переселенцев применяла более современную земледельческую технику; местные жители знакомились со способами обработки земли и новыми сельскохозяйственными культурами. В свою очередь русские крестьяне перенимали трудовой опыт и навыки у местного населения: освоили арычную систему орошения, переняли приемы возведения построек и типы жилищ, приспособленных к местным климатическим условиям (в частности, каркасные постройки). Рис, хлопок, джугара были новыми сельскохозяйственными культурами для русских переселенцев.

Влияние русских переселенцев сказывалось не только в сельском хозяйстве, но и в быту коренного населения, в частности в освоении им жилищ русского типа; таджикские и узбекские мастера-строители заимствовали у русских мастеров многие строительные приемы. Кочевники, не имевшие раньше колесного транспорта, стали пользоваться телегами, бричками. Рисорушка, борона, коса начали входить в обиход дехканских хозяйств. Общаясь с русскими крестьянами, они познакомились с сенокосением и переняли косу для использования ее в своем хозяйстве.

Долгое время неизвестен был в Средней Азии картофель. В XIX в. он выращивался преимущественно в хозяйствах

русских переселенцев. А с начала XX в. он все более и более стал возделываться и в хозяйствах местного населения. Местные жители быстро освоились также с новой для них культурой — сахарной свеклой. Были освоены и другие неизвестные до присоединения к России культуры — овес, помидоры, новые сорта яблок и груш. Стали выращивать лучшие сорта винограда (лафит, сотери, мускат, мадера, изабелла и др.) и табака. В северных и пригорных районах (например, в Ходженте, Самарканде) начало развиваться пчеловодство, были созданы опытные хозяйства по разведению пчел.

Экономическое развитие края ускоряло процесс классовой дифференциации не только в городах, но и в кишлаках и аулах. Этот процесс наиболее интенсивно происходил в районах развитого хлопководства. Рост кишлачной буржуазии — баев сопровождался пролетаризацией безземельных крестьян и мардикоров. В кишлаках и аулах возникали кадры сельскохозяйственного пролетариата. Мардикоры работали и у местных баев и у русских кулаков, получая мизерное вознаграждение за свой труд либо деньгами, либо натурой.

Возникновение и развитие местной промышленности, значительные изменения в области сельского хозяйства, вовлечение края в мировое товарно-денежное обращение, постепенное, но неуклонное разрушение феодально-патриархального уклада явились весьма важными экономическими последствиями присоединения Средней Азии к Российской империи.

Непосредственным результатом присоединения было также образование армии безземельных и обнищавших дехкан и разорившихся ремесленников, примыкавших к формируемому рабочему классу.

Таким образом, присоединение к России дало толчок появлению первых очагов капиталистической промышленности в крае, а вместе с ней и появлению местного пролетариата.

Наряду с изменениями в экономике происходили также некоторые изменения в области культуры и просвещения. Народы Средней Азии после присоединения к России постепенно встречались не только с Россией Романовых, помещиков и капиталистов, но и с Россией передовой, революционной. В. И. Ленин писал: «Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве — но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова»<sup>77</sup>.

Царские власти в Средней Азии, конечно, не ставили перед собой задачу распространения просвещения среди «ту-

земцев», а, наоборот, стремились держать массы коренного населения в темноте и невежестве, подавляли развитие национальной культуры и в этих целях поддерживали реакционные феодальные институты, задерживавшие культурное и политическое пробуждение народных масс. Создание в Средней Азии некоторых научных учреждений рассматривалось царской администрацией прежде всего как средство выявления природных богатств края в интересах их эксплуатации русским капитализмом, а также как средство для укрепления своей власти на колониальной окраине. Однако объективные результаты получились иные.

Большое значение в развитии культурных связей России со Средней Азией имела деятельность русских ученых. Их большой заслугой было изучение культурно-исторического прошлого народов Средней Азии и восстановление значения среднеазиатской культуры во многих вопросах науки, признание ими оригинальности древней культуры среднеазиатских народов. Русские ученые впервые подвергли научной обработке многочисленные письменные источники и памятники материальной культуры Средней Азии и сделали их достоянием мировой науки. Благодаря работам русских ученых получили мировую известность творения выдающихся представителей среднеазиатских народов.

В результате общения с передовыми представителями русской науки лучшие люди из местной интеллигенции воспринимали элементы новой культуры, которой принадлежало будущее. Плодотворное влияние передовой русской культуры способствовало выступлению на общественной арене отдельных местных прогрессивных писателей-просветителей и расширению кругозора рабочих и дехкан местных национальностей.

Происходили заметные изменения и в государственно-правовом положении. Включение края в единое централизованное управление Россией, распространение пореформенных законов Российской империи на Туркестанский край, создание управления более организованного по сравнению с феодальным управлением, постепенное вытеснение старого феодального суда судопроизводством, отмена рабства были проявлением определенных положительных сторон русского административного управления края. Это положило известные преграды дикому произволу местных деспотических правителей.

Если колониальная политика царизма была направлена на порабощение народов Средней Азии, если царизм попирает чувства чело́веческого и национального достоинства, душил всякое проявление национальной культуры, то в лице русского народа, и прежде всего русского рабочего класса, на-



роды Туркестана нашли своего верного защитника и освободителя.

Коренное население Средней Азии вошло в непосредственное соприкосновение с русским народом и его рабочим классом — самым революционным классом во всем мире, сыгравшим большую роль в развитии национального самосознания узбекского, туркменского, таджикского, киргизского и других народов Средней Азии. Русские рабочие поднимали и спланивали трудящихся национальных окраин на борьбу за социальное и национальное освобождение. В лице русского пролетариата трудящиеся Туркестана впервые в истории обрели надежного руководителя в этой борьбе.

Русские марксисты распространяли в Средней Азии произведения классиков марксизма-ленинизма, особенно работы В. И. Ленина. В распространении марксистской литературы, в пропаганде революционных идей марксизма-ленинизма, в создании социал-демократических марксистских кружков, в организации и развитии революционного движения в Средней Азии активную роль сыграли русские рабочие-революционеры.

Указывая на историческую роль русского пролетариата, В. И. Ленин писал: «История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата»<sup>78</sup>.

## БУХАРСКИЙ ЭМИРАТ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

**Мятеж** Неоднократное поражение бухарских войск  
**Абдул-малика** и заключение мирного договора с Россией  
**и его подавление** вызвали в эмирате недовольство, вспышки которого происходили все чаще. Старший сын эмира Абдул-малик благодаря своей непримиримой ненависти к царской России снискал популярность среди духовенства и других недовольных. Воспользовавшись этим, он поднял восстание против отца, выпустив множество прокламаций, призывающих к свержению эмира. Большую помощь Абдул-малику оказывали шахрисябзские беки (не говоря уже о правителях равнинной части Восточной Бухары).

По свидетельству хивинского историка, Абдул-малик с самого начала был противником действий своего отца. Он

созвал в Гузаре «знатных людей области и стал жаловаться им на поступки эмира, обязавшегося платить дань и истребившего людей науки. Присутствовавшие единогласно признали, что за такие поступки эмир должен быть низложен и что необходимо до последней капли крови отстаивать шариат»<sup>79</sup>.

PDF Compressor Free Version

Абдул-малик собрал войска от Гузара до Шахрисябза, взял Карши и перевез туда свое имущество и гарем. Каршинские узбеки постепенно подчинились ему. Эмир предпринял поход против сына, но потерпел поражение. Абдул-малик при помощи Садык-тюря и шахрисябзских беков занял Чиракчи, Карши и стал готовиться к наступлению на Бухару. Представители царизма были заинтересованы в укреплении власти эмира и повышении его престижа. Никем не любимый, ни у кого не популярный, он, однако, считался более приемлемым для России, чем энергичный и популярный фанатик Катта-тюря<sup>80</sup> (Абдул-малик). Поэтому просьба Музафара об оказании ему помощи в борьбе против сына сразу получила положительный ответ. Начальник Зеравшанского военного округа генерал Абрамов с согласия туркестанского генерал-губернатора пошел со своими войсками в Бухару на помощь эмиру. Абдул-малик терпел поражение за поражением.

Разбитый, в безвыходном положении он пытался найти поддержку у шахрисябзских беков. Но последние, боясь туркестанского генерал-губернатора, отказали ему в этом. Абдул-малик решил бежать в Хиву, где и был принят ханом. Абдул-малику и его людям отвели жилье и назначили ему содержание в размере 6 тыс. руб. в месяц. Но на просьбы о помощи в борьбе против отца хан ответил отказом. Тогда Катта-тюря ушел к кочевникам — закаспийским туркменам, потом жил в Афганском Туркестане, Кабуле, Кашгарии и, наконец, в англо-индийских владениях, получая пенсию до конца своей жизни. Умер он в 1909 г. в Пешаваре.

Присоединение  
юго-восточных  
районов Таджики-  
стана к Бухаре

Царизм в виде компенсации за потерянные владения решил помочь эмиру бухарскому подчинить беков Восточной Бухары, которые вплоть до второй половины XIX в. отстаивали свою независимость.

Начиная с осени 1868 г. эмир направил в юго-восточные районы Таджикистана (Восточная Бухара) отборные войска. Бои первоначально развернулись в окрестности Байсунского бекства. После незначительных стычек бек бежал, а его крепость с окрестностями была взята. В это время феодалы равнинной части Юго-восточного Таджикистана во главе с гиссарским беком Шадманом, депауским — Абдул-Карим-додхо и с помощью кулябского и бальджуанского бека Сары-хана

сосредоточили основные силы в окрестностях Гиссара. Феодалная знать юго-восточных районов Таджикистана пыталась воспрепятствовать продвижению бухарских войск в глубь своих владений<sup>81</sup>. Весной 1869 г. бекства Восточной Бухары потерпели полное поражение. Бухарские войска разорили все стратегические пункты, жестоко расправляясь с населением, оказывавшим им упорное сопротивление. Эмир в ознаменование своей победы наложил на население большую контрибуцию («пощадные деньги»). Наиболее сильное сопротивление продвижению эмирских войск в глубь Восточной Бухары оказывала феодалная знать, заинтересованная в сохранении своей независимости и права безраздельной эксплуатации народа.

Гораздо труднее далось эмирским войскам завоевание высокогорных бекств — Каратегина и Дарваза. Здесь они натолкнулись на сопротивление не только феодалов, но и представителей других слоев населения. Эти районы, временами попадая в подчинение (главным образом кокандских ханов), в основном самостоятельно управлялись местными потомственными феодалами. Попытки Бухары захватить Каратегин привели к столкновению с кокандским ханом. Между Бухарой и Кокандом начались военные стычки. И только при поддержке и по настоянию туркестанского генерал-губернатора Каратегин через два года был присоединен к эмирским владениям.

Вслед за Каратегином бухарские войска с санкции генерал-губернатора обрушились на Дарваз. Потомственный мир Дарваза Сераджуддин-хан, подобно каратегинскому беку, больше тяготел к Коканду, нежели к Бухаре, что, впрочем, не мешало дарвазским мирам отстаивать свою самостоятельность не только от посягательств хозяев соседних владений, но и от кокандских ханов.

Бухарский эмир снарядил специальную экспедицию против Дарваза. Однако надежды на быстрое подчинение этого края не оправдались. Дарвазцы героически защищались и уничтожали бухарские отряды. Это воодушевило и население соседних бекств. Против господства Бухары вспыхнуло общее возмущение гиссарцев, кулябцев и каратегинцев. Многие жители Каратегина и Куляба перешли на сторону дарвазцев и решили сообща поднять восстание в своих бекствах<sup>82</sup>. Чтобы покончить с Дарвазом и тем самым положить конец недовольству, эмир собрал крупные военные силы, которые двинулись на Дарваз. После неоднократных столкновений в труднодоступном районе и сражения у крепости Кафтархона, столица Дарваза Калаи-Хумб была взята. Только после этого удалось сломить упорное сопротивление воинственных жителей Дарваза.





Дарвазские таджики

Завоевание Дарваза и его насильственное подчинение эмиром сопровождалось дальнейшим разорением и уводом в плен жителей края. Местные феодалы постепенно стали входить в доверие к эмиру и его наместнику. Таким образом, вся тяжесть эмирского господства и его деспотической формы правления легла на плечи народных масс.

**Включение Шах-Хотя правители Шахрисябза** Хотя правители Шахрисябза после неудачного нападения на Самарканд в 1868 г. возведения в состав эмирата держивались от всяких враждебных действий по отношению к России, тем не менее после зеравшанской экспедиции генерал Абрамов по приказанию туркестанского генерал-губернатора двинул на Шахрисябз свои войска. Джура-бий и Баба-бий были обвинены в том, что их люди якобы безнаказанно нападали на пограничные русские районы, что они скрывали беглецов из Туркестана, требовали возвращения пограничных кишлаков, отошедших к России, и не отвечали на письма царских генералов, а также самовольно взымали подати с русских подданных. Многочисленные волнения, происходившие в пределах Туркестана, тоже обычно считались следствием деятельности агентов Джура-бия и Баба-бия. В действительности же после бегства Абдул-малика шахрисябзские владетели были вполне лояльны по отношению к России, высказывая желание поддерживать с

представителями туркестанских властей самые мирные и дружественные отношения. Однако стремление удовлетворить алчные аппетиты бухарского эмира, для которого предназначались эти бекства, и нежелание сохранить их как самостоятельные владения, наиболее близко расположенные к русским и бухарским владениям, привели к наступлению царских войск на эти бекства. Сопротивление их жителей было безуспешным. Шаар и Китаб пали.

По распоряжению Туркестанского генерал-губернатора Кауфмана, 28 августа 1870 г. Шаар и Китаб особым актом были переданы эмиру и закреплены за ним. Ему очень хотелось отомстить новым подданным за свои прежние неудачи. Однако, получив специальные указания туркестанских властей и опасаясь дальнейшего недовольства населения бекства, эмиру на первых порах пришлось воздержаться.

Бывшие владетели Шахрисябза и Китаба Джурабий и Бабабий в сопровождении трехсот всадников бежали и, преследуемые царскими войсками, пытались найти убежище в Коканде. Однако они были задержаны кокандским ханом и по приказанию царских властей отправлены в Ташкент.

После англо-русского разграничения в 1895 г. западные районы Памира были включены в состав Бухарского эмирата. По этому договору эмирская Бухара лишилась ранее принадлежавшей ей части Дарвазского бекства, расположенной на левом берегу Пянджа, которая отошла к Афганистану в обмен на правобережные Шугнан, Рушан и северную часть Вахана, отошедшие к России. Правящие круги ханства во главе с эмиром выражали недовольство, так как доходы, поступавшие в фонд эмира от жителей Запянджского Дарваза, в несколько раз превышали доходы от населения Западного Памира. Однако царизму это было выгодно.

13 марта 1895 г. эмир по настоянию политического агента в Бухаре дал согласие на обмен Запянджской территории на правобережье Шугнана, Рушана и часть Вахана. Земли, передаваемые эмиру, граничили на востоке со стороны Ферганской области с линией, идущей от границы Бухары и Язгулемского хребта к реке Бартанг; на западе они шли от селения Орошор и далее на юг по отрогам гор к перевалам Вахынч, Дузахдара, Кой-бай, а затем к устью реки Памир<sup>83</sup>. 26 июля 1896 г. эмирские чиновники прибыли в назначенные районы.

С приходом бухарской администрации туркестанские власти сначала предполагали снять русские посты, расположенные в Хороге, Калаи-Вамаре и Зунга. Но военное министерство возражало против этого. Оставление постов

формально было обосновано необходимостью контроля за выполнением эмирскими властями обязательства по освобождению населения края от всяких повинностей в течение трех лет. Фактически же царизм не мог согласиться с тем, чтобы западные районы Памира целиком передать в руки бухарских чиновников. Эти районы были расположены на стыке с Афганистаном и Индией. Россия, владея ими, могла контролировать основные коммуникационные линии, шедшие в пределы соседних государств. Кроме того, отряды царских войск собирали сведения о положении дел в Бадахшане, Северном Афганистане и Индии. Поэтому, хотя переход припамирских ханств Шугнана, Рушана и части Вахана во власть эмирата и был совершен, тем не менее общий надзор над страной оставался за царским чиновником — начальником памирского отряда.

**Недовольство народных масс** Население Шаара и Китаба и жители Восточной Бухары и западных районов Памира с первых же дней включения их в состав эмирата были недовольны его деспотизмом. Передача этих территорий происходила вопреки воле их населения. Здешние жители враждебно относились к эмиру и его чиновникам. В Шахрисябзе, Восточной Бухаре и на Западном Памире часто происходили вспышки возмущения, которые подавлялись с особой жестокостью.

Бухарские должностные лица, назначенные из наиболее приближенных к эмиру чиновников, злоупотребляли своим положением и часто вызывали гнев и возмущение народа. В Восточной Бухаре вспышки недовольства возникали как среди таджиков, так и среди узбеков (в частности, у локаев Гиссарской долины и Бальджуанских гор). В Бальджуане, Кулябе и Курган-Тюбе большой популярностью среди части населения, особенно верхушки, пользовался бывший правитель Бальджуана и Куляба Сары-хан, который искал удобного случая для возврата на родину.

В 1870 г. начальник Зеравшанского округа доносил туркестанскому генерал-губернатору о восстании крестьян Бальджуанского бекства. В рапорте подчеркивалось, что волнение имело место не только в Кулябе, но также «в Бар-зюане [Бальджуане], крепости, лежащей к юго-западу от Куляба»<sup>84</sup>. О подробностях восстания в рапорте говорилось, что бухарский заместитель Абдул Карим «произвольно увеличил размер хараджа и зякета, собираемого с жителей в более увеличенном размере, что было не под силу местным жителям. Последние неоднократно ходатайствовали об уменьшении налога. Но так как просьба их не уважилась, то они возмутились и в числе 2-х тысяч человек окружили Бар-зюан и сутки держали его в осаде»<sup>85</sup>. Абдул Карим бежал в Гиссар, а кре-



пость была занята восставшими, которые конфисковали имущество бека и его чиновников. Находясь в осаде, бальджуанский бек послал письмо кулябскому и гиссарскому бекам, прося направить ему на помощь отряд. В результате жестокой схватки «виновные в возмущении бежали в Дарваз, не подчиненные никому»<sup>86</sup>. Гиссарский и кулябский беки, захватив несколько восставших, убили их. После этого «Бар-зюан был занят биссарским [гиссарским] отрядом, Абдул Карим вернулся в него»<sup>87</sup>.

В рапорте отмечалось, что восстанием руководил один из местных чиновников — мингбаша, в прошлом приближенный Сары-хана, и что восстание происходило не без ведома и согласия последнего. Нет сомнения в том, что некоторые из местных феодалов пытались отделиться от Бухары и тем самым восстановить свое прежнее господство, но движущей силой восстания были крестьянские массы, активно борющиеся против деспотического строя эмирата.

Русский путешественник доктор Яворский, возвратившись из Афганистана через Бухару в конце 1878 — начале 1879 г., отмечал, что обстановка в эмирате, особенно в Восточной Бухаре, далеко не спокойная, что население всюду проявляет недовольство эмирским строем<sup>88</sup>. Поэтому эмир долго находился в Шахрисябзе, чтобы непосредственно руководить войсками, подавлявшими вспышки народного недовольства в Восточной Бухаре и других горных бекствах.

Определенное влияние на настроение коренного населения эмирата имел старший сын эмира вышеупомянутый Абдул-малик (эмигрировавший в Индию), державший связь с наиболее враждебными элементами, в частности с духовенством, крупными феодалами и своим младшим братом гиссарским беком Туралжаном. Наконец, в стране постоянно вызывали тревогу и волнения происки английских разведчиков в пограничных бекствах, расположенных около Афганистана.

Присоединение Восточной Бухары к эмирату сопровождалось дальнейшим разорением края, возрастанием угнетением народа. Наступление эмирских войск и сопротивление феодалов, поддерживаемых определенной частью местных жителей, привели к еще большему разорению и опустошению края. Многочисленные населенные пункты, представлявшие собой в прошлом резиденции местных беков, были разрушены (например, Дербент, Регар, Денау, Гиссар). Русские путешественники и офицеры царской службы, побывавшие там в 80-х годах, списывали страшные разрушения, явившиеся последствием военных столкновений и опустошения этих районов бухарскими войсками. Одни из жителей этих мест бе-

жжали в высокогорные районы, другие — в Туркестан и Афганистан. Наблюдались случаи, когда взамен ушедших прибывали новые люди (из Туркестана, западных районов эмирата и Афганистана). Таким образом, происходило перемещение некоторых групп населения не только в Восточной Бухаре, но также в западных районах эмирата и даже в отдельных населенных пунктах Туркестана.

Несколько иное положение сложилось в западных районах Памира. Чтобы укрепить свой авторитет среди местного населения, представители царской власти пытались установить контроль за деятельностью эмирских чиновников и пресекать их злоупотребления. В инструкции от 26 мая 1897 г., данной начальнику памирского отряда, указывалось, что он либо сам, либо через начальников постов должен следить, чтобы представители эмира относились к жителям справедливо, не позволяли себе неправильных поборов. В случае жалоб населения на эмирских чиновников офицерам предписывалось не входить в переписку с бухарскими властями, а, проверив факты, воздействовать на них лично, склонять их «к справедливому отношению к жителям и удовлетворению законных претензий последних». Позднее эти указания вошли в единую инструкцию начальника памирского отряда, утвержденную командующим войсками Туркестана. В ней было сказано, что в обязанность начальника отряда входит «охранять спокойствие и безопасность на территории русского и бухарского Памиров, ограждать местное население — как русских подданных, так и бухарских от грабежей и насилий и оберегать границу Памира как от вооруженных шаек в мирное время, так и от вторжения неприятеля в военное время, принимая сообразные с обстановкой меры и донося затем о своих действиях по команде... Бдительно следить за бухарской администрацией в бывших ханствах Шугнана, Вахана и Рушана в целях привлечения симпатии населения на сторону русских и в целях предохранения населения от злоупотреблений со стороны бухарских властей»<sup>89</sup>.

Фактически представители царизма придерживались двойственной политики по отношению к населению западных районов Памира. С одной стороны, они пытались оградить его интересы от притеснения эмирских чиновников; с другой — придерживались своей традиционной политики сохранения эмирата, пытались всячески укрепить его авторитет и власть над населением этих районов. В результате, настоящего контроля за бухарскими чиновниками не было, и, пользуясь этим, они чинили над народом всяческое беззаконие. Вопреки указаниям царских властей об освобождении на три года населения от налоговой повинности эмирская администрация с первых же дней своего прихода стала взимать незаконно

подати. Так, видный бухарский чиновник Мирза Джурабек злоупотреблял своим положением, в донесениях представлял ложные сведения. Заявив на словах об освобождении населения от налогов на три года, он фактически занимался вымогательством<sup>90</sup>. К тому же за счет народа кормились не только чиновники, но и многочисленные наукары, которых отбирали для обслуживания бухарской администрации из зажиточных слоев. Лишь опасение перед растущим недовольством народа временами вынуждало туркестанские военные власти на Памире принимать более или менее решительные меры против незаконных действий эмирских чиновников. Эмир, опасаясь постоянного недовольства жителей Западного Памира и желая избежать лишних расходов на содержание своих чиновников, возбудил ходатайство перед туркестанскими властями об отказе от управления этими районами, надеясь получить взамен соответствующую компенсацию. Но генерал-губернатор не согласился. Для ослабления же напряженного положения на Западном Памире по настоянию царских властей эмир лишил должности шугнанского бека, распустил семьдесят конных всадников, состоявших при нем, и отозвал грабителя Мирзу Джурабека.

Меры, принимавшиеся царскими властями по ослаблению притеснений бухарской администрации, вытекали из чисто практических соображений. Присутствие многочисленных чиновников со слугами-наукарами во многом осложняло продовольственное положение пограничного отряда; в связи с отдаленностью часто приходилось заготавливать продовольствие на местах. К тому же, как отмечал туркестанский генерал-губернатор Бревский, «передача Шугнана, Рушана и Вахана должна была значительно ослабить наш престиж среди таджиков, относящихся к бухарцам враждебно, симпатиями таджиков следует дорожить, так как все пограничные с Памиром страны — Бадахшан, Читрал, Гильгит, Канджуд, Тагарма — населены таджиками, находящимися в родственных связях с населением Шугнана, Рушана и Вахана»<sup>91</sup>. Поэтому многие из видных представителей царских военных властей считали возможным переход этих районов целиком в их ведение. Однако, по мнению министерства иностранных дел, такое мероприятие могло вызвать тревогу как в Англии, так и в Афганистане, поскольку по снятии всех эмирских чиновников должен был усиливаться русский контроль над упомянутыми районами. Желание сохранить нормальные дипломатические отношения с Англией привело к тому, что, несмотря на недовольство и возмущение памирцев, бухарская администрация оставалась в этих районах вплоть до 1905 г.



Причины сохранения царизмом эмирата

Выше говорилось, что с 1868 г. феодальное государство Бухара стало вассалом русского царизма. По договору наиболее плодородные долины с городом Самаркандом, населенные таджиками и узбеками, отошли к России.

Река Амударья под контроль царских властей, что еще более усиливало зависимость эмирата от Российской империи.

Владения эмира располагались на правом берегу Аму-Дарьи и нижнего течения Зеравшана. На протяжении около 1500 км эмират граничил с Афганистаном (их разделяла Аму-Дарья). На востоке пограничным пунктом стал кишлак Язгулем. На юге граница шла от устья реки Тамьшину до устья реки Зырнура, которая огибала часть территории, находившейся на левом берегу Пянджа и отделявшей бухарские владения от Бадахшана, северной части Афганистана. Южная граница почти на всем протяжении шла вдоль Пянджа по Аму-Дарье до кишлака Ходжасолор (около 50 км ниже Келифа). На западе и юго-западе эмират соприкасался с Закаспийской областью. Занимаемая им территория доходила «до 2 тыс. квадратных миль»<sup>92</sup>.

Как уже отмечалось, сохранение Бухарского эмирата с его средневековой деспотической формой правления вытекало из существа реакционной политики царизма и диктовалось рядом причин. Консервируя в Бухаре полупатриархальные феодальные отношения, царизм тем самым мешал развитию производительных сил, держал колониальные народы в темноте и бесправии, тем самым тормозя революционную борьбу масс и укрепляя свое господство в Средней Азии. По существу фиктивная самостоятельность эмирата делала его игрушкой в руках царизма. Чтобы подорвать влияние Англии в Афганистане, царское правительство фактически превратило эмират в буферное государство. А. Губаревич-Радобильский, долго живший и работавший в Бухаре и Туркестане, писал: «Сразу, не говоря уже о материальных жертвах, ввести русскую администрацию в Шахрисябзе, Гиссаре, Кулябе, Каратегине и Дарвазе, а равным образом и во всем эмирате в целом, при бедности этих стран и при разобщенности и отчужденности их, было бы крайне невозможно»<sup>93</sup>. Следовательно, и нежелание иметь лишние расходы также было одной из причин сохранения эмирата на прежних феодальных основах.

Касаясь других вопросов, в частности религиозного престижа эмирата, тот же автор писал: «Отнять от Бухары значение ее религиозного авторитета как проводника чистого мусульманства по всей Центральной Азии, овладев этим городом и назначив туда русских чиновников, было бы также не-

осторожно»<sup>94</sup>. Поэтому царизм поддерживал религиозное влияние Бухары не только среди народов Средней Азии, но и среди мусульман сопредельных стран.

Однако сохранение эмирата в рамках протектората должно было носить лишь временный характер. По мере укрепления царизма в Средней Азии эмират должен был слиться с остальной частью Туркестана, так как «современные государства допускают подобные невмешательства лишь на очень незначительный промежуток времени»<sup>95</sup>. Но история решила иначе.

**Взаимоотношения царизма с эмиратом** интересовали русскую буржуазию и помещиков экономики Средней Азии для растущих потребностей промышленности России. Социально-политическое устройство, бюрократический феодальный аппарат бухарского эмирата в конечном счете соответствовали политике царизма в Средней Азии.

Договоры, заключенные между царской Россией и эмиром, прежде всего преследовали цели укрепления позиций царизма в Бухаре. Эмир был лишен права самостоятельного сношения с иностранными государствами. Что же касалось внутренних дел, то эмир являлся неограниченным властелином, имеющим право распорядиться имуществом и жизнью подданных. Но царизм не стеснялся вмешиваться даже в личные дела эмира, например в воспитание наследников эмира — будущих претендентов на престол. Александр II в личном письме к эмиру в 1879 г. писал, что «это должно упрочить дружественные отношения между Россией и Бухарой и принести существенную пользу»<sup>96</sup>. Далее император намекал на то, чтобы эмир поддерживал тесный контакт с туркестанским генерал-губернатором. До заключения договора эмир именовался «высокостепенством», позднее для поднятия его престижа ему был пожалован титул «высочество».

Вслед за этим Александр II по ходатайству туркестанского генерал-губернатора Кауфмана и в знак дружественного расположения к эмиру наградил его орденом Святого Станислава первой степени с алмазными украшениями, а ближайшего помощника эмира по управлению страной кушбеги Мухаммад-бий-инак-каляна — саблей с алмазными украшениями (стоили эти алмазы 4495 золотых рублей)<sup>97</sup>. Таким образом, царизм с первых же дней господства в Средней Азии пытался путем всевозможных подачек закрепить свое влияние на эмира и знать.

Однако царские власти не могли полностью доверять эмиру и его чиновникам. По-прежнему опасностью для царизма являлись проски английских колонизаторов. Вызывала бес-

покойство и деятельность представителей других стран. Еще в апреле 1870 г. туркестанский генерал-губернатор доносил военному министру, что по поступившим сведениям в Бухаре в последнее время находились посольства «хивинского хана и кабульского эмирата... которые совещались с эмиром по принятию общих мер к совокупному против нас действию»<sup>98</sup>. PDF Compressor Free Version

В документе подчеркивалось, что эмир увеличивает свое войско и пытается всячески оттянуть выплату контрибуции, предусмотренную договором 23 июля 1868 г., а также взимает с русских купцов пошлыны в том же размере, в каком они взимались до заключения мирного договора. Чтобы проверить правильность донесения, Кауфман направил в Бухару своего чиновника, который сообщил: «Взвешивая факт пребывания здесь в настоящее время Кабульского посольства, я прихожу к заключению, что Кабульское правительство желает сблизиться с Бухарским, дабы непосредственным влиянием на эмира противодействовать нашему здесь влиянию и затем рано или поздно воспользоваться слабостью бухарского правительства, чтобы захватить часть его владений. Кроме того, мне кажется, что Кабул действует под влиянием английского правительства»<sup>99</sup>.

Но надо сказать, что эмир все-таки избегал ненужных встреч с представителями Афганистана и всячески старался завоевать расположение России. Так, эмир сообщил, что бывший кулябский бек Сары-хан прибыл в Бадахшан и намерен действовать против бухарского правительства, чтобы возвратит себе Куляб, и что афганцы вызывали его сына Катта-тюрю (Абдул-малика) и побуждали его выступить против отца<sup>100</sup>.

В дополнение к вышеуказанным сведениям в начале 80-х годов туркестанский генерал-губернатор доносил в Петербург, что будто бы бухарские муллы посылали к Катта-тюре доверенное лицо с просьбой быть наготове, для того чтобы в случае смерти эмира успеть своевременно прибыть в Бухару<sup>101</sup>. Туркестанские власти обратились к царскому правительству с просьбой добиться от эмира, чтобы он теперь же дал согласие на передачу престола преемнику из числа преданных царизму лиц.

Важнейшим мероприятием по дальнейшему укреплению позиций царизма в Бухаре явилось усиление политического контроля и расширение экономического влияния России над эмиратом.

12 ноября 1885 г. министерство иностранных дел учредило при дворе эмира постоянное представительство — императорское российское политическое агентство во главе с политическим агентом.



**Внутреннее устройство эмирата** Внутренний строй эмирата после включения его в состав России не претерпел существенных изменений. Во главе правительства стоял эмир. Фактически же управление страной держали в руках кушбеги — нечто вроде министра внутренних дел или канцлера; казикаляи — **PDF Compressor Free Version** цо, которому подчинялись муддарисы (преподаватели высших конфессиональных школ) и судья девоибегги, ведающий финансово-податной частью. В административном отношении эмират разделялся на 25 бекств, управляемых беками, которые назначались эмиром и подчинялись непосредственно кушбеги. Бекства носили названия по главным городам. Бухара находилась в ведении кушбеги, в Чарджоу, Карши беком обычно был наследник эмира. Такими бекствами, как Гиссар, Куляб, Кермине, управляли либо сыновья эмира, либо другие его родственники и приближенные. В остальных бекствах, как правило, властвовали крупные феодалы. Бекство в свою очередь разделялось на амлякдарства (нечто вроде уездов), во главе которых стояли амлякдары.

Точное число населения эмирата не было известно даже эмиру. По весьма приблизительным данным, можно было предполагать, что число жителей составляет не менее двух с половиной и не более трех миллионов. Плотность населения значительно превышала плотность населения в Туркестане. Распределение населения и тут и там было неравномерным. Безводные степи оставались почти безлюдными, а орошенные оазисы заселялись весьма густо. Наибольшей плотностью населения отличались бекства, расположенные по нижнему течению Зеравшана, по Кашка-Дарье и по правым притокам Аму-Дарьи. В целом территория эмирата разделялась на две части — западную и восточную. В первой преобладала пустыня, степь, малоорошенные земли. Вторая была гористой, со множеством притоков горных рек и альпийских пастбищ.

Позднее, со строительством железной дороги и приходом пограничных войск, количество населения возросло. По переписи 1897 г. одних только русских подданных насчитывалось в эмирате 12 150.

Население Бухарского эмирата в основном делилось на две группы — земледельческую и кочевую. К первой относились таджики, часть оседлых узбеков, арабы, евреи и индусы; ко второй — различные узбекские племена (карлуки, барласы), казахи, киргизы, туркмены, арабы, цыгане (лули). Большинство населения было мусульманами.

Наиболее влиятельным сословием в Бухаре было духовенство. Сюда входили казии (судьи), аъламы (муфтии высшего разряда), муфтии (своего рода юрисконсульты), ахун-



Кишлак в Дарвазе

ды, имамы и муллы. Духовенство представляло очень сплоченную корпорацию, спаянную ортодоксальным духом мусульманства, покоящегося на непреложных велениях шариата<sup>102</sup>. При этом «никакая свежая мысль, никакое новшество или даже намек на него не могли проникнуть в эту окаменелую в своей неподвижности среду»<sup>103</sup>. В Бухаре влияние мусульманского духовенства на все социальные группы было очень сильно. Даже эмир мог осуществлять то или иное дело, лишь получив «совет» представителей духовенства; последние пользовались огромным влиянием внутри страны и за ее пределами. Поэтому эмиры старались не вступать в конфликт с этой корпорацией. И часто наблюдались случаи, когда эмиры вынуждены были отступить от своих решений, если духовенство их не одобряло. Духовенство всегда находило себе поддержку среди огромной корпорации студентов мадраса — мулло-бачей. Последние тоже имели свои группы (в основном две). К первой относились дети чиновников из Бухары и ее окрестностей, ко второй — приезжие (главным образом из Восточной Бухары). Правящие круги эмирата в своих корыстных целях старались держать связь с мулло-бачами, поддержка которых гарантировала им занимаемую должность. Обычно крупные чиновники стремились привлечь на свою сторону мударрисов, поскольку последние,

пользуясь поддержкой мулло-бачей, своим авторитетом укрепляли положение того или иного чиновника. При 80—100-тысячном населении в Бухаре существовало до 365 мечетей и 103 мадраса с 15—20 тыс. мулло-бачей. Бухара была центром религиозного фанатизма и его пропаганды среди населения

Сред. PDF Compressor Free Version

Система преподавания в мадрасах, в основу которого было положено священное мусульманское писание, сводилась к заучиванию наизусть учебных пособий на арабском языке. Редко кто из мулло-бачей мог свободно читать и понимать текст Корана. Подавляющее большинство либо вообще не могло окончить мадраса, либо заучивало отдельные суры Корана, чтобы стать муллою, муфтием и т. п. В исключительных случаях из этого учебного заведения выходили люди, которые разбирались не только в арабском языке и догматике ислама, но и в таджико-персидской литературе.

В Бухаре, как нигде в Средней Азии, с давних времен существовала довольно спаянная корпорация дарвешских орденов пиров или ишанов, которые жили исключительно за счет вымогательства и обирания трудового народа. Вообще Средняя Азия считалась в этом смысле классической страной, в которой подвизались такие «светила» суфизма, как Мухаммад-Боховаддин-Накшбанди, Ходжа-Убайдуллах-Ахрор, Ахмат-Ясави и др. Их мазары (гробницы) считались священными и служили предметом почитания, поклонения и паломничества.

Реакционное мистическое учение — тасаввуф, или суфизм, с его весьма туманным мировоззрением не было доступно массам. Крестьяне и ремесленники, вступавшие в дарвешские общины, не подозревали, что здесь все подчинено корыстным целям. Мистическое учение суфизма было связано со схоластическим догматизмом в выполнении обрядовых формальностей.

Служилое сословие делилось на два разряда: первый — военные в узком смысле слова — солдаты и командиры армии — сило; второй — представители военно-административного состава, так называемые амлякдары. В соответствии с заключенными договорами эмир мог держать как регулярную, так и нерегулярную армию, состоящую из пехоты и кавалерии. По данным 1892 г., эмирская армия состояла из 11 400 человек пехоты, 400 — регулярной кавалерии, 2070 полнейских, 620 артиллеристов при 151 орудии<sup>104</sup>. В этом тоже отразилась реакционная политика царизма, направленная на подавление народных масс и охрану безопасности господствующего класса. Эмир ежегодно тратил на содержание своих войск более миллиона рублей. Исключительно плохое содержание солдат (они получали всего 4 руб. в месяц и





Ночная стража Каратага (1898)

должны были на это обеспечить себя и свою семью питанием и жильем) нередко толкало их на мародерство. Солдаты (особенно из эмирской свиты) позволяли себе всяческие бесчинства, вызывая ненависть населения к себе и своим командирам<sup>105</sup>.

Амлякдары делились на 15 чинов, из которых низшим был богодур, а высшим аталык. Отсутствие определенного государственного жалования приводило к тому, что весь чиновничий аппарат сверху донизу жил за счет обирания народа. Система «кормления» служилого сословия за счет трудящихся развращала господствующий класс, толкала его на все более жестокую эксплуатацию угнетенных масс. Широко практиковалась система земельных пожалований «танхо», существовавшая вплоть до падения эмирата. Это пожалование носило временный, или пожизненный, или наследственный характер.

**Налоговая повинность в эмирате** Эмирская казна получала наибольший доход от поземельной подати с хараджных земель, которая была двух родов: постоянная, взимаемая деньгами и некоторым количеством зерна с определенного участка земли, и пропорциональная, означавшая уплату известной части урожая. «Первого рода харадж взимался, на-

пример, в одних районах по 1 теньге и 7,5 фунта зерна с одного танаба<sup>106</sup> обрабатываемой земли, в других по 1 теньге весной и по 1 теньге и 15 фунтов зерна осенью. Второго рода харадж выражался в уплате от одной восьмой части урожая с облагаемого налогом поля<sup>107</sup>. Взимание хараджа происходило вопреки шариятским нормам, по которым с земли, орошаемой естественным путем, должна была взиматься одна десятая часть урожая, а с искусственно орошаемой — половина десятины. Сама система получения хараджа способствовала разорению дехканских масс. Как правило, размеры подати определялись путем пробного обмолота, когда амлякдар со своими чиновниками выезжал в поле и устанавливал там на глаз количество танабов земли и собранных батманов зерна. После этого окончательно составлялась раскладка поземельно-податного налога, который нередко превышал фактическое наличие как земли, так и урожая. Главная роль в определении урожая при молотье принадлежала специальным чиновникам при амлякдарах — даругам, численность которых в каждом амлякдарстве зависела от размеров урожая, густоты населения и т. п. Даруга, явившись на место, где был собран в кучу обмолоченный хлеб, покрывал его сверху донизу кусками мокрой глины с оттиснутой на них печатью. Амлякдары порой намеренно запаздывали со сбором хараджа, что приносило немалый убыток дехканам; обычно базарные цены на зерно оказывались гораздо выше, чем те, по которым взимался поземельный налог.

За каждый танаб земли, занятый под садом и огородом, также взимался налог, так называемый танаб-пули, размер которого зависел от произвола местных чиновников.

Помимо сдачи хараджа и танаба, шедших в фонд эмира, крестьянин должен был обеспечить многочисленных представителей местной власти. Прежде всего он платил кафсан — налог на содержание амлякдара. Дехкане платили так называемый муштак (буквально — горсточка) в пользу сельского амина — надзирателя, следившего за правильной сдачей натуральной и поземельной подати. Не оставались в стороне также аксакал (сельский старшина), мираб и другие низшие административные лица при амлякдарах. При этом каждый пытался полностью обеспечить свое существование за счет крестьянина. За счет дехкан кормились даравеши, странствовавшие из одной местности в другую. Кроме всего этого взимался еще налог за каждую пару рабочего скота (як-сара), причем рабочим скотом считались и быки, и лошади, и ослы; налог за сбор камыша, колючки, сухих веток и пр. Многочисленные повинности разоряли крестьян, и нередко можно было наблюдать случаи, когда после сбора урожая и уплаты налогов он оставался буквально ни с чем.

Не лучше обстояло дело и в тех населенных пунктах, где существовало таихо, которое, как правило, выделялось как дополнительное вознаграждение к правительственному жалованью наиболее крупным чиновникам и военачальникам. Часто бывало, что в таихо входила не только земля, но и живший на ней дехканн. В таких случаях население обычно освобождалось от государственной повинности и должно было полностью обслуживать таиходоров. Участь такой социальной группы не отличалась от участи крепостных; эти дехкане не только платили многочисленные подати, но были также обязаны круглый год работать на феодала.

Нелегкой была и участь кустарей, живших в городах и крупных населенных пунктах эмирата. Многие из них имели землю в окрестностях города и помимо основной профессии занимались сельскохозяйственной работой. Поэтому они должны были платить подати не только с продукции своих кустарных мастерских, но и с земледельческой. Тяжелые феодалские повинности разоряли их так же, как дехкан, и они владели жалкое, полунищенское существование.

Скотоводы платили зякет — налог, взимаемый со скота, находящегося большую часть года на подножном корму. Зякет чаще всего взимался деньгами, а не натурой. Для сбора зякета существовали специальные чиновники — зякетчи. Они отправляли налог беку, а тот — эмиру.

При сборе налогов чиновники не соблюдали установленных норм. Уменьшение стад в расчет не принималось, а приплод всегда приводил к увеличению подати.

Огромный доход от хараджа, зякета и других налогов поступал целиком эмиру и его чиновникам; на благоустройство страны и повышение благосостояния подданных не затрачивалось ни копейки. По свидетельству современника, в эмирскую казну ежегодно поступало 18 млн. руб. В Бухаре процветало казнокрадство, которым занимались все, начиная от эмира и кончая беками и амлякдарами. Официальные представители царской власти прикрывали преступную деятельность эмира и его чиновников. Все это с каждым годом ухудшало положение угнетенных масс и толкало их на сопротивление, на активную борьбу за свержение деспотического строя.

Восстание  
деханских масс  
Восточной Бухары  
под руководством  
Боге

В Восточной Бухаре, где деспотический произвол чиновников принимал особенно жестокий характер, все чаще вспыхивали крестьянские восстания.

Большим бедствием для дехкан были малоземелье и безземелье, вынуждавшие их идти в кабалу к богачам. Кабальная или полукабальная зависимость была широко распространена особенно в Восточной Бухаре. Ост-



рая экономическая нужда заставляла значительную часть дехкан работать на небольших участках частновладельческих и вакуфных земель. Участь этих людей была весьма схожей с участью крепостных крестьян. Положение народных масс Восточной Бухары еще более ухудшилось, когда эмирские чиновники в связи с введением вновь введенной поземельно-податной системой, стали взимать так называемые подати местного происхождения. Жестокая эксплуатация вынуждала безземельных и малоземельных дехкан уходить на отхожие промыслы в пределы туркестанского генерал-губернаторства. Разумеется, и тут им жилось не лучше прежнего. В 1894 г. один из царских военных чиновников, говоря о жизни трудового народа эмирата, подчеркивал, что не только жители «Западной Бухары, но включая сюда и простой класс таджикского населения, ненавидят Сабида-Абдул-Ахада и сопряженную с ним систему хищнического управления страной»<sup>108</sup>.

В 80-х годах в Бухаре было весьма неспокойно. Эмир Саид-Музаффар, окружив себя потомками бывших персидских рабов, и «предоставив им все высшие государственные должности. . . [тем самым] оскорблял и вооружал против себя коренное население страны — узбеков, таджиков. . . [и только] благодаря внушаемому им страху и почти непрерывным жестоким репрессиям, при помощи которых он имел возможность подавить вспыхнувшее то здесь, то там недовольство народа»<sup>109</sup>, он сохраняет свою власть. Именно в этот период некоторые царские чиновники поднимали вопрос о присоединении эмирата к России и назначении в нем царской администрации.

На совещании, созванном в Петербурге летом 1882 г. с присутствием представителей военного министерства, министерств иностранных дел, финансов и других, туркестанский генерал-губернатор требовал окончательного присоединения эмирата к России. Лишь боязнь обострения отношений с Англией, а также финансовые и административно-политические соображения удержали царское правительство от ликвидации номинальной независимости эмирата. Было также принято во внимание общее положение Средней Азии и сопредельных с ней стран. В то же время на совещании подчеркивалась необходимость усилить контроль над эмиром и его чиновниками. Не исключена возможность, что одной из причин, побудивших царское правительство к учреждению в 1885 г. политического агентства в Бухаре, были крестьянские волнения, постоянно происходившие в эмирате. В многочисленных документах имеются сведения, что как раз накануне крестьянского восстания под руководством Абдул-Восе (в просторечии Восе) обстановка в юго-восточных районах Таджикиста-

на очень осложнилась. Поэтому эмиру не раз приходилось направлять в Кулябское, Бальджуанское, Дарвазское и другие бекства дополнительные воинские силы для подавления волнений.

Дехкане Бальджуанского бекства, как и другие, жили в беспросветной нужде. Кроме всего прочего, они страдали от налетов саранчи, ежегодно пожирившей крестьянские посе-  
PDF Compressor Free Version

В донесении туркестанскому генерал-губернатору от 13 мая 1881 г. сообщалось: «в Бальджуанском бекстве во владениях эмира уже несколько лет держится саранча и против уничтожения ее не принималось никаких мер»<sup>110</sup>.

В 1885 г. в Бальджуане началось крупнейшее крестьянское восстание. Охватив территорию современного Бальджуанского, Ховалингского, Сары-Хосорского, Кулябского и других районов, оно происходило под лозунгом борьбы против эмира и его чиновников. На первом этапе восстание было направлено против гнета местного бека, баев, амлякдаров, зякетчи и прочих эксплуататорских элементов. Вождь восстания Восе был родом из Ховалингского амлякдарства Бальджуанского бекства и принадлежал к беднейшей части крестьянства.

Восстание дехкан в этом бекстве происходило не первый раз. Оно имело место еще в 1870 г., после того как Бальджуан был включен в состав эмирата. Несколько лет спустя такое же восстание произошло там под руководством бедняка Мулло Хола. Оба восстания были подавлены. Однако, когда Восе поднял народ против поработителей, участники восстания Мулло Хола активно поддержали его. Работая зимой на маслобоянях, а летом на полях у феодалов, Восе постоянно видел страдания народа и решил поднять его на борьбу за свободу.

Поводом к восстанию послужило следующее. В Кулябской и Бальджуанской долинах долгое время была засуха. К тому же в 1884 г. все поля на территории Бальджуанского бекства были полностью опустошены налетевшей из Афганистана саранчой. 1885 г. был первым урожайным годом после продолжительного стихийного бедствия. Между тем к началу сбора урожая эмирские чиновники потребовали покрытия недоимок за предыдущие годы. Жители Ховалингского амлякдарства отказались от уплаты прошлогодних недоимок и дополнительных сборов. Между дехканами и сборщиками податей произошло столкновение, кончившееся тем, что был убит зякетчи. Выступлением дехкан руководил и активно участвовал в нем Восе. Восстание быстро разрослось, к населению Ховалинга присоединились жители Сары-Хосора, Махдум-Дары, Зувоили, Кызыл-Мазара, а также части Кулябского

бекства<sup>111</sup>. Разгромив в Ховалинге дом местного амлякара, восставшие двинулись к крепости бальджуанского бека. Сначала они пытались разрешить вопрос мирным путем, для чего направили к беку своих представителей. Но тот, задержав посланцев, приказал повстанцам ишана и мулл, которые стали уговаривать дехкан вернуться домой. А бек тем временем стал готовить свои войска к выступлению. Повстанцы не поддались на уговоры. Они отправились в местность Туткози и Ходжа-булбулон, разбили бекских солдат и двинулись к Бальджуану. У ворот крепости они нанесли новое поражение войскам бека, заняли крепость и приступили к конфискации имущества бека и чиновников. Не выдержав натиска, бальджуанский правитель вместе со своими войсками бежал в Кангурт.

Повстанцам удалось захватить крепость, но Восе не сумел правильно оценить создавшуюся обстановку. Он необдуманно прислушивался к голосам отдельных «попутчиков» из зажиточных слоев населения, которые отговаривали его от конфискации земель крупных феодалов, бежавших вместе с беком. К тому же, заняв крепость, Восе воздержался от расправы с многочисленными эксплуататорскими элементами, ранее усердно служившими бекам. Они, находясь в Бальджуане, вели враждебную агитацию против Восе. Многие повстанцы, недовольные нерешительностью Восе, разошлись по домам. Обо всем этом знал бек. И когда к нему подошли свежие силы из Куляба, Гиссара и Каратегина, он двинулся на Бальджуан и штурмом взял крепость. Повстанцы отступили к Кангурту. Затем Восе, собрав новые силы, снова пошел на Бальджуан. Дехкане разбили сарбазов и опять заняли крепость. Бекские солдаты бежали в Кызыл-Мазар. Но на помощь им прибыли войска из Гиссара, Куляба и Каратегина. Это решило исход сражения. В подавлении восстания активно участвовал гиссарский бек — кушбег Астанакул.

Потерпев поражение, Восе отступил к Ховалингу, надеясь пополнить свои ряды и начать новое наступление. Однако лучшие вооруженные силы эмира нанесли ему окончательное поражение. Восе с наиболее близкими к нему людьми был предательски схвачен и брошен в тюрьму. В Бальджуане лишь в течение одного дня было казнено более сорока человек — лучших представителей крестьянских масс, сподвижников Восе.

В дошедшем до нас документе того времени обращает на себя внимание следующее обстоятельство. На оттиске печати гиссарского кушбеги имеется дата — 1305 г. х. (соответствующий 1887/88 г.), указывающая на момент вступления в должность Астанакула. Следовательно, он мог отправить Во-



се в Бухару не раньше 1888 г. Исходя из этого, мы должны допустить одно из двух: или восстание было не в 1885 г., как считалось до сих пор, а позже, по крайней мере года на полтора-два, или же оно длилось до 1887 г.<sup>112</sup>.

Разница в датах заставляет нас предполагать, что происходивший в Гиссаре незадолго до пленения Восе и длительная переписка между гиссарским беком и Бухарой, связанная с Восе, задерживали определение его дальнейшей судьбы.

Кроме того, поместив Восе в гиссарский زندан, эмирские власти, возможно, рассчитывали на психологический эффект — желание вызвать страх и заставить непокорных участников восстания прекратить дальнейшее сопротивление.

Крестьянское восстание, руководимое Восе, было наиболее крупным восстанием этого периода не только в Восточной Бухаре, но и во всем эмирате. Движущей силой восстания были дехкане, доведенные эмирскими властями почти до полного разорения. После подавления восстания эмирским чиновникам не удалось обеспечить общее «успокоение страны». Наоборот, стихийные крестьянские выступления продолжались как в Бальджуане, так и в других бекствах. Положение в этих районах было настолько тревожным, что эмир летом 1888 г. приезжал в Карши с тем, чтобы оттуда непосредственно руководить карательными войсками. Характерно, что волнение охватило все те бекства, куда направлялись войска с наиболее преданными эмиру начальниками. Восстание в какой-то мере способствовало ослаблению феодальных устоев в Восточной Бухаре. Именно в этот период жители Восточной Бухары неоднократно обращались к представителям царской администрации в Туркестане с просьбой спасти их от произвола эмира.

**Экономическое проникновение России в Бухару** К последней четверти XIX в. экономическое влияние России в эмирате становится особенно заметным. Русские пограничные войска на территории, подвластной эмиру, занимали наиболее важные в политическом и экономическом отношении районы. Одновременно во многих пограничных населенных пунктах появились русские переселенцы, из которых многие обосновались здесь. Русские поселения стали появляться также вдоль железной дороги, проходившей по территории эмирата. Во многих бекствах Бухары были введены почта и телеграф. Для борьбы с различными болезнями (в том числе с холерой) русские медики создали в Бухаре санитарную часть. Стало осуществляться на практике таможенное объединение эмирата с остальной частью Туркестана. Наконец, огромную роль в дальнейшем расширении и укреплении экономических

позиций царизма в эмирате сыграло политическое агентство в Бухаре.

Русская буржуазия, особенно владельцы текстильных предприятий, неоднократно ставили вопрос о расширении торговли России на рынках эмирата, об учреждении на его территории отделений государственного банка, о вытеснении иностранных товаров, особенно английских. Поднимался вопрос и об исследовании местных естественных богатств. Усиливалась деятельность отдельных фирм по покупке местного сырья и снабжению Бухары русскими товарами. Уже в 1888 г. политический агент, основываясь на ранее заключенном с эмиром договоре, поставил вопрос о приобретении русскими подданными земельных участков и устройстве русских поселений вблизи железнодорожных станций и пристаней.

Подданные России получили право путем частных сделок по своему усмотрению строить в Бухаре товарные склады, промышленные заведения, лавки, дома. Вслед за этим между политическим агентством и эмиром было оформлено специальное соглашение, по которому было введено в действие правило об устройстве Керкинского поселения. Эта мера способствовала дальнейшему экономическому укреплению позиций царизма в Бухаре.

По своему географическому положению Бухарский эмират был узловым пунктом между Индией, Афганистаном и восточными провинциями Ирана, считаясь одним из важных центров торговых связей с многими странами Азии. К концу XIX в. ежегодный оборот бухарского рынка с нижегородским, московским и другими рынками значительно возрос. Русские товары на бухарском рынке стали к тому времени постепенно вытеснять англо-индийские изделия, которые раньше поступали в эмират в весьма значительном количестве<sup>112</sup>. Л. Костенко, посетивший Бухару еще в середине 1870 г., писал, что на бухарском рынке на каждом шагу можно было встретить русские товары и что зависимость эмирата от России, несмотря на его отдаленность от Москвы и Нижнего Новгорода, настолько велика, что народы Бухары ни одного года не могли бы существовать без привоза русских товаров, причем последние стоили здесь гораздо дешевле, чем в самой Москве.

Продукция русских предпринимателей постепенно стала отвечать вкусам и потребностям жителей эмирата, а бухарские купцы с каждым годом все более стали привозить в Россию свои товары. Прежде всего это были хлопок, шелк, шерсть, сушеные фрукты. С развитием товарооборота между Россией и Бухарой стало усиливаться значение наиболее важных населенных пунктов эмирата. В этом отношении особен-

но вырос город Карши — важный узел, связывающий Восточную Бухару и часть северного Афганистана с центральными районами эмирата и Туркестана. Карши, по свидетельству очевидца, напоминал Ташкент<sup>114</sup>.

К 80-м годам эмират активно включился в торговлю с Россией. Из Бухары ежегодно вывозилось на рынки центральной России до 900 тыс. пудов хлопка, до 200 тыс. пудов шерсти, до 750 тыс. штук каракуля, до 60 тыс. пудов шелковых изделий, а также много сушеных фруктов, пряжи, выбойки, лисьих шкур, адраса, халатов. Из России на бухарский рынок ежегодно поступало: мануфактурных товаров — до 22 тыс. кип, железа и металлических изделий — до 237 тыс. пудов, сахара и конфет — до 100 тыс., фарфора — до 26 тыс., сундуков и писчей бумаги — до 14 тыс., москательных товаров — до 48 тыс. пудов.

Бухара вывозила свои товары также в Индию и Персию. Так, в Индию ежегодно отправлялось до 300 кип шелка, в Персию — до 40 тыс. штук каракуля, около миллиона штук шелковых платков. Из Индии в Бухару привозили: чая зеленого разных сортов — до 7 пудов, индиго до 18 тыс. пудов, кисей и миткаля — до 1400 кип, москательных товаров — до 80 пудов. Из Персии на бухарский рынок поступало до 9600 пудов зеленого чая, до 130 кип мануфактурных товаров, до 9 тыс. пудов москательных товаров, до 100 кип лисьих шкурок и мерлушки<sup>115</sup>.

Торговля в Бухаре была сосредоточена как в руках местных жителей — узбеков, таджиков, евреев, так и в руках русских, татар, афганцев и индийцев. Среди предпринимателей из коренного населения часто встречались обладатели весьма солидного капитала. Из русских фирм большую роль в торговле сыграли агентство Ярославской мануфактуры, Среднеазиатское товарищество «Н. Кудрин и К<sup>о</sup>», агентство свеклосахарных заводов Бродского и Бобринских, фирм Дюршмита, Дюпова, Девлекамова, братьев Ибрагимовых, Адамова, Доминова. В Бухаре действовало пять контор общества страхования и транспортировки, открытых в 80-х годах («Российское общество», Бр. Каменские, «Кавказ и Меркурий», «Надежда», Н. Кудрин и К<sup>о</sup>).

Среди афганских и индийских купцов тоже были очень богатые люди. Некоторые из них помимо собственных торговых операций вели также дела крупных индийских фирм.

Бухарский рынок сыграл большую роль не только в реализации русских фабричных изделий среди населения эмирата, но и за его пределами — в Афганистане, Индии. Множество же товаров из Афганистана и Индии поступало также не только на рынки Бухары и Туркестана, но и в цент-



ральную часть России. К середине 80-х годов XIX в. русские промышленные товары проникают уже на юг и юго-восточные окраины Бухарского эмирата. В таких наиболее отдаленных районах эмирата, как Денау, Сари-Асия, Гиссар, Куляб, было много лавок, торговавших товарами русского происхождения. Из данных топографа Петрова, посетившего в 1884 г. Восточную Бухару, видно, что в Денау существовали сотни подобных лавок. Был там и базар, который функционировал два раза в неделю. Такие же базары стали появляться и в других бекствах Восточной Бухары<sup>116</sup>. Увеличение числа базаров явилось непосредственным результатом расширения торговых связей и развития товарно-денежных отношений. Началось постепенное разложение натурального хозяйства. Жители ряда районов эмирата, в том числе его восточной части, вывозили для продажи излишки сельскохозяйственных продуктов и кустарные изделия на рынок и покупали взамен необходимые им в хозяйстве промышленные товары.

Отдаленность основной массы населения от железнодорожных магистралей, отсутствие нормальных путей сообщения, нерегулярное поступление русских товаров и их дороговизна способствовали тому, что в Бухаре, как и в других районах Средней Азии, во второй половине XIX в. довольно прочно сохранялось кустарное производство. Славилась бухарские ковры с пестрым узором, высоким ворсом. Широко практиковалось также производство больших паласов, отличавшихся простыми рисунками. Этим занимались во многих кишлаках Шахрисябзского и Каршинского бекства. Из других шерстяных изделий, производимых местным населением, следует отметить различные шерстяные ткани, мешки, веревки, арканы, войлочные шляпы, носки. Чекменями, армячиной и носками особенно славилась горные бекства — Дарваз и Шугнан.

К концу прошлого столетия кустарное производство пряжи и тканей из хлопка, некогда игравшее большую роль в жизни народов Бухары, стало сильно сокращаться из-за непрерывного потока русских товаров. Исключение в этом отношении представляла часть Восточной Бухары, главным образом Гиссар и Каратегин; изделия здешних жителей пользовались успехом (особенно полушелковая ткань алача, шедшая главным образом на халаты). Шелкомотальный и шелкоткацкий промыслы наиболее были развиты в Бухаре и Гиссаре. Здесь вырабатывались в основном полушелковые материи — адрас, бикасаб, бенарас. В эмирате, как и во всей Средней Азии, была распространена выделка шкур и кож, из которых шили шубы, шапки, чембары (шаровары), мешки, сапоги и пр. Исключительно важное значение для народов Бухары

имела кустарная обработка металлов. Материал для металлических изделий издавна добывался на местах, позже, в частности чугуна, железо, медь и серебро, стали привозить из России. Местные кустари делали подковы, гвозди, топоры, лемехи для омачей, кетмени, серпы, ножи и другие нужные для земледелия предметы, а также ружья, клинки для ша-шек и т. п. Эти предметы изготавливались в центральных районах эмирата и в Восточной Бухаре, Гиссар, например, издавна славился своими клинками и ножами по всей Средней Азии.

Важное место среди кустарей занимали ювелиры, чеканщики, резчики. Однако в связи с увеличением привоза многочисленных фабричных изделий из России спрос на чеканящие предметы местной работы с каждым годом сокращался. Кустарный характер носили также многочисленные мелкие промышленные заведения, существовавшие почти во всех бекствах эмирата (мыловаренные, свечные, красильные, мукомольные, шелкомотальные, шелкоткацкие). Их продукция шла главным образом на удовлетворение потребностей местного населения.

Во второй половине XIX в. фабрично-заводская промышленность была развита весьма слабо.

В целом вплоть до конца прошлого века центральные районы эмирата служили лишь рынком сбыта для Российской империи.

Толчком для развития товарно-денежных отношений служило также расширение посевных площадей под хлопчатником и вовлечение широких дехканских хозяйств в товарное обращение. Развитие в недрах феодализма товарно-денежных отношений, естественно, способствовало, с одной стороны, накоплению денежных средств, расширению торговли в руках купечества, а с другой стороны, разоряло мелких производителей — крестьян и ремесленников. Мелкие производители Бухары, бросая насиженные места, уходили на поиски заработков.

Торговый и ростовщический капитал всегда исторически предшествуют образованию промышленного капитала. Но, как говорил В. И. Ленин, «сами по себе ни торговый, ни ростовщический капитал не составляют еще *достаточного* условия для возникновения промышленного капитала... они не всегда разлагают старый способ производства и ставят на его место капиталистический способ производства»<sup>117</sup>. При этом Ленин подчеркивал: «чем сильнее развит торговый и ростовщический капитал, тем слабее развитие промышленного капитала»<sup>118</sup>. Однако развитие торговли и торгового капитала, писал К. Маркс, «повсюду развивает производство в направлении меновой стоимости... придает ему космополити-

ческий характер, развивает деньги в мировые деньги»<sup>119</sup>. Торговля в Бухаре также разлагала те производства, которые встречались на ее пути, но не способствовала созданию капиталистической промышленности.

Экономические же связи эмирата с царской Россией создавали условия для развития торговли и обогащения эксплуататорской верхушки бухарского общества — местных феодалов и купцов.



## ГЛАВА IV

## ТАДЖИКСКИЙ НАРОД НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ПЕРВОЙ БУРЖУАЗНО- ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1905—1907 гг.)

### ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТРАНЫ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Национально-  
колонизальный  
гнет паразита

Годы, предшествовавшие первой буржуазно-демократической революции в России, были связаны с дальнейшим проникновением русского капитала в экономику Средней Азии и началом разложения патриархально-феодалных отношений. Наступательное движение русской буржуазии и помещиков шло весьма медленно, — оно постепенно втягивало в свою орбиту колониальные народы, и в том числе народы Таджикистана. Характеризуя проникновение русского товара на Восток, Маркс и Энгельс отмечали: «Русские товары проникали до самого Инда и в некоторых случаях даже пользовались предпочтением перед английскими»<sup>1</sup>. Русский капитал сыграл огромную роль в расширении торговых связей колониальных окраин с центральными районами России; подрывая первобытное кустарное производство и способствуя разложению натурального хозяйства. В Средней Азии происходило вытеснение местных вековых кустарных промыслов; падало старинное производство местных изделий, так как на внутренних рынках с каждым годом находили себе все больше места товары русского производства. Несмотря на свою изолированность, это испытывало на себе и население нынешнего Таджикистана как составной части бывшего Бухарского эмирата и русского Туркестана.

Характеризуя роль капитализма для Кавказа, В. И. Ленин писал, что русский капитализм втягивал Кавказ в мировое товарное обращение и нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости.

Ленин отмечал, что такой процесс был присущ также другим народам, в том числе народам Средней Азии и Сибири<sup>2</sup>, «... капитализм не может существовать и развиваться, — писал В. И. Ленин, — без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания старых стран в водоворот мирового хозяйства»<sup>3</sup>.

И действительно, к последней четверти XIX в. капиталистические отношения начинают охватывать не только центральные районы Средней Азии, но и значительную часть Бухарского эмирата. Своеобразие проникновения капиталистических отношений в колониальный Туркестан заключалось в том, что этот процесс происходил весьма замедленно, мучительно, в результате феодальные отношения преобладали над капиталистическими.

Характеризуя уровень большей части населения Азербайджана, горских народов Кавказа, народов Поволжья, Сибири, северной части Европейской России, а также Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, в резолюции X съезда РКП(б) было подчеркнуто: «Если из 65 млн. невеликорусского населения исключить Украину, Белоруссию, часть Азербайджана, Армению, прошедшие в той или иной степени период промышленного капитализма, то остается около 25 миллионов по преимуществу тюркского населения (Туркестан, большая часть Азербайджана, Дагестан, горцы, татары, башкиры, киргизы и др.), не успешших или почти не имеющих своего промышленного пролетариата, сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовый быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ) или не вполне еще ушедших дальше полупатриархального — полуфеодалного быта (Азербайджан, Крым и др.)»<sup>4</sup>. Национально-колониальный гнет русского царизма стал большим тормозом для развития производительных сил народов Средней Азии. Грабя и угнетая местные народы, насильственно ограничивая их права, царизм всемерно препятствовал развитию государственности на окраинах. В течение всего колониального периода земли таджиков оставались изолированными друг от друга. Так, например, северные районы нынешнего Таджикистана (бывший Ходжентский уезд) входили в состав Самаркандской области, а районы Канибадамский, Аштский и Исфаринский с таким же этническим составом подчинялись ферганскому военному губернатору.

Подобное административно-территориальное деление противоречило интересам населения этих районов, но было выгодно царскому правительству. Население Восточной Бухары

было в подчинении бухарского эмира как вассала русского царизма.

Восточная часть Памира с киргизским населением входила в состав Ферганской области Туркестанского края, западная, населенная таджиками, — в состав Бухарского эмирата. Стремление на южной части Памира заключалось еще в том, что если формально эти районы подчинялись эмиру, то фактически контролирующим органом здесь был начальник памирского отряда, решавший все вопросы самостоятельно. Он пользовался правами командира дивизии, непосредственно подчиняясь ферганскому военному губернатору. При этом следует учесть, что, как было сказано, после англо-русского разграничения в 1895 г. значительная часть территории с таджикским населением (так называемый левобережный Пяндж) отошла к Афганистану.

Искусственное расчленение территории, населенной в основном единой этнической группой, мешало дальнейшему росту и развитию производительных сил этих районов, тормозило их экономическое и политическое развитие.

Сельское хозяйство Экономическое развитие Туркестана находилось в прямой связи с интересами русских помещиков и капиталистов. Стремясь освободиться от хлопковой иностранной зависимости и обеспечить себя сырьем, они уделяли особое внимание развитию хлопководства.

Уже к концу 1895 г. было организовано общество сельского хозяйства и образован специальный хлопковый комитет, в задачи которых помимо расширения площадей под хлопчатник входило также и повышение его качества. Для обеспечения более высокой урожайности хлопка русские капиталисты и помещики использовали наиболее культурные плодородные земли и стали выписывать из-за границы американские семена.

Важным стимулом для развития хлопководства послужило введение таможенной пошлины на ввозимый в Россию иностранный хлопок. В конце XIX — начале XX в. значительная часть площадей в крае, ранее засевавшаяся зерновыми культурами, стала отводиться под хлопок. Так, к концу 80-х годов хлопковые плантации лишь в одной Ферганской долине заняли пятую часть всех искусственно орошенных земель, отводившихся ранее под посевы хлебов и кормовых трав. С развитием хлопководства на наиболее хорошо орошаемых землях валовой сбор хлопка с каждым годом начал возрастать.

Если в 1884 г. посевы американского хлопка в Туркестанском крае занимали всего 450 тыс. десятин земли и давали до 7 тыс. пудов волокна, то в 1887 г. количество этой про-



дукции доходило до 200 тыс. пудов; а в 1891 г. лишь с одной станции Самарканд было отправлено в центральные районы России 1 607 650 пудов хлопка. Наконец, в 1896 г. оборот сырья для трех областей Туркестана достигал 10 836 тыс. пудов, или более 300 тыс. пудов чистого волокна, на сумму около 25 млн. руб. по местной оценке. «Если же присоединить хлопок бухарский и хивинский, то общее количество всего собранного в 1896 году очищенного среднеазиатского хлопка составляло около 5 000 000 пудов, т. е. до 1/3 всей потребности в ней России»<sup>5</sup>. Для бесперебойного вывоза хлопка была построена Закаспийская железная дорога. Хлопководство охватило кроме основных районов русского Туркестана также и Северный Таджикистан. Процесс его развития шел не только по линии расширения площадей, но также за счет вытеснения местного, более низкого сорта и увеличения посевов американского хлопка. Особенно этот процесс был заметен в Науской, Унжинской, отчасти Канибадамской волостях, где хлопковые культуры с каждым годом развивались все более интенсивно. Это приводило к сокращению площадей зерновых культур и в связи с этим нередко к острой нехватке продуктов питания (особенно в равнинных районах). Население хлопковых районов Северного Таджикистана, равно как и других районов Туркестана, все более вовлекалось в обработку хлопчатника.

Следует отметить, что развитие хлопководства в условиях колониального хозяйства постоянно находилось под воздействием внешних конъюнктурных факторов и зависело прежде всего от общих условий мирового капиталистического рынка. Дехкане имели дело с агентами, а порой — непосредственно с фирмами. В северных районах современного Таджикистана производство хлопка было сосредоточено главным образом в руках фирмы «Кудрин и К<sup>о</sup>», а также Большой Ярославской мануфактуры. Эти фирмы имели также собственные плантации, засевавшиеся исключительно семенами американских сортов и обрабатывавшиеся наемными рабочими.

К своеобразным причинам экономической отсталости Туркестана в целом прежде всего относилось отсутствие у населения оборотных средств, недостаток средств перевозки при крайне плохом состоянии дорог, а также другие обстоятельства, способствовавшие возникновению института посредников для обслуживания населения хлопковых районов и хозяев торговых фирм. Во всей Средней Азии представители различных фирм занимались заготовкой хлопка через своих агентов, которые отправляли его на хлопкоочистительные заводы и на центральные фабрики для дальнейшей обработки. Связь с дехканами-хлопкоробами хозяева фирм устанавливали либо с помощью особых посредников, либо через так на-

зываемых чистачей и арбакешей. Посредники получали жалованье или комиссионные, чистачи же и арбакеша работали исключительно на свой страх и риск.

В. Юферов писал, что чистач (величина более крупного масштаба, чем арбакеш) обычно оперировал средствами хлопководского очистительного завода, через своих агентов раздавая хлопководам задатки под будущий урожай. При покупке хлопка у земледельца эти посредники широко практиковали обвешивание и неправильное отнесение выданных задатков, обманывая простого крестьянина самым наглым образом<sup>6</sup>.

В рассматриваемый период хотя медленно, но стало развиваться хлопководство и в Бухарском эмирате, в том числе в равнинных районах Юго-восточного Таджикистана. Основной причиной медленного развития здесь хлопководства помимо отдаленности этих районов от железнодорожных путей являлось также отсутствие необходимых магистральных арыков для хлопковых полей и чрезмерные злоупотребления эмирских чиновников. В одной из записок, поданной в 1904 г. хлопковым инспектором на имя политического агентства в Бухаре, подчеркивается, что главная причина слабого развития хлопководства состоит в крайней недостаточности водоснабжения. Немаловажной причиной, способствовавшей этому, был также размер хлопковых налогов, доходивший на некоторых землях до 40—50% урожая<sup>7</sup>. «Ввиду этого, — замечал инспектор, — 250 тысяч таналов земли, годной для посева хлопка, не обрабатывалось». Далее инспектор отмечал, что за время своего длительного пребывания в ханстве он не знал «ни одного случая», ни одного мероприятия правительства, которое «клонилось бы к развитию или облегчению хлопкового дела в ханстве»<sup>8</sup>. В наиболее отдаленных местах эмирата, в частности в Восточной Бухаре, довольно прочно укоренилась выдача ростовщиками дехканам так называемого бунака (задатка). Крестьяне получали чай, мануфактуру, хлопковые семена и другие товары по произвольным, невероятно высоким ценам с условием возмещения стоимости товаров только хлопком (при том по чрезвычайно низким ценам).

Предварительная выдача бунака способствовала образованию слоя многочисленных посредников, которые стояли плотной стеной между торговыми фирмами и производителями хлопка. «Эти посредники, приравняв к рукам все денежные средства, явились вершителями судеб земледельцев и овладели хлопком не только по ценам значительно ниже существующих на мировом рынке, но использовали свое положение для определения качества хлопка по своему усмотрению»<sup>9</sup>. Такая форма закабаления подрывала у многочис-

PDF Compressor Free Version



рых с каждым годом возрастало. Так, если в 1895 г. в Ходжентском уезде их было 500 тыс., то в 1901 г. насчитывалось уже 28 600 тыс. голов<sup>12</sup>.

Развитию скотоводства способствовало наличие альпийских пастбищ, расположенных главным образом в высокогорных местностях Караульских и верховьев Зеравшана.

Скот, как и другие богатства, находился в руках представителей эксплуататорского класса. Крупные скотоводы в большинстве случаев были также землевладельцами, купцами и ростовщиками. Большие доходы они извлекали из каракулеводства, особенно в Восточной Бухаре, где оно было развито с незапамятных времен.

Ввиду большого спроса на бухарский каракуль (главным образом на Нижегородской ярмарке) местные купцы ежегодно направляли туда огромное количество мерлушки. В свою очередь агенты русских и иностранных фирм все чаще стали появляться в пределах Бухары и скупать каракуль и другие виды сырья по установленным ценам. Налыв этих агентов подрывал монополию местных купцов на каракуль и прочие виды сырья, вывозимого из московский, нижегородский и другие рынки. Попытка бухарских купцов сохранить за собой эту монополию не удалась, и они в лучшем случае выступали в качестве местных посредников между колонией и метрополией и превращались по существу в компраторов.

Немаловажную роль в экономике страны играло также садоводство и виноградарство. Большая часть площадей под виноградниками была расположена в северных районах Таджикистана (в частности, в Ура-Тюбинской, Костакосской и Унжинской волостях). Здешний виноград находил широкий сбыт на внешнем рынке. Это вызывало ежегодное расширение площадей. Так, в Ходжентском уезде в 1890 г. площадь под виноградниками равнялась 1310 десятинам, а к 1909 г. дошла до 5436 десятин. В результате значительно увеличился и валовой сбор винограда (в 1890 г. он равнялся 655 тыс. пудов, а в 1899 г. — 16 045 тыс.). К началу XX в. в Ходжентском уезде появилась «огневая сушка» фруктов, началось изготовление пастилы, компотов и фруктовых консервов<sup>13</sup>. Однако отсутствие нормальных условий для транспортировки фруктов (особенно из Восточной Бухары) приводило к тому, что собранный урожай в основном оседал на местах или в лучшем случае становился достоянием различных скупщиков и купцов, которые приобретали местные фрукты почти даром. Наиболее выгодными товарами для скупщиков были фисташки и грецкие орехи, которые росли преимущественно в высокогорных районах Восточной Бухары и у верховьев Зеравшана.

Говоря о промышленности дореволюционного Таджикистана, следует отметить, что она развивалась весьма медленно и находилась в зачаточном состоянии. В 90-х годах в Ходжентском уезде существовало девять, правда еще незначительных, хлопкоочистительных заводов, принадлежавших главным образом русским и иностранным капиталистам. Наряду с ними стали появляться предприниматели из числа коренного населения вроде Алимбаева, Мухаммад Амина, Мирзо Искандара, Пияхасова и других заводчиков<sup>14</sup>.

Не лучше обстояло дело с горнорудным производством. Исследования, а затем частичная разработка недр и разведка минеральных богатств Средней Азии начались лишь после присоединения края к России. Важную роль в этом отношении играло Русское географическое общество, члены которого занимались географическим и геологическим исследованием Средней Азии. Уже к концу XIX — началу XX в. фактически начались разработки земельных недр не только в Ферганской и Самаркандской областях Туркестана, но также и на территории Бухарского эмирата, в частности в Восточной Бухаре, где к этому времени появились первые исследователи из России и иностранных государств. В начале XX в. недалеко от Ходжента, в районе Кокин-Сай, по данным 1906 г., каменный уголь добывался уже в количестве 1100 тыс. пудов в год. Одновременно начали эксплуатировать месторождения бирюзы в Бухарском ханстве<sup>15</sup>. Позднее в Ходжентском уезде обнаружили и стали эксплуатировать залежи каменной соли, алебастра, мергеля, медной, железной и свинцовой руд. К концу XIX в. на территории Ходжентского уезда возникло акционерное общество по разработке каменного угля в верховьях долины Зеравшана, в частности в Кштутской и Магиано-Фарабской волостях.

К началу 1905 г. в Кштутской волости было учреждено акционерное «Туркестанское общество каменноугольной промышленности». Строительство дороги, доставка нового оборудования для добычи угля и другие мероприятия способствовали развитию производительных сил в этих районах. Основную массу рабочей силы в указанных предприятиях составляли представители различных национальностей. По данным 1906 г., здесь в общей сложности было занято 30 600 рабочих<sup>16</sup>.

Некоторое развитие угольной промышленности в свою очередь ускорило строительство отдельных объектов, связанных с обработкой хлопка. Однако вышеупомянутые заводы и другие мелкие предприятия работали нерегулярно. Об этом свидетельствует хотя бы отчет самаркандского военного губернатора за 1909 г., в котором сказано, что «даже един-

PDF Compressor Free Version

ственный в Туркестанском крае стекольный завод [около Ходжента] и фабрика пластовой ваты в Самарканде в отчетном году вовсе не работали». Сильно сократилось производство кирпичного, кожевенного, спиртоочистительного и хлопкоочистительного заводов. Такое же положение было в каменноугольной промышленности. На действовавших четырех коях в 1903 г. было добыто угля в 3—4 раза меньше, чем в 1902 г. (292 133 пуда)<sup>17</sup>.

Отдельные мероприятия, связанные с разработкой недр, проводились и в Восточной Бухаре.

Выше было отмечено, что русские промышленные изделия с каждым годом находили себе все больше сбыта в Средней Азии. Однако их дороговизна, нерегулярность поступления в наиболее отдаленные районы и приобретение их через вторые руки по повышенным ценам способствовали местами сохранению кустарной промышленности заметного места в жизни населения. К тому же русские фабриканты и заводчики не всегда могли учесть специфические особенности, связанные с запросами коренного населения. Хотя в отчетах и донесениях представителей царизма причины живучести кустарной промышленности обычно трактовались с точки зрения особой «склонности туркестанских туземцев к специализации в области экономической жизни», тем не менее кустарная промышленность пока сохранялась в результате складывавшейся обстановки.

Ремесло среди таджиков равнины, особенно в городах и крупных селениях, давно уже отделилось от земледелия. Оно служило специальным занятием значительной части населения и имело свою организацию — ремесленные цехи, в которых были старшины, мастера и ученики.

Число рабочих в кустарных заведениях состояло обычно из 2—4, иногда доходило до 9 и лишь в исключительных случаях достигало 15. Имелись и такие мастерские, где работали только отец с сыном или же два брата. Обычное вознаграждение рабочих, которых кормил хозяин, составляло 5—6 руб. в месяц. Подмастерьям платили больше: их заработная плата достигала 10 руб. в месяц. Что же касается учеников, то они вообще не получали денег. Средний годового оборот в кустарной мастерской составлял от 600 до 2 тыс. руб.

Ремесло нередко было наследственным занятием. По традиции каждому ремеслу приписывалось божественное происхождение; основание его возводилось к мифическому покровителю «пиру». Среди таджиков было много искусных мастеров, изготовлявших великолепные по качеству и изяществу изделия. Опыт и навыки ремесленников передавались из поколения в поколение.



PDF Compressor Free Version

Faint, illegible text covering the majority of the page, appearing to be bleed-through from the reverse side of the document.

рых с каждым годом возрастало. Так, если в 1895 г. в Ходжентском уезде их было 500 тыс., то в 1901 г. насчитывалось уже 28 600 тыс. голов<sup>12</sup>.

Развитию скотоводства способствовало наличие альпийских пастбищ, расположенных главным образом в высокогорных районах Зеравшана и верховьев Зеравшана.

Скот, как и другие богатства, находился в руках представителей эксплуататорского класса. Крупные скотоводы в большинстве случаев были также землевладельцами, купцами и ростовщиками. Большие доходы они извлекали из каракулеводства, особенно в Восточной Бухаре, где оно было развито с незапамятных времен.

Ввиду большого спроса на бухарский каракуль (главным образом из Нижегородской ярмарке) местные купцы ежегодно направляли туда огромное количество мерлушки. В свою очередь агенты русских и иностранных фирм все чаще стали появляться в пределах Бухары и скупать каракуль и другие виды сырья по установленным ценам. Наплыв этих агентов подрывал монополию местных купцов на каракуль и прочие виды сырья, вывозимого на московский, нижегородский и другие рынки. Попытка бухарских купцов сохранить за собой эту монополию не удалась, и они в лучшем случае выступали в качестве местных посредников между колонией и метрополией и превращались по существу в компрадоров.

Немаловажную роль в экономике страны играло также садоводство и виноградарство. Большая часть площадей под виноградниками была расположена в северных районах Таджикистана (в частности, в Ура-Тюбинской, Костакозской и Ужинской волостях). Здешний виноград находил широкий сбыт на внешнем рынке. Это вызывало ежегодное расширение площадей. Так, в Ходжентском уезде в 1890 г. площадь под виноградниками равнялась 1310 десятинам, а к 1909 г. дошла до 5436 десятин. В результате значительно увеличился и валовой сбор винограда (в 1890 г. он равнялся 655 тыс. пудов, а в 1899 г. — 16 045 тыс.). К началу XX в. в Ходжентском уезде появилась «огневая сушка» фруктов, началось изготовление пастилы, компотов и фруктовых консервов<sup>13</sup>. Однако отсутствие нормальных условий для транспортировки фруктов (особенно из Восточной Бухары) приводило к тому, что собранный урожай в основном оседал на местах или в лучшем случае становился достоянием различных скупщиков и купцов, которые приобретали местные фрукты почти даром. Наиболее выгодными товарами для скупщиков были фисташки и грецкие орехи, которые росли преимущественно в высокогорных районах Восточной Бухары и у верховьев Зеравшана.

Большого совершенства достигло гончарное производство, которым иногда занимались целые селения и значительная часть населения городов (село Риштан, города Ходжент, Самарканд, Гиждуван). Изделия изготовлялись на гончарном круге. Многие мастера делали высококачественную поливную посуду. Производство тканей, которыми Средняя Азия славилась с древних времен, также носило характер развитого ремесла; существовали довольно крупные ткацкие предприятия типа мануфактур. Многие города и селения славились производством определенного сорта тканей (шелковая и бумажная алача в Каратегине, шелковые изделия в Ходженте и т. д.).

Наряду с перечисленными существовало много других ремесел: кожевенное, деревообделочное, сапожное, ювелирное, производство металлических изделий, мыла, свечей и пр.

Состояние и развитие домашних промыслов и ремесел было неодинаково в равнинной (северной) части и в горных (южных) таджикских районах. Натуральный характер хозяйства в горных районах способствовал развитию и сохранению здесь различных домашних промыслов, а также некоторых ремесел, еще не отделившихся от земледелия и обслуживавших узкий внутренний рынок.

Населения горных районов занималось прядением и ткачеством, вязанием и вышиванием. Материалом служила продукция собственного хозяйства — овечья и козья шерсть, выращиваемый для своих нужд хлопок (например, в Дарвазе). Кое-где население разводило также шелковичного червя и изготовляло шелковую пряжу.

Было развито гончарное производство; сосуды изготовлялись примитивно, без гончарного круга. Этим ремеслом занимались в основном женщины. В некоторых кишлаках делали металлические и деревянные изделия.

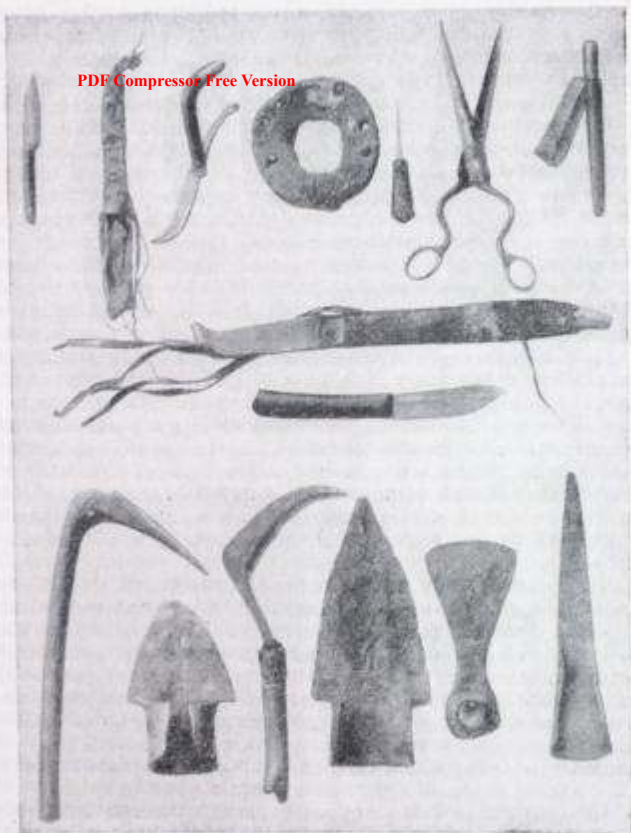
В долине Ванча добывалась железная руда и производилась примитивная выплавка железа; местами разрабатывали также залежи каменной соли (Каратегин, Вахио), нашатыря, серы (бассейн Зеравшана). Во многих районах (например, в долине Хингоу) весьма примитивным способом промывали золотоносный речной песок и добывали шлиховое золото.

Население промышляло также охотой. Большое значение имели отхожие промыслы, особенно среди населения Каратегина.

Однако такое положение сохранялось недолго. Русские товары все более и более наводняли местные рынки, что создавало серьезную конкуренцию местным ремеслам. К тому же для вытеснения продукции туркестанской кустарной промышленности царское правительство наряду с экономическим воздействием облагало кустарные предприятия разнообраз-



PDF Compressor Free Version



Железные изделия (долина Пинджа)

ными непосильными налогами, разоряя тем самым ремесленников и кустарей.

Таким образом, в связи с широким распространением русских промышленных товаров, налоговой политикой и другими мероприятиями царизма, многие кустарные заведения (например, медные иглы, текстиль и некоторые другие изделия) прекращали свое существование.

**Положение народных масс** Дехканские массы в подавляющем большинстве пользовались небольшими участками земли. Наиболее распространенной формой пользования землей была так называемая издольная аренда, практиковавшаяся не только на территории нынешнего Таджикистана, но также во многих других странах Азии. К. Маркс, определяя основные черты издольной аренды, указывал, что переходной формой от первоначальной формы ренты к капиталистической ренте можно рассматривать систему издольного хозяйства, при которой арендатор, кроме собственного или чужого труда, доставляет часть капитала для ведения дела, а собственник земли, кроме последней, предоставляет остальную часть этого капитала и продукт делится между арендатором и земельным собственником<sup>18</sup>. Сдача земли в аренду, а следовательно, эксплуатация труда издольщиков представителями господствующего класса принимала различные формы; чаще всего землевладельцы предоставляли издольщику рабочий скот, семена и продовольствие для того, чтобы последний мог обрабатывать их землю, получая за труд четвертую, пятую, а иногда даже меньшую долю урожая.

В Средней Азии наиболее распространенной формой издольной аренды было чорьяккорство, когда издольщик, как правило, получал четвертую часть урожая. В одних случаях бай давал ему рабочий скот, семена, часто и продовольствие, а тот вкладывал труд в обработку пашни. Или же хозяин давал чорьяккору землю, быков, инвентарь, семена, содержал его, а тот получал четверть урожая, но из его доли хозяин высчитывал одну четверть на подати, а другую четверть — на расходы по уборке хлеба. Если чорьяккор отказывался от всех расходов, он получал пятую долю урожая.

Чорьяккорство было наиболее распространено в хлопководстве, садоводстве, огородничестве<sup>19</sup>. Издольная аренда практиковалась повсеместно, причем в приравнинных районах Таджикистана — гораздо шире, чем в горных местностях.

Это было вызвано тем, что в горных районах, в частности в Дарвазе и Шугнани, ввиду ограниченности земли значительная часть дехканских хозяйств чаще всего объединяла свои силы для совместной обработки ее путем так

называемой шерикки (товарищества). В некоторых местах для того, чтобы стать шериками, каждый из участников должен был внести в общее хозяйство по равной доле земли, скота, семян, а также и свой труд.

Помимо издольной аренды существовала отработочная рента, к которой относился также «хашар», когда под видом помощи односельчанину бай нещадно эксплуатировали бедняков.

Существовал в те времена поземельно-податный налог, который не везде носил одинаковый характер. В северных районах (в частности, в Ходжентском уезде) еще в 1886 г. был установлен денежный «государственный поземельный налог», взимаемый с оседлого населения (10% от общего дохода орошаемых земель). Кочевое же население облагалось налогом в размере 4 руб. с каждой кибитки, которые подсчитывались раз в три года. Население облагалось также земским сбором. Помимо этого жители несли натуральную повинность, которая сводилась главным образом к исправлению мостов, дорог, обеспечению воинских частей на пути их следования топливом и т. п.

В некоторых районах Северного Таджикистана (в том числе в верховьях Зеравшана) прежняя податная система после присоединения края к России была сохранена. Лишь только в 1876 г. взамен хараджа ввели так называемый окладной поземельный сбор, которым были обложены все поливные земли, включая приусадебные участки.

Начиная с 1877 г. взамен натуральной повинности был введен земельный податный сбор, сумма которого определялась представителями царской власти. Наряду с натуральными повинностями, которые еще окончательно не были ликвидированы, население должно было вносить «общественные суммы», предназначавшиеся для содержания местной администрации.

Тяжелым гнетом ложилась на население северных районов Таджикистана (в частности, Гулякандозской, Исфаринской, Науской, Уижинской, Шахристанской и Кадкудукской волостей Ходжентского уезда и Кштутской волости Пенджикентского участка) так называемая рекогносцировка этих районов и отчуждение у населения огромных площадей земли в фонд государственного имущества, не считаясь с тем, что эти земли служили для дехкан источником существования. В Ходжентском уезде, например, эти земли помимо прочего служили пастбищем и использовались в качестве скотогонных трактов не одним местным населением, но и жителями Джизакского уезда и других соседних районов. В Кштутской волости на таких же землях были не только поля с посевами богары, но и большие массивы лесов. В Науской



волости земли, пригодные для полей и пастбищ, в 1889 г. были отведены под ирригационное сооружение для плантаций великого князя Николая Константиновича.

Касаясь Кштутской волости, военный губернатор Самаркандской области в объяснительной записке от сентября 1907 г. писал: «Из дел, относящихся к съемке земель в Кштутской волости, видно, что съемка в ней закончена в 1898 году. За жителями этой волости, как и по всему уезду, утверждены были по журналу лишь искусственно орошаемые земли, вошедшие в границы дач необрабатываемые земли, а богарные не утверждались за населением». Однако при обсуждении этого вопроса земельно-податная комиссия была вынуждена признать, что эти земли, занятые дикорастущим лесом и кустарником, находились в «беспорном постоянно потомственном владении, пользовании и распоряжении населения, что подтвердилось и депутатами смежных сельских обществ»<sup>20</sup>.

Но, несмотря на это, областное правление возбудило ходатайство об изъятии указанных земель у населения в судебном порядке<sup>21</sup>.

Тяжелым бременем лежала на плечах трудящихся плата «за билет на право пользоваться топливом». Каждый, кто занимался его заготовкой, обязан был предварительно приобрести билет за 3 руб. За малейшее нарушение этого положения виновные штрафовались.

Непосильные налоги и сборы нередко вызывали недовольство местного населения.

В отличие от северных районов, в Восточной Бухаре феодальные повинности сохранялись вплоть до 1920 г. Все земли делились на амляковые (государственные), эмирские, вакуфные и милковые (частновладельческие). Как подтверждает источник, «подать в Восточной Бухаре определялась официально от 1/3 до 1/7 сбора, в действительности же нередко достигала 1/2 сбора. В Западной Бухаре, например в окрестностях Старой Бухары, с 10 батманов 4 батмана отбирались в пользу эмира». При этом «подать должна была вноситься эмиру деньгами; население обязано было представить деньги за хлеб и хлопок по высшей базарной цене»<sup>22</sup>.

Факты свидетельствуют о том, что при сборе налогов на местах как амлякдар, так и его чиновники нередко взимали харадж сверх установленной нормы. Помимо хараджа как основного вида государственной повинности земледелец должен был платить дополнительные подати, которые в основном предназначались для содержания многочисленных эмирских чиновников. К сборам по-прежнему относились кошпули (плата за каждую пару рабочего скота), кафсан (налог в пользу сборщика податей), обджувоз-пули (денежный



Проведение шевницы (1898)

сбор за толчей), мирабона (подать в пользу наблюдателя за правильным расходом воды) и др.

Со скотоводов взимали зякет натурой.

В Бухаре существовали налоги, носившие характер промышленного обложения с маклерского сбора, взыскивавшегося при каждой торговой сделке, и с аминского сбора, взыскивавшегося при каждой покупке товаров оптовыми торговцами (причем облагались обе стороны, участвовавшие в сделке). Кроме того, существовали разные дорожные сборы с базарной торговли: за место для лавочных помещений на базарах, за пользование базарными весами, переправами, мостами. Взимание этих сборов отдавалось на откуп.

Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве на территории современного Таджикистана чрезвычайно ускорило дифференциацию дехканства. Огромную роль в этом сыграло проникновение русского капитала в экономику рассматриваемых районов, особенно в эпоху империализма.

Уже начиная с 90-х годов в наиболее крупных городах Туркестана открываются государственные банки. Ссуды они чаще всего давали через специальные кассы различным скупщикам и комиссионерам, которые и держали непосредственную связь с производителями, помогая тем самым колонизаторам зазбалывать трудящихся колонии. С усилением вывоза капитала и укреплением экономической связи метрополии с



Молотьба «чапором» (1898)

колонией в Туркестане начали возникать частные коммерческие банки, которые также закабалили местное население.

Развитие товарно-денежных отношений способствовало обнищанию дехкан и значительно ускорило процесс их обезземеливания. Представители эксплуататорских классов путем купли-продажи почти за бесценок покупали земли у разорявшихся дехкан. Царизм, заинтересованный в укреплении байских хозяйств, своей политикой способствовал им закабаливать дехкан. Так, к началу XX в. в Ходжентском уезде баям принадлежало по несколько сот десятин земли, между тем как «2389 дехканских дворов совершенно не имели земли, а 100 дворов имело от 1 до 0,25 танапа земли»<sup>23</sup>.

Не лучше обстояло дело на территории Восточной Бухары и Памира, где процесс обезземеливания хозяйств шел гигантскими шагами и где дехкане задыхались от малоземелья. На территории Гиссара, Шахринау, Регара «зажиточная верхушка составляла 7,6% хозяйств и владела 45,6% всех поливных земель. На долю 28% малоземельных хозяйств приходилось всего 1% поливных земель. На территории нынешнего Орджоникидзебадского района зажиточная верхушка составляла 1,3% всех хозяйств и имела в своем распоряжении 32% поливных земель, а на долю 38% малоземельных хозяйств приходилось только 2,3% поливных земель»<sup>24</sup>.



В еще худшем положении было население западных районов Памира, где господствовали крупные феодалы. Нужда в земле здесь ощущалась острее, чем в других районах Таджикистана. Каждый клочок земли, годный для обработки, обращали в пашню. Иногда между горными склонами встречались участки полей всего в несколько квадратных метров. Так, в Шугнане, Гороне, Ишканиме, Вахане, Рушане было 1303 хозяйства (14 190 человек), в них — около 3066 га пахотной земли, или в среднем около 0,2 га на душу<sup>25</sup>.

Во всех районах дореволюционного Таджикистана огромное число крестьян было безземельным и малоземельным; острая экономическая нужда толкала дехканские массы на борьбу с господствующим классом. Такая борьба особенно активизировалась в 1905—1907 гг., когда под влиянием русской революции трудящиеся таджики, так же как и другие народы Средней Азии, усилили свою борьбу против угнетателей.

#### РЕВОЛЮЦИЯ 1905—1907 гг. В ТУРКЕСТАНЕ

Революция 1905—1907 гг. в России оказала огромное влияние на национально-освободительное движение народов Азии. «Русская революция, — писал В. И. Ленин, — вызвала движение во всей Азии. Революции в Турции, Персии, Китае доказывают, что могучее восстание 1905 года оставило глубокие следы и что его влияние, обнаруживающееся в поступательном движении *сотен и сотен* миллионов людей, неискоренимо»<sup>26</sup>. Под влиянием российского пролетариата и его большевистской партии революционные идеи все более проникали в местные трудящиеся массы колониального Туркестана.

Туркестан, как и многие другие колонии русского царизма, был отсталым районом. Его промышленность была чисто колониальной и предназначалась для предварительной обработки местного сырья. В Туркестане в 1906—1908 гг. насчитывалось 14,5 тыс. фабрично-заводских рабочих и 2 тыс. рабочих горных предприятий. Кроме того, на Среднеазиатской и Оренбургско-Ташкентской железных дорогах работало в пределах Туркестанского края около 15 тыс. человек. Следовательно, в тот период здесь было около 32 тыс. рабочих. Размещение промышленности по краю было неодинаково. Наибольшее количество объектов было в Ферганской области (229 предприятий), потом в Самаркандской (125 предприятий с 2836 рабочими) и Сырдарьинской (119 с 2516 рабочими). В Бухаре было всего 20 хлопкоочистительных заводов и один золотой прииск с 734 рабочими<sup>27</sup>.

Крупнейшими городами Туркестана были Ташкент, Фергана, Коканд, Самарканд, Ашхабад, Ходжент и некоторые другие. В них помимо сезонных имелись и постоянные рабочие (главным образом русские, которые работали не только на железных дорогах, но и на фабриках и заводах). Основная масса из представителей местных национальностей — узбеков, таджиков, казахов, туркмен, киргизов. Русские составляли одну четвертую часть и относились в основном к категории квалифицированных рабочих; рабочие местных национальностей были преимущественно неквалифицированными и сохраняли еще самую тесную связь с деревней. В целом положение рабочих в Туркестане было значительно хуже, чем в центральных районах России.

Русский царизм пытался искусственно создавать антагонизм между рабочими различных национальностей.

**Революционное пробуждение масс** Еще в 1902 г. в Туркестане начали распространяться революционная литература и листовки, что было связано с деятельностью социал-демократической организации. Для организации в Туркестане социал-демократических групп в годы, предшествовавшие революции, многое сделали русские революционеры, значительная часть которых состояла из политических ссыльных. К таким прежде всего относились большевики — столяр Корюшин, наборщики Феофанов и Бахарев, а также Морозов, Худаш. Уже к концу 1903 — началу 1904 г. в наиболее крупных городах Средней Азии (Ташкенте, Самарканде, Ашхабаде) образовались первые социал-демократические кружки. Комплектовались они главным образом из рабочих железнодорожных мастерских, куда входили и отдельные представители местных национальностей.

К началу революции разрозненные революционные кружки, существовавшие в Туркестане, постепенно стали сливаться в единое ядро, получая в ходе событий революционную большевистскую закалку. Так, к началу 1905 г. часть туркестанских социал-демократов организовала ташкентскую группу РСДРП, которая сыграла важную роль в мобилизации широких масс на борьбу против самодержавия. Туркестанские рабочие, как уже отмечалось, имевшие в своем составе и представителей коренного населения, были одним из отрядов революционного пролетариата и, несмотря на трудные колониальные условия, вместе со всеми выступили за революционные преобразования, к которым призывала большевистская партия во главе с В. И. Лениным.

К 1905 г. особенно усилилось распространение революционной литературы, газет и прокламаций. При обыске квартир отдельных революционеров царские полицейские часто находили различные революционные брошюры, газеты, в том

числе научно-популярные социал-демократические журналы, а также отдельные работы В. И. Ленина.

Туркестанские социал-демократические организации кроме письменной связи имели также и живую связь с ЦК РСДРП. Одним из первых делегов ЦК в Туркестан для налаживания партийной работы. Живая связь устанавливалась также через лиц, которые направлялись из Туркестана в качестве делегатов на съезды РСДРП. В частности, на IV объединительный съезд с правом решающего голоса был послан от Самаркандской социал-демократической организации большевик М. В. Морозов.

Социал-демократы Туркестана поддерживали связь с организациями Москвы, Петербурга, Самары, Оренбурга и других городов, оказывавшими туркестанским большевикам значительную помощь в налаживании революционной работы в крае. Тесная связь была установлена с революционной организацией Баку, откуда в города Туркестана часто приезжали представители. Из Баку в Кызыл-Арват был привезен шрифт для подпольной типографии, в которой печатались нелегальные газеты «Рабочий листок» и «Молот» (органы кзыл-арватской группы РСДРП).

Большую роль в пробуждении народов Средней Азии, в установлении прочной связи с центральными городами сыграла нелегальная литература, выпускавшаяся в самом Туркестане. Еще в 1904 г. ташкентская группа РСДРП приступила к печатанию прокламаций, которые она распространяла среди рабочих-железнодорожников из коренного населения и в воинских частях, где было немало революционно настроенных солдат и офицеров. Прокламации призывали население Туркестана к борьбе с царским самодержавием. Для того чтобы местные жители лучше усваивали революционные идеи большевистской партии и ее вождя В. И. Ленина, многочисленные листовки и прокламации переводили на национальные языки наиболее прогрессивные и подготовленные представители коренных национальностей.

Все это способствовало тому, что революция 1905—1907 гг. с первых же дней нашла горячий отклик среди колониальных народов Туркестана, в том числе и у населения нынешнего Таджикистана.

Недовольство трудящихся Туркестана вылилось 12 января 1905 г. в демонстрацию. В этот день исполнилось 150 лет существования Московского университета, юбилей которого отмечала вся интеллигенция России. Ташкентская группа РСДРП во главе с Корнюшиным использовала эту дату для открытого выступления против самодержавия. Зал, где должно было проходить традиционное чествование университета, заполнили не только представители интеллигенции, но и ра-



бочие. Хотя либеральная буржуазия пыталась превратить банкет в продолжение земской банкетной кампании под лозунгом «Конституционная монархия, свобода слова, печати», но присутствие рабочих превратило банкет в митинг протеста против существующего строя. То же имело место и в Самарканде, где большевик Морозов призывал присутствовавших к активной борьбе с самодержавием.

Уже весной 1905 г. ташкентская союзная группа социал-демократов выпустила несколько напечатанных на гектографе листовок, посвященных началу революции.

В январе — феврале трудящиеся массы Туркестана помимо экономических выдвигали уже и политические требования. В Ташкенте, Самарканде, Ашхабаде наблюдались массовые политические демонстрации, направленные против самодержавия. Этот период характерен также нарастанием революционной борьбы в более отдаленных уголках края. В феврале — марте было много экономических забастовок. Рабочие Туркестанской железной дороги, мастерских Ташкента, Чарджоу, Кзыл-Арвата требовали улучшения своего экономического положения. Рабочие мастерских Среднеазиатской и Оренбургско-Ташкентской железных дорог 19 февраля потребовали от начальников этих участков установления восьмичасового рабочего дня, увеличения заработной платы, сокращения сверхурочных работ, отмены штрафов, улучшения медицинского и бытового обслуживания.

**Участие трудящихся Северного Таджикистана в революции 1905—1907 гг.**

К этому периоду относятся также аграрные волнения, особенно в кишлаках Ферганской долины. Не минули они и северных районов Таджикистана, где массы дехканской бедноты открыто выступали против

байско-кулацкой верхушки — хозяев хлопковых плантаций и других эксплуататоров. Выступление дехканства было естественным результатом тяжелого экономического положения и политического бесправия народов колониального Туркестана.

Еще весной 1905 г. военный губернатор Самаркандской области писал начальнику Ходжентского уезда, что при проезде по области он получал «от разных сельских обществ Ходжентского уезда прошения на слишком высокое, обременительное поземельно-податное обложение, введенное в Ходжентском уезде»<sup>28</sup>. Задолженность местного населения по земельному и земскому сбору лишь по одному Ходжентскому уезду к 1905 г. составляла 5803 руб. 34 коп. Чтобы ликвидировать ее, губернатор области предложил уездному начальнику взыскать недоимки. Однако попытки последнего не увенчались успехом. Наоборот, к 1906 г. недоимки земских и окладных сборов увеличились до 25 358 руб. 99 коп.<sup>29</sup>

Было много случаев, когда крестьяне отказывались от выплаты налогов. Более того, они захватывали, а иногда и разрушали ирригационные сооружения, рубили лес, изгоняли лесничих.

Чтобы успешнее бороться со своими угнетателями, жители Ферганской и Самаркандской областей нередко покупали в Бухаре огнестрельное оружие. Например, у жителя Ходжента Камилджана Алимджана было обнаружено и отобрано 23 револьвера разных калибров и 2175 боевых патронов<sup>30</sup>.

В том же Ходжентском уезде к 1905 г. участились случаи самовольного захвата байских и казенных земель, разрушения ирригационной сети и т. п.

В связи с усилением крестьянских волнений в Туркестане министр внутренних дел царской России приказал туркестанскому генерал-губернатору систематически очищать населенные пункты от революционно настроенных элементов. Одновременно министр указал, что всякое покушение на байские земли, леса, выгоны, а равным образом сопротивление власти повлечет за собой суровое наказание вплоть до уничтожения не только отдельных домов, но и кишлака целиком.

Аграрные волнения в Ходжентской волости непосредственно переплетались с революционными выступлениями в других районах Туркестана.

С мая по сентябрь 1905 г. из-за плохого питания, грубого обращения офицеров, наконец, общего режима царизма прокатилась волна возмущения и по воинским частям, расположенным в Туркестанском военном округе.

Наиболее активные выступления трудящихся масс Туркестана относятся к июлю 1905 г. Они начались в Ташкенте и Ашхабаде. 4 июля в Ашхабаде состоялись похороны революционера Стабровского, превратившиеся в политическую демонстрацию. Проводить в последний путь стойкого революционера, в прошлом учителя гимназии, погибшего от рук царских тюремщиков, собралось несколько тысяч человек. На кладбище они поклялись отомстить царским палачам за смерть товарища. На это событие откликнулись трудящиеся других городов, в том числе Кызыл-Арвата, где панихида по Стабровскому вылилась в грандиозный политический митинг.

16 июля в Ташкенте под руководством туркестанских большевиков состоялась массовая рабочая демонстрация против булыгинской думы. В августе крупное выступление трудящихся масс имело место в Кызыл-Арвате по случаю похорон большевика Моргунова. Оно превратилось в грандиозную политическую демонстрацию.

Октябрь—ноябрь 1905 г. были для Средней Азии периодом дальнейшего революционного подъема. В эти дни рабочий класс Оренбургско-Ташкентской железной дороги присоединился к тем всеобщим политическим стачкам, которые происходили по всей России. В огромном забастовочном движении все районы Средней Азии, активно участвовали рабочие многих отраслей промышленности. К железнодорожникам присоединились рабочие типографий, булочных, мастерских амударьинской флотилии.

Группы РСДРП, участвовавшие в Ташкентском митинге в связи с царским манифестом 17 октября, подчеркивали ложность этого «бумажного закона».

Уже 18 октября рабочие железнодорожных мастерских Ташкента и другие трудящиеся города и его окрестностей с лозунгами «Долой самодержавие!», «Долой капитализм!» направились к тюрьме с требованием освобождения своих товарищей. По мере продвижения по городу число демонстрантов все возрастало. Отказ царских чиновников освободить арестованных вызвал резкое возмущение демонстрантов.

Расстрел царскими полицейскими ни в чем неповинных рабочих вызвал дальнейшее развитие революционного движения в наиболее крупных городах и на железнодорожных станциях Туркестана. Уже 21 октября революционные рабочие Ташкента вместе с трудовым населением нового и старого города собрались на заседание городской думы, которое превратили в грандиозный митинг. Под давлением широких масс было принято специальное решение удалить из думы наиболее реакционные элементы.

Подобные митинги и демонстрации состоялись в Самарканде и многих других городах Туркестана. Рабочие требовали сурового наказания царских чиновников, принимавших участие в расстреле 19 октября.

Вслед за октябрьской железнодорожной забастовкой начались серьезные революционные волнения среди воинских частей Туркестанского военного округа (в частности, в Ташкенте и Кушке). В ночь на 16 ноября вспыхнуло восстание в Ташкентской крепости. Солдаты вышли из крепости и предъявили офицерам ряд требований. Восстание произошло под руководством большевиков и было рассчитано на поддержку революционных масс Туркестана. Командующий войсками округа из боязни дальнейшего революционирования армии дал приказ о вооруженном подавлении солдатского восстания. Серьезные волнения происходили и в других крепостях края.

Вслед за подавлением восстания и расстрелом солдат в Ташкентской крепости по всему Туркестану началась вторая всеобщая железнодорожная забастовка, которая продолжа-



лась до 3 декабря. Прекратилось движение поездов на Среднеазиатской и Оренбургско-Ташкентской дорогах. Одновременно началась забастовка почтово-телеграфных работников.

В эти дни к всеобщей политической стачке присоединились рабочие железнодорожных станций Ходжент, Веревкино, Драматской и других станций линии прекратилось движение поездов; вместе с русскими рабочими активно участвовали в забастовке рабочие местных национальностей. В почтово-телеграфную забастовку включились работники связи Северного Таджикистана, в том числе Ходжента и Ура-Тюбе<sup>21</sup>.

Вышей точкой развития революции 1905—1907 гг. явилось декабрьское вооруженное восстание в Москве. Хотя представителям царизма в Туркестане удалось в этот период арестовать наиболее видных революционеров, тем не менее по всему краю поднялась новая революционная буря. Известно, что ташкентский пролетариат готовил специальный отряд на помощь рабочим, сражавшимся в Москве. Правда, отряд не успел полностью оформиться и добраться до места назначения, однако это весьма важный факт солидарности рабочего класса Туркестана с русскими рабочими. В связи с вооруженным восстанием в Москве туркестанские большевики выпустили несколько листовок, в которых призывали русских рабочих и трудящихся местных национальностей к дальнейшей борьбе против царизма.

Как раз в это время (25—27 декабря) в Ходженте вспыхнуло восстание солдат понтонной роты, входившей в состав Ходжентского гарнизона. В роте создалась специальная группа из нижних чинов, с которой установила связь Ходжентская группа РСДРП. Опираясь на помощь и поддержку последней, группа нижних чинов вела среди солдат революционную работу. 25 декабря восставшие солдаты избили ненавистных им младших офицеров, а когда подошли старшие офицеры, то восставшие потребовали от них улучшения питания и санитарного состояния в роте, выдачи вознаграждения за работу по ремонту городского моста. Попытка командира роты подавить восстание не увенчалась успехом. Но после приезда начальника инженерных частей округа восстание понтонной роты было подавлено, а наиболее видные его руководители были арестованы и впоследствии сосланы на каторгу.

В начале 1906 г. (9 января) в Ура-Тюбе была выпущена неизвестным лицом прокламация «К гражданам Ура-Тюбе», в которой было написано: «С новым годом! Старый год прошел; это был один из тех годов, которые служат границей перехода от старой рабской жизни к сознательной, культурной!»

Старый год прошел! С ним должен кончиться всякий произвол, который проявлялся со стороны царских сатрапов. Старый год прошел! Он унес с собой тысячи жертв, которые боролись за свободу, братство и равенство. Старый год прошел! Но далеко еще не окончилась та страшная борьба, которую объявил русский сознательный народ своим притеснителям. Эту ожесточенную борьбу русский честный народ перенес на новый, 1906 год»<sup>32</sup>.

Распространение революционных прокламаций среди населения Ура-Тюбе служит доказательством того, что в северных районах Таджикистана в годы революции имелась уже нелегальная революционная организация.

Несмотря на то что в Туркестане усилилась реакция царизма, были закрыты прогрессивные газеты «Русский Туркестан» и «Самарканд», арестованы видные революционеры, волна революции начиная с мая 1906 г. снова охватила край. Застрельщиками нового революционного подъема явились ташкентские железнодорожные рабочие, возглавляемые группой РСДРП. Попытка царских чиновников и русской буржуазии уволить рабочих с производства, увеличить штрафы, приостановить работу на своих предприятиях не удалась. Угнетатели капитулировали перед бастующими массами. Рабочие, ранее уволенные с производства, снова были восстановлены на работе.

К этому времени значительно участились аграрные волнения в Ферганской долине, в том числе и в северных районах Таджикистана. Многочисленные волнения крестьянских масс свидетельствовали об усилившейся к 1905—1907 гг. классовой дифференциации в кишлаках. 29 марта 1906 г. дехкане селения Чорку Исфаринской волости вынудили помощника кокандского уездного начальника с его чиновниками покинуть территорию волости и дать дехканам самостоятельно урегулировать спор между двумя волостями, касавшийся ирригационных сооружений. Для предотвращения дальнейшего недовольства дехканских масс и для охраны железной дороги Самарканд — Андиджан, проходившей через территорию северных районов Таджикистана, туркестанский военный губернатор перебросил в Ходжент дополнительные воинские силы. Ходжентский уезд был на «чрезвычайном положении».

Особенно острый характер волнения среди дехканских масс Северного Таджикистана приняли к 1907 г., когда бедняцкие элементы, и в том числе батраки, стали захватывать байские земли. Так, на Исфаринском участке Ходжентского уезда были случаи, когда дехкане вступали в открытую борьбу с приставом за его покровительство местным богатым. В июле 1907 г. в Басмандийской волости Ура-Тюбинского участка произошло столкновение из-за распределения воды меж-

ду трудящимися дехканами и царскими чиновниками, в результате были арестованы семь дехкан.

Самовольный захват бедняками байских земель привел к тому, что бай Янг-Кишлак (Гуликандозская волость) обратился к начальнику уезда с просьбой защитить их от «произвола» дехканских масс.

Недовольство местного населения, особенно в высокогорных районах верховьев Зеравшана, было связано с огульным отчуждением земли в фонд государства. Наиболее яркое проявление такого недовольства имело место в 1907 г. на пенджикентском участке Кштутской волости, где местное население открыто выступило против незаконного действия царских чиновников.

Важную роль в развитии революционного движения в Туркестане сыграли профессиональные рабочие комитеты. Несмотря на иррациональные действия эсеров и меньшевиков, эти комитеты, руководствуясь указаниями туркестанских групп РСДРП, развернули огромную революционную работу как среди русских, так и среди трудящихся местных национальностей.

Многочисленные волнения, возникавшие среди дехканских масс Северного Таджикистана, явились непосредственным результатом тех революционных выступлений, которые происходили по всей России. Именно этим объясняется тот факт, что с первых же дней революции трудящиеся Средней Азии, в том числе и Таджикистана, включились в общую борьбу против царского самодержавия и местных эксплуататоров, за ликвидацию их гнета.

Однако специфические условия дореволюционного Таджикистана привели к тому, что революционное возмущение трудящихся масс было не везде одинаково и носило преимущественно стихийный, неорганизованный характер.

После декабрьского вооруженного восстания в Москве отдельные революционные вспышки, возникавшие среди рабочих, солдат и крестьян, стали быстро позавываться.

**Влияние  
революции  
на трудящихся  
Восточной Бухары  
и Памира**

В период революции 1905—1907 гг. население Бухарского эмирата, несмотря на изолированность от остальной части Туркестана, узнало о революционных событиях, охвативших Россию и соседние с ней страны. Большую роль в этом деле сыграли туркестанские большевики, которые проникали в Бухарский эмират и проводили там революционную работу. Вспоминая о влиянии революции на трудящихся Бухары, С. Айни писал: «Русская революция 1905—1907 гг. оказала на Бухару большое влияние: движение за прогресс, которое прежде всего охватывало лишь узкий круг людей, стало теперь гораздо более широ-



ким»<sup>33</sup>. Автор указывает, что в этот период в Бухару стали проникать революционные печатные известия, о которых раньше не приходилось и думать.

Большая заслуга в распространении революционных идей среди населения эмирата принадлежала отдельным представителям османской администрации в Восточной Бухаре и на Западном Памире. В 1907 г. корреспондент газеты «Туркестанские ведомости» обнаружил в Денау на стене мечети революционный лозунг на русском языке, призывавший местное население к свержению самодержавия. Корреспондент писал: «Я позволю себе еще раз вернуться, чтобы отметить один факт, наблюдавшийся мной в Денау... там на стене одной из мечетей мы, к удивлению своему, увидели... неизвестно кем наклеенную незадолго до приезда, как говорили жители, прокламацию, призывавшую население к свержению монархии и установлению демократической республики в России»<sup>34</sup>.

Немаловажную роль в распространении революционных идей играли отходники — таджики, узбеки, туркмены, киргизы, из которых многие непосредственно участвовали в революционных событиях Туркестана и по возвращении на родину рассказывали о них. Массовый уход населения Восточной Бухары и Памира в пределы Туркестана был результатом экономической нужды. По данным революционных авторов, ежегодно 15—20% взрослого мужского населения уходило на побочные заработки. Такой отход особенно усилился к концу XIX в., когда в Средней Азии начали строиться железные дороги, хлопкоочистительные заводы и другие предприятия. Отходники были дешевой рабочей силой. Они работали на рудниках, заводах, железных дорогах, а также на хлопковых плантациях.

Говоря о значении отходничества, В. И. Ленин писал: «Подобно отвлечению населения от земледелия в города, неземледельческий отход представляет из себя явление прогрессивное. Он вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурные привычки и потребности»<sup>35</sup>. Эти указания Ленина прямо относятся и к отходникам Таджикистана, особенно из Восточной Бухары и Западного Памира, материальное положение которых было еще более тяжелым, чем в других районах. Хотя Туркестан в силу своей общей отсталости не имел таких крупных промышленных предприятий, как в центральных районах России, тем не менее наличие хлопкоочистительных маслосеяльных заводов и различных мастерских, главным образом железнодорожных, способствовало формированию пролетарских и полупролетарских элементов из жи-

телей крупнейших среднеазиатских городов, в том числе и занимавших территорию современного Таджикистана.

Отходники-таджики, равно как и другие трудящиеся Средней Азии, испытывали тяжелый гнет русских капиталистов и местных эксплуататоров. Рабочий день длился по 10—12 часов (а иногда доходил и до 16—17), протекая в самых трудных условиях (особенно на шахтах, где применялся труд подростков 10—12 лет). Оплата труда была крайне низкой. Так, местные рабочие — узбеки, таджики и другие вместо положенных 1 руб. 70 коп. получали лишь 80 коп. в день. Охраны труда не существовало, что часто приводило, особенно в шахтах, к несчастным случаям, результатом которых нередко была гибель рабочих. Жили отходники в плохих жилищах, а чаще всего под открытым небом.

Работая вместе с представителями разных национальностей, рабочие-таджики, как и все другие, воспринимали революционные идеи и опыт революционной борьбы русских. Политический агент в Бухаре, характеризуя нарастание революционных настроений среди рабочих железной дороги, хлопкоочистительных заводов и прочих предприятий, писал в отчете: «Со времени начала почтово-телеграфной, железнодорожной забастовки среди рабочего класса стало заметно некоторое движение»<sup>26</sup>.

Рабочие хлопкоочистительных заводов в Новой Бухаре (Кагане) заявили администрации, что, пока не будут удовлетворены их требования (в частности, о повышении заработной платы), они отказываются от работы. В ответ на это администрация закрыла все хлопкоочистительные заводы. Забастовка охватила заводы, находившиеся вдали от железной дороги. Одновременно к забастовщикам присоединились рабочие железнодорожных мастерских. Под сильным давлением трудящихся администрация заводов была вынуждена удовлетворить их требования.

Всеобщая забастовка, в которой участвовали рабочие железнодорожных мастерских и хлопкоочистительных заводов, оказала большое влияние на солдат, расположенных в Новой Бухаре. Там возник рабоче-солдатский комитет. В одной из стычек, происходившей между восставшими солдатами и оставшимися верными царизму воинскими частями, погибло три человека.

Революционные события, происходившие в Новой Бухаре, произвели сильное впечатление на население эмирата; революция, развернувшаяся во всей России, значительно пошатнула авторитет царизма. «Правительство, — писал политический агент в Бухаре, — утратило значительную долю той силы, которую когда-то имело»<sup>27</sup>.

В этой обстановке наиболее революционные элементы из

местного населения вступали в организацию большевиков. Вопреки враждебной деятельности буржуазных националистов, панисламистов и пантюркистов идеи революции находили поддержку среди местных жителей.

Следует упомянуть о том, что местная торгово-промышленная буржуазия, а вместе с ней и националистическая интеллигенция нанесла революционному движению огромный вред. Идеологами местной буржуазии были джадиды. «Джадидизм представлял собой реакцию со стороны компрадорской буржуазии на события 1905—1907 гг. и на освободительное движение народов Средней Азии в последующие годы и принес последнему громадный вред»<sup>38</sup>. Характерная особенность бухарских джадидов заключалась, с одной стороны, в том, что они тяготели к татарской буржуазной националистической партии во главе с Исмаилом Гаспринским, а следовательно, к младотуркам; с другой — в их работе перед царизмом, русской буржуазией и, наконец, бухарским эмиром. К тому же и панисламистская агитация за «освобождение» народов Средней Азии под эгидой турецких феодалов и буржуазии находила живой отклик среди бухарских джадидов. В это время бухарское духовенство и феодалы, будучи верной опорой царизма, также стремились использовать панисламизм как средство против проникновения революционных идей, против влияния их на угнетенные народные массы эмирата.

После русско-японской войны, окончившейся поражением царизма, в Бухаре значительно усиливается агентурное влияние иностранных государств. Касаясь этого вопроса, управляющий канцелярией Туркестанского генерал-губернатора в своем отчете за 1909 г. писал: «общее пробуждение народов Азии, начавшееся после японской войны и поставившее своим девизом «Азия для азиатцев», не могло не коснуться хотя бы в очень слабой степени народов, населяющих русскую Среднюю Азию. Не подлежит сомнению, что агитация, имеющая целью пробудить дремавшие до сих пор народы Азии и вывести их на путь независимого от Европы существования, не оставила в стороне и население Туркестана»<sup>39</sup>. Агитация под лозунгом панисламизма шла из Турции, а также из Ирана и Афганистана. В такой обстановке Бухара как религиозный центр Средней Азии играла довольно видную роль.

Враги трудящихся масс всячески пытались изолировать их от революционного движения. Представители духовенства — ишаны, дарвешы, бродячие муллы, а также буржуазные националисты вели среди местного населения контрреволюционную пропаганду.

Однако, несмотря на это, революционные идеи с каждым днем находили для себя все более благоприятную почву даже



в самых отдаленных уголках эмирата. Система правления как в припамирских бекствах, так и в Восточной Бухаре постоянно вызывала у местного населения недовольство, которое особенно усилилось к периоду революции 1905—1907 гг. Местами возникали прямые выступления против эмирского строя. Так, еще в 1903 г. жители Вахана стали открыто выступать против эмирских чиновников и изгонять их со своей территории. Затем они обратились к России с просьбой защитить их от эмирских притеснений и обеспечить землей<sup>40</sup>. Однако недовольство населения было направлено не только против эмирских властей и местных феодалов, но и против поддерживавших их царских чиновников. В связи с усилившимся сопротивлением трудящихся деспотическому режиму эмира царская администрация, желая ослабить напряженное положение, создавшееся на Западном Памире, решила несколько пресечь чрезмерные притязания эмирских чиновников. С этой целью 30 июня 1903 г. туркестанский генерал-губернатор просил секретаря политического агентства в Бухаре принять меры «для успокоения страны». Но пока шла переписка с эмиром, недовольство среди жителей Западного Памира настолько усилилось, что вынудило туркестанского генерал-губернатора непосредственно вмешаться в это дело. Для выяснения причин волнений он направил туда своего дипломатического чиновника, который, ознакомившись с положением на Западном Памире, и в частности в Вахане, был вынужден констатировать: «Враждебное отношение таджикского населения к бухарской администрации настолько обострилось, что окончательное закрепление его под властью эмира повело бы к поголовному выселению жителей, каковое явление имело бы для русских интересов крайне нежелательные последствия». То же самое отмечали и другие чиновники<sup>41</sup>.

Поэтому в начале 1905 г. в Ташкенте было созвано совещание царских администраторов для обсуждения вопроса о переходе к России земель Западного Памира. Было решено произвести это негласно и без оформления передачи, чтобы сохранить видимость участия Бухары в управлении краем. Комиссия признала необходимость учредить при начальнике памирского отряда должность бухарского чиновника — махрама. Что касалось взимания податей с местного населения, то по существу все было оставлено без изменения, лишь натур была заменена деньгами.

Эти меры несколько изменили обстановку в западных районах Памира. Ограничение производства эмирских чиновников вытекало из политических соображений царизма; дальнейшие незаконные действия эмирских чиновников могли привести к революционной борьбе, которая к тому времени уже охватила основные районы Туркестана.

Трудящиеся ненавидели эмирский строй и в течение всего периода господства эмира неоднократно поднимались на открытую борьбу. Известный русский ботаник В. И. Липский, исследовавший в течение трех лет Восточную Бухару (незадолго до революции 1905—1907 гг.), отмечал, что, когда один из Липского эмирских чиновников «обрушился на местных жителей из амлекдарств Каратегина за якобы невыполнение его распоряжений, местные женщины возмутились, подняли крик и изрядно потрепали бороду этому чиновнику»<sup>42</sup>.

По свидетельству русского путешественника А. А. Нечаева, таджики, узбеки, туркмены, жившие в бекстве Курган-Тюбе, с ненавистью произносили имена эмира и его беков, «... массы сами говорят об эмире и его чиновниках, что «справедливости от них не дождешься», что их единственная цель — как бы побольше обобрать человека, чтобы «искать у них защиты, нечего и думать», у кого больше сорвут, тот у них и прав»<sup>43</sup>.

Под непосредственным влиянием русской революции происходили народные волнения в Каратегинском, Кулябском и других бекствах Восточной Бухары. Так, руководителем народного волнения в Каратегине, возникшего против произвола местного бека, был бедняк Каландаршо, в прошлом, по-видимому, отходник<sup>44</sup>. Но это волнение не смогло перерасти в открытое восстание, так как бек через своих чиновников заранее был информирован о происходящих событиях. Дело кончилось тем, что жители Каратегина решили написать официальную жалобу на имя эмира с просьбой отменить недоимки и удалить ненавистного им бека. Однако пока писалась жалоба, бек арестовал наиболее видных организаторов движения, в том числе и Каландаршо. Вместе с другими его отправили в Гиссар для наказания. После нескольких палочных ударов Каландаршо был отпущен и возвратился домой.

Между тем недовольство народа все возрастало. Один из царских чиновников, служивший в пограничных войсках и хорошо знавший Восточную Бухару, в 1905 г. писал: «Сидя в глухом кишлаке Восточной Бухары, нам приходилось неоднократно слышать различные свежие новости от многих лиц: то сообщения, что был беспорядки в Гиссарском бекстве, то откуда-то появился слух, что народ расправился в Денау с зякетчи. Глухое недовольство беками выливалось в огромное число жалоб на них и на низших служащих, и, наконец, определенно говорили о возможности восстания в ханстве»<sup>45</sup>.

В Кулябском бекстве восставшие напали на бека и его чиновников. Беку удалось укрыться в крепости. Эмирские войска, расположенные в Кулябе, не могли подавить восста-

ние. А дехкане, узнав о событиях в городе, начали нападать на амлякдаров. Во многих таджикских кишлаках различных бекства были избиты бухарские чиновники, прибывшие для сбора податей<sup>46</sup>.

По словам старожиллов, в 1905—1907 гг. в Бальджуанском бекстве PDF Compressor Free Version произошло восстание, которым руководили отходники, периодически возвращавшиеся на родину. Восстание началось в кишлаке Даштак, а потом распространилось на другие кишлаки. Повстанцы, собрав крупные силы, потребовали от бальджуанского бека уменьшения податей. Бек, чтобы выиграть время, направил к восставшим своего представителя с обещанием удовлетворить требования дехкан. Поверив ему, дехкане начали расходиться по домам. Воспользовавшись этим, бек отказался выполнить обещание и начал поодиночке захватывать наиболее активных участников восстания, которое было жестоко подавлено.

В январе 1909 г. в Гиссарском бекстве вспыхнуло восстание. Бек, испугавшись, спрятался в крепости. Характеризуя отдельные детали этого восстания, дореволюционный народный певец Карим Девона образно обрисовал его:

И был на площади базарной жаркий бой,  
Кравой Рахман\* бежал с разбитой головой.

Отдельные сведения, собранные со слов старожиллов, позволяют до некоторой степени выяснить, что непосредственным поводом к восстанию 1909 г. был неурожай. После недавнего каратагского землетрясения всюду ощущалась тяжелая нужда. Между тем эмирские чиновники по примеру прошлых лет требовали излоги в несколько раз выше обычных. Все это сопровождалось жестоким насилием и послужило поводом к непосредственному выступлению населения. Гиссарский бек послал мулл и ишанов призывать людей к покорности и беспрекословному выполнению требований бека и чиновников. Но из этого ничего не вышло. Чаша народного терпения была переполнена. Народ избил эмирских чиновников палками и камнями. По приказанию бека сарбазы обрушились на возмущившиеся массы. Народ был разогнан, а организаторы восстания арестованы.

Гиссарское восстание оказало влияние на население амлякдарств Душанбе и Янги-Базар. По свидетельствам старожиллов, в 1909 г. трудящиеся, вооруженные ножами, клинками, палками, двинулись на своих угнетателей. Руководителем восставших был Ахмад, бежавший из бухарской тюрьмы. После подавления душанбинского восстания Ахмад был арестован и казнен<sup>47</sup>.

\* Сборщик налогов



Выступления дехканских масс на территории Восточной Бухары и западных районов Памира возникали под непосредственным влиянием революции 1905—1907 гг. Царские войска, расположенные в пограничных районах Бухары, помогали эмиру и местным бекам в подавлении этих восстаний, вызвавших сильное беспокойство у начальников пограничных войск.

В революционных событиях, происходивших на территории эмирата в 1905—1907 гг. и позже, кроме ремесленников и дехкан участвовали и другие социальные слои, в частности студенты мадраса.

В революции 1905—1907 гг. принимали участие не только русские рабочие и крестьяне, но и огромные массы трудящихся угнетенных народностей царской России, ставшие союзниками пролетариата в борьбе против царизма и местных эксплуататоров.

Русский пролетариат под руководством коммунистической партии выступил как последовательный выразитель чаяний всех трудящихся Российской империи. Он поднял на политическую борьбу угнетенные массы всех народов, в том числе и таджиков, которые сражались с оружием в руках против угнетателей.

«Мировой капитализм и русское движение 1905 года, — писал В. И. Ленин, — окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»<sup>48</sup>.

Это гениальное высказывание целиком относилось и к трудящимся дореволюционного Таджикистана.

## ГЛАВА V.

ТАДЖИКСКИЙ НАРОД НАКАНУНЕ  
И В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-  
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

## ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТРАНЫ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЯ

Конец XIX и начало XX в. характеризовались дальнейшей ломкой феодальных отношений и зарождением капиталистических элементов.

Не только в городах, но и в кишлаках происходили некоторые сдвиги в развитии товарно-денежных отношений, усиливалась дифференциация, быстрее формировались пролетарские и полупролетарские элементы. Но эти процессы протекали неравномерно.

В юго-восточных районах, в том числе и на Памире, капиталистические отношения развивались медленнее, чем в северных, где их развитию способствовали расширение хлопковых плантаций, появление хлопкоочистительных и других промышленных предприятий.

Можно безошибочно сказать, что развитие хлопководства в Туркестане, куда вошли и северные районы Таджикистана, «в экономическом смысле придало краю не только государственное, но и мировое значение и миллионы пудов хлопкового волокна, вывозимые Туркестаном на европейский рынок, сыграли весьма заметную роль в общей жизни страны, а вместе с тем и в положении России на мировом хлопковом рынке»<sup>1</sup>.

**Проникновение  
банковского капи-  
тала в экономику  
страны**

В эпоху империализма российский монополистический капитал с каждым годом расширял сферы своей деятельности во всех уголках Средней Азии. Характеризуя новейший тип капитализма, В. И. Ленин писал: «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приоб-

рел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами»<sup>2</sup>.

Северные и юго-восточные районы дореволюционного Таджикистана, подобно другим областям Средней Азии, служили для русской буржуазии и помещиков источником дешевого сырья, необходимого для промышленности центральных районов России. Вывоз русского капитала способствовал развитию лишь тех отраслей сельского хозяйства, продукция которых шла на удовлетворение потребностей русских фабрикантов и заводчиков.

Банковский капитал проникал во все области экономики, особенно в сельское хозяйство, усиливая разорение дехкан и тем самым превращая их в источник дешевой рабочей силы. Такой процесс был особенно характерен для северных районов дореволюционного Таджикистана. В этом отношении важная роль принадлежала тем многочисленным филвалам русских банков, агенты которых с каждым годом все больше закабалляли непосредственных производителей страны. Уже к концу XIX в. в крупнейших городах Туркестана, в том числе в столице Бухарского эмирата, функционировали отделения государственного банка, которые связывались с непосредственными производителями через ссудные кассы и многочисленных агентов и комиссионеров. В 1912 г., например, государственный банк ссудил под продукцию хлопководства около 25,3 млн. руб., под залог земли — около 5 млн. руб., через учреждения мелкого кредита — 2,6 млн., в общей сложности 33 млн. руб.<sup>3</sup>

Чтобы ограничить влияние комиссионеров и посредников на непосредственных производителей, государственный банк создал в крае специальное учреждение мелкого кредита, которое развернуло широкую деятельность через ссудо-сберегательные и кредитные товарищества. Такое мероприятие преследовало чисто практическую цель — установить монополию банка на эксплуатацию непосредственного производителя.

В северных районах дореволюционного Таджикистана из банка получали деньги не только кредитные товарищества, ссудные кассы, отдельные посредники, но также конторы «Торгово-промышленного товарищества». Так, в 1913 г. на имя Потеляховского товарищества банк перечислил более 150 тыс. руб. Для реализации капитала это товарищество в свою очередь раздавало деньги отдельным посредникам и агентам.

Независимо от существования многочисленных посредников деятельность банка с каждым годом все шире охваты-



вала непосредственных производителей (не исключая населения самых отдаленных районов). С дальнейшим развитием империализма и сращиванием банковского капитала с промышленным усилилось влияние частных коммерческих банков, которые также через многочисленных посредников путем различного рода сделок осуществляли свое влияние на непосредственного производителя. Хотя основное внимание частных банков было направлено на кредитование хлопкосеющих районов, они не упускали из поля зрения и другие отрасли хозяйства, в частности зерноводство и скотоводство. Например, по Самаркандской области, куда входил Ходжентский уезд, из общей суммы банковских кредитов шло под хлопок 30%, под мануфактуру — 10, под сушеные фрукты — 15, под чай — 10, под пшеницу и муку — 5, под прочие товары — 30%<sup>4</sup>.

К наиболее видным филиалам коммерческих банков, действовавших в Средней Азии, относились отделения Соединенного, Волжско-Камского коммерческого, Русско-азиатского, Русского для внешней торговли и некоторых других. Соединенный банк не только кредитовал хлопковые фирмы, но имел и собственный торговый дом «Товарищество для торговли с Персией и Средней Азией», которое обладало акциями в общей сложности на сумму в 2 млн. руб. Что же касается Волжско-Камского коммерческого банка, считавшегося главным кредитором, то он устанавливал контакт со среднеазиатским рынком больше всего через торговые дома братьев Вадьяевых и других крупных капиталистов. Этот же банк кредитовал многих местных богачей вроде ходжентского купца Пулатжона Саиджанова, который в 1913 г. получил из этого банка 10 тыс. руб. и вел постоянную торговлю со многими русскими городами (Оренбургом, Казанью, Челябинском).

Наиболее влиятельным банком был Русско-Азиатский, державший тесную связь с французскими капиталистами. Он усердно финансировал Потеляховское торгово-промышленное товарищество, имевшее свои конторы во многих местах, в том числе в Ходженте, Канибадаме и других городах Северного Таджикистана. Не ограничиваясь этим, банк финансировал уже упомянутого Пулатжона Саиджанова, ура-тюбинского купца Мирза Кабила Мухаммадова и других богачей. Наконец, в северных районах Таджикистана, как и во всей Средней Азии, активную роль в экономике играло отделение банка для внешней торговли, который помимо Потеляховского торгово-промышленного товарищества устанавливал связь с местной компрадорской буржуазией.

В целом, как уже было отмечено, все банки, как частные, так и государственные, производили свои сделки через спе-

циальных агентов и комиссионеров, выступавших на среднеазиатском рынке как посредники, связывающие капитал с непосредственными производителями. Характеризуя проникновение банковского капитала в экономику страны, В. П. Юферов писал: «Подсчет операций банков, работающих в Туркестане, дает основание заключить, что в общем за последние годы нормального развития хлопководства туркестанские хозяева-хлопководы кредитовались в сумме никак не менее 35—40 млн. руб. Эти средства доставлялись главным образом банками как государственными, так и частными коммерческими, число и деятельность которых так сильно возросли, развились в хлопковых районах Туркестана»<sup>6</sup>.

Задолженность мелких и средних производителей принимала все более катастрофический характер и приводила их к разорению.

Достаточно сказать, что задолженность всего населения кредитным учреждениям Туркестана на 1 ноября 1912 г. равнялась: государственному банку — 27 530 тыс. руб., частным банкам — 129 182 тыс. руб.; задолженность хлопковым фирмам исчислялась примерно в 3500 тыс. руб.<sup>6</sup>.

Проникновение русского капитала в экономику Туркестана еще более усиливало закабаление непосредственных производителей края.

**Авансирование  
дехканских хозяйств частными  
фирмами**

Как в северных районах, так и в других областях Средней Азии, главным образом в хлопководческих районах, развернули деятельность частные фирмы: торгово-промышленное «Товарищество Большой Ярославской мануфактуры», Потеляховское торгово-промышленное товарищество, а также торговые дома братьев Крафт, братьев Вальевых, «Акционерное общество бумажных мануфактур Познанского» и др. Они усиленно конкурировали за обладание местным сырьем. Наиболее предприимчивые хозяева фирм пытались через своих агентов захватить рынки Средней Азии в свои руки. В условиях развития товарно-денежных отношений дехкане всегда нуждались в деньгах. Достаточно сказать, что в среднем 40% всех хозяйств хлопкосеющих районов прибегали к кредитам.

Огромную роль в закабалении дехкан хлопкосеющих районов сыграла местная буржуазия. Вот что писала ходжентская контора Потеляховского товарищества в своем донесении правлению от 27 июня 1915 г. «Наш Мансурджан Арифходжаев заключил условия на имя товарищества с Мавлянбердиходжи Ашурбай Ходжаевым на доставку в Ходжент не менее 200 пудов сырца. При этом Мансурджан уверен, что означенный Мавлянбердиходжа — человек, име-

ющий большую земельную собственность и более 1000 баранов»<sup>7</sup>.

Закабаление дехканских масс банками, многочисленными фирмами и посредниками в условиях дореволюционного Таджикистана чаще всего происходило путем ростовщичества, которое высасывало из бедноты последние соки. Магнаты-ростовщики и агенты крупных фирм, выдавая дехканам авансы под будущий урожай, неизбежно разоряли их.

Накануне мировой войны жители Кокандского уезда писали в одном из своих прошений ферганскому военному губернатору: «Ростовщики ловко прикрывают свою коммерческую деятельность. Так, например, вместо наличных денег в ссуду под хлопок они выдают пшеницу, муку, хлопковое семя, жмых и проч. по ценам на 30 до 50% выше существующих. Цены на эти товары в зависимости от качества их имеют громадную разницу, и доказать ростовщический характер впоследствии невозможно. Выдав ссуду мануфактурой, они выписывают счет по нормальной цене, но, получив вексель в покрытие счета, тут же списывают товар обратно со скидкой с суммы счета до 30%. Ссуды эти выдаются на сроки от 5 до 8 месяцев. При урожае хлопка даже выше среднего население не в состоянии покрыть такие долги одним урожаем, и это тяжело отзывается как на его платежеспособности, так и на всей экономической жизни края»<sup>8</sup>. По подсчетам туркестанского генерал-губернатора, накануне революции в Ходжентском уезде 3389 дехканских дворов были лишены земли, а тысяча была малоземельной или имела участки от четверти до двух танапов (от 0,16 до 0,5 га)<sup>9</sup>.

В дореволюционном Таджикистане нередко можно было наблюдать случаи, когда ростовщики предоставляли ссуду мелким землевладельцам под залог их участков; если должники не могли погасить ссуду в срок, они лишались земли. «Ссуды эти выдаются обыкновенно на столько обременительных условиях, что, раз забравши в долг довольно значительную сумму, земледелец редко бывает в состоянии выпутаться из долга. Процент за такого рода ссуды в большинстве случаев берется в 36 годовых»<sup>10</sup>.

Ростовщический капитал в какой-то мере способствовал разложению натурального хозяйства и развитию товарно-денежных отношений. Создавая определенные предпосылки для перехода к капиталистическому способу производства, ростовщический капитал в то же время тормозил этот переход и консервировал феодальный способ производства. К. Маркс подчеркивал, что, с одной стороны, ростовщичество подрывает и разрушает античное и феодальное общество, а с другой — разоряет мелкого крестьянина и мелкобуржуазное производство.



«Ростовщичество, как и торговля, эксплуатирует данный способ производства, а не создает его, относится к нему внешним образом. Ростовщичество стремится просто его сохранить, чтобы иметь возможность эксплуатировать его снова и снова; оно консервативно и только доводит существующий способ до более жалкого состояния»<sup>11</sup>. В итоге ростовщичество, отмечал Маркс, окончательно не изменяет способа производства, но присасывается к нему, как паразит, и приводит его в жалкое состояние. Капитал, экспортируемый в Среднюю Азию, отчасти носил ростовщический характер и потому тормозил развитие производительных сил в стране. Маркс указывал, что ростовщичество играет двойную роль: «во-первых, вообще создает наряду с купеческим капиталом самостоятельные денежные средства, во-вторых, присваивает себе условия труда, то есть разоряет владельцев старых условий труда, — постольку оно является мощным рычагом для образования предпосылок промышленного капитала»<sup>12</sup>.

Таким мучительным путем северные районы дореволюционного Таджикистана, как и вся Средняя Азия, став аграрно-сырьевым придатком и рынком сбыта для промышленных товаров метрополии, все больше втягивались в орбиту капиталистических отношений.

**Влияние русского капитала на экономику восточных беков Бухарского эмирата**

К началу XX в. значительно расширилась сфера действий русского капитала на бухарском рынке. Это было характерно не только для центральных районов эмирата, но и для наиболее отдаленных (в частности, для Восточной Бухары). Уже к 1915 г. помимо отделения государственного банка в столице эмирата функционировали семь отделений частных банков — Русско-азиатского, Русского для внешней торговли, Московского учетного, Азово-Донского коммерческого, Сибирского торгового, Соединенного, Волжско-Камского коммерческого.

Многие из этих банков были тесно связаны с иностранным капиталом, в частности с французским и немецким. Экономика эмирата была включена в сферу влияния русского капитала. К 1913 г. в эмирате насчитывалось 25 хлопкоочистительных заводов, из которых 19 (около 80%) принадлежали русской буржуазии, 3 — бухарскому правительству, т. е. эмиру, и 3 — бухарским купцам. Таким образом, бухарская промышленность в основном принадлежала русской буржуазии.

Внешняя торговля Бухары складывалась главным образом из ее оборотов с Россией. Так, по данным за 1911—1913 гг., из суммы общих оборотов почти 75 млн. руб., около 89%, падало на долю России<sup>13</sup>.

Население Бухары нуждалось в льняных, пеньковых, джутовых изделиях; эти изделия поставляли ему фабрики российских промышленников. Большая потребность ощущалась в фаянсовых, фарфоровых, металлических изделиях. В 1913 г. из России было отправлено в Бухару почти на миллион рублей фарфоровых изделий. Среди металлов первое место занимало железо (гвозди, проволока, трубы, посуда). Видное место в импорте Бухары занимал хлеб. В том же году в Бухару было ввезено из центральных районов России, а также с Кавказа и из некоторых областей Туркестана почти миллион пудов хлеба. Бухара вывозила в Россию в основном хлопок и занимала по его экспорту второе место после Ферганской области, отправляя в среднем около двух с половиной миллионов пудов в год. Заметно увеличивался экспорт каракуля.

Восточная Бухара, несмотря на отдаленность и почти полное отсутствие транспортных средств сообщения, играла определенную роль в общей экономической жизни эмирата. В равнинных районах Восточной Бухары с каждым годом все больше развивалось хлопководство. Учитывая экономическое значение и потенциальные возможности Восточной Бухары для дальнейшего развития хлопководства, представители русской буржуазии ходатайствовали о строительстве железной дороги через Карши, Керки, Келиф, Термез к Гиссару. Однако этот проект не был осуществлен.

Восточная Бухара привлекала к себе внимание царского правительства и эмира также и другими богатыми сырьевыми ресурсами. В равнинных бекствах, кроме хлопка, выращивались масличные и зерновые культуры. Гиссарский край служил поставщиком хлеба не только для Бухары, но отчасти и для Туркестана. Этот факт отмечали еще дореволюционные исследователи; так, один из них, характеризуя экономические ресурсы Гиссарской долины, писал: «Гиссар и теперь дает столице ханства... свыше одного миллиона пудов разных хлебных грузов»<sup>14</sup>.

Большое значение для эмирата имели Куляб и Бальджуан, где, кроме пшеницы, выращивался богатый урожай риса.

Восточная Бухара, кроме хлопка, вывозила лен, кунжут, пшеницу, скот, кожевенное сырье, лисьи и другие меха, грецкие орехи и фисташки, шелковые ткани гиссарского и душанбинского производства примерно на сумму от 5 до 6 млн. руб. На экспорте из Восточной Бухары эмир и его чиновники ежегодно наживали до 2 млн. руб., остальные 4 млн. покрывались импортными товарами: мануфактурой, посудой, железом, керосином и сахаром.

Земельные концес-  
сии — один из пу-  
тей закабаления  
дехкан

Для создания собственной хлопковой базы помимо других районов Средней Азии в Бухарском эмирате русская буржуазия стремилась захватить земли под видом концессий. Наиболее перспективными объектами русские капиталисты и помещики считали пустопорожние земли, расположенные в западной и восточной части Бухары. Наиболее подходящими для концессий считались Каршинская степь, а также земли, находившиеся в Ширабадском, Курган-Тюбинском и Кабадианском бекствах. Эмир не хотел поощрять в своих владениях концессий, боясь, что они сократят его доходы; но противостоять этому он не мог. В 1908 г. для выяснения вопроса о возможности орошения пустыющих земель в бассейне Аму-Дарьи Московский биржевой комитет отправил туда специальную экспедицию. Одновременно официальные представители земельных органов подсчитали «свободные» земли в пределах эмирата. Таким путем для орошения было намечено почти 230 тыс. га.

В течение 1912—1913 гг. при непосредственной поддержке царизма отдельные представители русской буржуазии и помещиков заключили с эмиром несколько договоров и за очень короткий период захватили в свои руки около 300 тыс. га земли<sup>15</sup>. Согласно заключенному с эмиром договору, концессионеры могли непосредственно вступать в соглашение с беками и имели право по своему усмотрению выселять людей с территории концессии. Более того, некоторые из них могли включать в свои концессии до половины земель живущих в окрестностях дехкан, таким образом закабляя их.

В 1914 г. концессионеры заключили еще ряд договоров с эмиром. Основную массу людей, работавших у концессионеров, составляли безземельные и малоземельные дехкане, чаще всего использовавшиеся на работах как издольщики. Все это ухудшало положение дехкан и вызывало их недовольство.

Дальнейшая деятельность концессионеров в связи с начавшейся войной и тяжелым политическим положением царской России была приостановлена «до более благоприятных условий», но благодаря Великому Октябрю угнетатели их не дождались.

**Основные предпосылки восстания 1916 г.** В 1915 г. В. И. Ленин писал: «Нигде в мире нет такого угнетения большинства населения страны как в России... Из 170 миллионов населения России около 100 миллионов угнетены и бесправны... посредством войны царизм стремится увеличить количество угнетаемых Россией наций, упрочить их угнетение и тем подорвать борьбу за свободу и самих велико-



россов. Возможность угнетать и грабить чужие народы укрепляет экономический застой, ибо вместо развития производительных сил источником доходов является нередко полуфеодалная эксплуатация «инородцев». Таким образом со стороны России война отличается сугубой реакционностью и протекторатным характером»<sup>16</sup>.

Первая мировая империалистическая война с самого начала была неудачна для царизма. Она почти вывела из строя основные отрасли производства, сократила до минимума жизненный уровень трудящихся России. Железнодорожный транспорт начал работать с перебоями.

В армию была мобилизована наиболее трудоспособная часть населения, которая составляла около 16 млн. человек, или 47% общего количества мужчин. К 1916 г. вследствие затруднения с перевозками возросли втрое цены на хлеб. За первые три года войны Россия израсходовала 167% всей совокупности доходов 1913 г.

Для покрытия своих расходов царизм усилил эксплуатацию колониальных народов, особенно в Туркестане. Налоги в Средней Азии возросли в три—четыре раза. Если в 80-х годах XIX в. налог взимался в размере 10% от среднего валового дохода с участка земли, то к 1914 г. он увеличился почти на 75%. А весь доход по Туркестану к 1914 г. увеличился почти на 300%. В 1916 г. государственный доход с Туркестана увеличился по сравнению с 1913 г. на 66%.

К 1915 г. были введены особый военный налог, а также особый временный налог с хлопка в размере 2 руб. 50 коп. с пуда. Налог на богарные земли, установленный еще в 1909 г., был столь обременительным, что многие дехкане бросали свои земли. Кочевое население облагалось кибиточной податью (4 руб. с кибитки). Взимались особые сборы на содержание волостной и сельской администрации, на исправление дороги и т. п. Туркестанский край беспощадно разорялся. Достаточно вспомнить, что в годы войны здесь было собрано 2,4 млн. руб. «пожертвований на нужды войны». У населения было отобрано по так называемым «казенным ценам» огромное количество крупного и мелкого скота. В августе 1915 г. московские фабриканты и банки «нормировали» цены на среднеазиатский хлопок, что сильно ударило по интересам дехкан-хлопкоробов, так как эти цены не окупали ни расходов, ни затраты труда<sup>17</sup>. В Туркестане резко сократились посевные площади.

Жестокая колониальная политика вызывала резкий протест коренного населения края.

Восстание 1916 г. в северных районах Таджикистана

Восстание 1916 г. явилось крупным событием в истории национально-освободительного движения народов Средней Азии и Казахстана в эпоху империализма. Его отголоски докатились даже до северных районов Кавказа и Сибири.

Указ «реквизиции инородцев» на тыловые работы был объявлен неожиданно. В течение пятидесяти лет колониального господства народы Средней Азии и Казахстана не привлекались к воинской повинности. Более того, среди коренного населения Туркестана, в том числе и в северных районах Таджикистана, существовало твердое убеждение в том, что специальные повинности, пожертвования на нужды войны и т. п. служат прочной гарантией освобождения народов от призыва в армию. Еще в 1908 г. в трех коренных областях края взамен отбывания воинской повинности был введен налог в размере «1170 тыс. рублей, с сохранением исчисления взрослого мужского населения областей Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской в 2 600 000 человек и величины среднего годового заработка взрослого мужчины в 50 рублей»<sup>18</sup>.

Поэтому указ Николая II о призыве коренного населения Туркестана на тыловые работы по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующих армий вызвал большой взрыв недовольства. К тому же указ был получен в разгар сельскохозяйственных работ. Уже 2 июля 1916 г. исполняющий обязанности туркестанского генерал-губернатора Ерофеев сообщил областным губернаторам о немедленном наборе 250 тыс. человек, из них по Самаркандской области 38 тыс. Позднее в связи с острым недостатком рабочих рук внутри края и вспышками возмущения местного населения число призываемых было понижено до 220 тыс. Составление посемейных списков было поручено местной администрации, куда вошли также «почетные граждане», т. е. представители господствующих классов местных национальностей.

Сразу же после опубликования указа о тыловых работах опустели базары, прекратились увеселительные сборища, в мечетях стали собираться недовольные. Участились случаи самовольного ухода с работы чернорабочих, батраков, наемных рабочих, даже не рассчитавшихся с хозяевами. Случалось также, что кочевое население уходило со своих стоянок в более отдаленные районы.

С первых же дней местные должностные лица выражали готовность провести набор на тыловые работы, но отмечали, что население волнуется, относится к ним враждебно и требует отложить составление списков. Жители отдаленных районов подавали ходатайства о замене натуральной повин-

ности денежной, объясняя, что уход взрослого мужского населения на тыловые работы грозит разорением целых селений. Общее недовольство, вызванное «реквизицией» мужского населения, выдвинуло на политическую арену все социальные слои общества, в том числе местную буржуазию, духовенство, поскольку набор рабочих в конечном счете наносил ущерб и им. Тем не менее национальная буржуазия с первых же дней восстания вошла в сделку с представителями царской власти и устраивала верноподданнические манифестации в поддержку позиции царизма. Тут уместно вспомнить высказывания В. И. Ленина об отдельных национальных восстаниях. «Всякий национальный гнет вызывает отпор в широких массах народа, а тенденция всякого отпора национально угнетенного населения есть национальное восстание». Характеризуя отношение национальной буржуазии к этим восстаниям, Владимир Ильич подчеркивал, «... что буржуазия угнетенных наций только болтает о национальном восстании, а на деле вступает в реакционные сделки с буржуазией угнетающей нации за спиной и против своего народа»<sup>19</sup>.

Представители царизма использовали влияние среднеазиатского духовенства на народ. Например, в 1916 г. туркестанский генерал-губернатор просил политического агента в Бухаре договориться с известным ишаном Шах-Якши о распространении им среди населения пограничных с Бухарой районов воззвания о необходимости своевременного набора людей на тыловые работы. Ишан скрепил своей печатью выпущенное политическим агентством обращение о мобилизации на тыловые работы.

Представители некоторых иностранных государств тоже пытались использовать внутреннее недовольство царизмом. В. И. Ленин не раз подчеркивал, что «Генеральные штабы в теверешней войне тщательно стараются использовать всяческое национальное и революционное движение в лагере их противников, немцы — ирландское восстание, французы — чешское движение и т. п.»<sup>20</sup>. Наблюдались и отдельные сепаратистские тенденции, когда представители пантюркизма и панисламизма пытались использовать народное возмущение в своих интересах и превратить восстание в реакционную националистическую войну (газават) против всего русского народа. Но эти попытки не увенчались успехом.

В восстании 1916 г. активно участвовали трудящиеся Северного Таджикистана.

На совещании у ходжентского уездного начальника было объявлено о наборе по уезду 8948 рабочих. Предлагалось «не допускать каких-либо эксцессов», набор производить организованно, опираясь на «влиятельные круги». Согласно



приказу военного губернатора Самаркандской области, намечалось в каждом эшелоне иметь на двести рабочих переводчика, старшину и муллу. При этом каждый рабочий должен был захватить с собой две смены белья, комплект зимней и летней верхней одежды, пару сапог, одеяло, чашку для чая, кошму. Как в приказе, так и устно на сборных пунктах, где составлялись списки, указывалось, что распоряжение о созыве на тыловые работы никто не может отменить и что в случае сопротивления рабочие будут взяты силой. Одновременно подчеркивалось, что набор должен происходить «добровольно», но в случае отказа в каждый район и кишлак будут посланы карательные войска. Большую помощь начальнику Ходжентского уезда должны были оказывать «именитые люди» (старший казий Калинавской части Ходжента Саид-Ахмоджан, депутат городской думы Муминов, староста города Мирзо-Бахадур, известные баи — Амиджанов, старшина уезда Ходжа-Юсуф и др.).

2 и 3 июля в Ходженте собрались жители окрестных кишлаков и началось составление списков.

4 июля рано утром возле канцелярии казиев Калинавской части города собралось более пятисот горожан. Среди них было много женщин, подростков и детей; некоторые громко плакали, кричали, а кое-кто из женщин бросался в ноги приставу. Слышались голоса: «Рабочих не дадим», «Лучше умереть». Народ решительно потребовал от пристава и казиев, чтобы составление списков было прекращено. Испуганный пристав уехал к уездному начальнику в Чоршанбе-Базар. Собравшиеся решили идти вслед за ним. По пути к восставшим присоединились местные бедняки — дехкане, кустари. Они заставили и казиев следовать за собой. Помощник начальника уезда, прибыв с приставом в канцелярию, сначала угрожал собравшимся, а потом стал объяснять, что распоряжение исходит от царя и отменить его нельзя. Чтобы выиграть время, он обещал пересмотреть списки и приказал разойтись. К этому времени перед канцелярией собралось около 7—8 тыс. человек, которые потребовали уничтожения составленных списков. К этому моменту вернулся начальник уезда.

Не получив удовлетворительного ответа на свои требования, восставшие напали на его канцелярию. Представитель местной власти Мирзо-Бахадур стал из окна расстреливать их. В то время к городскому подошла женщина Хадым Джамалак, выхватила у него шашку и сломала ее. Народ начал бить полицейских и чиновников камнями и палками. Тогда начальник уезда вызвал солдат с артиллерией и пулеметами и казаков местного гарнизона, которые стали расстреливать безоружных людей.

Наиболее активное участие в восстании приняли Джура Закиров (ставший впоследствии крупным партийным работником), Джура Али, Зубайдулла Рахматуллаев. В ходе восстания много восставших было ранено и убито. К вечеру город был объявлен на военном положении. Вслед за подавлением восстания в Самарканде русский генерал-губернатор издал приказ, в котором строжайшим образом запрещалось «скопление местного населения» и выход на улицу. Жители города не могли даже пойти за водой к Сыр-Дарье; а с теми, кто решался на это, солдаты и офицеры жестоко расправлялись. Лишь после расправы с восставшими уездная администрация совместно с городскими депутатами Муминовым, Умаровым и крупным торговцем Абиджановым приступила к составлению списков.

Весть о событиях в Ходженте быстро распространилась не только по северным районам Таджикистана, но и по всей Средней Азии. Уже 5 июля на станции Куропаткино Среднеазиатской железной дороги произошла стычка между солдатами и местным населением. В тот же день с требованием уничтожить уже составленные списки выступили 2 тыс. жителей селения Ургут Самаркандского уезда. Они напали на сельского стражника Зияева и разорвали списки. 7 июля в селении Дагбит восставшие отобрали у волостного управителя списки, причем ранили его, а мирзу убили. Царские войска арестовали около 30 человек. Начались волнения в старом городе Самарканде. По донесениям военного губернатора, местные жители закапывали наиболее ценное имущество в землю и выезжали в окрестные районы. Пенджикентская дорога в десятых числах июля была сплошь заполнена беглецами. 10 июля на базаре в Самарканде наблюдался небывалый пригон скота, продававшегося по пониженным ценам.

Наиболее крупное восстание происходило в селе Костакос Ходжентского уезда, где множество мужчин и женщин ворвались в волостное управление, избили старшину и его прислужника.

С 8 по 15 июля восстание охватило всю Ферганскую долину. Здесь оно носило более организованный характер. По сообщению ферганского областного генерал-губернатора, восставшие жители Аштской волости Наманганского уезда ворвались в волостное управление и уничтожили не только список мобилизованных рабочих, но также и документы, относящиеся к «купчей крепости», и другие кабальные договоры.

Восстание 1916 г. оказало большое влияние на население Ура-Тюбе, Пенджикента и прочих районов и городов Северного Таджикистана. Не прошло оно бесследно и для эми-

рата. С. Айни отмечал, что «в этот период в Бухаре преследования были гораздо сильнее, чем когда-либо прежде. Аресты и гонения со стороны эмира и его чиновников приняли особый характер. В каждый район, в каждый крупный кишлак эмир направлял специальных агентов. Даже говорить о восстании в Туркестане было строгойше запрещено»<sup>21</sup>. В противовес трудящимся массам крупные местные купцы и промышленники направили в адрес российского политического агентства в Бухаре коллективную петицию, в которой заявляли о своей преданности царю<sup>22</sup>.

Знамя восстания подняли и трудящиеся Восточной Бухары. Летом 1916 г. в Калаи-Ляби-Обском амлякдарстве Каратегинского бекства местные жители выступили против эмирских чиновников. Непосредственным поводом к этому послужило распоряжение эмира о сборе средств на нужды войны. Руководил восстанием дехканин-отходник Казандаршо. Восставшие захватили кишлаки Куло и Даран Назарак и готовились к захвату крепости Калаи-Ляби-Об — резиденции местного амлякдара. Убив в момент стычки двух эмирских чиновников и захватив крепость Калаи-Ляби-Об, дехкане хотели пойти на Гарм и захватить крепость бека. Однако в последующих столкновениях с бекскими сарбазами (солдатами) они были разбиты.

Итак, восстание 1916 г. вспыхнуло повсеместно. В нем участвовали представители коренных национальностей. Но выступления были разрозненными, неорганизованными, стихийными, отсутствовало пролетарское руководство.

В ряде районов Самаркандской области Северного Таджикистана, Ферганской долины, некоторых районов Туркмении и Казахстана восстание носило национально-освободительный и антифеодальный характер. Острые его было направлено не только против царских чиновников, но и против местных эксплуататоров. А в отдельных местах, в частности в Джизаке, кое-где в Казахстане и Туркмении, оно приняло реакционную форму. В этих районах феодально-байские и клерикальные элементы, не желавшие примириться с потерей независимости, мечтали о возврате былых привилегий. Но в очень немногих случаях этим реакционным элементам, не без помощи иностранных агентов, удалось захватить инициативу восстания в свои руки.

Говоря о движущей силе восстания в тех районах, где оно носило национально-освободительный характер, следует отметить, что в нем участвовали пролетарские и полупролетарские элементы из коренного населения, находящегося под двойным гнетом «своих» и царских угнетателей.

Что же касается богатых представителей коренных национальностей (в том числе джаидов и части духовенства).



связанных главным образом с российским финансовым капиталом, то они с первых же дней помогали царским чиновникам в подавлении восстания, открыв свое реакционное политическое лицо перед трудящимися массами.

В ходе восстания среди некоторых представителей господствующей **PDF Compressor Free Version** была тенденция воспрепятствовать мобилизации рабочих. Но убедившись, что восстание будет подавлено, они быстро сдали свои демократические позиции и вместе с остальными предателями единым фронтом обрушились на борющийся народ.

Несмотря на стихийность и разбросанность, восстание в известной мере способствовало ослаблению колониальной системы царизма в крае и имело важное значение для последующей борьбы местных угнетенных масс в союзе с российским пролетариатом против их общего врага — царизма.

**Положение  
трудящихся  
в Бухарском  
эмирате**

Бухарский эмират, будучи протекторатом царской России, экономически и политически приспособил свое хозяйство к ее потребностям. Поэтому естественно, что с на-

чала войны здесь наступила острая экономическая нужда. Если в 1911 г. импорт из России в Бухару составлял 4911 пудов, то к 1915 г. он понизился до 2747; в то же время вывоз главнейших видов сырья из Бухары в Россию увеличился примерно на 50%.

Война подорвала и торговлю с другими странами.

Наряду с установлением новых налогов резко увеличивались старые. Если в 1910 г. с пуда хлопка взималось 20 коп. хараджа, то к началу войны харадж увеличился еще в несколько раз.

Положение народных масс осложнялось также тем, что эмир по-прежнему скапливал богатства страны в своих руках. Почти 90% национального дохода безвозвратно оседали в эмирской казне.

В связи с войной у населения стали изымать золотые и серебряные деньги. От этого особенно страдали горожане, в частности ремесленники. Участились случаи посылки в Россию всевозможных товаров и ценных вещей в виде «пожертвования в пользу войны». Таким путем за годы войны эмир «пожертвовал» несколько миллионов рублей народных денег.

За усердную службу царизму эмир получил чин генерал-лейтенанта. Он был назначен генерал-адъютантом Николая II и награжден орденом.

16 сентября 1916 г. эмир прибыл в ставку Николая II и внес «на нужды войны» еще миллион рублей. По этому поводу черносотенная газета «Новое время» писала: «Его высочеством эмиром бухарским в царской ставке представлен в распоряжение государя императора один миллион рублей

на нужды войны»<sup>23</sup>. Пресмыкаясь перед царизмом, эмир нещадно эксплуатировал свой народ. Помимо непосильного налогового гнета в разгар войны трудящиеся эмирата были принудительно направлены на строительство Бухарской железной дороги (причем на своих харчах). Так, жителей Восточной Бухары направляли на строительство дороги в сопровождении эмирских солдат.

Пагубно отразилась война и на экономике восточных бекств. Народ бросал насиженные места и уходил в отдаленные края. Эмирские чиновники, пользуясь бесконтрольностью, усиливали эксплуатацию населения. Междоусобная грызня между феодалами в свою очередь ухудшала положение трудящихся масс края. Одновременно усилились политические гонения. По договоренности с эмиром представители царской власти открыли в Бухаре специальное политическое управление, которое «начало вербовать провокаторов и агентов из жителей Бухары. Не проходило и дня, чтобы оно не обыскивало несколько домов и не арестовывало с помощью эмира нескольких человек. Все это делалось с провокационными целями»<sup>24</sup>. Эмирские агенты арестовывали всех, читавших газеты и рассуждавших о безвыходном политическом положении страны.

## ФЕВРАЛЬСКАЯ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Северный Таджикистан в период Февраля 27 февраля 1917 г. рабочие, крестьяне и солдаты, вдохновленные большевистской партией, свергли в Петрограде царизм. В России образовалось двоевластие: с одной стороны, буржуазное Временное правительство — орган диктатуры буржуазии, с другой — Советы рабочих и солдатских депутатов, представлявшие собой диктатуру пролетариата и крестьянства.

Февральская буржуазно-демократическая революция вслед за победой в центре победила и в Туркестане. Весть о падении русского самодержавия дошла сюда в ночь на 1 марта. Попытка туркестанского генерал-губернатора Куропаткина скрыть это важнейшее событие от народа сорвалась. 3 марта во всех газетах, издаваемых в крае, были опубликованы подробные сообщения об отречении царя и образовании Временного буржуазного правительства. В тот же день в крупнейших городах Туркестана начались митинги и собрания, сопровождавшиеся демонстрациями, в которых участвовали все демократические элементы страны.

По примеру России в Средней Азии тоже возникли Советы рабочих и солдатских депутатов. Идея Советов жила в

сознании рабочих, крестьян и солдат еще с 1905 г., когда впервые образовались Советы рабочих депутатов. В 1917 г. главными организаторами Советов стали рабочие мастерских Среднеазиатской железной дороги. Но с первых же дней образования Советов руководящую роль в них захватили меньшевики и эсеры, которые всячески поддерживали политику Временного правительства, между тем как в центральных городах России, так и в Средней Азии демократически настроенные массы возлагали на Советы большие надежды, мечтая с их помощью разрешить такие важнейшие жизненные вопросы, как заключение мира, передача земли крестьянам, введение в стране демократических свобод.

В Средней Азии наряду с Советами рабочих и солдатских депутатов, куда вошли главным образом русские трудящиеся, образовался также Совет мусульманских депутатов из числа демократических элементов города и кишлака. Такие же Советы под разными названиями возникли во многих городах Средней Азии. Начиная с марта 1917 г. возникали демократические национальные организации, например Союз трудящихся мусульман, объединявший различные национальности Средней Азии. Как Совет мусульманских депутатов, так и Союз трудящихся мусульман боролись за улучшение жизни коренных национальностей, за их равноправие. Все они держали тесный контакт с Советами рабочих и солдатских депутатов.

Параллельно с ними в крупнейших городах Средней Азии возникали и активизировали свою деятельность социал-демократические организации, которые объединяли в своих рядах большевиков и меньшевиков. Туркестанские большевики, несмотря на допущенные ими отдельные ошибки, в принципиальных вопросах стояли на ленинских позициях.

В марте в Туркестане оформилась буржуазно-националистическая организация «Шурои исломия», куда вошли наиболее видные представители местной буржуазии и идеологи джадидизма. Позднее из нее выделались феодально-клерикальные элементы во главе с крупнейшими представителями духовенства, создавшие контрреволюционную националистическую организацию «Улема». Обе эти партии, преследуя контрреволюционные цели, держали тесную связь с иностранными империалистами и представителями пантюркистов и панисламистов. Они за очень короткий срок открыли свои филиалы во многих городах Средней Азии. Эти контрреволюционные организации стремились к образованию самостоятельного националистического государства. При этом, если представители «Шурои исломия» стояли за буржуазное развитие страны, то улемисты, опираясь на нормы и законы шариата, добивались возврата ханских феодальных порядков.



Революцию приветствовали не только в центральных районах Туркестана, но и в Северном Таджикистане. Об этом писал один из активных участников революции в Таджикистане Джура Закиров: «Весть о Февральской революции 1917 г. и свержении царя Николая II рабочими и крестьянами Северного Таджикистана была встречена как неожиданное счастье, обещающее светлое будущее; на каждом шагу, в устах каждого только и можно было слышать: „дарь Николай поработал и угнетал нас, а теперь сам упал в яму, вырытую для других, и для нас, бедняков, пришла пора свободно вздохнуть“»<sup>25</sup>.

Еще в начале марта на площади ходженческой крепости был организован совместный митинг населения Ходжента с солдатскими массами. Собравшимся сообщили о свержении власти царизма и образовании Временного правительства и Советов рабочих и солдатских депутатов. Ораторы рассказывали о политической обстановке в стране и дальнейших перспективах революции. По окончании митинга был образован Совет, принявший приветственную телеграмму в адрес Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Вслед за этим начали функционировать Советы и в более отдаленных пунктах Северного Таджикистана. С первых дней они приобрели большую популярность; к ним стали обращаться по всевозможным вопросам жители не только городов, но и самых отдаленных кишлаков.

Важную роль в пробуждении политического сознания и дальнейшей активизации широких масс Северного Таджикистана сыграли рабочие мастерских Ходженческой железной дороги и шахтеры угольных копей. В первой половине марта на станции Ходжент был организован железнодорожный комитет рабочих и служащих. Тогда же рабочие и служащие Сулюктинских угольных копей создали комитет Совета рабочих депутатов под руководством большевика Д. Ш. Деканова. Этот комитет впоследствии вошел в состав Ходженского Совета рабочих и солдатских депутатов. Такие же Советы возникли на шахте «Шурабуголь», на нефтепромысле «Санго» и в других местах.

На многочисленных митингах, созванных по инициативе представителей Советов и под давлением широких масс, выносились решения о снятии или аресте оставшихся представителей царской власти. Так было в Костакозской и Унджинской волостях, на Саватском участке Ходженского уезда и еще во многих населенных пунктах. Причем эти решения как здесь, так и в других районах Средней Азии, принимались с выражением доверия Временному правительству. Такое положение создавалось потому, что в Советах рабочих и солдатских депутатов как в крупных городах — Ташкенте, Самар-

канде, Коканде, так и в уездах, в том числе и в Ходжентском, с первых же дней революции преобладали меньшевики и эсеры. Разумеется, это не могло не отразиться отрицательным образом на деятельности Советов. Пользуясь слабостью политического сознания народных масс, эсеро-меньшевистские деятели стремились за доверие Временному правительству. Они способствовали быстрейшему образованию комитетов общественной безопасности Временного правительства не только в центральных городах Средней Азии, но и в Северном Таджикистане. Такие комитеты, выражавшие интересы буржуазных и мелкобуржуазных элементов, появились в Ходженте, Ура-Тюбе и в ряде волостей. Помимо эсеров и меньшевиков активную роль сыграли тут представители местной буржуазии, входившие в состав этих новых организаций.

С 16 по 23 апреля 1917 г. в Ташкенте происходил съезд «Шурои исломия», в котором участвовали представители Средней Азии и Поволжья. Здесь четко выявились взгляды туркестанских и поволжских националистов, поставивших вопрос об отделении Туркестана от России и объединении всех мусульман в одно Туркестанское буржуазно-помещичье государство. Ходжентская организация «Шурои исломия» стояла на той же позиции. Выражая интересы торгово-промышленной, в основном компрадорской, буржуазии и феодально-байских элементов, эта партия объединяла вокруг себя самые контрреволюционные силы. Ходжентская, Ура-Тюбинская и Голодностепская организации «Шурои исломия» помогали эсерам и меньшевикам в укреплении авторитета Временного правительства, но в то же время не теряли надежды на создание «своей собственной» власти.

Пользуясь помощью тех же меньшевиков и эсеров, комитет Временного правительства в основном проводил прежнюю политику. При поддержке представителей комитета туркестанский генерал-губернатор Куропаткин не только не был отстранен от должности, но даже пытался сохранить старый колониальный аппарат царизма. Даже отдельные мероприятия, в частности создание городского самоуправления во главе с думой, в конечном счете преследовали цели укрепления колониальной политики. Это имело место не только в Ходженте, но также в Ура-Тюбе, Голодной степи и других местах. Так, в Ходженте бывший заместитель начальника уезда занял должность начальника. Чиновники исполнительного комитета Временного правительства во главе с Куропаткиным всячески провоцировали местное население, пытаясь поссорить его с русским. Наиболее характерной иллюстрацией может служить такой факт. Когда жители Ура-Тюбе потребовали замены реакционных чиновников более лояльными, на-

чальник уезда якобы для защиты русских граждан запросил из Ташкента оружие, чтобы подавить возникшее недовольство.

Провокационную политику местных властей полностью поддерживало Временное правительство. И постепенно трудящиеся стали понимать его сущность. В этом отношении огромную роль сыграли туркестанские большевики, которые на каждом шагу вскрывали реакционность политики правительства. В северных районах Таджикистана видный большевик Е. А. Иванецкий после выхода из подполья развернул большую работу. Верными помощниками русских революционеров стали местные большевики: вышеупомянутый Джура Закиров, Абдулкадыр Рахимбаев, Хайдар Усманов, Наджмиддинов. Под руководством ташкентских и самаркандских большевистских групп они активно боролись с Временным правительством. Но ограниченность числа большевиков не позволяла направить их во все районы Северного Таджикистана. Тем не менее они стойко боролись и стремились придать движению организованный характер. Так, под их воздействием Совет рабочих и солдатских депутатов для ослабления власти контрреволюционного начальника уезда потребовал от него передачи холодного и огнестрельного оружия в распоряжение Совета, а также лишил его права самостоятельно распоряжаться продовольственными запасами. Такое же решение было принято в отношении отдельных директоров предприятий. Одновременно Совет добился замены полиции милицией. Наконец, 22 марта 1917 г. Совет при поддержке других демократических организаций вынес решение о замене начальника Ходжентского уезда более лояльным лицом.

31 марта были подвергнуты домашнему аресту Куропаткин с помощником и начальник штаба. Это было серьезной победой, одержанной Советами рабочих и солдатских депутатов совместно с Советами мусульманских депутатов.

По решению Временного правительства вместо снятых чиновников был создан Туркестанский комитет во главе с кадетом Щепкиным, которому фактически были предоставлены права Туркестанского генерал-губернатора. В состав комитета вошли представители как русской, так и местной буржуазии; представителей трудящихся в нем не было. Комитет был выразителем воли буржуазии и проводил политику Временного правительства<sup>26</sup>.

С первых же дней образования Комитета началась реорганизация областных и уездных комитетов, куда также вошли лишь представители имущих классов. Уже 17 апреля на объединенном заседании Ходжентского исполкома, в котором участвовали также представители местной буржуазии.



было решено образовать исполнительный комитет Временного правительства в составе 29 членов. В него вошли владельцы крупных маслобойных и хлопкоочистительных заводов Мухаммад-Рахим Алибаев, Махкамбай Атабаев, Самиджан Кори Муминов и др. В составе вновь созданного исполкома был представитель из депутатов Ходжентского совета<sup>27</sup>. Новый исполком выражал интересы буржуазного правительства, местных эксплуататоров и соглашателей. Продолжая политику своих предшественников, он опирался на представителей старой власти, местную буржуазию и феодальные элементы, которые вошли в состав городского самоуправления и думы. Наблюдались случаи, когда волостные комиссары не избирались, а назначались сверху. Например, некий Фатуллахан, в прошлом очень влиятельный человек в Ура-Тюбе, при непосредственной поддержке Ура-Тюбинского исполкома был назначен на должность судьи.

Огромную помощь представителям правительства оказала местная национальная буржуазия. «Шурои исломия», имея отдельные расхождения, в целом поддерживала политику Временного правительства. Организация мусульманского духовенства «Улема», несмотря на свои пантюркистские и панисламистские настроения, тоже заигрывала с представителями Временного правительства.

Такие важнейшие вопросы, как ликвидация остатков крепостничества в деревне, уничтожение крупных землевладений, освобождение женщины, упразднение сословного деления и т. п., не были решены ни в центральных районах России, ни в Средней Азии в целом, ни, в частности, в северных районах Таджикистана. Это вытекало из существа политики Временного правительства. Характеризуя ее, В. И. Ленин подчеркивал, что монархия разбита, но еще не добита. «Октябристско-кадетское буржуазное правительство, желающее вести «до конца» империалистическую войну... *вынужденное обещать* народу максимум свобод и подачек, совместимых с тем, чтобы это правительство сохранило свою власть над народом и возможность продолжать империалистическую войну»<sup>28</sup>. Вследствие этого положение народа с каждым днем ухудшалось, поскольку буржуазное Временное правительство, как писал Ленин, в лучшем случае могло дать народу, «как дала Германия, „гениально организованный голод“»<sup>29</sup>.

Антинародное Временное правительство не в состоянии было предпринять какие-либо меры по предотвращению разрухи и голода, которые с каждым днем все шире охватывали Туркестан. Посев хлопчатника по четырем областям края сократился с 1915 по 1917 г. более чем на 20%. В результате повсеместного неурожая зерновых в том же году и значи-

тельного сокращения поголовья скота цены на продукты резко поднялись. Пуд пшеницы, стоивший в 1916 г. 2 руб. 50 коп., в 1917 г. стоил уже 81 руб.

Временное правительство не могло разрешить и национальный PDF Compressor Free Version В декларации от 7 марта оно провозгласило колонизаторский лозунг борьбы за «неделимую Россию».

Все это в значительной степени накалило обстановку и в центре и на местах. Под давлением широких масс Временное правительство было вынуждено отозвать из Туркестана своего представителя кадета Шепкина и назначить на его место бывшего вице-губернатора Ферганской области Наливкина. Однако такой маневр, рассчитанный на отвлечение внимания народа от разрешения насущных вопросов, не удался, так как Наливкин продолжал политику своего предшественника; да иначе и не могло быть, поскольку он был ставленником Временного правительства. Между тем, как писал В. И. Ленин, народу были необходимы мир, хлеб, свобода и земля, а этого Временное правительство не могло ему дать. Указывая на тактические задачи, стоявшие перед большевиками, Владимир Ильич говорил, что своеобразие текущего момента заключается в необходимости перехода от первого этапа революции — буржуазно-демократического ко второму — социалистическому. В исключительно сложной политической обстановке В. И. Ленин в своих знаменитых Апрельских тезисах дал программу борьбы за такой переход.

«Своеобразие текущего момента в России, — писал Владимир Ильич, — состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»<sup>30</sup>. Развивая вышеуказанное положение, Ленин впервые выдвинул гениальную идею о новой форме диктатуры пролетариата — республике Советов. Он писал: «Не парламентарная республика... а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху»<sup>31</sup>. Гениальные тезисы В. И. Ленина помогли большевистской партии разоблачить антинародную политику Временного правительства и повести массы ко второму этапу революции.

Февральская  
революция  
и ее отклики  
в Бухаре

Февральская буржуазно-демократическая революция в России на первых порах вызвала страх и растерянность среди правящих кругов Бухарского эмирата. Однако вскоре, поняв сущность происшедшего, эмирская Бухара официально приветствовала Временное правительство. Затем в ответ на заявление министра иностранных дел Временного правительства Милюкова от 10 марта 1917 г. о сохранении

нерушимого союза бухарского эмира и русской буржуазии на основе существовавшего договора 1868 г. и протектората России эмир писал: «Бухара по-прежнему находится под высоким покровительством России. Бухарское правительство торжественно подтверждает нерушимость заключенного с Россией договора».

По рекомендации Временного правительства эмир решил провести в Бухаре некоторые реформы. 18 марта 1917 г. представитель Временного правительства в Бухаре Миллер сообщил Милюкову, что он совместно с эмиром приступает к устройству самоуправления в Старой Бухаре; что вечером того же дня в эмирском дворце состоится совещание по реформе с участием эмира, кушбеги и муллы. Миллер добавлял, что проведение реформы является разумным началом и представляет для Временного правительства большую ценность.

Изданный эмиром «Манифест» выражал интересы Временного правительства и эмирата и по своему содержанию напоминал манифест царского правительства от 17 октября 1905 г. и заведомо был рассчитан на обман масс. «Манифест», изданный под громким заголовком «Он, к которому за помощью обращаются», охватывал много вопросов: управление на выборных началах, развитие промышленности, справедливость, правосудие, правильный сбор податей, искоренение злоупотреблений, устройство государственного казначейства, открытие типографии. Одновременно для успокоения трудящихся масс эмир торжественно провозгласил «дарование других милостей по мере того, как в них будет надобность»<sup>33</sup>. Временное правительство и его Туркестанский комитет получили официальное сообщение о том, что «Бухара встала на новый путь жизни» и в ней издан манифест о реформе. Однако о нем знали лишь правящие круги эмирата, представители Временного правительства и несколько лидеров младобухарцев. Более того, когда по случаю подписания манифеста 8 марта на улицах Бухары появились манифестанты со знаменами, то реакционные элементы во главе с муллами и при поддержке сарбазов набросились на демонстрантов и учинили погром. Воспользовавшись этим, эмир издал приказ, который фактически похоронил идеи манифеста. Приказ гласил: «Те, кто подняли флаг и требуют реформы, выступают против эмира, поэтому являются бунтарями и мятежниками. Права их не защищены, а имущество их вне закона»<sup>34</sup>. Смысл манифеста свелся к демократическим обещаниям на словах и контрреволюции на деле.

Таким образом, Февральская буржуазно-демократическая революция не изменила положения угнетенных масс в Бухаре.



Образование  
Совета рабочих  
и солдатских де-  
путатов

Иное положение было в русских поселках, расположенных рядом с Бухарой. Так, в Новой Бухаре (Каган) были уже областной и местный Советы солдатских и рабочих депутатов, Городской исполнительный комитет и профессиональный союз. Наибольшим авторитетом у населения пользовались Советы солдатских и рабочих депутатов. В Новом Чарджоу также функционировали Исполнительный комитет, Совет солдатских и рабочих депутатов и несколько профессиональных союзов.

Аналогичная картина имела место в Керки, Термезе и других городах, населенных главным образом русскими. В Термезе образовались городская дума и Совет солдатских и рабочих депутатов.

Как и в центральных городах, Советы в Туркестане носили преимущественно меньшевистский характер, в них с самого начала засели в основном меньшевики, эсеры, члены партии дашнакцутюн. Но были и представители большевистской организации, пользовавшиеся внутри Советов большим авторитетом.

Рабочие хлопкоочистительных и маслобойных заводов, служащие железнодорожных мастерских, пользуясь поддержкой большевиков, приступили к организации рабочей гвардии, которая должна была заменить полицию и другие организации Временного правительства, скомпрометировавшие себя антинародной политикой. Так, бухарское резидентство, созданное вместо бывшего политического агентства, в лице резидента Миллера было вынуждено констатировать, что «совершенно не связано ни в каком отношении с населением Новой Бухары»<sup>35</sup>.

Важную роль в организации Советов сыграл П. Г. Полторацкий — типографский наборщик, приехавший в Каган из Баку. С первых же дней революции Полторацкий был избран председателем рабочей комиссии в Кагане; по его инициативе был организован первый Совет рабочих и солдатских депутатов и созван первый съезд Советов русских селян Бухарского ханства. На этом съезде Полторацкий был избран делегатом на первый Всероссийский съезд Советов в Петрограде. Там он вступил в партию большевиков и по возвращении в Бухару взялся за работу по созданию большевистской организации. К Октябрьской революции здесь уже имелась крупная группа большевиков, руководимая Полторацким<sup>36</sup>.

Советы играли важную роль в пробуждении и поддержке борьбы трудящихся масс Бухары против эмирского строя. Так, 8 марта 1917 г., в день вышеупомянутой манифестации, в Кагане был брошен клич об оказании помощи народу Бу-

хары. Через два часа записалось более 1100 добровольцев, пожелавших сражаться с эмирскими войсками. Чувствуя поддержку Советов, трудящиеся Бухары начали действовать более активно. Например, в похоронах жертв эмирского произвола участвовало несколько тысяч человек, что было необычным для Бухары того времени.

16 апреля, несмотря на протест соглашательских партий и местной буржуазии, Советы вынесли недоверие резиденту Миллеру. А в конце месяца съезд Советов вынес решение о контроле над резидентством, выражая тем самым недоверие Временному правительству. Одновременно большевистские группы внутри Советов вели большую работу по разоблачению контрреволюционной сущности Временного правительства и очищению Советов от представителей соглашательских партий.

Образование Совета рабочих и солдатских депутатов в русских поселениях эмирата оказало влияние не только на жителей Бухары, но и на население отдаленных бекств. Уже с марта 1917 г. волнения охватили Каршинское бекство. На подавление «беспорядков» эмир и резидент направили туда специальные воинские части.

Одновременно происходили народные выступления в Келифе, Чарджоу, Зиатдине.

25 мая началась массовая забастовка на хлопкоочистительных заводах товарищества «Беш-Бош». Рабочие требовали восьмичасового рабочего дня. Забастовка охватила целый ряд предприятий<sup>37</sup>. Такие же стихийные выступления трудящихся имели место в Восточной Бухаре, население которой в период Февральской революции значительно активизировалось. Начали открыто выступать против прогнившего эмирского строя жители Гиссарского, Бальджуанского и других бекств.

Огромным тормозом для развития революционного движения в Бухаре были буржуазные националисты — младобухарцы, которые во время Февральской революции выступили с националистической программой, существо которой сводилось к идее создания пантюркистского самостоятельного буржуазного государства в Бухаре. Они старались ослабить революционное движение народных масс; под флагом национальной борьбы они пытались изолировать народные массы Туркестана от общей революционной борьбы, возглавляемой русским рабочим классом; восстановить народы Бухары и всей Средней Азии против остальных трудящихся бывшей Российской империи.

Но, к счастью, опасной игре, затеянной буржуазными националистами, не суждено было осуществиться. Великая Октябрьская социалистическая революция ликвидировала не

только капиталистов и помещиков, но и буржуазных националистов с их националистической программой.

**Тактика бухарских джадидов** — Отсталость экономики, доминирующее влияние духovenства, составлявшего 3% населения, и период Февраля — гения, сплошная неграмотность народа, суровый деспотический режим придавали деятельности бухарских джадидов некоторые особенности. Джадиды считали необходимым сохранить эмира и с его помощью провести в стране некоторые реформы, отражавшие интересы буржуазии. Джадиды были связаны также с представителями царской власти, а позднее — с Временным правительством.

Джадиды стремились убедить эмира в необходимости реформы, утверждая, что «справедливый эмир, обладающий светлым разумом, и его взор, боящийся бога и благовопитанный, может прекрасно реорганизовать все это»<sup>28</sup>.

Отгораживаясь от народных масс, джадиды заполнили свои ряды кунцами, муллами, ростовщиками и прочими элементами, жившими за счет эксплуатации трудящихся. Являясь по преимуществу представителями партии буржуазно-националистического и национал-реформистского типа, джадиды не были способны к активным действиям.

С приходом к власти Временного правительства джадиды ждали, что его представитель проведет в стране нужные им реформы. В это время в их рядах произошел раскол и образовалась новая младобухарская партия, которая больше походила на группу. Во вновь образованную группу помимо старых лидеров вошла разночинная национальная интеллигенция, недовольная пассивностью крупных джадидов. Чтобы упрочить свое положение, младобухарцы в основном ориентировались на Временное правительство. Они направили эмиру через резидента Миллера свои предложения о реформе. Они требовали установления своего представительства при эмире и его беках, улучшения работы администрации и установления контроля над ней, ограничения налогов (кроме предусмотренных по шариату). Они возлагали надежды на справедливость эмира и твердость Миллера.

После опубликования эмирского манифеста большая часть младобухарцев без предварительной подготовки решила устроить благодарственную демонстрацию на площади Регистан, а также в районе Ляби-Хауза. Не ограничиваясь этим, рано утром 8 марта они собрались у магазина «Баракат» и в сопровождении наиболее близких им элементов двинулись ко дворцу, чтобы поблагодарить эмира за манифест. Предварительно они направили к кушбеги за оркестром своих делегатов.

Тем временем реакция стала готовить черносотенный погром. Раздавались голоса: «Мусульманство в плену», «На-



стала эпоха джадидов». Муллы, воспользовавшись покровительством эмира, утверждали: «Свобода будет заключаться в том, что заставят женщины открыть лица, а муфтиев, казиев и им подобных уничтожат»<sup>39</sup>. Начался погром, результатом которого было массовое избиение и уничтожение ни в чем неповинных людей, в большинстве своем даже не участвовавших в демонстрации. Был зарезан и повешено около тысячи человек, в основном никакого отношения к младобухарцам не имевших. Как указывалось выше, наступление черносотенцев во главе с муллами и феодалами послужило предлогом для подавления недовольства против эмирского строя.

В числе лиц, подвергшихся репрессиям, оказался и Садриддин Айни. Он не участвовал в демонстрации, но тем не менее был схвачен эмирскими палачами и получил 75 палочных ударов. Вспоминая об этих днях, Айни писал, что накануне демонстрации состоялось собрание, на котором присутствовало немало темных соглядатаев и агентов эмира. «Вопрос о демонстрации с выражением радости и благодарности эмиру был поставлен на обсуждение собравшихся. Резко выступая против проведения этой демонстрации, я говорил: «Во-первых, указ не стоит этой демонстрации, во-вторых, правительство использует нашу демонстрацию как предлог, чтобы побудить к действию реакцию и аннулировать самый указ, взвалив ответственность за это на демонстрантов». Однако джадидские руководители не вняли моим доводам, и на моей стороне остались лишь три-четыре человека»<sup>40</sup>.

Демократические элементы Бухары обратились за помощью к исполнительному комитету Совета солдатских и рабочих депутатов Кагана (Новой Бухары). На следующий день Комитет направил официальное письмо эмиру с предупреждением, что за все репрессии в отношении русских граждан и местного населения он будет нести ответственность. Затем для освобождения томившихся в бухарской тюрьме людей Комитет с согласия резидента перебросил в Бухару войска из Самарканда. С их прибытием арестованные, в том числе и Айни, были освобождены.

Между тем эмир продолжал свою антинародную деятельность, щедро обеспечивая деньгами духовенство за его реакционные действия<sup>41</sup>. Чтобы ослабить внутреннее недовольство, эмир сознательно натравливал один народ на другой и со всех концов страны подтягивал к столице контрреволюционные силы. Пользуясь невмешательством Временного правительства во внутренние дела страны, эмир начал постепенно уничтожать наиболее видных своих противников.

В эти дни младобухарская партия показала, насколько она чужда интересам трудящихся. С. Айни писал, что «младобухарцы работали уже 9 лет, но толща народная была за-

тронута ими только слегка, и идеи, брошенные ими в народ, были подобны траве, посеянной на песке, они готовы были увестись при первом ветре»<sup>42</sup>. Младобухарцы не искали поддержки широких масс. Даже в обстановке массового террора они надеялись на эмира, пытаясь добиться от него реформ.

PDF Compressor Free Version

Победа февральской революции на Памире Пахануне Февральской революции весьма остро стоял вопрос о продовольственном снабжении Памирского отряда и местного населения. Не только воинские части, расположенные на Памире, обеспечивались продуктами из Туркестана, но и жизнь коренного населения тоже находилась в прямой зависимости от благосостояния края, в частности Ферганы. И вот в связи с разрухой попали в безвыходное положение как солдаты, так и гражданское население.

Но царские власти не считались с тяжелым положением народных масс Памира. Они обязали их обеспечивать продовольствием не только военный отряд, но и многочисленных чиновников, караульщиков и пр. Так, в 1915 г. начальник Памирского отряда распорядился: «Для прокормления караульщиков рабагов (сторожевых постов) Мац и Харгуш [горных перевалов] предписываю населению 5 аксакальства Ваханской волости доставить им продовольствие»<sup>43</sup>.

Такой же приказ был издан и для Орошорской волости, население которой было обязано содержать караульщика Сарезского озера<sup>44</sup>.

В зависимости от количества караульщиков каждое аксакальство обязано было обеспечить их продовольствием в двойном, тройном и в еще больших размерах.

Большой тяжестью ложилось на коренное население обеспечение отряда гужевым транспортом. Его заставляли к тому же безвозмездно строить дороги, помещения для отдельных гарнизонов и т. п. Между тем в 1915—1916 гг. на Памире была необыкновенная засуха и неурожай, что привело к голоду почти во всех районах.

Весть о Февральской революции дошла до Памира в апреле 1917 г. Во второй половине апреля был образован Общепамирский комитет Временного правительства. Его председателем стал военный чиновник Белоз, а членами — представители местной верхушки Памира — Х. Муборакшоев, Джабаров и др.

Трудящиеся Памира в силу слабой организованности, отсутствия здесь рабочего класса и социал-демократических организаций не смогли создать свои органы власти — Советы.

Общепамирский комитет Временного правительства взял на себя управление краем, лишив тем самым этого права начальника Памирского отряда.

Вскоре после получения известия о свержении царского самодержавия по инициативе революционно настроенных солдат был создан Солдатский комитет Памирского отряда и постовые солдатские комитеты. Председателем Солдатского комитета отряда был избран П. Воловик. Образование комитета было встречено народом с огромной радостью. Солдатские массы при поддержке трудящихся заставили реакционно настроенных офицеров покинуть пределы Памира. Вслед за этим были образованы волостные комитеты в восточных и в западных районах.

Но реакционные элементы из числа крупных феодалов и духовенства не сдавались. Они пытались установить контакт с эмиром Бухары, который всячески стремился восстановить свое господство в западных районах Памира.

Однако трудящиеся, опираясь на поддержку революционных солдат, сумели предотвратить опасность установления эмирского господства над своей страной. Представители же Временного правительства поддерживали старый режим, основанный на насилии и угнетении, и не собирались улучшать тяжелое положение трудящихся.

Таким образом, Февральская революция не облегчила судьбы трудящихся Памира.



## ГЛАВА VI

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ  
 МЫСЛИ, ЛИТЕРАТУРЫ, КУЛЬТУРЫ,  
 БЫТ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА  
 (вторая половина XIX — начало XX в.)

## ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

**Просветительство** Исторические корни просветительства следует искать прежде всего в социально-экономических условиях, существовавших в Средней Азии во второй половине XIX и в начале XX в. Дальнейшая социальная дифференциация общества и усиление эксплуатации непосредственных производителей обострили классовую борьбу. Представители прогрессивной части среднеазиатского общества ясно видели социальные извны, разядавшие их страну.

Прогрессивные писатели того времени — просветители Бухары и Туркестана — Дониш, Саадо, Шохин, Воеех, Хайрат, Асгара, Ашин, Фуркат, Муними, Хамза и др. вели ожесточенную борьбу с затхлой атмосферой феодально-клерикальной культуры и пропагандировали преимущества светского просвещения и передовых научных традиций.

В. И. Ленин указывал, что «в каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологически демократическую и социалистическую». Эти слова вполне можно применять для характеристики культуры Средней Азии и зарождения просветительства.

Просветители правдиво указывали на экономическую и культурную отсталость своей страны, критиковали деятельность эмира и его порядки, выдвигали широкую, тогда и противоречивую программу социальных и культурных пре-

образований. Им хотелось увидеть свой край богатым и культурным. В этом отношении историческую роль сыграло присоединение Средней Азии к России. Среднеазиатские просветители изучали многовековую русскую культуру, были усердными поборниками светского просвещения, учились у передовых людей русского народа непримиримой революционной страстности, пропагандировали идеи дружбы между народами, проповедовали просветительные и демократические идеи.

Голоса лучших сынов Средней Азии перекликались с голосами передовых людей России, призывавших к расцвету так называемых малых народов и раскрывавших богатство их национальной культуры.

Ахмад Дониш Родоначальником просветительства во второй половине XIX и начале XX в. был Ахмад Дониш. А. Дониш жил и творил в эмирской Бухаре. Он известен в истории таджикской литературы не только как мыслитель и философ, но и как поэт и писатель. Литературная деятельность Дониша как писателя представлена в его социально-философских и литературных сочинениях, а как поэта — в его немногочисленных стихах. Стихи Дониша сохранились в отрывках, рассеянные в его философско-публицистических сочинениях и в тазкира. Его поэзия в основном представлена касидами и кит'а.

В формировании мировоззрения А. Дониша большую роль сыграли его поездки в Петербург в качестве члена бухарского посольства. Он сравнивал образ жизни в Бухарском ханстве и в России и ясно видел пороки и преступления эмира и его чиновников, невежество и корыстолюбие мусульманского духовенства.

Под впечатлением поездки А. Дониш разработал проект реформ в эмирате. Однако никаких радикальных социальных преобразований А. Дониш не выдвигал. Его политическая и экономическая программы реформ были крайне скромны и сдержанны.

Основная идея трактата заключалась в сохранении власти эмира, основанной на законах шариата и ислама. Эмир — слуга народа. Оправдание его власти — благоденствие народа, в первую очередь ремесленников и земледельцев. Он считал, что только экономическое и культурное развитие обеспечит общественный прогресс в эмирате.

В реальных условиях политической и идеологической борьбы в эмирской Бухаре даже эта скромная программа реформ превратилась в обвинительный акт против всей эксплуататорской системы эмирата, поэтому не случайно и была отвергнута эмиром и его приближенными со злобой и издевательством.

А. Дониш скоро понял, что эмиры неспособны осуществить благодетельные для народа реформы. Но он искал истоки зла только в чисто этических моментах (например, в неразумности, бесчеловечности, невежестве, корыстолюбии правящих кругов Бухары). Он еще не понимал ведущих социальных причин «душной», неразумной политики эмира, коренящихся в феодальном строе. Не видел А. Дониш и основной силы, способной искоренить угнетение и уничтожить пороки, — революционной силы трудящихся масс.

Но независимо от этого просветительская деятельность А. Дониша, его гневные разоблачения, его страстная ненависть к невежеству, угнетению, злу сыграли исключительно большую роль в сплочении и просвещении тех социальных сил, которые в будущем сокрушили эмират.

В своих работах о мангытских эмирах А. Дониш подчеркивает, что их владычество представляло собой одну из самых мрачных страниц истории страны. По мнению А. Дониша, сущность династии мангытов — насилие, угнетение, невежество и разврат.

Говоря о культурном упадке в «нации ислама», А. Дониш писал: «... об этом ни в одной истории не написано. Люди эти видели и думали только о себе. И все бешено спешили заручиться милостью эмира, все жаждали, чтобы казий посадил каждого из них рядом с собой, раис бы ел с ним из одной тарелки [и] ночной страж был бы соседом. Но хуже всего было развратное, злобное, кровожадное поведение самого султана; казий — взяточник, узурпатор, дармод; раис — продавец женских тел, бесчестный; ночной страж — начальник бандитов из дорогих и главарь воров»<sup>2</sup>.

А. Дониш, подобно просветителям Западной Европы, видел выход из существующего положения в «просвещенном идеальном государе», который сумеет обеспечить порядок в государстве, проявить заботу о торговле и просвещении народа. По мнению А. Дониша, положение в стране резко улучшится, если просвещенный правитель удалит бессовестных сановников и на их места назначит новых не по признаку происхождения, а по способностям. Он ратовал за утверждение просвещенного абсолютизма.

Своеобразие идеологии А. Дониша заключалось в его отношении к русской культуре. Ему хотелось содействовать экономическому и культурному возвышению Бухарского ханства. Эти мысли просветитель мог высказывать только намеками, в забавных рассказах о русской столице, о русских людях, так как в Бухаре того времени в обстановке религиозного фанатизма было невозможно открыто заявлять о своих симпатиях к стране чужеземцев-русских и к их культуре.



А. Донниш и его последователи предлагали заимствовать все лучшее у России, чтобы добиться независимости и свободы, и этим они обосновывали необходимость учиться у России. Эти два момента настолько переплетались в сознании среднестатистических просветителей, что нередко приводили их к идеализации царского правительства.

А. Донниш подчас не ясно представлял социальную природу российского царизма, он писал и говорил о России вообще, не различая двух России — России царской и России революционной, хотя он не раз подчеркивал, что деспотизм и невежество эмира поддерживались именно царским правительством. Однако вся логика последующих классовых и национальных битв заставила таджикских просветителей вскоре увидеть в России решающий социальный водораздел.

А. Донниш с большой симпатией относился к русской культуре, понимал преимущества овладения русским языком. Он сравнивал безрадостную долю таджичек и узбечек «отлученных» от культуры, с положением русских женщин.

Через все произведения А. Донниша проходит основная мысль — приобщить Бухару к светской культуре. Его социальные мечтания были утопичны.

Он говорил, что сильные могут воевать только с сильными, но не со слабыми. Слабые должны получать свою долю из захваченного имущества как сыновья, которые при распределении наследства отда равноправны между собой. Тогда не будет в мире крокопролития и драг и не останется между царями конфликтов и войн. Тогда народу будет обеспечено благополучие<sup>3</sup>.

Однако А. Донниш понимает утопичность таких социальных проектов. Мирным путем их осуществить невозможно, а революционных потрясений А. Донниш боялся. В начале 70-х годов XIX в. А. Донниш не видел революционного народа, не замечал (точнее — проходил мимо) многочисленных крестьянских восстаний и волнений, происходивших в Бухарском ханстве в этот период. А. Донниш мыслил осуществить свои передовые идеи путем широкой системы реформ «сверху», путем создания просвещенного эмирата.

Так думал А. Донниш вначале. Впоследствии, убедившись в утопичности своих реформаторских идей, просветитель стал думать о необходимости уничтожения мангытской династии.

Он писал, что эти повелители, которых называют — его величество эмир и господа вазиры, «стоят ниже животных. Они должны быть отстранены от своих должностей согласно шариатским законам, так как они творят антишариатские преступления. Никому нет необходимости подчиняться им, и в этом нет измены, т. е. неповорота и признания бунта, по-

тому что все действия эмира и его людей, противоречащие справедливости, являются сатанинскими»<sup>4</sup>.

Однако, ненависть бухарских тиранов, А. Дониш был далек и от народа. Поэтому он и не мыслил изменения социально-экономического строя эмирата путем революционных методов. Хотя А. Дониш выступал не как беспристрастный наблюдатель всех зол бухарской жизни, а как страстный критик-обличитель, тем не менее характер его разоблачений был типично просветительский. В этом сказались узость воззрений А. Дониша.

Несмотря на это, в условиях Бухары XIX в. идеи А. Дониша носили прогрессивный характер. В результате противоречивости идей А. Дониша его последователи разделились на два противоположных лагеря — революционно-демократическое крыло, которое впоследствии вместе с русским народом боролось за социалистическую революцию в Бухаре, и на представителей джадидской идеологии, боровшейся за просвещение, но против революции. Это и определило в дальнейшем всю идеологическую борьбу в области общественной мысли Средней Азии XIX и XX вв.

Ближайшим единомышленником А. Дониша был Савдо.

Абдулкодир	Савдо принадлежал к потомкам выдающегося ученого и поэта XVII в. Мир-Мухаммада Хусайни ал-Сиддики. Он сначала
Ходжа Савдо	
(1823—1873)	учился в мактабе, а потом в мадраса.

Будучи способным юношей, Савдо овладел не только рядом наук религиозного содержания, но и путем самообразования усвоил основы некоторых светских дисциплин (астрономии, математики, музыки, поэзии). Его учителем был известный теолог и просветительный муддаррис Бухары Наджмиддин Махдум Судур. Савдо также знал строительное и ювелирное дело, проявил хороший вкус и в области каллиграфии. Он был талантливым мастером-музыкантом по исполнению «Шаш-Макома». Однако в истории таджикской литературы Савдо известен главным образом как великолепный поэт и просветитель, писавший стихи на таджикском и узбекском языках.

Савдо — один из тех поэтов, в произведениях которых широко представлено изумительное богатство таджикского языка.

В его поэзии преобладают малые формы: газели, касида, небольшие масневе, кит'а, марсия (элегии), мухаммас, тардже'банд, фард и др. Всем видам поэзии он предпочитал газели и в сложении их достиг высокого мастерства.

Савдо принадлежал к числу тех поэтов XIX в., которые частично уже нарушали старую тематику, стиль и вносили в поэзию новые близкие к жизни темы общественного значе-

ния, язык их произведений более прост, понятен и близок к народной разговорной речи.

В стихах, носящих публицистический характер, поэт критикует общество эксплуататоров, где ценность человека определяется лишь его богатством.

PDF Compressor Free Version

Тот, чьи ноги обуты в туфли, на чьих плечах халат и в кармане золото,  
То хоть он и глуп, а говорят: он — человек совершенного ума.  
И хотя только обладание деньгами считается в мире идиолом веры,  
Не печалься из-за отсутствия денег, Бепул (т. е. не имеющий денег),  
ведь и река не имеет моста<sup>2</sup>.

Савдо жил и творил в эмирской Бухаре. Он вел скромный образ жизни, еле-еле зарабатывая на пропитание как ювелир и художник-миниатюрист, поэтому у поэта был псевдоним «Бепул» (безденежный).

Когда в Бухаре утвердился авторитет Савдо как одаренного поэта, он был приглашен в эмирский дворец на должность «мунши»<sup>\*</sup>, а затем «урака»<sup>\*\*</sup> и собеседника эмира. Эмир Музаффар пытался прикрыть свои преступления перед народом именами таких образованных людей, как Савдо. Савдо, находясь на эмирской службе, видел разврат, взяточничество, неудержимый произвол придворных эмира, что дворец эмира — очаг кровавых интриг против народа.

Поэт ненавидел старые феодальные устои. Он с горечью писал, что в Бухаре унижены люди науки и только недостойные пользуются почетом и уважением. В поэзии Савдо основное место занимают сатирические произведения, направленные против недостойного поведения духовенства и против религиозных обрядов и обычаев. Путь избавления от этого Савдо видел только в приобщении к светской культуре. Он был новатором и одним из основоположников просветительской литературы.

Шамсиддин  
Шохин  
(1859—1894)

Другой единомышленник А. Дониша Шохин — талантливый просветитель и замечательный поэт. Роль Шохина в истории таджикской литературы и в просветительстве очень велика<sup>6</sup>. Творчество Шохина развивалось под влиянием таджикских поэтов-классиков: газели написаны им под влиянием стихов Хафиза, «Лейли и Маджнун» — под влиянием Низами и Амира Хисрави, «Тухфаи дустон» («Подарок друзьям») — под влиянием Саади. В введении в «Тухфаи дустон» он называет Низами и Саади своими учителями. После А. Дониша Шохин следует считать центральной фигурой литературы

<sup>\*</sup> Мунши — писец, секретарь.

<sup>\*\*</sup> Урак — почетное звание у духовенства.



второй половины XIX в. Несмотря на короткую жизнь, Шохин оставил значительное литературное наследие.

Шохин, так же как и А. Дониш, возлагал большие надежды на просвещенного и справедливого эмира. Это особенно заметно сказалось в поэме «Лейли и Маджнун». Шохин мечтал, чтобы владыка страны был настоящим человеком, который сумел бы помочь бедным людям в трудную минуту. Но вера Шохина в справедливого монарха продолжалась недолго. В одном из наиболее ярких своих произведений «Бадое-ус-саноъ» («Редкости искусств»), написанном в последний период жизни, Шохин подверг резкой критике эмира Абдул Ахада (1885—1910) и его чиновников. Он считал, что на государственных должностях должны назначаться люди из народа, которые соответствуют этому по своим знаниям и способностям.

Критикуя невежество господствующих классов, реакцию и фанатизм, царившие в стране, Шохин в своих стихах уделял много внимания трудовому народу, с сочувствием описывал его тяжелое положение. Так, в одной из вступительных глав к поэме «Тухфай дустон» он писал:

Если придется что-нибудь отнимать у народа,  
Издавая приказ, режут горло народу.  
Нищему не дают и зернышка серебра  
И это богатство [свое] скрывают под ковром.  
Собирают пошлину и дань с имущества бедных сирот,  
А собирающим дань дарят короны,  
Деспоту дают право самоуправления,  
Чтобы он подверг разграблению честь народа<sup>7</sup>.

Шохин выражал идеи передовых людей ханства. Он был сторонником светского образования, стоял за развитие ремесла, науки и поэзии в ханстве.

Критические высказывания Шохина в адрес эмира и его чиновников носили антифеодальный характер и имели большое общественное значение, несмотря на то что Шохин считал, что облегчения участи народа можно добиться лишь с помощью просвещенного и гуманного эмира.

**Возех** (1818—1894) Видным представителем таджикских просветителей XIX в. был также поэт и ученый ибн Ошур Мухаммад Кори Рахматулло Возех Бухори.

Возеху принадлежит большое количество произведений в стихах и прозе. К сожалению, большинство его произведений до нас не дошло. Наиболее выдающимся его произведением является антология «Тухфат-ул-ахбоб фи тазкират-ул-асхоб» («Подарок любимым с жизнеописанием друзей»).

В этом ценном источнике по истории литературы XIX в. собраны биографии и газели более 140 поэтов Средней Азии.

Большой заслугой Возеха является то, что он возродил в таджикской поэзии традицию составления тазкира, написанных в духе демократизма и просветительства.

В своем сочинении «Савонех-ул масолик ва фаросих-ул мамолик»<sup>8</sup> («Проншествия из путях и фарсахи государств») автор дал характеристику общественной жизни в тех городах, которые он посетил во время паломничества в Мекку. Он восторгался прогрессом, который произошел в городах после их присоединения к России. Возех подробно описывает Мерв с его многочисленными лавками и базарами, на которых он наблюдал бойкую торговлю деловых людей из разных земель и других городов Средней Азии, Кавказа, Ирана. Он с большой терпимостью относился ко всем народам, населявшим эти города, независимо от их вероисповедания.

В ряде своих произведений Возех критиковал отсталость и невежество духовенства, выступал с обличительными стихами в адрес надменных придворных и всех тех, кто нечестным путем нажил колоссальные богатства:

Душа моя погружена в печаль от тревог эпохи,  
Праздничный день в моем взоре подобен траурной ночи.  
Совершенство порока и порок совершенства достигли  
такой вершины,

Что ученейший считается круглым невеждой<sup>9</sup>.

Выражая в своих произведениях протест против невежества и гнета и воспевая человеческое достоинство и образованность, Возех, как и многие просветители 70-х годов XIX в., еще не видел путей избавления трудового народа от мучений.

Однако даже тот пассивный протест против несправедливостей, который выражал Возех, был важным событием в жизни таджикского народа XIX в.

**Хайрат** (1878—1902) Хайрат — поэт-новатор, писавший народным таджикским языком чудесные стихи о прекрасной природе своей родины и наряду с ней о нищете и мучениях своего народа, как результате произвола эмирских чиновников и духовенства. Поэт не любил фанатиков-мулл.

Хайрат был одним из талантливых поэтов, тонких лириков конца XIX и начала XX в., упорным борцом за справедливость, за светскую культуру. Хайрата называли поэтом «честных слов» (содик-кавал).

Когда в 1893 г. в связи с эпидемией холеры в Бухару прибыла из Петербурга медицинская комиссия, то местное реакционное духовенство предприняло все от него зависящее,

чтобы сорвать работу комиссии, столь необходимую для народа.

Хайрат, защищая работу комиссии, писал: «Настоящие микробы — это невежественные улемы и грабители-чиновники». По словам С. Айни, поэт хотел, чтобы эти «микробы» были уничтожены с помощью русских ученых. Хайрат следил за развитием русской науки и техники, специально изучал русский язык, русскую литературу<sup>10</sup>.

Просветители XIX в. были крайне далеки от мысли, что для изменения быта и культуры Бухары необходимо социальное, революционное переустройство. Но объективно их деятельность пробуждала революционные настроения.

А. Дониш, Савдо, Шохин, Возех, Хайрат и др. провозглашали лозунг «Просвещение!». Они оставили глубокий след в истории общественно-политической мысли таджикского народа в конце XIX и начале XX в. Просветительские взгляды А. Дониша и его учеников стали главным стержнем и в произведениях передовых людей таджикского народа начала XX в.

В Бухарском ханстве в начале XX в. вплоть до 1920 г. господствовал религиозный фанатизм, не было партии рабочего класса и очень слаба была деятельность социал-демократии среди населения Туркестана. При этих условиях просветителям начала XX в. приходилось вести тяжелую борьбу за светское развитие своего народа. Их творческий путь был трудным, подчас неровным. Лучшие из них, как Асири, С. Айни и др., делая иногда серьезные ошибки в своем творчестве, стремились к народу и заботились о его культурном росте.

В конце XIX и начале XX в. в Россию переместился центр революционного движения, она стала очагом революционных взрывов, потрясших весь Восток.

В. И. Ленин говорил: «Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»<sup>11</sup>.

Рабочий класс России стоял перед социалистической революцией. Он боролся за руководство всеми демократическими силами общества. В этот период прогрессивность того или иного литературного течения или литературного деятеля следует оценивать прежде всего в одном разрезе — в какой мере его деятельность способствовала победе революции. Отношение к русской революции — вот ключ к истинному пониманию идеологической борьбы в Таджикистане в начале XX в.

С одной стороны, под влиянием общерусского революционного движения, под воздействием русской революционной со-



шал-демократии шел процесс дальнейшего революционизирования широких народных масс, с другой — эмир, бай, духовенство все откровеннее вовлекались в общероссийский лагерь контрреволюции.

Первая русская революция оставила глубокий отпечаток в умах местного населения. В процессе этой революции трудовые слои Средней Азии убеждались в правоте дела русского пролетариата, закладывали основы союза между русским народом и народами Туркестана в борьбе против царского правительства.

**Садриддин Айни** (1878—1954) — выдающийся просветителем, писателем, поэтом и ученым, будущим основоположником таджикской советской литературы и общественным деятелем был Садриддин Саидмурадович Айни. Его учителем был поэт Хайрат.

Большое значение для развития мировоззрения С. Айни имело его знакомство с произведениями А. Донниша. С. Айни преклонялся перед его ученостью и возмущался травлей, подвинутой против А. Донниша черными силами духовенства.

Раскрывая содержание книги А. Донниша «Наводир-уль-вакое» («Редкости происшествий»), С. Айни подчеркивал, насколько велико было влияние на него творчества А. Донниша. Он писал: «Чтение этой книги доставило мне большое удовлетворение. Я неоднократно читал ее. Потом я узнал, почему муллы прозвали Ахмад Махлума еретиком. Ахмад Махлум в этой книге безжалостно критиковал официальное духовенство, [он] вскрыл пороки духовенства и чиновников. Он, не боясь, писал о никчемности дисциплин, преподаваемых в бухарском мадраса, и о порочности методов их преподавания. Вот почему его прозвали еретиком. После этого я узнал, кто такой Ахмад Махлум, [После этого] мое отношение к муллам и преподаваемым [в мадраса] дисциплинам стало другим. Короче говоря, в результате ознакомления с данной книгой мое суждение изменилось и в моем уме произошел переворот»<sup>12</sup>.

Большое влияние на творчество С. Айни оказала первая русская революция 1905 г. Айни знал о тяжелом положении народных масс, но не видел путей изменению существующего строя. Поэтому в годы революции он воспринимал не столько революционную сущность событий, сколько открывшуюся возможность вводить новое светское просвещение, светскую культуру. Он стал ирм сторонником новометодной школы; в одной из них он начал преподавать. Вскоре он открыл отдельную школу для детей и написал для них учебник и букварь. В этот период Айни был уверен, что только просвещение может спасти людей от всего дурного. Однако школа, созданная Айни в 1908 г. в Бухаре, просуществовала недолго;

PDF Compressor Free Version

вскоре она была закрыта бухарским правительством по требованию реакционного духовенства. Требование создания новометодных школ в условиях отсталой и деспотичной Бухары, написание новых школьных учебников, стихов и статей, говорящих о пользе светского образования, — все это, несомненно, имело прогрессивное значение и было одной из отличительных черт просветительства Средней Азии рубежа XIX—XX вв.

С. Айни много писал о тяжелом положении народных масс, о достоинствах честного труда, о бесправном положении женщины. Он хотел увидеть свой народ образованным и культурным.

В годы первой мировой войны С. Айни попадает под влияние джадидов и даже становится членом тайного общества «Тарбия-и-Итифол», которое «не носило политического характера и совершенно не являлось революционной организацией»<sup>13</sup>. Вся деятельность С. Айни в этот период была направлена на организацию «новометодных» школ. Из-за усиления эмирского террора он переезжает из Бухары сначала в Кызыл-Тепе, где сближается во время работы с рабочими на хлопкоочистительном заводе, а затем и в другие города Средней Азии.

В конце 1916 г. Айни был назначен бухарским правительством муддаррисом в одном из мадраса Бухары.

Но С. Айни с самого начала по существу отказался от этой должности.

В период Февральской революции С. Айни еще раз убедился в подлости и лицемерии бухарского эмира, его приспешников и мусульманского духовенства. Однако в 1917—1918 гг. он еще не совсем освободился от их влияния, туманно представляя себе революцию в Бухаре, но чувство и разум большого мыслителя подсказали ему правильный путь.

Отныне свобода свободна от пут.

Отныне царям и эмирам.

С. Айни был выдающимся просветителем таджикского народа, он продолжал лучшие традиции А. Дониша.

Расцвет творчества С. Айни относится к советскому времени, когда он стал всенародным писателем и большим ученым.

#### Джадидизм

В конце XIX в., особенно в начале XX в., положение местной буржуазии было двойственным. С одной стороны, она укрепила тесные экономические связи с русской торгово-промышленной буржуазией, а с другой — она стремилась освободиться от влияния русского капитала и хотела сама безраздельно эксплуатировать на-

PDF Compressor Free Version



Садриддин Айфи



родные массы Средней Азии. Такое положение местной буржуазии отразилось в идеологии джадидов. Они были заинтересованы в сохранении союза с царской Россией, пресмыкались перед ее могуществом, но в то же время они проповедовали пантюркистские идеи, глубоко враждебные царизму. Они стремились создать «самостоятельное» государство под эгидой Турции.

Отличительной чертой джадидизма был его панисламистский и пантюркистский характер. Его мировоззрение ограничивалось догмами ислама. К. Маркс указывал, что «коран и основанное на нем мусульманское законодательство сводят географию и этнографию различных народов к простой и удобной формуле деления их на две страны и две нации: правоверных и неверных. Неверный — это «харби», враг. Ислам ставит неверных вне закона и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными. В этом смысле пиратские корабли берберских государств были священным флотом ислама»<sup>14</sup>.

Возникновение джадидизма в Средней Азии относится к периоду первой русской революции 1905—1907 гг. До XX в. это движение носило зачаточный характер, так как среднеазиатская национальная буржуазия еще только нарождалась. Джадидизм по существу явился реакцией буржуазии на революционные события, охватившие всю Россию.

Большое влияние на деятельность среднеазиатских джадидов оказывали татарские джадиды и партия младотурок, созданная в Турции. По их примеру они проводили работу по организации всероссийских мусульманских съездов, мусульманского союза, кампании по выборам делегатов в Государственную думу и т. п.

Деятельность джадидов в Средней Азии особенно активизировалась в период младотурецкой революции 1908—1909 гг. в Турции и в период наступления реакции в России после подавления революции 1905—1907 гг. Влияние Турции на джадидов еще более усилилось. Среднеазиатские джадиды с восторгом отзывались о деятельности младотурецкого комитета «Единение и прогресс», являвшегося по сути дела прямым агентом германского империализма в Турции и в других восточных странах.

Программа действий джадидов полностью выражала интересы местной буржуазии. Они стремились помочь буржуазии создать грамотных приказчиков из местного населения, которые умели бы правильно считать и писать; обучение же в новометодных школах классической таджикской и узбекской литературе и другим дисциплинам, знание которых необходимо для образованного человека, считалось излишним. В этом сказалась классовая сущность «просветительских»

взглядов джадидов, глубоко отличных от взглядов А. Дониша и его последователей. «А. Дониш бичевал эмирские нравы, а джадиды подобострастно восхваляли эмира, униженно прося у него небольших реформ»<sup>15</sup>. К джадидам временами примыкали представители демократической, прогрессивно настроенной интеллигенции (Мамза Хаким-Заде, С. Айни и др.), которые в целом были далеки от джадидизма как буржуазно-националистического течения и впоследствии отошли от него.

## ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

В таджикской литературе периода присоединения Средней Азии к России можно различить два основных этапа: 1) литература второй половины XIX в. до 1905 г. и 2) литература 1905—1917 гг. Исторически они развивались в двух направлениях: просветительском, народном и феодально-клерикальном.

**Литература второй половины XIX и начала XX в.** Представителями литературы просветительского направления в основном XIX в. были Дониш, Савдо, Шохин, Возех, Садри Зиё, Зухури, Музтариб, Дилкаш, Зуфунун, поэтесса Мискин, Хайрат; феодально-клерикальное направление представляли Афзалмахдуми Пирмасти, Кози Курбон-хан Фитрат, Амлах, Акбар, Афсах, Сипанди, Масехо, Сират и др. Некоторые из них подражали классической литературе. К просветителям начала XX в. относятся Асири, Айни; к подражателям классической литературы можно отнести также Джавхари, Туграла, Шар'и, Васири и др.

Литературная жизнь во второй половине XIX в. развивалась, с одной стороны, при дворе эмира; с другой — на литературных собраниях литераторов и поэтов, которые происходили в частных домах и кельях студентов мадраса. Такие литературные собрания были, например, в домах Ахмада Дониша и просвещенного бухарского сановника Шарифджона Махдума. В придворной литературной среде не было места дискуссиям, обсуждениям или обмену мнениями по вопросам литературы. Там процветали прежде всего раболепное восхваление эмира, лесть, лицемерие и конкуренция, господствовали соблюдение личной выгоды, высмеивание друг друга, клевета и доносы на передовых и свободолюбивых людей.

В литературных кругах были также поэты, которых принудительно держали при дворе эмира (например Шохинна).

На литературных собраниях, происходивших в частных домах, дискуссии протекали сравнительно свободно, имели место дебаты и споры о политике и положении в стране.

Именно благодаря этим собраниям распространялись просветительские идеи Ахмада Дониша как в устной, так и в письменной форме.

Источником по истории литературы XIX и начала XX в. является прежде всего произведение таджикского поэта и литературоведа XIX в. Кори Рахматулло Возеха Бухори «Тухфат-ул-асхоб фи тазкират-ул-асхоб», которое широко известно под названием «Тазкира-и Возех». Это произведение было написано в 1871 г. В 1914 г. Мирзо Салим инок собрал стихи поэтов, писавших после 1871 г. и в начале XX в., в единый сборник «баёз» и дополнительно отпечатал его литографским способом. Вышеупомянутое тазкира с последующим дополнением содержит данные более чем о 140 писателях и поэтах, являвшихся создателями литературы на территории Бухарского и Кокандского ханств в конце XVIII, в XIX и начале XX в. Эта книга служит первоисточником по литературе XIX и начала XX в. «Тазкира-и Возех» содержит предисловие, биографии поэтов, образцы их творчества и заключение автора.

Вторая тазкира принадлежит перу Ходжа Азими Шар'и (1830—1890). Феодално-клерикальная тенденция этого автора проявляется весьма ярко в тазкире, где он отводит большое место представителям господствующей верхушки и другим реакционерам. Сущность взглядов Ходжи Азими прекрасно вскрыл Ахмад Дониш в следующем отрывке:

Хаджа Соми создал некое тазкира,  
Дабы снискать себе у неба милость,  
Мысли все — с изьяном,  
Рассказы — искалечены,  
В ней [в тазкире] собрал он свору ослов<sup>14</sup>.

Следующая тазкира, также заслуживающая внимания, — тазкира Хашмата, который подбирал материалы к этому сборнику в течение 35 лет своего домашнего ареста. В тазкире он отметил также поэтов и писателей, находящихся за пределами Средней Азии. Тазкира Хашмата была составлена на основе знакомства и сопоставления со многими предшествующими сочинениями этого рода, поэтому по сравнению с другими работами рассматриваемого времени она является более полной.

Четвертым источником, содержащим сведения о литературе рассматриваемого периода, служит поэтическая тазкира Шарифджона Махдума Садри Зиё (1865—1931) под названием «Тазкор-ул-аш'ор». Время составления ее неизвестно. Данный источник, как и два предыдущих, существует только



в рукописи. В отличие от большинства других составителей антологий тазкира, которые в интересах эмира всячески чернили передовых людей того времени, как Ахмада Дониша и Шохина, Садри Зиё дал их творчеству справедливую оценку. Однако, будучи некоторое время приближенным ко двору эмира, он восхвалял также придворных поэтов.

PDF Compressor Free Version

Следующая тазкира, которая дает сведения о поэтах того времени, принадлежала придворному литератору Афзал-махдуми Пирмасти Бухорои (умер в 1916 г.). Она известна под названием «Афзал-ут-тазкор фи зикр-ши-шуаро вал ш'ор». Эта антология была написана в 1904 г., а в 1918 г. отпечатана литографским способом в Ташкенте. Афзал Махдум был одним из реакционнейших представителей феодально-клерикального направления литературы, он служил при дворе эмира Абдул Ахада и благодаря враждебному отношению к передовым поэтам снискал себе расположение эмира. Чтобы очернить таких поэтов, как Ахмад Дониш, Шохин и др., эмир поручил ему написание антологии. В его тазкире даны сведения о 135 лицах, однако большинство их были в литературе случайными и далекими от поэзии людьми, но зато являлись выразителями интересов господствующего класса. Афзал Махдум, будучи пропагандистом феодальной идеологии, называл правление Абдул Ахада порой расцвета литературы, между тем как Шохин в поэме «Тухфай дустон» совершенно ясно сказал, что это время было временем гонений на поэзию и поэтов.

Тазкира Абдуллоходжа Абди (умер в 1922 г.) «Тазкират-уш-шуаро» один из источников, сохранившийся в рукописном виде. Время написания этой тазкиры определяется примерно 1904 г.

Последняя в хронологическом порядке тазкира известна под названием: «Тазкират-уш-шуарои Мухтарам». Автором ее был поэт Ходжи Негматулло Мухтарам Бухорои (умер в 1920 г.). Это сочинение было составлено после 1905 г. и сохранилось в рукописном виде.

Эта тазкира также содержит сведения о поэтах и писателях XIX и начала XX в., по идейной же своей направленности автор ее — защитник феодализма.

Развитие просветительской литературы начала XX в. связано с революционным движением в России и особенно с революцией 1905 г. и ее благотворным влиянием на национальное освобождение народов Востока, в том числе и Средней Азии. Революция 1905 г. подняла просветительскую литературу на новую ступень; в ней значительно усиливаются и демократические элементы. Передовыми представителями этой литературы были Т. Асири, С. Айни и др.

Однако после поражения революции 1905 г. и наступле-

ния реакции усиливается влияние идеологии либеральной буржуазии и отступление от традиций Дониша. Буржуазная литература была сравнительно далека от интересов народа, родины и народного просвещения. Писатели-джалиды **PDF Compressor Free Version** стояли на защите интересов буржуазии, опираясь на националистически настроенные элементы.

Просветительская линия в литературе и фольклор отражала в основном тяжелую жизнь и нищету народа, разорение крестьянства и ремесленников, а также грабительскую политику паризма и ростовщическую роль банков. В фольклоре описывается горемычная жизнь жестоко эксплуатируемых ремесленников.

Так, в народной песне ткача говорится:

Откуда быть блеску в делах бедняков?  
Ежундельно вносят ремесленник налог,  
равный стоимости пшеницы.  
Исчерпаны сушенный урожай и кишмиш,  
ны стало никаких плодов <sup>17</sup>.

Передовые и сознательные представители трудового народа, видя жестокую эксплуатацию крестьян и ремесленников, разьяснили ее причины:

Угнетатели благодаря труду угнетенных  
захватывают и шмот и серебро,  
Заброшены амбар пшеницы, сево,  
солонча и трава ... <sup>18</sup>.

Грабительский характер капиталистических банков, разоряющих народ, отражен поэтом Ибрагимом Джур'атом в стихах «Обращение к населению Самарканда» (особенно в рефрене):

Раз банк таков, о народ мой отчаян,  
Он позитит у живого родяку, а у мертвого саван! <sup>19</sup>

Еще во второй половине XIX в. передовые представители таджикского народа начали знакомиться с русской культурой, языком и литературой.

Самаркандский поэт начала XX в. Алджи читал русские газеты, журналы и произведения русских классиков, особенно Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева и Н. В. Гоголя. Он открыл за свой счет школу в кишлаке, привлекая туда сельских ребят, преподавал им, составляя учебники. Алджи был

первым переводчиком произведения Гоголя «Шинель», он написал также в манере «Записок охотника» И. С. Тургенева повесть под названием «Охот». Стихи и рассказы русских писателей, которые учитель Шакури поместил в сборнике «Джоме'ул-хикоят», в большинстве своем представляют переводы этого поэта. Переводы Л. Н. Толстого и И. А. Крылова. Помимо этого в 1912 г. в газете «Бухорои Шариф» было опубликовано 13 рассказов Толстого (в том числе «Кавказский пленник»).

Примером реалистического произведения в таджикской литературе конца XIX — начала XX в. может служить поэма Асири «Тимсол».

В дальнейшем творчестве некоторых поэтов просветительского направления наблюдается переплетение реализма с прогрессивным романтизмом. Создавались также лирические и лирико-эпические реалистические стихи, в которых нашли отражение социальные и морально-воспитательные идеи поэтов и писателей 1905—1917 гг. К такой реалистической поэзии могут быть отнесены лирические стихи С. Айни, Т. Асири и других поэтов. С. Айни и другие просветители начала XX в. предпочитали любовной лирике гражданскую и тем самым открыли новый этап в развитии литературы.

Тема патриотизма была неотъемлемой частью творчества писателей-просветителей. Они говорили о страданиях народа своей родины. Однако и эта тема не была ими развита полностью, поскольку до революции таджики еще не сформировались в единую нацию. Поэтому в стихах просветителей понятие «родина» ограничивалось определенной областью.

**Тошходжа Асири** (1864—1915) Асири имел дружественные связи не только с просветителями своего времени, но и с трудовым людом — жителями селений и города, в среде которых он большей частью и бывал. Он любил тружеников и часто воспевал их умение и талант.

От поэзии Асири сохранились только три тетради ненапечатанных стихов; часть из них обнародована в баязах, тазкира, образцах литературы и в литературоведческих исследовательских работах. Просветительские идеи Асири нашли отражение в его направленном против духовенства произведении «Одамият чист?» («Что такое человечество?»).

В этой поэтической философско-социальной касиде Асири пишет, что лучшими чертами самого прекрасного человека его времени должны быть доброжелательность к народу, бескорыстная помощь ему, чистосердечность, преданность, скромность, просвещенность, образование, воспитание народа своим собственным благородным примером, борьба против злых людей, служение родине, народу и борьба за прогресс.



Эти благородные черты он противопоставляет низости и развращенности господствующего класса.

К чиновникам и духовенству Асири питал непримиримую вражду, он презирал их и не считался с их предписаниями. За его передовые просветительские убеждения реакционное духовенство объявило его «неверным» и еретиком. Поэт беспощадно разоблачает пороки, лицемерие, алчность, низость натуры столпов религии:

Ох, от этих грязных с поганым нутром фарисеев  
Ничем, кроме острья меча, не сможешь ты очиститься <sup>20</sup>.

В других стихах Асири пишет о них:

Продающие за взятку шариат, враги чести и совести,  
Сердца их подобны железу, превращаются в воск  
От взятки, льнут к лихоимству словно к магниту.  
Все они жаждут кабаков, разврата —  
и мухтасиб, и мударрис, и казий, и раис <sup>21</sup>.

В своих произведениях Асири критиковал не только духовенство, но также чиновников и других представителей феодально-монархического государства.

Ненависть и вражда Асири к правящим классам возникают из его любви к трудящимся. На каждом шагу он встречает беспощадную эксплуатацию и ограбление трудящихся масс баями, ростовщиками, местными правителями и чиновниками, везде ему бросается в глаза обман простого народа. Землей и водой владели богачи, а жалкие клочки земли трудящихся под посевами или плодовыми деревьями пересыхали от безводья:

Засуха и безводье, все поблекло,  
Трава на лугах превратилась в сено.  
Вот уже три с половиной месяца, как взошли растения  
на земле,  
Но до сих пор они не выросли ни на вершок.  
Нивы засохли, ты не оросил их водой.  
И жизнь твоя так же, как нива, засохнет! <sup>22</sup>

Просветительство Асири тесно связано с идеями патриотизма и гуманизма. Гуманист-поэт прекрасно понимал, что процветание государства тесно связано с развитием науки и овладением ею. Поэтому он прежде всего воспевал науку, советовал изучать ее и в любых условиях овладевать ею.

Асири, призывая своих соотечественников овладевать зна-

ниями, подчеркивал, что он говорит не о религиозных знаниях, а о светских:

Не та наука, которая принята эпохой,  
Чьи достоинства заключаются в чалме, украшающей халат,  
Накапливая **PDF Compressor Free Version** применяемые на этом свете,  
Изучай другие науки и языки нашего века<sup>23</sup>.

В начале XX в. в связи с изучением современной науки возник вопрос о новой и старой школах. По просьбе С. Айни Асири написал на эту тему стихи «Мудофия» («Защита»), в которых говорил о достоинствах нового метода обучения в школах. Восхваляя эти школы, поэт чрезвычайно отрицательно относился к старым школам, к старым методам обучения, характеризуя их как тюрьмы и призывая детей не учиться в них<sup>24</sup>.

Задачей художественной литературы Асири считал восхваление разума и знаний и новую просветительскую литературу противопоставлял панегирической — религиозно-феодалной литературе, славословящей необразованных и невежественных царей-деспотов.

Асири критиковал не только представителей старой литературы, но и боролся с современными ему представителями религиозно-феодалного извращения в литературе, в частности с Шохиди (1858—1921).

**Саариддин Айни**

В начале XX в. С. Айни создает много стихов. Среди них заслуживают внимания стихи и рассказы в учебной книге «Тахзиб-ус-сифъён» (1910—1917), «Элегия на смерть Мирзо Сироджа Хакима» (1913), по поводу закрытия газеты «Туран» (1913), «Еди мози» (1913), «Обращение к молодежи» (1914), «Не продавай земли» (1916), «По поводу бегства в Самарканд» (1917), «Рассказ о черве и бабочке» (1917) и др. В этих произведениях раскрывается стремление С. Айни по-новому осмыслить события эпохи.

В литературной и педагогической деятельности С. Айни учебник «Тахзиб-ус-сифъён» занимает большое место. Эта книга положила начало новому этапу в таджикской прозе. На общем фоне литературных произведений того времени, написанных сложным языком, ее язык прост и понятен для широких масс. Выше отмечалось, что только Великая Октябрьская социалистическая революция определила политические позиции и облик С. Айни. Он один из тех поэтов, которые встретили Октябрьскую революцию с восторгом. Талант С. Айни, который душили в эмирской Бухаре, достиг полного расцвета лишь в советское время.

**Ибрагим Джур'ат** Год рождения и год смерти Ибрахима Джур'ата до сих пор неизвестны. Предполагается, что умер он примерно между 1925 и 1930 гг. Он был ремесленником — мастером по изготовлению сундуков в Самарканде. Джур'ат был в числе местных рабочих, посланных в годы первой мировой войны на тыловые работы. После Февральской революции он возвратился в Самарканд. Как известно из его стихов, во время своей службы Джур'ат ознакомился с идеями русской демократии, с революционным движением трудящихся России и воспринял их. До революции Джур'ат нигде как поэт не упоминается.

Джур'ат участвовал в Бухарской Советской революции совместно с революционными солдатами, прибывшими из Самарканда.

Сын его, Шамсиддин, за свою революционную деятельность был убит националистами в Самарканде. Дальнейшая жизнь и творчество Джур'ата неизвестны.

О его литературном творчестве можно судить лишь по сборнику стихов «Тухфат-ул-ахбоб», опубликованному в 1917 г. в Самарканде. Стихи его написаны на двух языках: узбекском и таджикском, не датированы, но, как можно предположить по их тематике, они написаны в основном в 1915—1917 гг.

Поэзия по языку проста, доступна, лишена художественных украшений, однако для современников поэта богата по содержанию и касается многих вопросов современности. Прежде всего чувствуется огромная преданность поэта народу — рабочим, крестьянам, труженикам, солдатам и просветительским элементам общества его времени.

В своих стихах Джур'ат называет царское правительство деспотическим, а царя Николая грабителем, кровопийцей, врагом народа и свободы и мечтает о свержении его и освобождении народа из-под его гнета:

Избавь всех от самодержавного царизма,  
От деспотов изуверов ...<sup>25</sup>

Свержение самодержавия и образование республики Советов осуществили мечты поэта, он счастлив и воспевает свободу:

Уничтожено самодержавие, о старые и юные,  
Республика показалась нам словно солнце, —  
Волны угнетенных первый год вознеслись до неба.  
Знай, что оплот угнетателей будет разрушен<sup>26</sup>.

Джур'ат как человек религиозный революцию и свободу



считал «милостями» бога, тем не менее он прекрасно понимал, что основной силой революционного движения является народ.

В творчестве Джур'ата большое место занимает любовь к родине. Он гордится своим народом, своими воинами и красотой родины, речей которым по достоинству нет в мире:

Глаза мои не наглядятся, а сердце отдаю родине,  
Ни на один миг не оставляет меня моя любовь к тебе,  
В какой бы я город ни поехал, чтобы насладиться воздухом,  
Нет ничего для меня прекраснее моей родины<sup>27</sup>.

В период между Февралем и Октябрем именно Джур'ат был выдающимся представителем поэзии эпохи между буржуазной и социалистической революциями.

Как свидетельствуют факты, Джур'ат активно участвовал в Октябрьской революции и в борьбе против басмачей.

Таким образом, основными темами литературы начала XX в. была агитация за внедрение новой жизни, новых школ, разоблачение духовенства и феодалов, осмеяние их невежества и отсталости.

Большое значение таджикской литературы состояло в том, что она перекинула мост от старой классической к советской литературе. Следует также обратить внимание на один важный момент истории литературы. Это вопрос литературных жанров.

До Октябрьской революции в просветительской литературе преобладала главным образом поэзия. Новая таджикская проза появляется в начале XX в. К художественной прозе того времени можно отнести рассказы С. Айни, помещенные им в «Тахзиб-ус-сифён», «Тухфан ахли Бухор» Мирзо Сироджа Хакима и некоторые прозаические произведения джадида Фитрата.

Драматургия, как жанр, на таджикском языке не существовала. Она появилась вначале на узбекском языке («Падаркуш» Бехбуди). Таджикские же просветители этого жанра не знали. Они ознакомились с ним благодаря гастролям русских, азербайджанских и татарских театров.

Таким образом, много литературных проблем, в том числе развитие и возникновение современной прозы, драматургии, жанра исторического романа, наконец, зарождение таких форм, как рассказ, повесть, очерк, критика, литературоведение, — все эти проблемы в таджикской дореволюционной литературе еще не получали своего разрешения.

Течения в литературе определяются классовыми интересами и свидетельствуют о борьбе новых сил со старыми. Идеологические направления в литературе отражались и в различных стилях. Например господствовавшее в то время религиозно-феодалное направление в литературе — историческом стиле придворной литературы, в стиле религиозно-суфийских произведений и реакционного бедилизма; народное же направление находило свое выражение в критическом реализме, подражаний классической литературе и в прогрессивных идеях бедилизма.

Характерной чертой бедилизма являлись аллегория и символы. Как уже было сказано, бедилистский стиль имел два направления: реакционно-религиозное и прогрессивно-свободолюбивое.

Представители реакционного толка развивали суфийско-религиозные мотивы творчества Бедили, комментируя их с реакционно-религиозной точки зрения. Это направление бедилизма служило интересам духовенства и феодалов. Другое же направление бедилизма — прогрессивное, представителями которого были Садри Сарир, Джавхари, впоследствии Асири и др. Оно выражало хотя и в абстрактной форме, свойственной бедилизму, протест, недовольство действительностью и свободолюбивые взгляды передовой части общества. Основным недостатком произведений, написанных в этом стиле, было их заумное содержание и неясное изложение, которые затемняли и смысл произведения и цель поэта, писавшего его; идеи, направленные против существовавшего строя, не могли дойти до широкого читателя и были непонятны народным массам. Поэтому Ахмад Дониш и Савдо боролись против стиля бедилизма в литературе.

Феодално-клерикальное течение имело много сторонников, из которых большинство топталось на одном месте. Некоторые из последователей этого течения искали выход из тупика, в котором они оказались, и находили его, но не в новом содержании, а лишь в новой форме. Таким путем достиг пышного расцвета стихотворный стиль, построенный на игре слов, стиль вычурно-формалистический, зародившийся еще в прошлые века.

Излюбленным жанром придворных поэтов была касида (ода) с ее старыми изобразительными средствами и традициями.

Представители феодално-клерикального стиля помимо панегириков и од, восхвалявших правителей и описывавших их плотские страсти, писали о жизни святых и пророков, проповедовали божественную любовь и тленность мира. Представители данного стиля являлись защитниками идео-

логии феодального строя и помогали господствующему классу подчинять трудящихся.

Творческий метод нового стиля литературы народного направления — критический реализм — только зарождался и был тесно связан с просветительским движением. Хотя вначале число его сторонников было весьма незначительно, тем не менее впоследствии лучшие поэты, писатели и прогрессивные деятели XIX в. стали его проводниками. Первыми представителями этого течения были Савдо, Ахмад Дониш и др. В дальнейшем их ряды увеличивались за счет примкнувших к ним представителей других стилей. Так, под влиянием произведений Ахмада Дониша талантливый поэт Шохин стал сторонником нового литературного стиля.

Основными причинами возникновения нового течения и стиля в литературе послужили распад феодального общества, обострение классовых противоречий и усиление классовой борьбы.

Новое литературное течение идейно было направлено против существующего феодального строя.

**Борьба между  
феодальным  
и народным  
направлениями**

Борьба прогрессивных и реакционных сил в литературе выливалась с той и с другой стороны в форму сатиры. Так, сторонники феодальной идеологии — придворные поэ-

ты и представители клерикально-феодального направления, например Афзал Махдум Пирмасти, высмеивали представителей прогрессивного течения, в частности А. Дониша. Сатира Афзал Махдума вызвала серьезное возмущение среди прогрессивных и честных людей того времени. В первую очередь в защиту А. Дониша выступил Шохин, написав оду в честь Дониша и сатиру на Афзал Махдума.

В конце своей оды Шохин провозглашает вечную славу А. Донишу:

О господин, слава твоя останется на земле  
Вечной, словно солнца сиянье в небе<sup>28</sup>.

Поэт Музтариб, интерпретируя оду Шохина, выступил также в защиту Дониша. Группа передовых людей решительно встала на защиту идей А. Дониша. В этой связи Садри Зиё писал: «... когда это содержание [т. е. сатирические рубои Афзала] стали известны среди народа, все осыпали Афзала Махдума стрелами осуждения. Повсеместно поднялись благородные люди и стали его проклинять и порицать...»<sup>29</sup>. Но представители феодальной реакции не сдавались. Они были готовы по любому поводу оклеветать носителей нового литературного стиля и опутать их интригами.



Однако, несмотря на все это, развитие нового литературного течения остановить было нельзя. Его представители выступали с беспощадной критикой пороков феодального общества и реакционной идеологии.

**Литературные жанры и формы** В литературе второй половины XIX и начала XX в., как и в предшествующие эпохи, были два литературных жанра: поэзия и проза, причем преобладала поэзия. Однако, начиная с произведений Дониша, проза вступает в свои права. В произведениях Дониша уже имеет место расчленение элементов рассказа, романа, повести, публицистики и мемуаров, которые до этого времени были совершенно неотъемлемы друг от друга.

Рассказы и стихи Савдо, написанные в форме шуток и юмористики, высоко художественны, написаны хорошим простым языком и до сих пор не утратили своего высокого литературного значения.

Весьма разнообразно по своим жанрам творчество Шохина. В нем представлены газели, рубои, касиды, мухаммасы, мусаддасы, также банды и поэмы. Важное место в лирике поэта занимали газели и касиды. Газели Шохина по содержанию можно разделить на две группы: любовная и общественно-гражданская лирика. Любовно-лирические произведения Шохина стояли на более высоком уровне, чем лирика его современников.

Прозаическое произведение Шохина «Бадое-ул-саноёъ» по форме уже представляло собой новую критико-сатирическую бичующую прозу, в которой центральное место занимали поговорки, пословицы и афоризмы. В этом произведении поэт излагает свои философские и общественные воззрения, свое отношение к жизни и действительности в форме отдельных изречений и афоризмов.

В этот период широкое распространение получают старая прозаическая литература о войнах (джангисма), сказания и сказки типа «Замчи-нома» и др., которыми увлекались читатели<sup>20</sup>. Но эти произведения уводили их от важнейших проблем действительности в мир фантастики и сказок. Не случайно Дониш в введении к «Наводир-ул-вакоъ» отрицательно относится к этим книгам, называя их книгами росказней, далекими от жизни.

Прозаические произведения Дониша, Савдо, Шохина и др., вытесняя старые формы прозы, приобретали уже общественный характер.

Так, А. Дониш был писатель-новатор в истинном смысле этого слова. Содержание и идеи воспоминаний, рассказов Дониша о послых Бухары в России, о Шукурбеке, Ходжи, народном герое Марди Аджами прежде всего выражали уважение и веру в могучие созидательные силы народа. Когда, напри-

мер. Дониш говорит о благоустройстве городов России, особенно Петербурга, он пишет с изумлением и большой любовью о труде человека-созидателя. Гуманизм Дониша вытекает из его идейных связей с угнетенными массами трудящихся. В своем рассказе «Фаромушхона» он с болью и состраданием протестует против бесчеловечного отношения к ним. Образы его прозы, в частности Муллохола и Шукурбека, — это не традиционные легендарные образы сказочного Рустама, Дагули, Мехтарбада, Фархада и Искандара, это реальные люди эпохи Дониша. Муллохол — нищий студент мадраса, пришедший из деревни в город учиться, возможно, даже живший с Донишем в одной келье, обучавшийся вместе с ним у одного и того же муддарриса и совершенствовавший свое умение у одного и того же мастера. Он человек неимущий, но наделен сверхъестественной физической силой: он может поднять своего коня на дерево, может сражаться один с тремя медведями.

Шукурбек, подобно Муллохолу, — образ простого и сильного человека, который свою силу употребил на то, чтобы грабить богачей и распределять их имущество между бедняками. Поступки Шукурбека являются одним из проявлений освободительной борьбы народа против угнетателей и эксплуататоров.

В формах стихов больших изменений не наблюдалось, однако в содержании их были уже заметные перемены. Жалобы на судьбу, критика недостатков эмира приобретали конкретный политический характер; это подтверждает поэзия Дониша, Шохина, Савдо, Музтариба, Хайрата и др. Хотя их поэтические темы еще не достигали уровня революционной поэзии, однако они уже были преддверием ее.

**Устное народное творчество** Устное творчество таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX в. становится все более богатым по содержанию и более реалистичным.

В результате зарождения в стране капиталистических отношений появились первые группы местных рабочих и возникла тесная связь их с русскими революционно настроенными рабочими. Под влиянием идей русских рабочих и революционной интеллигенции, сосредоточивавшихся главным образом в центральных промышленных районах Туркестана, формируется прогрессивное мировоззрение трудового таджикского народа. Именно во второй половине прошлого и в начале нынешнего века больше, чем когда-либо прежде, проявляется дух социального протеста масс, пробуждение классового самосознания, усиление борьбы против гнета и эксплуатации.

Естественно, что все это не могло не оставить следа и на устном творчестве народа. Обычно народ горе и печаль, радость и веселье, чаяния и надежды выражает в песнях, мелодиях, былинах, сказках и других жанрах фольклора. К сожалению, до революции у нас почти не записывали произведений устного творчества народа; фольклор не изучался. Поэтому не все произведения устного народного творчества дошли до нас. Однако на основании материалов, собранных уже в советское время, мы можем прийти к заключению, что таджикский народ широко использовал устное народное творчество в борьбе против своих врагов.

Одна из социальных тем дореволюционного фольклора известна под названием «гариб» (т. е. жизнь на чужбине). Цикл «чужбинного» фольклора уходит своими корнями в далекое прошлое, но наибольшего развития он достиг во второй половине XIX и в начале XX в. Почвой для его развития послужила новая политическая, социальная и экономическая обстановка, свойственная данному периоду. Из года в год в центральных городах Средней Азии росла армия рабочих—выходцев из обнищавших слоев населения. Эта новая социальная группа была более других угнетена и подвержена самой беспощадной эксплуатации.

В народной поэзии—четверостишиях, песнях и бейтах нашли яркое отражение тяжелый труд рабочего-поденщика, живущего без крова и семьи, невыносимые условия жизни отходников на чужбине.

Разорившиеся большими группами уходили на поиски заработка в города Ферганской долины, в Самарканд и Бухару. Все тяжелей становилась жизнь беднейших дехкан, особенно после замены натурального налога денежным. Урожай, который крестьяне горных районов снимали с каменистой и малоплодородной почвы, не хватало не только на оплату многочисленных налогов и податей правителю и его наместникам, но даже и на пропитание семьи. Это вынуждало дехкан покидать свои селения и заниматься чернорабочими, поденщиками, где они также подвергались безудержной эксплуатации.

Мечты о свободе, об избавлении от нищеты и тирании отражались в народной поэзии то открыто, то символически, в аллегориях и поэтических образах.

Солнце на закате, сердце мое опечалено,  
Печи долгие, а ноги мои закованы в цепи.  
Я мечтаю о том, чтобы разбитись мои цепи,  
Чтобы день настал и я добрался бы до своего жилища<sup>21</sup>.

Одной из социальных тем, нашедших широкое отражение



в народной поэзии, были тяжелый труд поденщика и жестокая эксплуатация беднейшего крестьянства.

Песни, газели, народные четверостишия как голоса прошлого свидетельствуют о стонах и горестных воплях народа.

PDF Compressor Free Version

Каждое утро встаю, кривой серп у меня на шее,  
Иду по пшеничному полю, сто раз падаю на колени,  
Пшеница полна колочек, а серп тупой, и ноги босы,  
Плачусь на горькую судьбу, ударю свой серп о камень.

В народных песнях оплакивается горемычное существование таджикских дехкан. Песни, дополняя одна другую, создают цельное представление о жизни угнетенного народа. Так, в песне «Молотьба» человек, занятый молотьбой хлеба, в процессе труда поет о своем горьком житье:

Есть у нас гумно, но сами мы ни зерна не получаем,  
майда-ё, майда-ё.  
На берегу проточной воды мы стоим, но умираем от жажды,  
майда-ё, майда-ё.

Возмущение и протест бедняков и их ненависть к хозяевам нередко выражались в сатирических песнях, в которых бичевалась скупость, жестокость, деспотизм и низость кишлачных баев.

Жизнь городских бедняков была не слаще. Их так же душили многочисленные повинности и налоги. Особенно тяжелым было положение мелких ремесленников. Представитель этой прослойки общества — народный поэт Фахри Румои ярко и правдиво описал невыносимое положение своих товарищей по труду:

Как может труд бедняков увенчаться расцветом,  
Когда еженедельно платят ремесленники подати,  
равные цене пшеницы?  
Иссыкали сушеный урюк и изюм, не стало урожая  
ни одного плода,  
И сверх всего этого правитель с нас взимает налоги.

Или возьмем знаменитую «Песню ткачей». В ней предельно живо и реалистично изображено тяжелое нищенское существование ремесленников. «Песня ткачей», с одной стороны, говорит о тяжести и муках жизни ремесленников; с другой — является выражением их открытой ненависти, вражды и протеста против социального гнета. Каждая строфа убедительно

говорит о мрачной действительности, окружающей ремесленников. В первой строфе говорится:

Сердечко мое наполнилось желчью от шума тесного станка,  
Глазыньки мои наполнились слезами из-за рвущихся нитей,  
PDF-Compressor Free Version  
Стан мой согнулся под тяжестью житейских дел.

М. Горький, отмечая историческое значение устного творчества, говорил, что нельзя всесторонне познать истинную историю народа, не изучив его фольклора. С этой точки зрения большого внимания заслуживают также солдатские песни, занимавшие значительное место в таджикском фольклоре.

Солдатские народные песни создавались солдатами и их семьями. В этой поэзии отражалась тяжелая жизнь солдат, их ненависть к службе, которая считалась самым позорным и бесчестным делом, так как эмиры насаждали среди солдат мародерство, насилие, жестокость и в то же время воспитывали их в духе беспрекословного повиновения эксплуататорам. Поэтому народ давал такую, весьма правдивую оценку военачальникам:

Военачальнику дали то же имя, что собаке,  
Белую собаку опозорили навеки.

Вместе с тем солдаты, как и большинство эксплуатируемых слоев населения, не могли понять сущности и истинных причин, порождавших гнет, тиранию, несправедливость и несчастья их жизни, и жаловались на бога и свою судьбу. В одном из четверостиший солдат жалуется даже на оружейного мастера, якобы из-за которого он терпит лишения и муки:

Вершина горы высока, а я в бегах,  
Ружье у меня на плече, кинжал на поясе.  
Дай бог, чтобы сломалась рука у оружейника:  
Из-за этого ружья я лишен семьи и крова<sup>21</sup>.

Эмирские солдаты не понимали социально-политической сущности феодальной власти.

В фольклоре второй половины XIX и начала XX в. видное место занимали народные песни, связанные с восстанием Восе. В фольклористике такого рода песни называются историческими. Они посвящены главным образом вождю, народному герою Восе, изображаемому с большой эмоциональностью и доброжелательностью. Народ видит в нем выразителя

своих надежд и чаяний. Восе предстает перед слушателем как богатырь, ищущий правду, смелый, могучий, справедливый, беспощадный к врагам. Изображение Восе в этих песнях в отличие от описания героев эпоса и сказаний не гиперболично и не легендарно. Оно в основном реалистично и согласуется с историческими фактами. Большинство сказителей «Песен о восстании Восе» — современники Восе. Эти «Песни» представляют большой интерес для историографии. Хотя основным их героем является Восе и все повествование посвящено ему, но его образ воплощает народ. Деяния Восе — деяния народа, его мысли и идеи принадлежат народу, и Восе как вожак органически слит с народом.

«Песни» ярко отражают освободительное движение трудового населения горного Таджикистана.

Их отдельные строфы не только проникнуты революционными настроениями; они звучат гимном борцов за свободу и маршем освободительного движения угнетенных:

Восе, священная война сегодня,  
Жизнь в опасности сегодня,  
Грозный день воскрешения из мертвых  
Для бедняков наступил сегодня.

«Песни о восстании Восе» являются ценнейшим историческим документом. В отдельных строфах упоминаются селения Ховалинг, Бальджуан, Кангурт, Куаяб, Кызыл-Мазар, Даран-Мухтор, Ок-Булок, Сари-Пул, Сув-Дара, Хулоз, Туткавул, Курчонак, Норах и другие населенные пункты Хутальяна. Эти упоминания позволяют установить территорию, которая была охвачена восстанием. Кроме того, в «Песнях» упоминается немало географических названий, имен людей, указывается на характер их взаимоотношений с вождем восстания, выявляются внутренние расхождения между повстанцами, все эти сведения могут служить основанием для освещения некоторых неясных вопросов в истории восстания.

В «Песнях о восстании Восе» имеются три группы людей и отношение к каждой из этих групп творца песен — народа выявляется совершенно отчетливо. Народ с большим доброжелательством и любовью относится к самому Восе и его соратникам. Симпатии народа на стороне повстанцев, он прославляет их деяния и почти всегда защищает их. Народ ненавидит и клеймит презрением ничтожную кучку предателей восстания. Что касается третьей группы, представляющей класс угнетателей, эксплуататоров, то народ, считая их своими врагами, в борьбе с ними является не только единомышленником Восе и повстанцев, но в случае необходимости бо-



рется против своих врагов оружием своего поэтического устного творчества.

Таким образом, «Песни о восстании Восе» являются крупным событием историко-литературного и политического значения не только в истории таджикского фольклора второй половины прошлого века, но и в истории общественной мысли и классовой борьбы таджикского народа.

Следует отметить, что сказки, рубои, песни, народные притчи и рассказы, бытовавшие с давних времен, сохраняли свое место в устном народном творчестве. Они дарили обездоленным людям радость, были их духовной пищей. В. И. Ленин, читая русские сказки, пришел к выводу, что они помогают изучению психологии народа, что в свою очередь помогает изучению истории борьбы народа<sup>33</sup>.

Наряду с коллективным устным народным творчеством немалое значение имеет и творчество отдельных народных поэтов.

*Фахри Румони* (1840—1916). Фахри родился в селении Шайбурхони Ходжент (современный Ленинабад), в семье бедного крестьянина. В детстве Фахри обучился ткацкому ремеслу. Доходов от ткачества не хватало на пропитание семьи и оснащение ткацкой мастерской. Поэтому Фахри приходилось еще обрабатывать клочок земли в четверть танана, доставшийся ему по наследству от отца. Это позволяло кое-как сводить концы с концами. В стихах «О своем житье» Фахри образно описывает все эти обстоятельства.

После присоединения Средней Азии к России уровень жизни мелких ремесленников, подобных Фахри, стал еще более низким. Спрос на изделия ткачей сильно понизился. Это приводило ремесленников к разорению. Многочисленные налоги царских чиновников и поборы местных властей тоже доводили народ до нищеты. Все это находило отражение в стихах Фахри. Его литературное наследие до сих пор еще целиком не собрано и не опубликовано. Но даже по дошедшим до нас образцам можно судить, что тематика и содержание поэтического творчества Фахри, воспевающего жизнь обездоленных, глубоко социальны. Поэт в резких выражениях высмеивает чиновников, духовенство и вообще богачей, разоблачая их разврат, ханжество, стяжательство, взяточничество и невежество. В одном из четверостиший Фахри говорит:

Ослы и коровы, что стали властителями богатства,  
Приобрели в мире «доброе» имя,  
И школы не посещая и слов не понимая,  
Благодаря превратностям судьбы стали учеными.

Гражданская поэзия Фахри носила сатирический характер.

*Мулло Йор.* Поэт Мулло Йор родился в Ванче, в селении Гумаяк на левом берегу реки Пяндж, в зажиточной крестьянской семье. Год его рождения неизвестен, что касается года смерти, то некоторые утверждают, что в 1930 г. он был еще жив. Биография поэта еще неизвестна.

Его поэзия по форме похожа на книжную поэзию. Однако по тематике и содержанию она очень близка к фольклору. Поэт в ряде стихотворений описывает тяжелый быт дехкан-горцев. Часть стихов Мулло Йора написана в форме сатиры; в них он высмеивает ханжество духовенства, его скупость и подлость. Большой известностью пользуются лирические стихи поэта. Его стихотворение «Навеки пленен я тобой, о плутовка» переложено на музыку народными певцами и стало народной песней.

Большая часть стихов Мулло Йора сложена на местном ванчском диалекте.

*Кудрат Бадахшони (1824—1916).* Кудрат родился в Верхнем Хороге, в крестьянской семье. Его стихи чрезвычайно распространены и пользуются любовью народа.

Слагать стихи Кудрат начал еще в юности; первоначально это были любовные стихи. В конце XIX в., когда афганские войска после подавления восстания вторично захватили районы Западного Памира, население страны, не выдержав гнета иноземцев, стало спасаться бегством в сопредельные районы. Кудрат со своей семьей тоже бежал — сначала в Дарваз, а затем в Каратегин, где и остался жить. В годы изгнания и скитаний он слагал сатирические стихи социального характера. В этот период Кудрат стал подлинным певцом своего многострадального народа. Видя тяжелую долю соотечественников в изгнании, он горел ненавистью к поработителям своей родины. Полный сострадания к родному народу, он поет:

Жить на чужбине горько, о сын,  
Нет ничего на свете хуже изгнания,  
Наступает вечер, а мы в ожидании бродим по домам,  
Лучше есть землю на родине, чем мед на чужбине,  
Хлеб на чужбине не лучше ида змеи.

Но как и большинство поэтов этого периода Кудрат не понимал социальных причин этих бедствий. Он тоже жаловался на горькую судьбу, взывая к небу.

В конце XIX в., когда районы Западного Памира были присоединены к России, их население вздохнуло свободней, так как оно избавилось от частых грабительских набегов. Но зато в стране возник двойной гнет: с одной стороны — господство царизма, с другой — эмира бухарского.

После присоединения Памира к России Кудрат возвратился на родину и слагал стихи преимущественно атеистического содержания, зло высмеивая лживое и коварное духовенство и местных чиновников.

Сатира Кудрата широко известна в Горном Бадахшане. В настоящее время собрано более тысячи строк стихов Кудрата. Такими же свидетелем является о том, что талантливый и виднейший народный поэт Горного Бадахшана занимает в таджикском фольклоре особое место.

*Юсуф Вафо* (1888—1945). Юсуф Вафо родился в Матче, в селении Пастигав, в бедной крестьянской семье. В раннем детстве Юсуф лишился матери. Не вынеся грубого обращения мачехи, он покинул семью, присоединился к группе рабочих, шедших на сезонные заработки, и вместе с ними попал в Ходжент. С детских лет он познакомился со всеми горестями и муками бродячей жизни на чужбине. Юсуф Вафо испытал в своих скитаниях много горя. То он был слугой бая, то уличным певцом, то учеником кондитера, изготовляющего халву, то помощником повара, торгующего на базаре вареным горохом.

Отдельные моменты своей многострадальной жизни (пленницу, скитания на чужбине) поэт запечатлел в своих дореволюционных стихах. Можно сказать, что они отражают не только переживания самого автора, но и переживания многих бедняков, подобных ему.

С великой болью и страданием говорит Юсуф о своей жизни на чужбине:

Горе нам от судьбы, в нищете мы на чужбине,  
Истерзаны мы, всегда без хлеба и крова,  
Судьба изгнанника тяжела, как ярмо.  
От тяжкого ярма мы измучены и искалечены.

Хотя Юсуф Вафо и не осознавал классовой сущности общества того времени, тем не менее он верил в истинность народной пословицы: «Вслед за темной ночью наступает рассвет».

Вот стихотворение, в котором явственно звучит уверенность поэта, что мир насилия будет разрушен, что наступит светлое будущее:

Каждый тиран в конце концов погибает,  
Мы измучены и всегда без хлеба насущного,  
Но темная ночь ведет за собой светлый день,  
В свое время к каждому из злодеев приходит его гибель.

В ряде стихов Юсуфа Вафо слышится явный протест про-



тив социального неравенства, против слепой судьбы, которой духовенство при помощи всяких уловок и хитростей пыталось запугать простой народ. В некоторых стихах, где поэт высмеивает богатея и знатя своего селения, открыто проявляется классовая вражда и ненависть.

Хотя до революционного творчества Юсуфа Вафо связано главным образом с его личной жизнью, тем не менее оно отражает тяжкую жизнь таджикской бедноты.

Только Октябрьская революция привела Юсуфа Вафо к счастливой жизни, только тогда он смог свободно слагать и петь песни.

*Бобоюнус Худойдодзода* (1870—1945). Бобоюнус родился в селении Косатарош (бывший Бальджуанский район), в семье бедного крестьянина. Отец Бобоюнуса был участником восстания Восе и погиб от ранения, полученного в одной из схваток. Бобоюнус в пятнадцать лет был свидетелем всех событий, связанных с восстанием. Родители Бобоюнуса, будучи сказителями и певцами, развили у своих детей склонность к пению и сказительству. Большой интерес проявляет Бобоюнус к «Гуругли» и уже в 19-летнем возрасте он самостоятельно начинает сказывать отдельные отрывки из этого народного эпоса. Скоро Бобоюнус прославился по всему Кулябу как искусный сказитель «Гуругли».

Жизнь населения горных районов день ото дня становилась все тяжелее. Бобоюнус, как и тысячи других бедняков, ушел на заработки. Он был чорьяккором и поденщиком, работал на маслобойне. В своих скитаниях и поисках работы Бобоюнус был в Самарканде, Ташкенте, Ходженте, Коканде, Ура-Тюбе и в других городах Средней Азии.

Творчество Бобоюнуса многогранно и своеобразно по форме и содержанию. Поэзия его состоит из эпических произведений, поэм, газелей, четверостиший и сатиры. Во многих стихах поэт описывает тяжелый труд и нищенское существование поденщиков, бичует тиранов, богачей, ростовщиков и торговцев.

В одной из своих поэм Бобоюнус воспел с необыкновенной силой восстание Восе. В его изображении Восе наделен лучшими чертами трудового народа, чьим первым сыном он был до последнего дыхания. В этой поэме Восе и народ морально едины. Поэма о Восе, созданная Бобоюнусом, имеет большое историческое значение и занимает важное место в таджикской литературе.

Стиль Бобоюнуса весьма своеобразен. Он возник на почве народного эпоса, в частности «Гуругли», мастером исполнения которого был поэт.

*Хомид Саид* (1892). Талантливый поэт Хомид Саид родился в селении Росровут Ганчинского района, в бедной

крестьянской семье. После смерти отца Хомид, оставшись сиротой, ушел в «люди». С малых лет у него появилась любовь к народной музыке и песне. Способности к пению обнаружались у него очень рано, и песни его доставляли радость народу. Хомид пел не только народные песни, но и сам сочинял их. В поисках заработка Хомид уходил в Ташкент и нанимался в услужение к баю, он начал слагать рубои, в которых выражал протест против гнета и насилия:

Измучили меня нужда и бедность,  
Сто трудностей, сто несчастий пали на мою душу.  
Я изнемогаю от невзгод мрачной жизни,  
Плачу я в разлуке со своими друзьями.

Октябрьская революция в числе миллионов трудящихся освободила и Хомиду Саиду от гнета и притеснений и дала ему счастливую жизнь. Теперь поэт свободно воспевает счастье и процветание своей родины.

Таким образом, в устном народном творчестве второй половины XIX и начала XX в. нашли свое отражение тяжелая жизнь таджикского трудового народа, его психология и борьба за свободу против деспотизма и эксплуатации. Эти народные художественные произведения — голоса обездоленных бедняков прошлого, раздававшиеся во всех уголках таджикской земли.

*Карим Девона.* Поэт Карим Девона создавал свои произведения из устных и письменных источников фольклора<sup>24</sup>. Карим Девона родился в селении Чуррак Дагана-Кинкского района Таджикской ССР и умер во время эпидемии холеры. Селение Чуррак расположено в горных отрогах Бабатага, жители его были бедны и жили в нищете. Поэт Карим избрал своим псевдонимом слово Девона (безумный). Притворяясь юродивым, поэт скитался из селения в селение, с базара на базар, со сборища на сборище и пел песни возмущения и гнева. Он по месяцу, иногда по два работал в различных селениях в крестьянских хозяйствах и у ремесленников (ткачей) и этим зарабатывал себе на хлеб. Однако подолгу на одном месте он не жил. Во второй половине XIX в. в Бухарском эмирате был установлен налог, называвшийся «аминона», который взимался с каждого продававшего что-либо на базаре. Однажды Карим Девона понес на базар в Шуриён карбос\*, полученный им за свой труд от мастера. Чиновник, собиравший «аминона», по имени Кури Барот потребовал с него две тениги налога, что составляло сумму выше стоимости всего карбоса. Поэт отдал кар-

\* Карбос — грубая белая ткань.

бос чиновнику и экспромтом прочитал стихи «Шуриёнский базар»; вот отрывок из них:

Хвала богу, что в это время  
В Шуриёне открылся базар:  
Двадцать тысяч аминана  
Кури Барота готовы <sup>22</sup>.

PDF Compressor Free Version

Сила художественного слова Карима Девона была велика, он собрал вокруг себя базарную толпу, которая изругала Кури Барота. Поскольку чиновники и духовенство преследовали и подвергали строгому наказанию тех, кто их открыто критиковал, Карим притворялся безумным, скитался по кишлакам и городам, высмеивал представителей власти, духовенства и знатных богатеев. По поэзии Карима Девона (очень близкой к книжной), в которой поэт упоминает имена классиков таджикской и узбекской литературы, можно судить, что он был человек образованный и был знаком с классической литературой. Карим Девона идейно был связан с передовыми людьми своего времени — народными поэтами, сказителями. Он участвовал в народном восстании в Гиссаре, которое возникло в 1907—1908 гг. и было направлено против гнета и произвола господствующего класса.

Стихи Карима Девона, помещенные в сборнике «Пламенные строки», тематически делятся на стихи социальные, лирические и сатирические. Творчество Карима Девона органически связано с фольклором.

## МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА, БЫТ И РЕЛИГИЯ

**Города, селения и жилища** На территории Таджикистана (в современных границах) в конце XIX — начале XX в. было мало городов; наиболее крупными из них являлись на севере Ходжент и Ура-Тюбе, на юге Гиссар и Куляб. Планировка городов отражала историю их развития и роста; наиболее древней частью города была цитадель (кала, арк), находившаяся в центре, часто расположенная на холме и обнесенная глинобитными стенами; вокруг располагался самый город (шахристан), также обнесенный стенами, имевшими обычно несколько ворот. Улицы города были узкими и кривыми, на них выходили глухие стены домов и глинобитные ограды (дувал), снабженные воротами или калитками. Вне городских стен более просторно располагались предместья (рабад), в которых пространство между домами было занято садами, огородами и полями.

Мало отличались от городов по виду и планировке крупные селения равнины, которые также нередко имели укреп-



ление на возвышенном месте (кала, курган), в древности служившие крепостью, а впоследствии резиденцией правителя или административного лица (например, селение Костакоз).

С 60—70-х годов XIX в. на территории Туркестанского генерал-губернаторства с городами местного населения стали создаваться русские поселки, впоследствии ставшие русской частью города; они имели правильную планировку, широкие, прямые улицы, кирпичные дома европейского типа.

Таджикские селения как по планировке, так и по величине значительно отличались друг от друга в зависимости от районов. Для равнинных районов севера был характерен тип компактной застройки с лабиринтами кривых улочек и тупиков, на которые выходили глухие, лишённые окон и дверей стены домов и дувалы. Нередко тупики отделялись от улицы воротами или калитками, запиравшимися на ночь. Этот тип селений свидетельствовал о поселении родственными группами с последующим наследственным дроблением участков. Селения, как и города, делились на кварталы (махала, гузар), также отражавшие расселение родственными группами. Каждый квартал имел свою мечеть. Иногда население того или другого квартала объединялось по признаку единой профессии.

С конца XIX в. в равнинных районах вокруг старых селений стали появляться отдельные дворы — усадьбы, разбросанные на некотором расстоянии друг от друга и окружённые садами и полями.

Планировка горных кишлаков в значительной степени зависела от географических условий, главным образом от рельефа местности. Они обычно были сравнительно невелики и располагались в долинах рек, на речных террасах и на конусах выноса горных речек; иногда они размещались на склонах гор на значительной высоте, в таких случаях дома обычно строились уступами и крыша нижнего дома как бы служила двором-площадкой для верхнего. Учитывая обычный в горах недостаток пригодной для посева земли, дома строили только на плохих, каменистых участках; принималась во внимание также опасность снежных обвалов и каменных лавин.

На тип горных селений оказывали влияние и родственные связи; нередко селение подразделялось на группы домов, непосредственно примыкавших друг к другу и образовавших особый квартал, стоящий на известном расстоянии от других кварталов того же селения. В связи с таким разнообразием планировки улиц в горных кишлаках обычно не было, отсутствовали также и глинобитные ограды, которые иногда заменялись сложенными из камня невысокими заборами или плетнями; часто отсутствовал и двор, который заменяла пло-

щадка или лужайка перед домом. Таким образом, самый тип поселения в горах имел более открытый характер, чему в значительной степени соответствовало и отсутствие затворничества женщины, столь характерного для городов и больших селений равнины.

Не менее разнообразны были и типы таджикского жилища, что также связано с различными географическими и культурно-историческими особенностями.

Жилище таджиков северных равнинных и предгорных районов состояло обычно из нескольких помещений. Усадьба делилась на две половины — внешнюю и внутреннюю в соответствии с существовавшим затворничеством женщины. Обязательной принадлежностью усадьбы был двор. Жилые помещения и хозяйственные постройки ставили по сторонам двора фасадом внутрь. На внешнем дворе устраивалось специальное помещение для гостей (мехмонхона). Дома строили обычно на цоколе, образуемом рядами булыжника; затем возводились стены из комков глины овальной формы (гузла), кирпича или же битой глины (пахса). В основание плоской крыши клали тростник или траву, сверху насыпали толстый слой земли, крышу обмазывали глиной, смешанной с мелкой соломой.

Наиболее простой формы дом состоял из одного прямоугольного помещения, в котором невысокой стенкой или просто уступом выделялась вблизи двери прихожая. В более поздних по времени постройки домах стали отделять дахлиз глухой стеной с дверью. Дальнейшим развитием такого дома явилась постройка еще одного помещения по другую сторону дахлиза, получался трехкомнатный дом. Перед домом по фасаду устраивалась терраса с крышей, но открытая спереди, где для упора крыши ставился ряд столбов.

Для обогрева служили небольшая яма в полу, куда клали горячие угли, и покрытый толстым одеялом низенький столик над ней (садали), вокруг которого садились, просовывая ноги под одеяло. В некоторых районах, особенно в Ферганской долине, в одной из стен устраивался камин (мури) с дымоходом для приготовления пиши.

Убранство жилища равнинных таджиков отличалось большим художественным вкусом. В стенах устраивались ниши с полочками, декорируемые фестоначатым обрамлением. Стены расписывали растительным орнаментом. Камини украшали художественно выполненной аркой. Балки и столбы делали резными, потолок и карнизы покрывали цветной росписью.

К дому пристраивалось помещение кухни с камином и очагом (ошдон, дегдон), отдельно ставилась печь для пече-

ния хлеба (танур); на дворе располагались и другие хозяйственные постройки.

Жилище равнинных и предгорных районов Куляба и Гиссара, где климат более теплый, отличалось легкой конструкцией, большей простотой архитектуры. В планировке жилища <sup>здесь встречаются</sup> двухкомнатные дома с сенями посредине или же дома, состоявшие из одного помещения; перед фасадом делался крытый айван или глинобитное возвышение — суфа. Стены возводились из пахсы. Характерным отличием жилищ Гиссара и Куляба являлось двускатное, крытое соломой или камышом перекрытие (гултора), сооружаемое над плоской крышей дома. Для обогрева в полу помещения устраивали углубление (чахдон), в котором разводили огонь; иногда над чахдоном ставилось сандали.

Жилище таджика-горца было более массивным, с толстыми стенами и солидной конструкцией крыши, покоящейся на столбах, с тем чтобы оно могло противостоять снегопадам и защищать от мороза и ветра. Стены были глинобитными или же возводились из неотесанного камня, скрепленного глиной. Столбы ставились как вдоль стен, так и внутри помещения. Высоко в стенах оставляли лишь небольшие отверстия, снабженные ставнями.

В горных районах существовали три типа жилища. Первый тип был распространен в бассейне Зеравшана. Его характерной особенностью являлся своеобразной конструкции вытяжной колпак над очагом, выводящийся на крышу в виде трубы, который генетически был связан с ферганским каминном-мури. В высокогорных долинах этот колпак достигал больших размеров и занимал значительную часть помещения.

В более низких местах бассейна Зеравшана жилище по типу приближалось к равнинному; нередко состояло из двух или трех помещений с айваном перед ними, архитектурные детали украшались резьбой и росписью.

Горное жилище второго типа было распространено в пределах Каратегина и Вахио. Это было квадратное помещение со столбом, поддерживающим крышу в центре. Почти весь пол помещения, за исключением небольшого пространства у двери, был поднят примерно на метр от земли и представлял собой ровную, обмазанную глиной площадку (дукон). У края дукона помещался очаг, вделанный внутрь возвышения. Топка производилась «по-черному» — дым наполнял все помещение и выходил через открытую дверь и отверстие в потолке (рузан).

Третий тип жилища был характерен для высокогорных областей Дарваза и Вахио, долины Ванча, припамирских районов. Дом отличался массивностью. Непосредственно от двери внутрь помещения вел широкий проход (куча, таи



пога), по сторонам которого вдоль боковых стен, а также вдоль задней стены были сооружены глинобитные возвышения, различные по высоте и отделенные друг от друга невысокими переборками. В углах дукона ставились столбы, поддерживающие крышу. Очаг устраивался в одном из боковых дуконов ближе к двери. В центре потолка имелся ружан, образуемый несколькими наложенными друг на друга квадратными, уменьшающимися кверху рамами таким образом, что стороны одной приходились на углы другой. Топка в домах этого типа также производилась «по-черному». Перед домом пристраивалось проходное помещение типа сеней — долун, по двум сторонам которого также устраивались дуконы.

Такие дома, нередко огромных размеров, служили жильем больших неделимых семей; каждая супружеская пара с малолетними детьми имела определенное место на дуконе.

#### Одежда

Национальный костюм таджиков отличался большим своеобразием и красочностью. До

колоннального периода материалом для одежды служили кустарные ткани местного производства: грубая белая ткань (карбос), бумажная плотная (алача, калами); более состоятельные люди носили одежду из шелковой или полушелковой материи (адрас, алача); в горных районах наряду с карбосом в значительной степени были распространены шерстяные ткани. С появлением же в крае большого количества привозных фабричных тканей из России местные ткани стали вытесняться. Прежде всего получил распространение кумач, затем набивные пестрые ситцы. Местные дорогие ткани стали заменяться бархатом и шелками фабричного производства. Однако в горы фабричные ткани проникали в небольшом количестве. Но одежда продолжала сохранять свой национальный колорит. Основной принадлежностью одежды как у мужчин, так и у женщин были рубаха (у женщин заменявшая и платье) и штаны. Рубаху шили из одного куска ткани, сложенного пополам на плечах; в бока вставлялись клинья, рукава пришивались к основному полотнищу. Мужская рубаха отличалась от женской меньшей длиной и другой формой ворота. В женской рубахе ворот имел вертикальный разрез, который в горных районах часто украшался вышивкой, в мужской рубахе ворот имел небольшой полукруглый вырез, иногда с горизонтальным разрезом вдоль плеча. Для мужских рубах употреблялась белая ткань или ткань в полоску, для женских — пестрая. Штаны делали на вздержке, которая завязывалась спереди; женские штаны в отличие от мужских были длинными, спускались на ступню, образуя напуск; шили их из местной бумажной материи. Верхней одеждой служил халат.

В городах и крупных равнинных селениях для женщины при выходе на улицу было обязательным ношение паранджи — одежды типа длинного халата, накидывавшегося на голову и скрывавшего всю фигуру, с фальшивыми рукавами; на лицо под паранджу надевали черную волосяную сетку — чашмбанд. В отдаленных местностях, особенно в горах, паранджа и чашмбанд не были известны, здесь женщины ходили с открытым лицом, а там, где закрывались от посторонних, накидывали на голову короткий халатик (джелак, саргирак), нередко детский.

Раньше обычно одежда шилась в каждом доме, но к концу XIX в., особенно в связи с завозом в край швейных машин, в городах и крупных селениях стали появляться специалисты-портные (мошиначи).

Старинным видом обуви в городах были кожаные туфли, крестьяне носили мукки — вид невысокой кожаной обуви, сшиваемой из двух половин, на мягкой подошве, а также грубые сыромятные башмаки — чорук. В горах в употреблении были деревянные башмаки на трех подставках-шипах. В горных районах носили цветные шерстяные чулки, икры ног, особенно в дороге, крепко бинтовали широкой тесьмой.

Более новым видом обуви явились махси — мягкие сапоги с мягкой же подошвой, на которые обязательно надевались кожаные туфли с низким задником, а позднее резиновые каалоши с острым носком. Махси постепенно стали носить как мужчины, так и женщины.

Таджики обычно брили голову, оставляя усы и бороду; женщины в молодости заплетали волосы во множество косичек, после замужества носили одну или две косы.

Мужским головным убором служили тюбетейки, различные по своему фасону, цвету и орнаменту в зависимости от местности. Тюбетейка обычно вышивалась цветными нитками, а край ее обшивался плетеной тесьмой. Поверх тюбетейки наверхывали чалму, однако она не была распространена повсеместно. Знать и духовенство носили большие пышные чалмы из дорогой материи обычно белого цвета. Зимой в употреблении были шапки с меховой опушкой. Старинным женским головным убором служила шапочка из бумажной материи, имевшая сзади накосник, такая шапочка называлась кулюта. Затем повязывался лачак — прямоугольный кусок ткани, пропускавшийся под подбородком и завязывавшийся на голове; сверху вокруг головы наподобие чалмы наматывался еще кусок ткани. Постепенно этот головной убор стал заменяться платками, часто двумя, надеваемыми один поверх другого.

Женщины носили разнообразные украшения: ожерелье, браслеты, кольца.

## Пища

У таджиков горных районов, где преобладали посевы зерновых и было развито скотоводство, в пищевой рацион в основном входили хлеб и молочные продукты; на равнине помимо хлеба питались рисом, также фруктами, молока употребляли мало. Потребление мяса (особенно в большой зависимости от степени зажиточности, в бедных семьях мясо ели очень редко.

Хлеб выпекался в виде круглых лепешек различной величины, главным образом из пшеничной муки; в некоторых горных местностях и среди бедноты употребляли ячменную и бобовую муку. Хлеб пекли в танурах или на стенках очага. В горах из теста, кроме хлеба, готовили только лапшу, а на равнине тесто употребляли также для приготовления пирожков, пельменей.

Из молочных продуктов больше всего употребляли заквашенное кислое молоко (катык), сыр в форме шариков (урут), перетопленное масло (равгани зард).

Из овощей употребляли репчатый и зеленый лук, морковь, необходимую для приготовления плова тыкву, свеклу, красный перец, служивший приправой. Фрукты ели как в сыром, так и в сушеном виде.

Если в горных районах ели преимущественно коровье масло, то на равнине преобладало растительное, приготовлявшееся из семян хлопка, льна, кунжута, дынных семян, абрикосовых ядрышек. В большом ходу было баранье курдючное сало.

Мясо предпочитали главным образом баранье или говяжье; куриное мясо употреблялось не повсеместно; наряду с этим считалось лакомством мясо перепелов, фазанов и куропаток, в горах — мясо дикого козла.

Излюбленным национальным блюдом был плов, приготовление которого имело локальные особенности; обычно плов готовили мужчины. Однако в горных местностях плова почти не употребляли. Помимо плова готовили уже упомянутые пельмени, каурдак — жареное мясо, шурбо — мясной суп. В горах излюбленным блюдом были различные овощные похлебки, заправленные тестом и кислым молоком. Чай получал широкое распространение сравнительно недавно.

Блюда с пищей, хлеб, фрукты и сласти размещались на дастархане — скатерти, которая стелилась на пол, покрытый ковром, войлоком, паласами; лишь под влиянием русской культуры на равнине стали появляться невысокие столы. Густую пищу подавали на общем блюде и ели руками, жидкую — ложками, иногда даже одной ложкой, передаваемой по кругу.

К пище относились бережно и почитательно, особенно к хлебу; его нельзя было бросать или ронять на землю, на пол.



Остатки пищи, хлебные крошки тщательно собирались и бросались в очаг или в проточную воду.

**Средства сообщения** На значительной горной части территории Таджикистана отсутствовали удобные пути сообщения. Дороги, предназначенные для колесного транспорта, существовали только тропы, ширина которых зависела от рельефа местности. Там, где путь пролегал через теснину с крутыми, подчас скалистыми склонами, ширина тропы обычно была такой, что по ней с трудом могла пройти лошадь, некоторые же тропы были недоступны даже для лошади, по ним могли пройти только осел и человек.

Низкий уровень техники, особенно в пределах Бухарского ханства, не давал возможности ведения каких-либо скальных работ; поэтому там, где встречались крутые скалы и невозможно было провести обычную тропу, устраивались искусственные карнизы — балконы из бревен, жердей и хвороста, так называемые овринги, которые держались на колыях, забитых в трещины скал. В таких местах приходилось снимать вьюки с лошадей или ослов и переносить груз на руках, а затем уже с соблюдением всяческих предосторожностей переводить и животных. В Припамирье были и такие места, где нельзя даже было соорудить овринг и люди ползком пробирались по подвешенным бревнам, а местами поднимались и спускались по приставным лестницам.

Многие горные перевалы, через которые проходили тропы, были доступны лишь в летнее и осеннее время. Очистка троп зимой от снега, особенно на перевалах, являлась тяжелым трудом для местного населения.

Встречавшиеся на пути бурные горные реки нередко переплывали, пользуясь кожаным бурдюком, надутым воздухом, который обхватывали одной рукой, загребая другой. Для переправы пользовались также своеобразным плотом — саль; его составляли из нескольких бурдюков, поверх которых делали помост из легких жердей, привязанных к бурдюкам и скреплявших весь плот.

Мосты на горных реках были примитивной конструкции. Передвижение в горных местах совершалось только пешком или верхом, грузы вычились на транспортных животных — лошадях или ослов, а весьма часто человек переносил их просто на спине. В местах с менее пересеченным рельефом и на равнине в качестве транспортного животного использовался также верблюд.

На равнине широко была распространена арба — повозка с двумя большими колесами и длинными оглоблями, в которую запрягали лошадь. Арба благодаря своим большим колесам была хорошо приспособлена для продвижения по не-

мощным дорогам, через ухабы и рытвины, а также через небольшие каналы.

Под влиянием русских обычаев в некоторых местах стали пользоваться пароконными и одноконными бричками.

**Семейный быт** В конце XIX — начале XX в. у таджиков в некоторых наиболее глухих горных районах (долина Ванча, Дарваз, долина Ягноба) еще бытовали большие неразделенные патриархальные семьи, насчитывавшие более нескольких десятков человек, проживавших совместно и ведших общее хозяйство. Во главе такой семьи стоял старейшина — калонтари хона, который распределял между членами семьи работу и руководил всем хозяйством. Дом и пахотная земля являлись общей собственностью семьи, лишь скот подразделялся между отдельными индивидуальными семьями, входившими в большую семью. Крупные семьи бытовали и в других местах, в частности в северных районах, однако под влиянием развития товарно-денежных отношений они стали быстро исчезать, дробясь на малые семьи.

Пришедшая на смену большой патриархальной семье многогамная семья, отличаясь от первой численностью ее членов (обычно одна брачная пара с детьми), в то же время сохраняла черты патриархальности — превосходства мужа и отца, подчиненное положение женщины. В некоторых семьях, особенно среди зажиточных слоев общества, бытовала полигамия — глава семьи имел несколько жен. Положение женщины в семье в известной степени зависело от степени ее участия в производительном труде. В дехканских семьях женщина была несколько более независима, чем женщина в городских семьях. Женщина в городе фактически вела затворническую жизнь — жила во внутренней половине дома, куда не допускались посторонние мужчины, могла выходить из дома лишь скрытая под паранджой и чашмбандом. Однако во всех слоях общества с точки зрения мусульманского права — шариа та женщина была неравноправна с мужчиной: право на развод фактически принадлежало только мужу, женщина наследовала лишь половину той доли, которую наследовал мужчина, один свидетель-мужчина приравнивался двум свидетелям-женщинам.

Дети находились в полном подчинении родителей, главным образом отца, по воле которых заключались браки между молодыми людьми. Согласия молодых, особенно девушки, обычно не спрашивали. Существовал обычай уплаты женихом и его родителями выкупа — калыма за девушку. Семья жениха несла также все расходы по устройству свадьбы. Следует отметить, что обычай выплаты калыма стойко держался лишь в более отсталых, преимущественно горных

районах. На равнине, особенно в городах, где патриархальные отношения исчезали быстрее, калым со временем стал в значительной степени фикцией, в то время как повысились роль и удельный вес приданого, даваемого отцом невесты своей дочери.

Брачные союзы совершались в родственной среде. Сохранялся также обычай левирата и сорората (т. е. выход замуж за брата умершего мужа и женитьба на сестре умершей жены).

Появление в доме ребенка, особенно мальчика, всегда было радостным событием. Вследствие бедности широких народных масс, отсутствия среди населения элементарных навыков санитарии и гигиены детская смертность была чрезвычайно велика, особенно много детей умирало в раннем возрасте.

Дети рано приучались к различным работам, особенно в дехканских семьях, и становились помощниками в хозяйстве. Но уже к восьми-десяти годам на девочку начинали смотреть как на невесту, отделяли ее от мужского общества, приучая к выполнению своих будущих обязанностей в качестве жены и матери.

**Религия** Официальной религией таджиков, как и большинства других народов Средней Азии, был ислам суннитского толка. Наличие многочисленного и влиятельного духовенства, существование большого числа мест поклонения, по преданиям связанных с захоронением мусульманских святых, духовные школы, в которых ученики получали религиозное образование, — все это должно было способствовать пропаганде ислама и выработке определенной идеологии, которая умело использовалась эксплуатирующими классами в своих целях.

Немногочисленная группа привамирских таджиков в отличие от остальных таджиков исповедовала исмаилизм. Исмаилиты имели своих духовных наставников — пир, халива, которые собирали с населения дань, в основном золотой песок, и отвозили его главе исмаилитов Ага-хану в Бомбей.

Однако наряду с мусульманским верованием среди широких слоев населения были сильны различные доисламские представления и культы. Особенно большое число различных суеверий помимо мусульманских представлений было связано со смертью и похоронами. Близкие умершего должны были позаботиться о его душе, и все погребальные обряды и церемонии были направлены на то, чтобы освободить душу умершего от злых, нечистых сил и обеспечить ей благополучное существование в загробном мире (обряд выкупа грехов покойного, изгнание нечистой силы с помощью огня, чтения молитв, устройство поминальных угощений — худои и т. п.).



Здесь переплетались исламские представления о рае и аде, страшном суде, ангелах с более архаическими анимистическими представлениями.

К доисламским представлениям следует отнести широко распространенное почитательное отношение к огню: существовало поверье, что огонь нельзя тушить дыханием, в золу нельзя **PDF Compressor Free Version** ходить; в праздники было принято разводить костры, через которые обычно прыгали, что рассматривалось как очищение (вокруг костра обводили и наоборот). Следы древних верований можно видеть и в космогонических представлениях, которые были распространены среди таджиков. Таковы, например, представления о громах, как о божестве тундур, которое фигурирует в образе старика или же старухи, выколачивающей свою шубу, представления о тучах — коровах, о радуге, которая якобы является луком Рустама; последнего в мусульманской религии сменили святые Хасан и Хусейн.

Особенно сильна была вера в различные магические действия, могущие принести пользу человеку или же помогающие ему нанести вред врагу или недругу.

Широко был распространен культ почитаемых мест — мазаров, отдельных чем-либо примечательных деревьев, больших камней, пещер. Мазарами называли и усыпальницы мусульманских святых. Хранители мазаров последнего типа — шайхи — жили за счет приношений верующих, приезжавших или приходивших сюда «за помощью» в случае болезни или другого какого-либо несчастья.

Следует отметить, что правящие классы, и особенно мусульманское духовенство, старались всячески «исламитизировать» более древние религиозные представления, приспособить их для успешной пропаганды официальной религии. В то же время с теми древними представлениями, которые шли вразрез с учением ислама и не могли быть использованы в интересах мусульманского духовенства, последнее вело ожесточенную борьбу.

**Общественная жизнь и праздники** Общественная жизнь и общественные интересы были ограничены узкими рамками своего квартала, селения. Средоточием общественной жизни были мечети, чайханы, в горных селениях — общественные «дома огня» (аловхона). В них или около них собиралась вся мужская часть квартала или селения, чтобы провести время, обсудить различные общественные дела, потолковать об урожае, определить день начала тех или других сельскохозяйственных работ. Там же собирались и для различных праздничных угощений, а иногда и развлечений. Женщины не посещали общественных мест, они собирались для обсуждения своих хозяйственных, а также семейных дел где-либо

в частном доме, даже на празднествах они держались обособленно.

Одной из форм общественного времяпрепровождения мужской части населения в городах и селениях на равнине были так называемые джура, или тугма. Компания людей в 10—15 человек обычно одного возраста с осени заготавливала в складчину необходимые продукты и подбирала помещения; в этом помещении зимой вся компания собиралась каждый вечер, просиживая далеко за полночь за едой и развлекаясь танцами и играми. Бывало, что складчины не делали, а угощения устраивали каждый из членов компании за свой счет поочередно; эта форма времяпрепровождения называлась гап.

В горах в зимнее время для развлечения односельчане собирались в аловхона, каждый приносил с собой продукты из дому; разводили большой огонь, ели, кто-либо из присутствующих рассказывал сказки или различные истории, затем слушали певцов — хофизов, исполнявших свои песни под аккомпанемент дутара.

Общественный характер носили различные семейные праздники. На такие праздники собирались все жители квартала или селения, иногда же по одному-двум представителям от каждого дома.

Важнейшими мусульманскими праздниками были Рамазон и Курбон. В дни этих праздников после торжественного моления и угощения при мечетях, делаемого в складчину, организовывались различные развлечения, часто по приказу властей — скачка с козлом, борьба, выступление фокусников, артистов, певцов.

Массовый, глубоко народный характер носили весенние праздники, связанные с пробуждением природы и началом сельскохозяйственных работ. Все они концентрировались вокруг старинного таджикского нового года — Новруз, приходящегося на день весеннего равноденствия (21 марта).

Во многих местах Новруз праздновался торжественно. В этот день, а иногда и несколько дней после него устраивались различные развлечения и увеселения.

## ИСКУССТВО

### Театр

В конце XIX и начале XX в. существовал таджикский народный театр, возникший в древнее время на широкой базе народного творчества. Бытовал он в основном в двух видах: кукольный театр и театр масхарабов.

Первый из них был распространен только в равнинных местностях, населенных таджиками. Артисты кукольного театра составляли цех, во главе которого стоял цеховой старшина, называемый бобо (дед), почтенный и опытный мастер, уважаемый всеми артистами.

Труппы артистов состояли из 4—6 музыкантов, танцоров, акробатов, жонглеров и выступали главным образом на семейных торжествах.

Пьесы кукольного театра не писались, а передавались устно из поколения в поколение и изображали картинки из народной жизни, а отдельные носили сатирический характер, в них часто высмеивались представители эксплуататорского класса.

Театр масхарабозов охватывал различных представителей музыкального, танцевального и циркового искусства, а именно певцов, музыкантов, танцоров, канатоходцев — дорбозов, фокусников — найрангбозов, жонглеров, акробатов и т. п. Но в центре этого театра стояли масхарабозы — площадные комедванты, которые выступали в основном на свадьбах и на новогодних празднествах. Масхарабозы были любителями и профессионалами. Первые из них встречались всюду, в особенности в кишлаках, вторые — в городах, большей частью при дворах местных правителей.

В репертуаре придворных масхарабозов были в основном развлекательные номера, определявшиеся вкусом и интересом придворных зрителей. Но не все придворные масхарабозы были склонены к бессодержательным выступлениям. Отдельные смельчаки не боялись дерзких слов в адрес угнетателей.

Репертуар народных масхарабозов был очень богат и разнообразен. В него входили народные песни, танцы и пантомимы, гимнастические упражнения, юмористические рассказы. Но основу репертуара составляли комические пьесы и сценки самой разнообразной тематики: изображались производственные процессы, эпизоды быденной жизни и различные общественные явления сельской и городской жизни. Характерная черта этих пьес — активное сатирическое отношение к действительности, отсюда социально-бытовое, остро сатирическое направление устной драматургии театра масхарабозов, ее злая пародия на представителей местных богатеев. В особенности беспощадной сатире подвергались судьи и духовные лица. Так, например, в пьесе «Про муллу», которая была распространена в различных вариантах, изображается мулла-обманщик. Высмеиваются знахарство, невежество мулл, показная сторона религии, феодальное судопроизводство, и отражается ироническое и недоверчивое отношение народа к духовенству и представителям власти.



Но масхарабозы создавали не только яркие, обличительные социальные типы, они также воплощали образы простых людей, отмечая их ум, находчивость, жизнерадостный и оптимистический дух. Поэтому театр масхарабозов был не только любимым, развлекательным зрелищем, но и театром, содержащим в себе определенный этический и социальный смысл, выполняющим определенную общественную задачу. Этот театр, созданный самим народом, непосредственно служил для него, выражая его чаяния.

В конце XIX и начале XX в. театр масхарабозов дал целый ряд талантливых актеров, таких, как Наби (б. Даштиджумский район, 1836—1910), Хакберди Раджабалиев (Бальджуав, 1863—1916), Холик Бобоев (Муминабад, 1876), Эргаш (Бухара, 1887—1960), Тула (Бухара, 1850—1920)<sup>36</sup> и др., которые не только хранили репертуар старых масхарабозов и сказителей, но и вносили существенный вклад в дело развития народного театрального искусства и были известны не только в родных и близлежащих кишлаках, но также в более отдаленных местах.

Независть знатных людей, богачей и представителей духовенства нередко влекла за собой печальные для масхарабозов последствия: их арестовывали, изгоняли.

После присоединения Средней Азии к России постепенно начало проникать в страну прогрессивное влияние русской театральной культуры. Начиная с 1867 г. в Ташкенте, позднее в Намангане, Маргелане, Самарканде, Андижане, Ходженте организовывались русские любительские театральные кружки, куда входили в основном представители интеллигенции. Репертуар этих кружков состоял из произведений русской классической драматургии. Так, например, в печати было сообщено, что в 1910 г. любительский кружок в Ходженте удачно поставил комедию А. Н. Островского «На бойком месте» и готовит «Дядю Ваню» А. П. Чехова<sup>37</sup>.

С 1877 г. в Ташкент, позже в Самарканд и другие города Туркестанского края начинают приезжать русские профессиональные драматические и музыкальные труппы, в репертуаре которых были произведения А. С. Грибоедова, Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, А. П. Чехова, В. Шекспира, Ф. Шиллера и др.

Приезжали и известные мастера русского театра, такие, как П. Н. Орленев, Мамонт Дальский, М. М. Петипа и др. Выдающимся событием было выступление великой русской актрисы В. Ф. Комиссаржевской в Ташкенте и Самарканде, где она скончалась в 1910 г.

Развитие русского театрального искусства в Туркестанском крае начало играть положительную роль в деле приобщения народов Средней Азии, в том числе таджиков, к пере-

довой русской культуре. В одной из заметок местной печати отмечается, что «в театре было весьма много как сартов, так и татар»<sup>35</sup>.

В годы революции 1905 г. русский театр в Ташкенте выступал с целым рядом ярких спектаклей: играли пьесы М. Горького («Мещане», «На дне», «Дачники», «Дети солнца»), а также и западноевропейских драматургов.

Русская театральная культура проникала в Среднюю Азию и через татарские и бакинские театральные труппы, которые под влиянием русского театра зародились раньше и в начале XX в. уже располагали национальной драматургией, талантливыми актерами, режиссерами и опытом работы над спектаклями.

Еще в 1904 г. в Ташкенте местные татары показали любительский спектакль, в создании которого активное участие принимал известный в Средней Азии этнограф А. А. Диваев. Позднее татарские любительские кружки возникали не только в Ташкенте, но и в других городах Средней Азии. В Ташкент приезжали татарские труппы и из Казани. Ставили пьесы выдающегося татарского драматурга Г. Камала, пьесы З. Вали, азербайджанского драматурга Н. Везирова и других авторов.

Театральная жизнь в Средней Азии оживлялась также и в связи с приездом азербайджанских артистов. Местное население проявляло большой интерес к их спектаклям. Хотя русские, татарские и азербайджанские труппы будили в талантливых сынах таджикского и узбекского народов желание создать свой родной театр, эта мечта в дореволюционный период не могла осуществиться. Это желание попытались использовать джадиды; они создали любительский театр, пропагандируя свои идеи с его помощью.

9 марта 1911 г. в Самарканде состоялся первый спектакль этого театра, организатором и ответственным распорядителем которого был один из ярких представителей джадидского движения в Туркестане — Махмудходжа Бехбуди.

Ставя азербайджанские и татарские пьесы в оригинале или в переводе, буржуазный любительский театр джадидов стремился создать и свои пьесы. Первым таким произведением явилась пьеса «Падаркуш» («Отцеубийца») М. Бехбуди. Идеиная сущность пьесы заключалась в пропаганде необходимости просвещения для верхушки местного населения, для того чтобы оно могло работать в правительственных учреждениях колониального аппарата и проводить политику панисламизма.

Вслед за «Падаркуш» появляются и другие джадидские пьесы, уровень которых, как и «Падаркуш», был весьма низок.

Джадидская драматургия пропагандировала буржуазно-просветительские идеи, далекие от народа.

**Музыка** Таджикская музыка с давних пор развивалась как искусство устной традиции и несла в себе яркие самобытные народные черты. Эти принципы продолжали развиваться и во второй половине XIX и в начале XX в. Как и в предыдущие века, музыка была мелодическим, унисонным искусством. Песенное исполнительство сводилось в основном к двум типам: сольному и коллективному пению в сопровождении народного инструмента или ансамбля инструментов, на которых каждый певец обычно сам себе аккомпанировал<sup>39</sup>.

Среди всех видов искусства музыка была самой неотъемлемой частью жизни народа, а певцы и музыканты — желанными гостями любого дома, квартала и кишлака. Песня и музыка сопровождали трудовые процессы, в основном земледельческие, свадебные и похоронные обряды, игры и развлечения. Отсюда жанровое и тематическое разнообразие народного песенного творчества. Бытовали исторические, эпические, ритуальные, трудовые, колыбельные, танцевальные и другие песни.

В повседневной жизни широко была распространена главным образом лирическая песня с ярко выраженной певучей музыкальной мелодией. Текстами ей служили народные двустишия (бейты), четверостишия (чорбейты, рубои), пятистишия (мухаммасы), а также стихи местных поэтов, поэтов-классиков Саади, Джоми, Хилоли, Бедия и в особенности Хафиза. На его стихи народ создал свои мелодии как в крупных городах, так и в самых отдаленных маленьких кишлаках, горных районах Таджикистана, в том числе на Памире. Такая тесная связь музыки с профессиональным поэтическим искусством является одной из характернейших черт таджикского народного песенного искусства.

Лирические песни затрагивали не только любовные, но и социально-бытовые темы, сочетая личные переживания людей с социальными. Среди таких очень характерны песни о разлуке (чудоги), связанные в основном с чужбиной лирикой — гариби, когда бедняки-горцы в поисках средств к существованию уезжали в города Таджикистана и Узбекистана и как дешевая рабочая сила привлекались эксплуататорами на хлопкоочистительные и черные работы. Песни о разлуке были связаны и с браком поневоле, очень типичным в дореволюционный период, основанном на материальной выгоде<sup>40</sup>.

В народной лирике значительное место занимали скорбные, печальные песни, порожденные беспросветной жизнью. Такие песни особенно были широко распространены среди горных таджиков, условия жизни которых были очень тяже-



лы, а также среди женщин, лишенных самых элементарных человеческих прав.

Помимо грустных, печальных песен широко бытовали и шуточные, сатирические песни с задорной и темпераментной мелодией, полные оптимистического духа и мечты.

Большим уважением и успехом в народе пользовались певцы — сказители героического эпоса «*Гуругли*», выступавшие под аккомпанемент на дутаре. Исполнитель эпоса был не только певцом, но также и импровизатором и поэтом, вносящим собственные сочинения в традиционный сюжет и тут же исполнявшим созданный им вариант.

С разнообразием жанров песенного творчества тесно связан и богатый музыкальный инструментарий таджикского народа. Выступление певцов, танцоров сопровождалось аккомпанементом музыкальных инструментов, в особенности популярными из них были бубен (дойра), струнно-щипковые инструменты — тамбур, дутар, рубаб, тар. Музыканты, игравшие на различных инструментах, составляли ансамбли в составе трех-четырёх человек. Ансамбли эти выступали главным образом на семейных праздниках, сопровождали не только выступление певцов, но и сами исполняли различные мелодии, большей частью лирического и танцевального характера. В новогодних гуляньях (сайлах), на представлениях канатоходцев, ходуলেখодов, фокусников, кукольного театра участвовали ансамбли музыкантов с инструментами, обладающими сильным звуком (сурнай, карнай, дойра, нагора и др.). Инструменты эти издавна привлекали внимание зрителей и придавали приподнятое, праздничное настроение происходившему событию.

Ансамбль музыкантов и певцов делился на любителей и профессионалов. Первых было много в кишлаках, а последних — в городах и некоторых крупных селениях.

Профессиональные музыканты и певцы проходили большую и трудную школу тренировки. Так как отсутствовала нотная письменность, то ученики заучивали от учителей мелодии и тексты песен только на слух. Поэтому профессиональное искусство на протяжении многих веков развивалось как искусство устной традиции, отличаясь сложностью музыкальной формы, глубиной содержания. Профессиональное музыкальное искусство главным образом было представлено в шашмакоме — в сложных вокально-инструментальных циклах, объединявших в себе 252 классические мелодии. Каждый маком состоял из трех больших разделов. Первый из них чисто инструментальный, второй и третий разделы — вокальные. Лучшие певцы благодаря исключительной памяти и высокому профессиональному искусству были отличными исполнителями макамов. Таковы известные исполнители шаш-

макома — бухарские певцы и музыканты Ата-Джалалиддин Насыров, Домулло Халим Ибадов (1878—1940), Леви Бабахонов (1873—1926), Усто Шоди Азизов (1878—1943), самаркандский певец Ходжа Абдулазиз Расулов (1852—1936)<sup>41</sup>, ходжентский певец Содирхон Бобошарипов (1847—1931) и др.

Многие из них выступали не только на семейных празднествах, но и в литературно-музыкальных собраниях, участниками которых были передовые слои общества, и особенно поэты, писатели, музыканты и певцы.

В городе Бухаре литературно-музыкальные собрания устраивались вокруг выдающегося таджикского просветителя Ахмада Дониша и некоторых других меценатствующих состоятельных лиц. Участниками их были известный поэт и талантливый музыкант Абдулқодир Ходжа Савдо, поэт и талантливый танбурист Қары Каромат Дилкаш, танбурист Миратаджай Миризомов, поэт и музыкант Исо Махдум, считавшийся мастером игры на танбуре, молодой, будущий выдающийся таджикский писатель Садриддин Айни и др.

В Ходженте литературно-музыкальные собрания проводились двумя друзьями: поэтом-просветителем Тошходжа Асири и певцом-музыкантом Содирхона<sup>42</sup>.

Лучшие певцы, музыканты и танцоры приглашались ко дворам местных правителей. Среди артистов придворного театра только певцы и музыканты были более тесно связаны с придворным церемониалом. Они выступали в любое время суток по первому желанию правителя. Народные артисты, попав во дворец, вынуждены были приспособляться ко вкусам и запросам господствующей верхушки феодального общества. Певцы ограничивались песнями только любовно-лирического содержания и специальными текстами, возвеличивающими правителя и его царствование.

Отношение к придворным артистам было пренебрежительное. Они строго подчинялись придворному этикету и за малейшее нарушение жестоко наказывались.

Музыка служила не только придворному быту, но и религии. Дарвешы, устраивающие специальные радения (зикр) в мечетях, каландары-отшельники, странствовавшие по кишлакам и городам, использовали музыку только для религиозных целей. Но в музыкальной жизни XIX и начала XX в., как и в предыдущие периоды, центральное место занимала не музыка дарвешей и придворных артистов, а музыкальное искусство народа, который пронес через века, сохранил и продолжал развивать лучшие реалистические, демократические традиции своего творчества.

Действительность правдиво отражалась в народных произведениях. Особенно яркое выражение нашли мотивы со-

циального, классового протеста трудящихся. Таковы исторические «Песня о восстании Восе», «Песня ткача» и др.

Появлению новых народных песен с глубоким социальным содержанием значительно способствовало распространение в Туркестанском крае революционных песен, которые принесли с собой русские рабочие и политические ссыльные. В период 1905 г. такие песни звучали на многих улицах городов Туркестанского края. Распространилась и популярная революционная «Марсельеза». Вскоре после установления советской власти в Туркестане основоположник таджикской советской литературы С. Айни сочинил на мотив этой песни революционные стихи «Марш свободы». Один этот факт свидетельствует о серьезном влиянии русских революционных песен на развитие таджикской музыки.

После присоединения Средней Азии к России в Туркестане наблюдалось проникновение русской музыкальной культуры. Начиная с 1872 г. главным образом в Ташкенте устраивались любительские концерты, которые позже приобрели систематический характер. На этих концертах, часто организуемых демократически настроенной интеллигенцией в железнодорожных мастерских, в воскресных школах, пропагандировались лучшие произведения мировой музыкальной классики.

В начале XX в. в Ташкент и другие города Туркестана приезжали на гастроли музыкальные труппы и отдельные исполнители, выступления которых проходили с большим успехом. Так, например, в 1907—1910 гг. приезжала итальянская оперная труппа, в 1915 г. «Передвижная художественная опера», в том же году выступал выдающийся русский певец Л. В. Собинов.

Для развития таджикской музыкальной культуры определяющее значение имели спектакли азербайджанской оперы («Аршин мал алан», «Лайли и Маджнун», «Мешади Ибад»), которая благодаря близости языка и музыки была более доступна местному населению.

Начиная с конца XIX в. таджикская музыка становится предметом специального изучения. В 1898 г. едва ли не впервые были сделаны в Дарвазе востоковедом А. А. Семеновым нотные записи с подтекстовкой песенных вставок, содержащихся в одной из записанных сказок. В 1899 г. музыкантом-этнографом С. Рыбаковым в Бухаре были записаны (наряду с туркменскими и узбекскими) таджикские народные песни<sup>49</sup>. В 1908 г. в Самарканде иранист-лингвист академик К. Г. Залеман сделал фонографические музыкальные записи.

Представители русской интеллигенции помимо нотной записи обращали внимание на коллекционирование и пропаганду старинных музыкальных инструментов народов Сред-



ней Азии. Большая коллекция их, собранная А. Ф. Эйхгорном, демонстрировалась в 1872 г. на политехнической выставке в Москве, а в 1873 г. на Всемирной выставке в Вене. Тем не менее в конце XIX и начале XX в. музыкальное и театральное искусство, несмотря на свое многообразие и отдельные развитые формы, переживало кризис, который был обусловлен тормозившим его развитие феодальным строем. И только Октябрьская революция, раскрепостив политически и духовно угнетенный народ, открыла ему простор к свободному художественному творчеству.

**Прикладное искусство**

Во второй половине XIX — начале XX в. изобразительное искусство таджиков развивалось в основном как орнаментально-декоративное. Его главным направлением, была, с одной стороны, разнообразная архитектурная декорация, с другой — оформление многочисленных и разнообразных бытовых вещей. Оба эти вида — как монументальный, так и малых форм — стояли на значительном уровне<sup>44</sup>. Древний запрет изображать живые существа приводил к необычайному развитию орнамента. Широчайшее распространение художественных бытовых вещей среди городского и кишлачного населения налагало яркий отпечаток на общественную жизнь Средней Азии, придавая ей красочность и своеобразие, нередко вызывая удивление и восхищение иностранцев.

В городах и крупных населенных центрах, находящихся на современной территории Таджикистана — Ходженте, Ура-Тюбе, Канибадаме, Исфаре и т. д., а также в старинных центрах таджикской городской культуры — Бухаре и Самарканде, процветало искусство архитектурной декорации как общественных, так и частных зданий<sup>45</sup>. Здесь применялась резьба по ганчу и дереву, роспись по дереву и штукатурке. Нередко все эти виды объединялись в единое целое, образуя неповторимый по красоте ансамбль.

Декоративное искусство было чрезвычайно сложно, оно требовало традиций и навыков, выработанных веками. Целые группы профессионалов-мастеров, владевших секретами своего ремесла, как правило, передававшегося по наследству от отца к сыну, обычно работали в рамках цеховой организации со своим уставом и с обязательством долгого ученичества<sup>46</sup>. Украшались потолки, иногда стены, колонны, оконные решетки, двери и другие части интерьера, особенно в жилых домах наиболее состоятельных людей и квартальных мечетях. Но даже и в менее состоятельных домах равнинного Таджикистана почти всегда встречались орнаментированные детали — ставни, фризы потолка, настенные ниши и т. д.

Многочисленные дошедшие до нас образцы говорят о большом мастерстве и высокой выработанности форм этого

искусства<sup>47</sup>. Правда, во второй половине XIX и начале XX в. монументальное строительство, достигавшее широкого размаха, в некоторые периоды средневековья уже отошло в прошлое.

PDF Compressor Free Version  
Мастера архитектурной декорации порою создавали подлинные шедевры. Стоит подчеркнуть также, что искусство отделки зданий было глубоко народным и осуществлялось исключительно руками ремесленников-мастеров, вышедших из самых демократических слоев населения. Украшая здание, эти мастера воплощали эстетические принципы и идеалы таджикского национального искусства. Одни и те же мастера одновременно работали при оформлении мечетей, мадраса и жилищ, поэтому в декоре их нет существенного отличия, кроме размеров и некоторых частности.

Иногда даже в самых отдаленных местах встречались чудесные росписи и резьба, например, в мечети небольшого кишлака Дарх бывшего Айнинского района, которая отделана ура-тюбинскими мастерами в конце XIX в. Красочные фризы и потолки этой мечети выполнены в традиционной манере таджикской архитектурной росписи с применением мотивов местной флоры. Две особенности отличают таджикскую монументальную роспись: во-первых, ее реалистическая сущность, творческая переработка мотивов окружающей действительности; во-вторых, глубокое понимание мастером законов декоративности, выражавшееся в том, что роспись эта все же была условной, плоскостной и строилась по определенным законам графики и колорита. Это позволило ей дать максимум эффекта как в цветовом отношении, так и в выявлении конструкций резной поверхности, которую она покрывала.

Значительные архитектурно-декоративные памятники сохранились в Ходженте, Ура-Тюбе, а также в Бухаре и Самарканде, где создателями их в подавляющем большинстве случаев были мастера-таджики. Так, в Ходженте, где роспись жилищ была необычайно развита, многие дома до сих пор являются образцами высокого мастерства.

Декоративно-архитектурное искусство во всех городах и населенных пунктах имело свои локальные особенности. Так, в Ходженте славилась роспись потолков; в Ура-Тюбе чрезвычайно распространен был прием росписи стен, имеющий излюбленные мотивы, а также резьба дверей<sup>48</sup>. В Бухаре — крупнейшем центре таджикской культуры — близость эмирского двора обуславливала известную утонченность отделки, тяготение к абстрактному арабесковому и геометрическому орнаменту. В Самарканде то же можно сказать о домах состоятельных людей.

С конца XIX в. стала применяться ганчевая отливка, в резьбе по дереву — вылировка. В росписях также произошли

изменения. Орнамент стал менее строг и обогатился яркими красками, правда нередко за счет снижения колорита. Иногда узорные картуши стали украшать аляповатыми стеклянными вставками, грубо позолоченными «шляпками», а в цветовой гамме появилось много купоросно-зеленых, малиновых и едких красных тонов. Масштабы орнаментов увеличились и огрубели. Все эти изменения частично связаны с появлением и постепенным усилением торговой буржуазии, которая стремилась к роскоши и грандиозным масштабам, навязывая свои вкусы мастеру, нередко за счет качества. В орнамент начали проникать некоторые чужеродные элементы, не всегда органически входившие в его ткань.

Художественный текстиль в этот период стоял на достаточно высоком уровне<sup>49</sup>. Таджикское население Средней Азии развивало древние традиции украшения тканей, различные образцы которых приводили в восторг знатоков. Так, известный критик и искусствовед В. В. Стасов писал в конце XIX в.: «Самые оригинальные и коренные проявления среднеазиатского искусства и стиля надо искать в коврах, вышивках и т. п., где воплотилась чистейшая Средняя Азия, которую не с чем другим сравнивать из всего известного на свете по части рисунка и художественных форм»<sup>50</sup>.

В Бухаре, Ходженте, Самарканде и других таджикских культурных центрах производились прекрасные шелковые ткани с характерным орнаментом типа «абр» (облако), полудшелковая ткань адрас с аналогичным же орнаментом и полосатая бумажная ткань алача. Несмотря на сравнительную ограниченность мотивов узора, последние имели огромное количество вариантов, и ткани эти пользовались повсеместным спросом у населения. В XIX — начале XX в. значительное место среди различных видов текстиля занимала набойка<sup>51</sup>, имевшая широкое распространение в северных районах Таджикистана, Ура-Тюбе, Ходженте, Самарканде, Гиждуване и т. д. Узоры набивались на белую хлопчатобумажную ткань при помощи резных деревянных штампов — колыбов, искусная комбинация которых давала замечательный эффект, несмотря на ограниченную цветовую гамму. В орнаментике набойки преобладающе растительного характера наблюдались весьма древние мотивы узора, восходящие к доарабскому периоду.

В быту таджикского населения Средней Азии широкое применение имела вышивка, будучи наиболее популярным и общедоступным видом художественного творчества женщины<sup>52</sup>. Это искусство процветало и в городах и в самых отдаленных кишлаках. Вышивкой покрывались разнообразные вещи домашнего обихода и одежда — как праздничная, так и повседневная. Тюбетейки, крупные сюзани, особенно распростра-



ненные с конца XIX в., молитвенные коврики часто представляли собой настоящие шедевры декоративного искусства. Большие сюзины, а также тибетейки, выполненные на заказ, еще в конце XIX в. вывозились из Средней Азии на продажу.

Орнамент вышивки был в основном растительный, иногда с включением магических символов, постепенно терявших ритуальное значение и превращавшихся в чисто художественный элемент узора. Существовал ряд местных видов шва, самым распространенным была гладь. В Бухаре развито было золотое шитье «зардузи»<sup>53</sup> по бархату (бахмаль). Некоторые золотошвейные изделия, отличавшиеся высоким качеством исполнения, имели право носить лишь представители местной знати.

Вышивка мастеров горного Таджикистана (Каратегина, Дарваза, Кулиба и частично Памира), так же как и другие бытовавшие здесь виды искусства, в силу некоторой изолированности областей носила ярко выраженный местный характер. Здесь более, чем в других местностях, сохранились пережитки древних доисламских верований, сказавшихся во всех областях духовной культуры, в том числе и в искусстве.

Огромное распространение среди населения, в частности среди горных таджиков, получила узорная вязка тесьмы, которой обшивались головные уборы.

Повсеместного развития в припамирских областях и на Памире достигла также вязка шерстяных чулок<sup>54</sup>. Окрашенные приятными тонами красок растительного происхождения, чулки покрывались оригинальными узорами реалистического характера.

Глиняная и фаянсовая керамика производилась в XIX в. в ряде таджикских центров — в Ходженте, Ура-Тюбе, Риштане, Самарканде<sup>55</sup>. Она была как расписной, так и одноцветной, и в ее художественном оформлении сказывались местные особенности. Керамика пользовалась большим спросом у населения. На протяжении веков она выработала ряд устойчивых традиционных форм. Так, излюбленными формами были большое блюдо (табок), чаши различных размеров (пиола, коса), кувшины (куза), подсвечники. Цветную поливу этих предметов покрывал геометрический или растительный, иногда стилизованный, орнамент.

Посуда выделялась двух типов: имитация китайского фарфора и керамика из грубой глины. Первый тип скоро исчез, не выдержав конкуренции привозного русского фарфора, наводнившего Среднюю Азию в конце XIX в. Второй тип, употребляемый беднейшим населением, надолго сохранился.

Прекрасные образцы глазурованной керамики дает нам посуда таджикского селения Риштан, белая с синим и голубым узором; керамика Самарканда с темной коричнево-зеленой



Медная посуда

гаммой глазури, а также и неглазурованная керамика как равнинного, так и горного Таджикистана, нередко отличающаяся строго продуманной формой и высоким качеством обжига.

Нельзя не упомянуть также о чеканке по меди и серебру, часто с затейливой инкрустацией цветными камнями<sup>66</sup>. Таджикские народные мастера, группировавшиеся в Ходженте, Ура-Тюбе, Самарканде и других городах и населенных центрах, выдвигали медную посуду разнообразных размеров и назначения — кувшины для омовения (офтоба), подносы (ляган), кальяны (чилиим), сосуды для кипячения чая (чойджуш) и многие другие предметы, отличавшиеся необычайным изяществом форм и высоким качеством орнамента. В начале XX в. с увеличением завоза медной посуды из России национальной орнаментацией нередко покрывались привозные русские изделия.

Чеканная утварь и бытовые вещи на всем протяжении XIX в. стояли на очень большой высоте и только к началу XX в. стали терять свое былое качество, вытесняемые импортной продукцией. Что касается ювелирного дела<sup>67</sup>, то последнее с внедрением в Средней Азии капиталистических отношений стало еще более разнообразным и высококачественным.

получив дополнительный рынок сбыта среди разбогатевших слоев местной буржуазии.

Особой тонкостью и изяществом форм отличались ювелирные изделия бухарских мастеров, часто представлявшие собой настоящие шедевры ювелирного искусства.

Декоративное искусство таджиков было подлинным выразителем вкусов народа. Следует подчеркнуть, что при всем неисчерпаемом разнообразии его видов и форм от монументально-декоративных до малых, имеющих повседневное бытовое назначение, оно отличалось общностью своих художественных принципов, объединяющих его в единое творческое целое.

Такое же синтетическое разрешение художественных задач наблюдалось в таджикском национальном костюме различных районов, включающем обувь, одежду, головной убор и ювелирные украшения, соответствующие друг другу. Это важнейшее качество свидетельствовало о высокой эстетической одаренности народа — подлинного творца искусства, донесенного им до Октябрьской революции и переданного нашим современникам как существенная национальная традиция.



PDF Compressor Free Version

## ПРИМЕЧАНИЯ

## ВВЕДЕНИЕ

(Обзор источников и литературы)

Мухаммед Юсуф Муши, *Мухим-ханская история*, пер. с тадж. яз., предприн., указ. проф. А. А. Семенова, Ташкент, 1956.

Амир Мухаммед Амин-и Бухари, *Убайдулла-нама*, пер. с тадж. яз., с предисл., указ. проф. А. А. Семенова, Ташкент, 1957.

Абдурразман-и Тали, *История Абулфейз-хана*, пер. с тадж. яз., предприн., указ. проф. А. А. Семенова, Ташкент, 1959.

Труд не издан и не переведен (см. «Каталог восточных рукописей Академии наук Таджикской ССР», т. I, 1960, стр. 101—102, № 105—106).

Абдулгази Бахадул хан, *Родословное древо тюрков*, пер. Т. С. Сабдуллоев — «Изв. общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XXI, 1906, вып. 5—6; т. XXII, 1906, вып. 6.

«В. Бартольд», Ташкент, 1927, стр. 48 «*تاریخ سید واقم*» Сб.

А. А. Семенов, *К вопросу, кто был автором*

«Статейный список посольства в Бухарию дворянина Ивана Хохлова (1620—1622)», — Сборник князя Хилкова, СПб., 1879, стр. 388—445.

Материалы посольства изданы в «Русской исторической библиотеке», XV, СПб., 1894.

Публикации Ф. Беневени из Бухары изданы в кн.: А. Попов, *Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом*, — ЗИРГО, т. IX, 1883.

«Данные греческого купца Н. Григорьева» см. в кн.: В. В. Вельяминов-Зернов, *Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Среднею Азиею со времени кончины Абулхайр-хана (1748—1765)*.

П. И. Рычков, *История Оренбургская (1730—1750)*, Оренбург, 1896.

*Топография Оренбургская, то-есть, обстоятельное описание Оренбургской губернии*, ч. 1—2, СПб., 1762 (перездавалась).

«Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», т. I, вып. 3, Л., 1932.

Ю. Д. Чехович, *Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве*, вып. I, Ташкент, 1954. Несколько документов опубликовано в разных книгах и статьях (см., например, А. А. Семенов, *Очерк поземельно-имущественного и налогового устройства б. Бухарского ханства*, — «Труды САИ», сер. II, *Orientalia*, вып. I, 1929; В. В. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан*, — ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 267—269); несколько документов приведено в работе Б. И. Искандарова, *Восточная Бухара и Памил в период присоединения Средней Азии к России*, Душанбе, 1960, стр. 4—119.

Мухаммад Якуб ибн Амир, *Гулшан ул-мулк* (РКП ОВ АН ТаджССР, 1240 (1824—1825 гг.), инв. № 2663).

Мухаммад Шариф бен Мухаммад Наки, *Тадж ат-Таварих* (РКП ИВН ЭЗССР, 1800, № 2092).

<sup>16</sup> «Рассказ Н. Григорьева».

<sup>17</sup> Ф. Ефремов, *Десятилетнее странствование*, изд. 3, М., 1952.

<sup>18</sup> С. Жуковский, *К истории сношения России с Бухарой и Хивой конца XVIII в.*, — «Восточный сборник», кн. II, Пг, 1916; «Записки и словесные объяснения Мендиара Бечуркина об испытанных им во время бытности в Бухарии разных подробностей о состоянии сего города и их обращениях», 1916.

<sup>19</sup> Т. С. Бурвашев, *Путешествие от сибирской линии до города Бухары в 1749 году и обратно в 1795 году*, — «Сибирский вестник», СПб., 1818, ч. I—III.

<sup>20</sup> «О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре. Записки Мирзы Шемса Бухари, изданные в тексте, с переводом и примечаниями В. В. Григорьева», Казань, 1861 (далее — «Примечания В. В. Григорьева»).

<sup>21</sup> Муния, *Тарихи авоил ва овохир* (РКП ОВ АН ТаджССР, начало XX в., инв. № 629).

<sup>22</sup> Авоним, *Зафарномаи Хисрави* (РКП ОВ АН ТаджССР, XIX в., инв. № 95).

<sup>23</sup> «Примечания В. В. Григорьева».

<sup>24</sup> Мирзон Мушриф, *Шахномаи Умар-хон* (РКП ОВ АН ТаджССР, 1937, инв. № 1088).

<sup>25</sup> Абдулғафур, *Зафарномаи Худойрхон* (РКП ИВАН УзССР, 1275 (1858—1859), инв. № 598).

<sup>26</sup> Мулла Нияз Мухаммад, *Шахрухова история*, Казань, изд. Н. Пантусова, 1885.

<sup>27</sup> Имом Али Кундузи [Коми], *Тавориhi Манзума* (РКП ОВ АН ТаджССР, XIX в., инв. № 204).

<sup>28</sup> В. П. Наливкин, *Краткая история Кокандского ханства*, Казань, 1886.

<sup>29</sup> Н. И. Веселовский, *Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае*, СПб., 1894.

<sup>30</sup> Извлечения из этой рукописи в русском переводе В. В. Бартольда даны в книге «Кауфманский сборник», М., 1910. См. также «Материалы по истории каракалпаков», Л., 1935; «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. 2, Л., 1938.

<sup>31</sup> Я. Гулямов, *Новый источник по истории завоевания Туркестана русским иаризмом*, — «Изв. УзФАН СССР», № 4, 1941, стр. 81—82.

<sup>32</sup> З. Раджабов, *Выдающийся просветитель таджикского народа Ахмад Домини*, Душанбе, 1961, стр. 153.

<sup>33</sup> Мирзо-Азим, *Тухвои шохи* (РКП ОВ АН ТаджССР, инв. № 927).

<sup>34</sup> Алим-Махмуд-Ходжа, *История Туркестана (Туркистон таврихи)*, Ташкент, 1915.

<sup>35</sup> З. Раджабов, *Россия и таджикская литература конца XIX — начала XX вв.*, Душанбе, 1959, стр. 48—52.

<sup>36</sup> F. L. Teufel, *Aus Quellenstudien zur neueren Geschichte der Chänate*, — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Leipzig, Bd. 38, 1884.

<sup>37</sup> В. В. Вельяминов-Зернов, *Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Среднею Азиею со времени кончины Абулхайрона (1748—1765)*, т. I—II, Уфа, 1853—1855; *Исследование о касимовских царях и царевичах*, т. 1—3, СПб., 1863—1866.

<sup>38</sup> В. В. Бартольд, *История Туркестана*, Ташкент, 1922; *Таджики (исторический очерк)*, — сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925; *История культурной жизни Туркестана*, Л., 1927.

<sup>39</sup> См. соответствующие главы в «Истории народов Узбекистана», т. 2, Ташкент, 1947; «История Узбекской ССР», т. I, кн. I, Ташкент, 1955.

<sup>40</sup> О. Д. Чехович, *К вопросу о периодизации истории Узбекистана (XVI—XVIII вв.)*, — «Изв. АН УзССР», 1954, № 5; *Документы...* (введ.); *Бухарские земельные акты XVI—XIX вв.*, — ПИ, т. IV, 1955; *Бухарская*



летопись XVIII века «Убайдулла-нома».— ПИ, т. VIII, 1959; *Аграрный документ 1706 г. из Бухары*.— «Труды АН ТаджССР», т. СХХ, 1960.

<sup>41</sup> О. Д. Чехович, *К истории Узбекистана в XVIII в.*— «Труды ИВАН УзССР», вып. 3, 1954, стр. 63 и сл.; О. Д. Чехович, *Бухарская летопись XVIII в.*, стр. 219 и сл.; Р. А. Абдураимов, *К истории народных движений в бухарском ханстве XVI—XVIII вв. Краткий обзор нарративных источников*.— «Изв. АН УзССР», 1956, № 4, стр. 63—73; Е. А. Давидович, *Денежная реформа в Бухаре в 1708 году*.— КСИЭ, т. XXVI, 1957, стр. 30—40.

<sup>42</sup> Е. А. Давидович, *Бальджуанский клад XVII в. и некоторые особенности серебряного обращения в Средней Азии при Аштарханидах*.— «Труды АН ТаджССР», т. XVII, 1953; *Особенности серебряного обращения в Средней Азии при Аштарханидах (XVII—первая половина XVIII в.)*.— «Первая Всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений», Ташкент, 1957, стр. 198—199; *Денежная реформа 1708 г. в Бухаре*.— КСИИМК, вып. 66, 1956, стр. 36—46.

<sup>43</sup> А. Попов, *Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом*.— ЗИРГО, т. IX, 1853; С. В. Жуковский, *Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехдесятилетие*.— «Труды Общества русских ориенталистов», Пг., № 2, 1915; А. В. Панков, *К истории торговли Средней Азии с Россией XVI—XVII вв.*— сб. «В. В. Бартольд. Туркестанские друзья, ученики и почитатели», Ташкент, 1927, стр. 20—47; А. В. Панков, *К истории торговли Средней Азии с Россией в 1675—1725. Торговля с Бухарой*.— «Изв. Среднеазиатского географического общества», т. XIX, 1924, стр. 47—58; А. Чулошников, *Торговля Московского государства с Средней Азией в XV—XVII вв.*— «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. 1, вып. 3, стр. 61—88; Х. Зинов, *К истории экономических связей Узбекистана с Россией через Сибирь (XVI—XVII вв.)*.— «Изв. АН УзССР», СОИ, 1957, № 3, стр. 11—16.

<sup>44</sup> А. А. Семенов, *Миниатюры самаркандской рукописи начала XVII в. «Зафар-нома» Шарафуддина Езда*.— «Труды АН ТаджССР», т. XIII, 1956.

<sup>45</sup> А. А. Семенов, *Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре*.— СВ, т. V, 1948.

<sup>46</sup> Л. Н. Соболев, *Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест округа*.— ЗИРГО, ОС, т. IV, 1874.

<sup>47</sup> В. В. Бартольд, *К истории орошения Туркестана*, СПб., 1914.

<sup>48</sup> М. Е. Массон, *Из истории горной промышленности Таджикистана*, Л., 1934.

<sup>49</sup> П. П. Иванов, *Очерки по истории Средней Азии (XVI—середина XIX в.)*, М., 1958.

<sup>50</sup> А. А. Семенов, И. С. Брагинский, *Таджикистан*.— «Очерки истории СССР, XVIII в., вторая половина», М., 1956.

<sup>51</sup> В. В. Бартольд, *История культурной жизни Туркестана*.

<sup>52</sup> А. Мухтаров, *Административное устройство и поземельно-податная система Ура-Тюбинского владения в первой половине XIX в.*— «Очерки по истории Таджикистана», т. I, Душанбе, 1957, стр. 3—25; *Политическая история Ура-Тюбинского владения в первой половине XIX в.*— ИОИИ АН ТаджССР, вып. 15, 1957, стр. 91—123.

<sup>53</sup> Н. Н. Ершов, *Ремесла таджиков Дарваза*.— ИОИИ АН ТаджССР, вып. 10—11, 1956.

<sup>54</sup> «Записки о некоторых народах средней части Азии Филиппа Назарова Отдельного Сибирского Корпуса Переводчика, посланного в Коканд в 1813 и 1814 годах», СПб., 1821.

<sup>55</sup> Gens, *Nachrichten über Chiwa, Buchara, Chokand und den nordwestlichen Theil des chinesischen Staates*, St. Petersburg, 1839; G. Meyendorff, *De voyage d'Orenbourg à Bauk hara en 1820 à travers les steppes qui s'étendent à l'Est de la mer d'Aral et au-delà de l'ancien Jaxartes*.— «Revue par M. le

chevalier Amedée Joubat», Paris, 1826; Н. Хатаков, *Описание Бухарского ханства*, СПб., 1843.

<sup>56</sup> ЗИРГО, кн. III, 1849.

<sup>57</sup> Ю. Южаков, *Сарты или таджики — главное оседлое население Туркестанской области: Ура-Тюбе и его округ*, — «Отечественные записки», 1867, № 7.

<sup>58</sup> ЗИРГО, т. IV, 1871; Газ. «Туркестанские ведомости», 1872, №№ 11, 13, 14; Ежегодник «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. 1, СПб., 1872.

<sup>59</sup> П. П. Иванов, *Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве в 1821—1825 гг.*, — «Труды ИВАН СССР», т. XXVIII, 1937; *Очерки*.

<sup>60</sup> М. К. Рожкова, *Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия*, М.—Л., 1949.

<sup>61</sup> В. В. Бартольд, *История Туркестана; Таджики (исторический очерк); История культурной жизни Туркестана*.

<sup>62</sup> Б. Г. Гафуров, *История таджикского народа*, т. I, изд. 3, М., 1955.

<sup>63</sup> «История Узбекской ССР», т. I, кн. 2, Ташкент, 1956.

<sup>64</sup> «Сборник материалов по Азии», вып. 15, СПб., 1885.

<sup>65</sup> Н. А. Маев, *Очерки горных бекств бухарского ханства*, — «Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник», вып. V, СПб., 1879; Лиллиенталь, *Гиссарское и Кобаданское бекства*, — «Сборник материалов по Азии», вып. 57, СПб., 1894; Васильев, *Краткое статистическое описание Каратегина*, — «Сборник материалов по Азии», вып. 33, СПб., 1888; Кузнецов, *Дарваз*, — «Новый Маргелан», Фергана, 1893.

<sup>66</sup> Н. А. Кисляков, *Очерки по истории Каратегина*, изд. 2, Душанбе, 1954; Б. И. Исхандаров, *Восточная Бухара и Памир в период присоединения*; М. Е. Массон, *Из истории горной промышленности Таджикистана*.

<sup>67</sup> В. В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и России*, Л., 1925; В. В. Бартольд, *Хлопководство в Средней Азии с историческим временем до прихода русских*, — журн. «Хлопковое дело», 1924, № 11—12; М. А. Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. 1—3, СПб., 1906; Ф. Ф. Мартене, *Россия и Англия в Средней Азии*, СПб., 1880; В. И. Масальский, *Туркестанский край*, СПб., 1913; В. И. Масальский, *Хлопковое дело в Средней Азии*, СПб., 1892; Н. И. Веселовский, *Лекции по истории Востока*, СПб., 1910; Н. И. Веселовский, *Русские невольники в среднеазиатских ханствах*, Ташкент, 1881; С. В. Жуковский, *Сношения России с Бухарой и Хивой за последние трехсотлетие*; А. А. Кауфман, *Переселение и колонизация*, СПб., 1905; А. А. Кауфман, *К вопросу о русской колонизации Туркестанского края*, СПб., 1903; А. Н. Куропаткин, *Обзор войн России от Петра Великого до наших дней*, — «Военный сборник», 1897; Д. Н. Логофет, *Бухарское ханство под русским протекторатом*, т. I—II, СПб., 1911; Д. Н. Логофет, *Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние*, СПб., 1909; В. В. Григорьев, *Русская политика в отношении к Средней Азии*, СПб., 1874; Б. А. Тагеев, *Памирские походы 1892—1895 гг. Десятилетие присоединения Памира к России*, Варшава, 1902; М. Грулев, *Соперничество России и Англии в Средней Азии*, СПб., 1909; Е. Марков, *Россия в Средней Азии*, СПб., 1901.

<sup>68</sup> «Революционный Восток», 1929, № 6, стр. 95—120.

<sup>69</sup> «История народов Узбекистана», т. 2, стр. 253.

<sup>70</sup> «О некоторых вопросах истории Средней Азии», — «Вопросы истории», 1951, № 4, стр. 7.

<sup>71</sup> Б. Г. Гафуров, *История таджикского народа*.

<sup>72</sup> А. М. Аминов, *Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период)*, Ташкент, 1959.

<sup>73</sup> Б. Г. Гафуров, *История таджикского народа*, т. I; З. Ш. Раджабов, *К вопросу об исторических корнях дружбы народов Средней Азии с великим русским народом*, Душанбе, 1954; Н. А. Кисляков, *Очерки по истории Каратегина*.

<sup>74</sup> А. Маджлисов, *Каратегин накануне установления советской власти*, Душанбе, 1959; М. Хамраев, *Очерки истории Хисарского бекства конца XIX и начала XX в.* — «Труды АН ТаджССР», т. CXIV, 1959; Н. Л. Латипов, *К вопросу о социальных отношениях в Дарвазском бекстве накануне установления советской власти*, — «Уз Кулябского педагогического института», вып. II—III, 1957; Х. Назаров, *Социально-экономический строй Кулябстана в начале XX в.* — «Из истории Таджикистана. Сборник работ аспирантов кафедры истории ТГУ, посвященный 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции», вып. 1, Душанбе, 1957; М. Бабаханов, *К вопросу о зарождении капиталистических отношений в сельском хозяйстве северных районов Таджикистана в конце XIX и начале XX вв.* — «Из истории Таджикистана. Сборник работ аспирантов кафедры истории ТГУ, посвященный 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции», вып. I; С. А. Степенко, *Зарождение капиталистических отношений в сельском хозяйстве Ходжентского уезда в конце XIX — начале XX вв.* — «Очерки по истории Таджикистана» т. I, Душанбе, 1957; В. Бахрамов, *Земельные отношения в Шугнане в конце XIX — начале XX вв. (1895—1920)*. — «Очерки по истории Таджикистана», т. I; В. Бахрамов, *К вопросу о составе хозяйства Шугнана в до-революционный период*, — «Очерки по истории Таджикистана», т. II, Душанбе, 1959, стр. 11—30.

<sup>75</sup> А. В. Макашов, *К истории революционного движения трудящихся Туркестана в 1905—1907 гг.*, Душанбе, 1959.

<sup>76</sup> А. В. Пасковский, *Революция 1905—1907 гг. в Туркестане*, М., 1958; А. М. Аминов, *Экономическое развитие Средней Азии...*

<sup>77</sup> С. Айни, *Воспоминания*, М., 1960.

<sup>78</sup> Т. Каримов, *Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Северном Таджикистане*, Душанбе, 1957; А. В. Макашов, *Утверждение советской власти в Центральном и Южном Таджикистане*, Душанбе, 1957.

<sup>79</sup> А. Рябинский, *Царская Россия и Бухара в эпоху империализма*, — журн. «Историк-марксист», 1941, № 4.

<sup>80</sup> А. Набиев, *Установление и упрочение советской власти на Памире*, — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. XXX, 1957.

<sup>81</sup> «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», Ташкент, 1954.

## Глава I

### УСИЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ. ЖИЗНЬ ТАДЖИКОВ В БУХАРСКОМ ХАНСТВЕ В XVII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

<sup>1</sup> Подробнее об этих событиях см.: В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царевичах*, — ТВОРАО, ч. X, 1864, стр. 345 и сл.

<sup>2</sup> «Мукии-ханская история», пер. с тадж. А. А. Семенова, Ташкент, 1956, стр. 73, 78.

<sup>3</sup> Там же, стр. 92.

<sup>4</sup> Там же, стр. 94 и сл.; см. также прим. № 216, стр. 262.

<sup>5</sup> Там же, стр. 102.

<sup>6</sup> Там же, стр. 104.

<sup>7</sup> Например, в вахфнома 1024 г. х. в пользу медресе Поиндабий атаклыка в Бухаре (ЦИА УССР, ф. 323, № 7).

<sup>8</sup> «Антология таджикской поэзии», М., 1951, стр. 441.



<sup>9</sup> «Русская историческая библиотека», т. XV, СПб., 1894, стр. 45—46 (статейный список).

<sup>10</sup> В. В. Вельяминов-Зернов, *Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Среднею Азиею со времени кончины Абулхайр хана (1748—1765)*, т. 1—II, Уфа, 1853—1855, прил., стр. 17, 19.

<sup>11</sup> А. И. Добросмыслов, *Ташкент в прошлом и настоящем*, вып. 1, Ташкент, 1911, стр. 17.

<sup>12</sup> П. И. Рычков, *История Оренбургская (1730—1750)*, Оренбург, 1896, стр. 40.

<sup>13</sup> О. Д. Чехович, *Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве*, вып. I, Ташкент, 1954, док. 17 от 1700 г., строка 15; В. В. Вельяминов-Зернов, *Исторические известия...*, прил., прим. 1, стр. 17—18.

<sup>14</sup> А. И. Добросмыслов, *Ташкент...*, вып. 1, стр. 17.

<sup>15</sup> Там же, стр. 19; П. И. Рычков, *История Оренбургская...*, стр. 40; А. Попов, *Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом*, — ЗИРГО, т. IX, 1853, стр. 141—142, 150; В. В. Вельяминов-Зернов, *Исторические известия...*, прил., стр. 20—21.

<sup>16</sup> «Сборник князя Хилкова», СПб., 1879, стр. 528.

<sup>17</sup> Там же, стр. 523—527.

<sup>18</sup> «Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравьиным», СПб., 1851, стр. 75.

<sup>19</sup> А. И. Добросмыслов, *Ташкент...*, стр. 19.

<sup>20</sup> П. П. Иванов, *К истории развития горного промысла в Средней Азии*, Л.—М., 1932, стр. 45.

<sup>21</sup> А. М. Мирзоев, *Сайидо Насафи и его место в истории таджикской литературы*, 1954, стр. 10.

<sup>22</sup> «Сборник князя Хилкова», стр. 523.

<sup>23</sup> В. В. Вельяминов-Зернов, *Исторические известия...*, прил., стр. 19—20.

<sup>24</sup> «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I, вып. 3, Л., 1932, стр. 266.

<sup>25</sup> В. В. Вельяминов-Зернов, *Исторические известия...*, прил., стр. 21—22.

<sup>26</sup> Д. Рукавкин, *Путешествие из Оренбурга в Хиву самарского купца Рукавкина в 1753 году*, СПб., 1840, стр. 28.

<sup>27</sup> «Поездка из Орска в Хиву и обратно...», стр. 37; П. И. Рычков, *Топография Оренбургская, то-есть, обстоятельное описание Оренбургской губернии*, кн. I, СПб., 1762, стр. 23.

<sup>28</sup> См. А. И. Добросмыслов, *Ташкент...*, стр. 17—18.

<sup>29</sup> «Сборник князя Хилкова», стр. 527—528; В. В. Вельяминов-Зернов, *Исторические известия...*, прил., стр. 23—25.

<sup>30</sup> В. В. Вельяминов-Зернов, *Исторические известия...*, прил., стр. 9; см. также: ЗИРГО, т. IX, 1853, стр. 375—376.

<sup>31</sup> Мир Мухаммед Амин-и Бухари, *Убайдулла-намэ*, пер. с тадж. яз., с прим., указ. проф. А. А. Семенова, Ташкент, 1956 (далее — «Убайдулла-намэ»).

<sup>32</sup> П. И. Рычков, *Топография Оренбургская...*, стр. 326.

<sup>33</sup> Х. Зияев, *К истории экономических связей Узбекистана с Россией через Сибирь (XVI—XVII вв.)*, — «Изв. АН УзССР», СОН, 1957, № 3, стр. 15.

<sup>34</sup> «Материалы...», стр. 400—403 (табл. 2), стр. 406—411 (табл. 3).

<sup>35</sup> Там же, стр. 253, док. 105.

<sup>36</sup> Там же, стр. 122, док. 22 от 1617 г.; стр. 155—156, док. 44 от 1641 г.; стр. 177, док. 59 от 1643 г.

<sup>37</sup> Там же, стр. 225, док. 87; стр. 228, док. 90; стр. 234, док. 94; стр. 240, док. 98; стр. 248, док. 102; стр. 235, док. 95 и др.

<sup>38</sup> Е. А. Давидович, *Меры веса позднесредневековой Бухары*, — ИООН АН ТаджССР, вып. 1, 1960.

<sup>39</sup> «Материалы...», стр. 177, док. 59 от 1643 г.

<sup>40</sup> Там же, табл. 5—8, стр. 364—375.

<sup>41</sup> Там же, стр. 269, док. 116.

<sup>42</sup> Там же, стр. 347—349, 354—355.

<sup>43</sup> Там же, стр. 348—349; Х. Зияев, *К истории экономических связей...*, стр. 15.

<sup>44</sup> П. И. Рычков, *Топография Оренбургская...*, стр. 325.

<sup>45</sup> «Материалы...», стр. 263, док. 116 от 1700 г.; стр. 273, док. 119 от 1703 г.

<sup>46</sup> П. И. Рычков, *Топография Оренбургской губернии*, — в кн.: «Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Зверсмана и С. С. Неустроева», М., 1949, стр. 103.

<sup>47</sup> Религию Беневени из Бухары от 10 марта 1722 г. см.: А. Попов, *Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом*, стр. 375—376.

<sup>48</sup> А. М. Мирзоев, *Сайидо Насафи...*, стр. 17.

<sup>49</sup> Там же, стр. 77—78, 173, 182.

<sup>50</sup> ЗИРГО, т. IX, 1853, стр. 371, 377.

<sup>51</sup> О. Д. Чехович, *К истории Узбекистана в XVIII в.* — «Труды ИВАН УзССР», вып. 3, 1954, стр. 72—73.

<sup>52</sup> В. В. Бартольд, *История культурной жизни Туркестана*, Л., 1927, стр. 99.

<sup>53</sup> Там же, стр. 100, 103—104; О. Д. Чехович, *К истории Узбекистана в XVIII в.*, стр. 56.

<sup>54</sup> «Русская историческая библиотека», т. XV, стр. 61.

<sup>55</sup> «Убайдулла-намэ», стр. 229.

<sup>56</sup> Там же, стр. 225.

<sup>57</sup> Шайх-ул-исламы кулябского ваянта, например, в течение долгого времени получали государственную долю со своих наследственных милковых земель князя Тугу (см.: А. А. Семенов, *Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства*, — «Труды САГУ», сер. II, *Orientalia*, вып. I, 1929, стр. 11—15).

<sup>58</sup> О. Д. Чехович, *Документы...* (введение); *К истории Узбекистана в XVIII в.*, стр. 60—61.

<sup>59</sup> О. Д. Чехович, *Документы...*, стр. X—XI.

<sup>60</sup> «Убайдулла-намэ», стр. 156—157.

<sup>61</sup> Е. А. Давидович, *Денежная реформа 1708 г. в Бухаре*, — КСНИМК, вып. 66, 1956, стр. 36—45.

<sup>62</sup> «Убайдулла-намэ», стр. 227.

<sup>63</sup> Там же, стр. 157.

<sup>64</sup> Там же, стр. 176—177.

<sup>65</sup> П. П. Иванов, *Хозяйство джуббарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии XVI—XVII вв.*, М.—Л., 1954.

<sup>66</sup> Там же, стр. 82.

<sup>67</sup> Текст документа см.: А. А. Семенов, *Очерк...*, стр. 29.

<sup>68</sup> О. Д. Чехович, *Документы...*, док. № 13, стр. 65—67.

<sup>69</sup> В. В. Вельяминов-Зернов, *Исторические известия...*, прил., стр. 10.

<sup>70</sup> «Муджма ул-ирком» (РКП ИВАН УзССР, инв. № 2463/1, л. 7, об. а, б).

<sup>71</sup> А. М. Мирзоев, *Сайидо Насафи...*, стр. 17.

<sup>72</sup> Б. И. Искандаров, *Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России*, Душанбе, 1960, стр. 110, 118—119.

<sup>73</sup> О. Д. Чехович, *Документы...*, док. № 20.

<sup>74</sup> «Убайдулла-намэ», стр. 189. Факт этот не раз приводился исследователями, но только как доказательство феодальной зависимости крестьян от земельных собственников. См. О. Д. Чехович, *Документы...*, стр. XII—XIII; *Бухарская летопись XVIII века «Убайдулла-нома»*, — ПИ, т. VIII, 1959, стр. 111—112.

<sup>75</sup> «Убайдулла-намэ», стр. 157.

<sup>76</sup> Там же, стр. 60—88.

<sup>77</sup> Е. А. Давидович, *Денежная реформа и городское восстание в Бухаре в 1708 году*, — КСНЭ, т. XXVI, 1957, стр. 39—45.

<sup>78</sup> О. Д. Чехович, *К истории Узбекистана в XVIII в.*, стр. 67.

<sup>79</sup> Абдурахман-и Тали, *История Абульфайз-хана*, пер с тадж. яз., пред., прим., указ. проф. А. А. Семенова, Ташкент, 1959.

<sup>80</sup> Широкой популярностью пользовались такие сочинения: «Руководство для стремящихся к истине», Абдулхана ал-Бухари, «Погусторонние познания», Ахмада ас-Сирхинди и др. (см.: А. М. Богоутдинов, *Очерки по истории таджикской философии*, 1961, стр. 215—219).

<sup>81</sup> А. С. Амин, *Великий и его поэма «Ирфон»*, 1936, стр. 66.

<sup>82</sup> Там же, стр. 74.

<sup>83</sup> Там же, стр. 75.

<sup>84</sup> У Аштарханидов были две столицы: Бухара, где сидел хан, и Балх, где правил его наследник. Владение Балх называлось Кал'ахони.

<sup>85</sup> «Музокир-ул-Асхоб», I, стр. 152, 251, 267, 338, 354, 371, 382.

<sup>86</sup> Там же, стр. 9, 82, 106, 178, 219, 272, 276, 294, 308, 312.

<sup>87</sup> Б. Г. Гафуров, *История таджикского народа*, т. I, изд. 3, М., 1955, стр. 412.

<sup>88</sup> Описание этих памятников см.: Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, *Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана*, Ташкент, 1958.

<sup>89</sup> «Антология таджикской поэзии», стр. 440—441.

<sup>90</sup> А. А. Семенов, *Миниатюры самаркандской рукописи начала XVII в. «Зафар-нома» Шарафуддина Евди*, — «Труды АН ТаджССР», т. XIII, 1956, стр. 3—16.

<sup>91</sup> Г. А. Пугаченкова, *К проблеме среднеазиатской школы миниатюров XV—XVII вв.*, — «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР», М., 1960, стр. 9.

<sup>92</sup> Н. Д. Миклухо-Маклай, *Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения АН СССР*, М.—Л., 1955, стр. 79—82, № 72.

<sup>93</sup> А. А. Семенов, *Среднеазиатский трактат по музыке Девриша Али (XVII века)*, Ташкент, 1945.

<sup>94</sup> «Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР», т. I, под ред. А. А. Семенова, Ташкент, 1952, стр. 265—266, № 597; стр. 252, № 558; стр. 284, № 642; стр. 255, № 566; стр. 249, № 551; стр. 251—252, № 557; стр. 257, № 569; стр. 271, № 609; стр. 286, № 648.

<sup>95</sup> А. М. Мирзоев, *Сайидо Насафи...*, стр. 172, 187—188.

<sup>96</sup> Т. Н. Кары-Ниязов, *Астрономическая школа Улугбека*, М.—Л., 1950, стр. 74.

<sup>97</sup> «Собрание восточных рукописей...», стр. 224, № 504.

## Глава II

### ТАДЖИКСКИЙ НАРОД ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

<sup>1</sup> «Данные греческого купца Н. Григорьева» см. в кн.: В. В. Вельяминов-Зернов, *Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Среднею Азиею со времени кончины Абулхайр-хана (1748—1765)*, т. I, Уфа, 1853, прил., стр. 16 (далее — «Рассказ Н. Григорьева»).

<sup>2</sup> «Тарих-и Рахим хони», лл. 71—82, 100—110, 131, 137, 149—158, 160—161.

<sup>3</sup> Там же, лл. 100—141.

<sup>4</sup> Там же, лл. 162—167, 197, 222—231, 250—254 и т. д.

<sup>5</sup> Там же, л. 164.

<sup>6</sup> Там же, лл. 175, 186—187, 193—195, 222—223, 227—228.

<sup>7</sup> И. М. Рейснер, *Развитие феодализма и образование государства у афганцев*, М., 1954.

<sup>8</sup> Mir Abdoul Kerim Boukhary, *Histoire de l'Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khokand) depuis les dernières années du règne de Nadir*



Chah, Paris, 1876, p. 4; L. P. Ferrier, *History of the Afghans*, London, 1858, p. 81.

<sup>9</sup> «Тарих-и Рахим хони», л. 256.

<sup>10</sup> «Кашкул-и Салими», л. 259.

<sup>11</sup> Мухаммад Якуб ибн Амир, *Гулшан ул-мулук* (РКП ОВ АН ТаджССР, стр. 166—168) (далее — «Гулшан ул-мулук»).

<sup>12</sup> Ф. Сэфредин, *Историческое странствование*, изд. 5, М., 1952, стр. 37.

<sup>13</sup> Г. Вамбери, *История Бухары или Трансаксии с древнейшего времени до настоящего. По восточным обнаруженным и необнародованным рукописным историческим источникам. Первый раз обработана Германом Вамбери*, пер. А. И. Павловского, СПб., 1873, стр. 119; «О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре. Записки Мирзы Шемса Бухари, изданные в тексте с переводом и примечаниями В. В. Григорьева», Казань, 1861 (далее — «Примечания В. В. Григорьева»).

<sup>14</sup> «Гулшан ул-мулук», л. 171; В. Н. Наливкин, *Краткая история Кокандского ханства*, Казань, 1886, стр. 75, 56, 59, 62—63, 67—68; А. Мухтаров, *Политическая история Ура-Тюбинского владения в первой половине XIX в.* — ИООН АН ТаджССР, вып. 15, 1967, стр. 98, 101.

<sup>15</sup> АОО, ф. 6, оп. 10, л. 2933, л. 610; АВПР, ф. 1—9, л. 5, л. 4.

<sup>16</sup> АВПР, ф. 1—9, л. 5, лл. 9—10.

<sup>17</sup> П. П. Иванов, *Очерки по истории Средней Азии (XVI—середины XIX в.)*, М., 1958, стр. 206; Н. А. Кисляков, *Очерки по истории Каратегина*, изд. 2, Душанбе, 1954, стр. 52.

<sup>18</sup> Сеид Касем Риштия, *Афганистан в XIX веке*, М., 1958, стр. 438.

<sup>19</sup> В. П. Наливкин, *Краткая история...*, стр. 108.

<sup>20</sup> Мулла Нияз Мухаммед, *Шахрухова история*, Казань, изд. Н. Панбукова, 1885, стр. 48.

<sup>21</sup> Н. М-ев, *От Ташкента до Катты-Кургана*, — «Русский вестник», т. 86, 1870, стр. 259.

<sup>22</sup> М. Бекчурин, *Туркестанская область*, Казань, 1872, стр. 30.

<sup>23</sup> Ф. Назаров, *Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии...*, СПб., 1821, стр. 78.

<sup>24</sup> «Тухфан хони» (РКП ОВ АН ТаджССР, 1213 (1797—1798), инв. № 2389, стр. 621); «Гулшан ул-мулук», стр. 176.

<sup>25</sup> М. Бекчурин, *Туркестанская область*, стр. 16. — Автор относит это событие к правлению эмира Музаффера, что не соответствует действительности. Рустам-бек был убит эмиром Насруллои.

<sup>26</sup> АВПР, ф. 1—9, л. 5, л. 236.

<sup>27</sup> Мулла Ибадулла и Мулла Мухаммед Шариф, *Тарихи Амир Хайдар* (рук. XIX в. ИВАН УзССР, инв. № 1838, стр. 75).

<sup>28</sup> АОО, ф. 6, оп. 10, л. 5055, л. 10.

<sup>29</sup> Мулла Нияз Мухаммед, *Шахрухова история*, стр. 49.

<sup>30</sup> И. М. Рейснер, *Развитие феодализма...*, стр. 78—80.

<sup>31</sup> А. Шишов, *Таджики. Этнографическое и антропологическое исследование*, — «Средняя Азия», кн. XI, Ташкент, 1910, стр. 55.

<sup>32</sup> Л. Н. Соболев, *Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест округа*, — ЗИРГО, ОС, т. IV, 1874.

<sup>33</sup> А. Шишов, *Таджики...*, стр. 53; В. В. Бартольд, *Таджики (исторический очерк)*, — сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 110; «Рассказ Н. Григорьева», стр. 20; М. А. Терентьев, *Статистические очерки Среднеазиатской России*, — ЗИРГО, ОС, т. IX, 1874, стр. 76.

<sup>34</sup> А. Шишов, *Таджики...*, стр. 43.

<sup>35</sup> П. П. Иванов, *Очерки...*, стр. 180; А. Шишов, *Таджики...*, стр. 46; А. Д. Гребенкин, *Таджики*, — «Русский Туркестан», сб., вып. II, М., 1872, стр. 5.

<sup>36</sup> Б. Х. Кармишева, *Узбеки-локайцы Южного Таджикистана*, — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. XXVIII, 1954, стр. 7—8; *Сведения об узбекских родах семиз и косамир*, — «Труды

Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. XVII, 1953, стр. 100.

<sup>37</sup> А. Д. Гребенкин, *Таджики*, стр. 10—11.

<sup>38</sup> Т. С. Бурнашев, *Путешествие от сибирской линии до города Бухары в 1749 году и обратно в 1795 году*,— «Сибирский вестник», СПб., 1818, ч. I.

<sup>39</sup> C. M. Alexander, *De Voyage d'Orenbourg à Boukhara en 1820 à travers les steppes qui s'étendent à l'Est de la mer d'Aral et au-delà de l'ancien Iaxartes*,— «Revue par M. le chevalier Amedée Joubat», Paris, 1826.

<sup>40</sup> А. Галкин, *Краткий очерк Бухарского ханства*,— «Военный сборник», СПб., 1890, № 11, стр. 192; А. Галкин, *Военно-статистический очерк средней и южной части Сурханской долины, 1889*,— «Сборник материалов по Азии», вып. 57, СПб., 1894, стр. 372; Лилленталь, *Гиссарское и Кобаданское бекства*,— «Сборник материалов по Азии», вып. 57, стр. 316; Васильев, *Краткое статистическое описание Каратегина*,— «Сборник материалов по Азии», вып. 33, СПб., 1888, стр. 45; Кузнецов, *Дарваз*,— «Новый Маргелан», Фергана, 1893, стр. 15.

<sup>41</sup> Н. А. Кисляков, *Очерки по истории Каратегина*, стр. 35—39; Б. Х. Кармышева, *Поездка к киргизам Джиргитала в 1954 г.*,— ИООН АН ТаджССР, вып. 10—11, 1956, стр. 25—26.

<sup>42</sup> Б. Х. Кармышева, *Узбеки-локайцы южного Таджикистана*, стр. 30—31; Я. Р. Винников, *Туркмены Джаликульского района Таджикской ССР*,— КСИЭ, т. XVI, 1952, стр. 3.

<sup>43</sup> Т. С. Бурнашев, *Путешествие от сибирской линии...*, ч. I, стр. 65.

<sup>44</sup> Т. С. Бурнашев, *Путешествие от сибирской линии...*, т. III, стр. 96; «Гулшан ул-мулук», л. 171.

<sup>45</sup> «Рассказ Н. Григорьева», стр. 16; «Российского унтер-офицера Ефремова, который ныне прапорщиком, девятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию, написанное им самим»,— «Русская старина», т. 79, 1893, вып. 7 (далее — «Российского офицера Ефремова...»), стр. 131.

<sup>46</sup> А. А. Семенов, *Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях послателей их в средневековой Бухаре*,— СВ, т. V, 1948, стр. 147—148.

<sup>47</sup> О. Д. Чехович, *К истории Узбекистана в XVIII в.*,— «Труды ИВАН УССР», вып. 3, 1954, стр. 77; М. С. Андреев, *Таджики долины Хуф*, т. I, Душанбе, 1953, стр. 20.

<sup>48</sup> АОО, ф. 6, оп. 10, л. 4791, л. 18.

<sup>49</sup> Т. С. Бурнашев, *Путешествие от сибирской линии...*, ч. III, 1818, стр. 98—99; Н. А. Кисляков, *Из истории горного Таджикистана*,— ИООН АН ТаджССР, вып. 4, 1953, стр. 110—111.

<sup>50</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, *Немецкая идеология*,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 3, стр. 164.

<sup>51</sup> П. П. Иванов, *Очерки...*, стр. 185.

<sup>52</sup> Ю. Южаков, *Сарты или таджики — главное оседлое население Туркестанской области*,— «Отечественные записки», 1867, № 7, стр. 410.

<sup>53</sup> Н. А. Кисляков, *Очерки по истории Каратегина*, стр. 61, 89—90.

<sup>54</sup> Б. И. Исхандаров, *Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России*, Душанбе, 1960, стр. 158—160; З. Бахрамов, *Рукопись, хранящаяся в архиве Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР*, стр. 34—35.

<sup>55</sup> Ф. Ефремов, *Девятилетнее странствование*, стр. 32.

<sup>56</sup> «Тарихи Рахим хони», л. 78. «Рассказ Н. Григорьева», стр. 46; И. М. Рейснер, *Развитие феодализма...*, стр. 79.

<sup>57</sup> «Российского офицера Ефремова...», стр. 134; Т. С. Бурнашев, *Путешествие от сибирской линии...*, стр. 100—101.

<sup>58</sup> П. П. Иванов, *Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1825 гг.*,— «Труды ИВАН СССР», т. XXVIII, 1937, стр. 41—42; П. П. Иванов, *Очерки...*, стр. 133; В. Л. Вяткин, *Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803 гг.)*,—

«Изв. Среднеазиатского отдела государственного русского географического общества», Ташкент, т. XVIII, 1928, стр. 15—16.

<sup>20</sup> Бурдин, *Русские в Бухаре в 1820 г. (записки очевидца)*,— «Справочная книжка Оренбургской области на 1821 г.», стр. 40.

<sup>21</sup> АОО, ф. 6, оп. 10, д. 291, л. 161.

<sup>22</sup> М. Зиновьев, *Осады Ура-Тюбе и Джизага. Воспоминания об осенней экспедиции 1865 г. в Туркестанской области*,— «Русский вестник», 1868, № 3, стр. 161.

<sup>23</sup> АОО, ф. 6, оп. 10, д. 4791, л. 20; д. 7238, лл. 95—96.

<sup>24</sup> Подробно см.: А. Л. Троицкая, *Военное дело в Бухаре в первой половине XIX в.*,— «Труды АН ТаджССР», т. XVII, стр. 211—217.

<sup>25</sup> АОО, ф. 6, оп. 10, д. 7238, лл. 95—96.

<sup>26</sup> АВПР, ф. 1—13, д. 4, лл. 62, 74, 94—95.

<sup>27</sup> Там же, ф. 2—3, д. 6, л. 1.

<sup>28</sup> Н. Залесов, *Очерк дипломатических отношений России с Бухарою с 1836 по 1843 г.*,— «Военный сборник», СПб., 1862, № 9—10, стр. 6.

<sup>29</sup> АВПР, ф. 1—13, д. 4, лл. 59—60.

<sup>30</sup> А. Шепелев, *Материалы для истории хивинского похода 1873 г.*, Ташкент, 1879, стр. 54, 56.

<sup>31</sup> А. Г. Серебренников, *Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края*, т. II, 1840, Ташкент, 1912, стр. 202.

<sup>32</sup> В. Володьин, *Неудавшееся посольство в Бухару поручика Гавердовского в 1803 г.*,— «Труды Оренбургской учетной архивной комиссии», вып. III, 1897, стр. 3.

<sup>33</sup> АОО, ф. 6, оп. 10, д. 2229, т. I, лл. 190—197, 933.

<sup>34</sup> Там же, д. 4791, л. 33.

<sup>35</sup> А. Шепелев, *Материалы для истории хивинского похода 1873 г.*, Ташкент, 1879, стр. 70.

<sup>36</sup> К. Маркс, *Британское владычество в Индии*,— К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, изд. 2, т. 9, стр. 132.

<sup>37</sup> П. П. Иванов, *Очерки...*, стр. 182.

<sup>38</sup> Л. Н. Соболев, *Географические и статистические сведения...*, стр. 234—245, 308—311, 389.

<sup>39</sup> П. П. Иванов, *Очерки...*, стр. 122.

<sup>40</sup> Л. Н. Соболев, *Географические и статистические сведения...*, стр. 389.

<sup>41</sup> К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, М., 1940, стр. 7.

<sup>42</sup> К. Маркс, *Британское владычество в Индии*,— К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, изд. 2, т. 9, стр. 133.

<sup>43</sup> Л. Н. Соболев, *Географические и статистические сведения...*, стр. 389.

<sup>44</sup> П. П. Иванов, *Очерки...*, стр. 123, 182—183.

<sup>45</sup> В. В. Бартольд, *История культурной жизни Туркестана*, Л., 1927, стр. 109.

<sup>46</sup> П. П. Иванов, *Очерки...*, стр. 182.

<sup>47</sup> G. Meunier, *De voyage d'Orenbourg*, p. 197.

<sup>48</sup> Т. С. Бурнашев, *Путешествие от сибирской линии...*, стр. 76.

<sup>49</sup> Там же, стр. 77.

<sup>50</sup> Там же, стр. 79.

<sup>51</sup> К. Маркс, *Капитал*, т. III,— К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, изд. 2, т. 25, ч. II, стр. 354.

<sup>52</sup> В. В. Бартольд, *История культурной жизни Туркестана*, стр. 193.

<sup>53</sup> А. А. Семенов, *Таджикистан*,— «Очерки истории СССР, XVIII в. Вторая четверть», М., 1957, стр. 794.

<sup>54</sup> М. Н. Ростиславов, *Очерк видов земельной собственности и земельный вопрос в Туркестанском крае*,— «Труды 3-го Международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге в 1876 г.», т. III, 1879—1880, стр. 332.

<sup>55</sup> Подробно см.: К. М. Мирзоев, *Амляковая форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве*, Ташкент, 1959; А. Мухтаров, *Административное устройство...*, стр. 9.



<sup>94</sup> ЦГИА УзССР, ф. 5, оп. 1, л. 1291, л. 18.

<sup>95</sup> А. Мухтаров, *Административное устройство и поземельно-податная система Ура-Тюбинского владения в первой половине XIX в.* — «Очерки по истории Таджикистана», т. 1, Душанбе, 1957, стр. 8.

<sup>96</sup> А. Кушакевич, *Очерки Ходжентского уезда.* — «Туркестанские ведомости», № 13.

<sup>97</sup> П. С. Усов, *Зеравшанский край и Самарканд.* — «Живописная Россия», т. X, 1885, стр. 273.

<sup>98</sup> А. М. Аминов, *Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период).* Ташкент, 1959, стр. 7.

<sup>99</sup> ЦГИА УзССР, ф. 5, оп. 1, л. 3505, л. 20; П. С. Усов, *Зеравшанский край...*, стр. 273.

<sup>100</sup> А. Мухтаров, *Административное устройство...*, стр. 11.

<sup>101</sup> ЦГИА УзССР, ф. 5, оп. 1, л. 3505, л. 20.

<sup>102</sup> В. П. Наливкин, *Положение вакуфного дела в Туркестанском крае до и после его завоевания.* — «Ежегодник Ферганской области», т. III, *Новый Маргелам*, 1904, стр. 107.

<sup>103</sup> А. Кушакевич, *Очерки...*; ЦГА ТаджССР, ф. 1, оп. 1, л. 1245, л. 9.

<sup>104</sup> П. П. Иванов, *Очерки...*, стр. 123.

<sup>105</sup> П. С. Усов, *Зеравшанский край...*, стр. 273.

<sup>106</sup> А. Кушакевич, *Статистические сведения о Ходжентском уезде, о городах Ходженте и Ура-Тюбе.* — «Ежегодник. Материалы для статистики Туркестанского края», вып. I, СПб., 1871, стр. 65.

<sup>107</sup> G. Meunier, *De voyage d'Orenbourg...*, p. 143.

<sup>108</sup> В. П. Наливкин, *Очерк благотворительности у оседлых туземцев Туркестанского края.* — «Справочная книжка Самаркандской области», вып. V, Самарканд, 1897, стр. 222.

<sup>109</sup> А. Кушакевич, *Очерки Ходжентского уезда; Статистические сведения...: Сведения о Ходжентском уезде.* — «Туркестанские ведомости», № 13.

<sup>110</sup> М. Е. Массон, *Из истории горной промышленности Таджикистана.* Л., 1934, стр. 54.

<sup>111</sup> М. Е. Массон, *Из истории горной промышленности Таджикистана.* стр. 25, 33—35; К. Бутенев, *Минеральные богатства Бухарии.* — «Горный журнал», т. XI, кн. I, ч. IV, 1842, стр. 143—148; П. П. Иванов, *К истории развития горного промысла в Средней Азии.* М.—Л., 1932, стр. 54.

<sup>112</sup> Ф. Богословский, *Записки о долине Зеравшана и горах, его окружающих.* — «Горный журнал», СПб., т. XI, кн. I, ч. IV, 1842, стр. 17.

<sup>113</sup> М. М. Соловьев, *Ученая экспедиция в Бухару в 1841—1842 гг.* М.—Л., 1936, стр. 16—17.

<sup>114</sup> М. Е. Массон, *К истории черной металлургии Узбекистана.* Ташкент, 1947, стр. 51.

<sup>115</sup> Н. А. Маев, *Очерки горных бекств Бухарского ханства.* — «Материалы для статистики Туркестанского края, Ежегодник», вып. V, СПб., 1879.

<sup>116</sup> «Рассказ Н. Григорьева», стр. 14; Н. Н. Негматов, *Из истории позднесредневекового Ходжента.* — «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.—Л., 1959, стр. 70.

<sup>117</sup> «Российского офицера Ефремова...», стр. 31; Т. С. Бурнашев, *Путешествие от сибирской линии...*, стр. 80.

<sup>118</sup> Н. Н. Негматов, *Из истории...*, стр. 68.

<sup>119</sup> А. К. Писарчик, *О народном прикладном искусстве Таджикистана.* — «Труды АН ТаджССР», т. XXIX, вып. 2, стр. 62.

<sup>120</sup> Н. Н. Ершов, *Ремесла таджиков Дарваза.* — ИООН АН ТалжССР, № 15, 1957, стр. 5.

<sup>121</sup> И. Минаев, *Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи.* СПб., 1879, стр. 197.

<sup>122</sup> «Рассказ Н. Григорьева», стр. 20—32; «Записки и словесные объяснения Мендиара Бектурина об испытанных им во время бытности в Бухарии разных подробностей о состоянии сего города и их обращениях...», Пг., 1916, стр. 304.

<sup>123</sup> G. Meyendorf, *De voyage d'Orenbourg...*, p. 159.

<sup>124</sup> В 1870 г., после взятия Шахрисябза царскими войсками, это орудие вывели в качестве трофея. В 1920 г. его огромный ствол был отдан в самаркандский музей.

<sup>125</sup> В. В. Радлов, *Средняя Зеравшанская долина*,— ЗИРГО, ОС, т. VI, 1880, стр. 43.

<sup>126</sup> Н. А. Кисляков, *Очерки по истории Каратегина*, стр. 89.

<sup>127</sup> Т. С. Бурнашев, *Путешествие от сибирской линии...*, стр. 74.

<sup>128</sup> В. В. Вельяминов-Зернов, *Монеты бухарские и хивинские*, СПб., 1859, стр. 415.

<sup>129</sup> «Российского офицера Ефремова...», стр. 139; «Рассказ Н. Григорьева», стр. 23—24.

<sup>130</sup> А. А. Семенов, *Таджикистан*, стр. 797.

<sup>131</sup> «Российского офицера Ефремова...», стр. 31.

<sup>132</sup> А. А. Семенов, *Таджикистан*, стр. 797.

<sup>133</sup> И. А. Ремез, *Внешняя торговля Бухары до мировой войны*, Ташкент, 1922, стр. 40.

<sup>134</sup> П. П. Иванов, *К истории развития горного промысла в Средней Азии*, Л.—М., 1932, стр. 45; В. В. Вельяминов-Зернов, *Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Среднею Азиею со времени кончины Абулхайр-хана (1748—1765)*, т. I—II, Уфа, 1853, стр. 81—82.

<sup>135</sup> П. П. Иванов, *Очерки...*, стр. 114.

<sup>136</sup> П. Савельев, *Бухара в 1835 г.*, СПб., 1836, стр. 11, 12.

<sup>137</sup> Г. Вамбери, *Путешествие по Средней Азии*, М., 1867, стр. 89.

<sup>138</sup> А. Кушакевич, *Очерки Ходжентского уезда*.

<sup>139</sup> А. Д. Гребенкин, *Таджики*, стр. 28.

<sup>140</sup> Гейс, *Некоторые сведения о Бухарии*,— «Отечественные записки», СПб., 1821, кн. XIV, ч. VI, стр. 306.

<sup>141</sup> А. М. Аминов, *Экономическое развитие Средней Азии...*, стр. 53.

<sup>142</sup> Н. А. Маев, *Очерки горных бекств...*, стр. 325, 269, 187.

<sup>143</sup> А. М. Аминов, *Экономическое развитие Средней Азии...*, стр. 45.

<sup>144</sup> О. Д. Чехович, *О некоторых вопросах истории Средней Азии XVIII—XIX вв.*, стр. 92.

<sup>145</sup> А. Л. Кун, *Очерки Шахрисябзского бекства*,— ЗИРГО, ОС, т. VI, 1880, стр. 223—224; Н. А. Маев, *Очерки горных бекств...*, стр. 154—155.

<sup>146</sup> Н. А. Маев, *Очерки горных бекств...*, стр. 269, 325.

<sup>147</sup> Н. А. Кисляков, *Очерки по истории Каратегина*, стр. 88—89.

<sup>148</sup> П. П. Иванов, *Очерки...*, стр. 203.

<sup>149</sup> М. Е. Массон, *К истории черной металлургии Узбекистана*, стр. 46; Н. Н. Ершов, *Ремесла таджиков Дарваза*, стр. 8.

<sup>150</sup> М. Е. Массон, *Из истории горной промышленности Таджикистана*, стр. 27.

<sup>151</sup> О. Д. Чехович, *О некоторых вопросах истории Средней Азии...*, стр. 25.

<sup>152</sup> Е. В. Бунаков, *К истории сношений России с среднеазиатскими ханствами в XIX в.*,— СВ, т. II, 1941, стр. 10, 21.

<sup>153</sup> АВПР, ф. 1—9, д. 12, л. 4.

<sup>154</sup> П. И. Небольсин, *Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Кокандом (со стороны Оренбургской линии)*,— ЗИРГО, т. X, 1856, стр. 331—332.

<sup>155</sup> АВПР, ф. 2—3, д. 6, л. 88.

<sup>156</sup> АОУ, ф. 6, оп. 10, д. 3960, л. 1.

<sup>157</sup> «Письмо полковника Игнатьева к генералу Ковалевскому от 24 мая 1858 г.»,— «Русский вестник», т. 91, 1871, стр. 457.

<sup>158</sup> АОУ, ф. 6, оп. 10, д. 2594, л. 67; АВПР, ф. 1—13, д. 4, л. 47.

<sup>159</sup> М. К. Рожкова, *Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия*, М.—Л., 1949, стр. 326.

<sup>160</sup> «Примечания В. В. Григорьева», стр. 46, 47.

- <sup>161</sup> А. Дониш, *Тарихи аз ибтидои давлати амир Дониел то асри хукумати Абдул Аҳад* (РКП ОБ АН ТаджССР, кн. 572, л. 29).
- <sup>162</sup> П. П. Иванов, *Восстание китай-кипчаков...*, стр. 43.
- <sup>163</sup> М. Рахимов, *Об институте «танхо» в Дарвазе*.— ИООН АН ТаджССР, вып. 4, 1953, стр. 129; К. М. Мирзоев, *Амляковая форма...*, стр. 93.
- <sup>164</sup> П. П. Иванов, *Восстание китай-кипчаков...*, стр. 34.
- <sup>165</sup> Н. Ханьков, *Описание Бухарского ханства*, СПб., 1843, стр. 119.
- <sup>166</sup> Ю. Южаков, *Ура-Тюбе и его округ*.— «Отечественные записки», 1867, № 7, стр. 591.
- <sup>167</sup> «Краткое описание Бухары и Хивы».— «Сибирский вестник», СПб., ч. 1, 1823, стр. 7.
- <sup>168</sup> Там же, стр. 119; АОО, ф. 6, оп. 10, д. 6580, лл. 63—78; Ю. Южаков, *Ура-Тюбе и его округ*, стр. 291.
- <sup>169</sup> «Туркестанские ведомости», 1871, № 3.
- <sup>170</sup> Д. Романовский, *Заметки по Среднеазиатскому вопросу*, СПб., 1868, стр. 54.
- <sup>171</sup> В Когистане кошем называют известное число таналов. В приведенном выше факте кош равнялся 20 таналам. В Кштуте кош — это земля, обрабатываемая одним хозяином и разбросанная площадками удобным для посева местам (см. «Туркестанские ведомости», 1871, № 7).
- <sup>172</sup> ЦГИА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 154, л. 1.
- <sup>173</sup> АОО, ф. 6, оп. 10, д. 6590, лл. 63—78.
- <sup>174</sup> «Краткое описание Бухары и Хивы», стр. 7.
- <sup>175</sup> Будрин, *Русские в Бухаре в 1820 г...*, стр. 29.
- <sup>176</sup> Г. С. Буриашев, *Путешествие от сибирской линии...*, стр. 65.
- <sup>177</sup> «Туркестанские ведомости», 1871, № 22.
- <sup>178</sup> Н. Ханьков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 236.
- <sup>179</sup> ЦГИА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 63, л. 1.
- <sup>180</sup> Из архива Института истории АН ТаджССР, инв. № 44.
- <sup>181</sup> П. П. Иванов, *Очерки...*, стр. 189.
- <sup>182</sup> Мискин — немощный человек, который не может даже сносить себе дневное пропитание (см.: Н. Ханьков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 115).
- <sup>183</sup> «Туркестанские ведомости», 1872, № 21, 25.
- <sup>184</sup> G. Meunier, *De voyage d'Orenbourg...*
- <sup>185</sup> Г. Вамбери, *Очерки Средней Азии*, М., 1868, стр. 196.
- <sup>186</sup> А. А. Семенов, *Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени*.— «Труды АН ТаджССР», т. XXV, 1954, вып. 2, стр. 13.
- <sup>187</sup> Е. В. Бунаков, *К истории сношений России с среднеазиатскими ханствами в XIX в.*, стр. 7.
- <sup>188</sup> М. С. Андреев, *Таджики долины Хуф*, т. 1, стр. 30.
- <sup>189</sup> М. Абдурраимов, *Вопросы феодального землевладения и феодальной ренты в письмах эмира Хайбара*, Ташкент, 1961, стр. 83.
- <sup>190</sup> «История Узбекской ССР», т. 1, кн. 2, Ташкент, 1958, стр. 19.
- <sup>191</sup> А. Шишов, *Таджики...*, стр. 46.
- <sup>192</sup> «Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана», т. 1, СПб., 1885, стр. 399.
- <sup>193</sup> Будрин, *Русские в Бухаре в 1820 г...*, стр. 27.
- <sup>194</sup> «Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии».— ЗИРГО, кн. III, 1849, стр. 215.
- <sup>195</sup> Н. В. Петровский, *Очерк Кокандского ханства*.— журн. «Вестник Европы», 1875, № 10, стр. 744—745. Подробнее о податях и сборах в Кокандском ханстве см.: В. В. Вельяминов-Зернов, *Сведения о Кокандском ханстве*.— «Вестник ИРГО», ч. 18, 1856; «Туркестанские ведомости», 1876, № 13, 16.
- <sup>196</sup> АОО, ф. 6, оп. 10, д. 6590, л. 73.
- <sup>197</sup> А. Кушакевич, *Статистические сведения...*, стр. 50.



- 198 П. П. Иванов, *Очерки...*, стр. 189.  
 199 А. Д. Гребенкин, *Таджики*, стр. 23.  
 200 АОО, ф. 6, оп. 10, д. 291, л. 158.  
 201 Там же, д. 2150, л. 36.  
 202 «Туркестанские ведомости», 1870, № 17.  
 203 П. П. Иванов, *Восстание китай-кипчаков...*, стр. 87; «Туркестанские ведомости», 1870, № 17.  
 204 П. П. Иванов, *Очерки...*, стр. 137.  
 205 Там же, стр. 139.  
 206 П. П. Иванов, *Восстание китай-кипчаков...*, стр. 83.  
 207 В. П. Наливкин, *Краткая история...*, стр. 108.  
 208 П. П. Иванов, *Восстание китай-кипчаков...*, стр. 10.  
 209 Фазли Намангани, *Маджмурат-уш-шуаро*, Ташкент, 1900, стр. 37.  
 210 Там же, стр. 397—398.  
 211 С. Айни, *Намунаи адабиёти тоҷик*, М., 1926, стр. 284.  
 212 Кори Рахматулло Возех, *Гулфат-ул-ахбор фи тазкират-ул-аскоб*, Ташкент, 1914, стр. 165.  
 213 «Узбек адабиёти», т. 3, Ташкент, 1959, стр. 525.  
 214 Журн. «Шарк Сурх», 1957, № 2, стр. 62.  
 215 Т. С. Буришев, *Путешествие от сибирской линии...*, стр. 83.  
 216 П. П. Иванов, *Очерки...*, стр. 216—218.  
 217 АОО, ф. 6, оп. 10, д. 2991, л. 713.  
 218 П. П. Иванов, *Очерки...*, стр. 217, 218.  
 219 Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, *Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана*, Ташкент, 1958, стр. 107.  
 220 В. А. Шишкин, *Города Узбекистана*, Ташкент, 1943, стр. 28.  
 221 А. М. Прибыткова, *Архитектура народов Средней Азии*, — в кн. «Всеобщая история архитектуры», М., 1958, стр. 523.  
 222 Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, *Выдающиеся памятники...*, стр. 64—65.  
 223 А. Кушакевич, *Очерки Ходжентского уезда*.  
 224 Ином Али Кундузи (Коми), *Таворихи Манзума*, л. 29.

### Глава III

## ПРИСОЕДИНЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ

- <sup>1</sup> ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 118, л. 56; см. также: Б. И. Искандаров, *Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России*, Душанбе, 1960, стр. 44.  
<sup>2</sup> А. Мухтаров, *Административное устройство и поземельно-податная система Ура-Гюбинского владения в первой половине XIX в.* — «Очерки по истории Таджикистана», т. 1, Душанбе, 1957, стр. 19.  
<sup>3</sup> А. Губаревич-Радобильский, *Экономический очерк Бухары и Туниса. Опыт сравнительного исследования двух систем протектората*, СПб., 1905, стр. 53.  
<sup>4</sup> В. И. Ленин, *II Конгрессе Коммунистического Интернационала*, — Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 244.  
<sup>5</sup> Б. Г. Гафуров, *История таджикского народа*, т. 1, изд. 3, М., 1955, стр. 440.  
<sup>6</sup> ЦГИАЛ, ф. 1147, д. 55; Г. Вамберн, *Путешествие по Средней Азии*, М., 1874.  
<sup>7</sup> С. Айни, *Таврихи амирони Мангитияи Бухоро*, М., 1925, стр. 32—33.  
<sup>8</sup> «История Туркменской ССР», т. 1, кн. 2, Ашхабад, стр. 124.  
<sup>9</sup> Б. А. Тагеев, *Пахирские походы 1892—1895 гг. Десятилетие присоединения Памира к России*, Варшава, 1902, стр. 12.

<sup>10</sup> В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России*. — Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 595.

<sup>11</sup> В. И. Ленин, *Еще к вопросу о теории реализации*. — Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 86.

<sup>12</sup> Б. Г. Гафуров, *История таджикского народа*, т. 1, стр. 419.

<sup>13</sup> «Мирзо-Азим Соми», л. 36.

<sup>14</sup> В. И. Ленин, *О сепаратном мире*. — Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 186.

<sup>15</sup> В. И. Масальский, *Туркестанский край*, СПб., 1913, стр. 314.

<sup>16</sup> Ф. Энгельс, *Продвижение России в Средней Азии*. — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 12, стр. 614.

<sup>17</sup> Х. Назаров, *Очерки истории Кухистана во второй половине XIX и начале XX вв.*, Душанбе, 1957, стр. 85.

<sup>18</sup> ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 27, д. 60-а, лл. 9—10.

<sup>19</sup> В. И. Ленин, *V Общероссийская конференция РСДРП*. — Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 325.

<sup>20</sup> «Свод законов России», т. II, *Положение Туркестанского края*, 1892, ст. 8, 10, 12, 14, 15, 16.

<sup>21</sup> Там же.

<sup>22</sup> «Положение об управлении Туркестанским краем», Ташкент, 1916, стр. 25.

<sup>23</sup> «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», изд. 7, ч. I, 1953, стр. 559.

<sup>24</sup> ЦГА УзССР, ф. 391, оп. 3, д. 1868, л. 118.

<sup>25</sup> А. В. Кривошеин, *Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край. Приложение к всеподданнейшему докладу*, СПб., 1912, стр. 7.

<sup>26</sup> ЦГА ТаджССР, ф. 1, оп. 1, д. 1344, л. 24.

<sup>27</sup> В. И. Масальский, *Хлопковый вопрос*. — «Московские ведомости», 1912, № 114—116.

<sup>28</sup> В. И. Юферев, *Хлопководство в Туркестане*, Л., 1925, стр. 55.

<sup>29</sup> ЦГА УзССР, ф. 391, оп. 3, д. 1868, л. 125.

<sup>30</sup> М. Бабаханов, *К вопросу о зарождении капиталистических отношений в сельском хозяйстве северных районов Таджикистана*. — «Сборник студенческих работ», вып. II, Душанбе, 1956, стр. 70.

<sup>31</sup> Н. Ф. Петровский, *Шелководство и шелкоточение в Средней Азии*, СПб., 1874, стр. 133.

<sup>32</sup> ЦГА ТаджССР, ф. 1, оп. 1, д. 1010, л. 8; см. также статью: М. Бабаханова, *К вопросу о зарождении...*

<sup>33</sup> ЦГА ТаджССР, ф. 1, оп. 1, д. 62, лл. 66, 75.

<sup>34</sup> Там же, д. 1138, л. 27; д. 1995, л. 29.

<sup>35</sup> Там же, д. 62, лл. 75, 667; П. А. Васильев, *К истории зарождения фабрично-заводской промышленности в Северном Таджикистане*. — «Сообщения ТФАН СССР», вып. XVIII, 1949, стр. 52.

<sup>36</sup> ЦГА ТаджССР, ф. 1, оп. 1, д. 2142, л. 272.

<sup>37</sup> П. А. Васильев, *К истории зарождения фабрично-заводской промышленности...*, стр. 52.

<sup>38</sup> ЦГА ТаджССР, ф. 1, оп. 1, д. 1165, л. 12.

<sup>39</sup> Т. Каримов, *Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Северном Таджикистане*, Душанбе, 1957, стр. 8, 13, 14.

<sup>40</sup> «Изв. ИРГО», т. 4, 1868, № 6, стр. 170.

<sup>41</sup> Сб. «Русский Туркестан», вып. 2, М., 1872, стр. 169.

<sup>42</sup> «Обзор Самаркандской области за 1895 г.», Самарканд, 1896, стр. 417.

<sup>43</sup> Н. А. Маев, *Туркестанская выставка 1886 г.*, Ташкент, 1886, стр. 65.

<sup>44</sup> ЦГА ТаджССР, ф. 1, оп. 1, д. 1429, л. 153.

<sup>45</sup> «Русский Туркестан», вып. 2, стр. 169.

<sup>46</sup> «Обзор Самаркандской области за 1909 г.», Самарканд, 1912, стр. 28.

- <sup>47</sup> В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России*, — Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 594.
- <sup>48</sup> П. П. Семенов-Тяньшаньский, *Туркестан и Закаспийский край в 1858 г. по путевым впечатлениям*, — «Изв. ИРГО», т. 24, 1888, стр. 303.
- <sup>49</sup> ЦГА ТаджССР, ф. 1, оп. 1, д. 2369, л. 12.
- <sup>50</sup> Там же, д. 1082, л. 2.
- <sup>51</sup> К. **PDF Compressor Free Version** характеристике народного хозяйства Туркестана, ч. I, СПб., 1912, стр. 271.
- <sup>52</sup> Там же, стр. 233.
- <sup>53</sup> «Отчет директора департамента о поездке в Туркестанский край», СПб., 1900, стр. 165.
- <sup>54</sup> А. А. Кауфман, *К вопросу о русской колонизации Туркестанского края*, СПб., 1903, стр. 29.
- <sup>55</sup> ЦГИА, ф. 1, оп. 1, 4, л. 1.
- <sup>56</sup> А. Мухтаров, *Административное устройство*, ... стр. 24.
- <sup>57</sup> «История народов Узбекистана», т. II, Ташкент, 1947, стр. 264.
- <sup>58</sup> Л. А. Перепелицына, *О влиянии культуры русского народа на культуру народов Туркестанского края*, — «Труды САГУ», кн. 5, 1954, стр. 100.
- <sup>59</sup> «Восточное обозрение», № 52, 1883.
- <sup>60</sup> Б. Г. Гафуров, *История таджикского народа*, т. 1, стр. 446.
- <sup>61</sup> С. А. Стеценко, *Аграрная политика царского правительства в Ходжентском уезде после присоединения к России*, — ИООН АН ТаджССР, вып. 13, 1957.
- <sup>62</sup> «Туркестанский сборник», т. 43, стр. 234.
- <sup>63</sup> ЦГА ТаджССР, ф. 1, оп. 1, д. 2321, лл. 1, 3.
- <sup>64</sup> С. А. Стеценко, *Зарождение капиталистических отношений в сельском хозяйстве Ходжентского уезда в конце XIX — начале XX вв.* — «Очерки по истории Таджикистана», т. I, Душанбе, 1957, стр. 44.
- <sup>65</sup> ЦГА ТаджССР, ф. 1, оп. 1, д. 123, л. 1.
- <sup>66</sup> Б. Г. Гафуров, *История таджикского народа*, стр. 454.
- <sup>67</sup> К. Маркс, *Маркс — Энгельсу, 13 декабря 1859 г.*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 29, стр. 425.
- <sup>68</sup> Ф. Энгельс, *Эмигрантская литература*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 18, стр. 540—541.
- <sup>69</sup> Там же, стр. 543.
- <sup>70</sup> К. Маркс, *Маркс — Фридриху — Альберту Зорге*, — Сочинения, т. XXVI, стр. 430.
- <sup>71</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, *Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии»*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 19, стр. 305.
- <sup>72</sup> В. И. Ленин, *Предисловие к русскому переводу книги «Письма И. Ф. Беккера, Н. Дигена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.»*, — Полное собрание сочинений, изд. 2, т. 15, стр. 247.
- <sup>73</sup> Ф. Энгельс, *Энгельс — Марксу, 7 октября 1858 г.*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 29, стр. 293.
- <sup>74</sup> Ф. Энгельс, *Энгельс — Марксу, 8 апреля 1863 г.*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 30, стр. 276—277.
- <sup>75</sup> К. Маркс, *Маркс — Энгельсу, 14 января 1858 г.*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 29, стр. 213.
- <sup>76</sup> В. И. Ленин, *Английские либералы и Ирландия*, — Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 367.
- <sup>77</sup> В. И. Ленин, *Критические заметки по национальному вопросу*, — Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 129.
- <sup>78</sup> В. И. Ленин, *Что делать?*, — Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 28.
- <sup>79</sup> В. В. Бартольд, *События перед Хивинским походом 1873 г. по рассказу хивинского историка. Кауфманский сборник, издаваемый в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и строителя Туркестанского края генерал-адъютанта К. П. фон-Кауфмана*, М., 1910, стр. 8.



<sup>90</sup> М. А. Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. 1, СПб., 1906, стр. 447.

<sup>91</sup> Б. И. Искандаров, *Восточная Бухара и Памир в период присоединения*... стр. 172.

<sup>92</sup> Там же, стр. 182.

<sup>93</sup> Б. И. Искандаров, *Англо-русское соглашение 1895 г. о Памире*, — «Вопросы истории», 1960, стр. 139.

<sup>94</sup> ЦГВИА, ф. 1396, оп. 1, д. 1571, л. 51.

<sup>95</sup> Там же.

<sup>96</sup> Там же.

<sup>97</sup> Там же, л. 52.

<sup>98</sup> И. Яворский, *Путешествие русского посла по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг.*, СПб., 1883, стр. 370.

<sup>99</sup> Б. И. Искандаров, *Англо-русское соглашение*... стр. 150.

<sup>100</sup> ЦГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 1576, лл. 2—3.

<sup>101</sup> Б. И. Искандаров, *Англо-русское соглашение*... стр. 153.

<sup>102</sup> Покотило, *Отчет о поездке в пределы Центральной и Восточной Бухары в 1886 г.*, Ташкент, 1888, стр. 27—28.

<sup>103</sup> А. Губаревич-Радобильский, *Экономический очерк Бухары и Туркестана*... стр. 161.

<sup>104</sup> Там же, стр. 161.

<sup>105</sup> Там же.

<sup>106</sup> ЦГВИА, ф. 400, оп. «Азиатская часть», 1876, д. 25, л. III.

<sup>107</sup> Там же, л. 32, л. 3 и л. 29, л. 10.

<sup>108</sup> Там же, ф. ВУА, д. 78647, л. 13.

<sup>109</sup> Там же, л. 277.

<sup>110</sup> Там же, л. 21.

<sup>111</sup> Там же, л. 29.

<sup>112</sup> А. Семенов, *К прошлому Бухары*, — в кн.: С. Абни, *Воспоминания*. М., 1960, стр. 987.

<sup>113</sup> Там же.

<sup>114</sup> ЦГИА УзССР, ф. 2, д. 251, оп. 1, л. д. 21.

<sup>115</sup> ЦГВИА, ф. 400, оп. «Азиатская часть», д. 136, л. 18.

<sup>116</sup> Танаб — 600 кв. саженей или 2730 кв. м.

<sup>117</sup> А. Семенов, *К прошлому Бухары*, стр. 998.

<sup>118</sup> ЦГВИА, ф. 400, оп. «Азиатская часть», д. 136, л. 8.

<sup>119</sup> Там же, ф. ВУА, с. д. 588, л. 36.

<sup>120</sup> ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 1, д. 548, л. 5.

<sup>121</sup> Б. И. Искандаров, *Восстание крестьянских масс Таджикистана (Восточная Бухара) под руководством Васа*, — ИООН АН ТаджССР, вып. 4, 1963, стр. 90.

<sup>122</sup> Б. И. Искандаров, *Из истории Бухарского эмирата*, М., 1958, стр. 81.

<sup>123</sup> В. Шапиров, *Наши пограничные страны в Средней Азии. Путевые наброски*, СПб., 1901, стр. 37.

<sup>124</sup> Н. Петровский, *Моя поездка в Бухару*, — «Вестник Европы», т. II, 1873, стр. 228.

<sup>125</sup> См.: В. Клем, *Современное состояние торговли в Бухарском ханстве*, — «Сборник материалов по Азии», вып. 33, СПб., 1888, стр. 3.

<sup>126</sup> Петров, *Путевые заметки*, — «Сборник материалов по Азии», вып. 21, СПб., 1886, стр. 85.

<sup>127</sup> В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России*, — Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 176.

<sup>128</sup> Там же, стр. 177.

<sup>129</sup> К. Маркс, *Капитал*, т. III, — К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. 25, ч. I, стр. 364.

ТАДЖИКСКИЙ НАРОД НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД  
ПЕРВОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

PDF Compressor Free Version (1907 гг.)

- <sup>1</sup> Ф. Энгельс, *Действительно спорный пункт в Турции*. — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 9, стр. 12.
- <sup>2</sup> В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России*. — Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 594, 595.
- <sup>3</sup> Там же, стр. 595.
- <sup>4</sup> «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», изд. 7, ч. I, 1953, стр. 559.
- <sup>5</sup> ЛГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, л. 175, л. 197.
- <sup>6</sup> В. И. Юферов, *Хлопководство в Туркестане*, Л., 1925, стр. 59—60.
- <sup>7</sup> ЦГИА УзССР, Политическое агентство в Бухаре, ф. 3, оп. 1, л. 247, л. 37.
- <sup>8</sup> Там же, л. 36.
- <sup>9</sup> И. М. Слуцкий, *Хлопководство в Туркестане*. — журн. «Туркестанское сельское хозяйство», 1911, № 4, стр. 81.
- <sup>10</sup> ЛГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, л. 175, л. 199.
- <sup>11</sup> М. Бабаханов, *К вопросу о зарождении капиталистических отношений в сельском хозяйстве северных районов Таджикистана в конце XIX и начале XX вв.*. — «Из истории Таджикистана. Сборник работ аспирантов кафедры истории ТГУ, посвященный 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции», вып. 1, Душанбе, 1957, стр. 62.
- <sup>12</sup> С. А. Стеденко, *Зарождение капиталистических отношений в сельском хозяйстве Ходжентского уезда в конце XIX — начале XX вв.*. — «Очерки по истории Таджикистана», т. I, Душанбе, 1957, стр. 33.
- <sup>13</sup> К. П. Верховский, *Плодоводство и виноградарство в Туркестане*, Ташкент, 1911, стр. 20.
- <sup>14</sup> ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 2, л. 923, л. 3.
- <sup>15</sup> ЛГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, л. 203, л. 4.
- <sup>16</sup> Х. Назаров, *Социально-экономический строй Кухистана во второй половине XIX и начале XX вв.*. — «Из истории Таджикистана. Сборник работ аспирантов кафедры истории ТГУ, посвященный 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции», вып. 1, Душанбе, 1957, стр. 23.
- <sup>17</sup> ЛГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, лл. 8, 32.
- <sup>18</sup> К. Маркс, *Капитал*, т. III. — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 25, ч. II, стр. 367—368.
- <sup>19</sup> ЛГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, л. 443, л. 126.
- <sup>20</sup> Там же, л. 247, лл. 4—6, 10.
- <sup>21</sup> Там же, лл. 11, 29.
- <sup>22</sup> ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, л. 25, л. 112. Подробно см.: Б. И. Искандаров, *Из истории Бухарского эмирата*, М., 1958, стр. 35, 37.
- <sup>23</sup> Б. Г. Гафуров, *История таджикского народа*, изд. 3, т. 1, М., 1955, стр. 454.
- <sup>24</sup> Там же, стр. 460.
- <sup>25</sup> Ср.: Б. И. Искандаров, *О некоторых изменениях в экономике Восточной Бухары на рубеже XIX—XX вв.*, Душанбе, 1958, стр. 9—10.
- <sup>26</sup> В. И. Ленин, *Доклад о революции 1905 года*. — Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 326.
- <sup>27</sup> «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России», сб. ст., М., 1955, стр. 569—569.
- <sup>28</sup> ЦГИА УзССР, ф. 18, оп. 1, л. 40, л. 1.
- <sup>29</sup> А. В. Макашов, *К истории революционного движения трудящихся Туркестана в 1905—1907 гг.*, Душанбе, 1959, стр. 23.

<sup>20</sup> Там же, стр. 24.

<sup>21</sup> Т. Каримов, *Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Северном Таджикистане*, Душанбе, 1957, стр. 71.

<sup>22</sup> Там же, стр. 27.

<sup>23</sup> С. Айни, *Коротко о моей жизни*, Душанбе, 1958, стр. 72.

<sup>24</sup> Б. И. Искандаров, *О некоторых изменениях...*, стр. 118.

<sup>25</sup> В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России*, — Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 576, 577.

<sup>26</sup> ЦГИА УзССР, ф. 20/3, оп. 1, д. 109, л. 2.

<sup>27</sup> Там же, ф. 1, оп. 27, д. 219а, л. 3.

<sup>28</sup> З. Ш. Раджабов, *Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и начале XX вв.*, Душанбе, 1957, стр. 442.

<sup>29</sup> ЛГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 8, л. 66.

<sup>30</sup> Б. И. Искандаров, *Из истории Бухарского эмирата*, стр. 115.

<sup>31</sup> Там же, стр. 117, 119.

<sup>32</sup> В. И. Липский, *Горная Бухара*, ч. II, СПб., 1896, стр. 581.

<sup>33</sup> А. А. Нечаев, *Горная Бухара*, СПб., 1914, стр. 47.

<sup>34</sup> А. Маджлисов, *Каратегин накануне установления советской власти*, Душанбе, 1959, Н. А. Кисляков, *Очерки по истории Каратегина*, изд. 2, Душанбе, 1954.

<sup>35</sup> Д. Н. Логофет, *Бухарское ханство под русским протекторатом*, т. II, СПб., 1911, стр. 266.

<sup>36</sup> Там же, стр. 264.

<sup>37</sup> Х. Назаров, *В поисках Карима Девона*, М., 1950, стр. 94 и 124—127.

<sup>38</sup> В. И. Ленин, *Пробуждение Азии*, — Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 146.

## Глава V

### ТАДЖИКСКИЙ НАРОД НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

<sup>1</sup> ЛГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 6, л. 97.

<sup>2</sup> В. И. Ленин, *Империализм, как высшая стадия капитализма*, — Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 387.

<sup>3</sup> М. П. Федоров, *Материалы для изучения хлопководства*, вып. VIII, *Хлопководство и орошение новых земель в Туркестане*, ч. II, 1917, стр. 43.

<sup>4</sup> М. Бабаханов, *К вопросу о зарождении капиталистических отношений в сельском хозяйстве северных районов Таджикистана в конце XIX и начале XX вв.*, — «Из истории Таджикистана. Сборник работ аспирантов кафедры истории ТГУ, посвященный 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции», вып. I, Душанбе, 1957, стр. 68.

<sup>5</sup> В. И. Юферов, *Хлопководство в Туркестане*, Л., 1925, стр. 63.

<sup>6</sup> А. П. Демидов, *Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности в Туркестане*, М., 1926, стр. 125.

<sup>7</sup> УзССР, ф. 93, оп. 1, д. 135, л. 233. Более подробно см.: М. Бабаханов, *К вопросу о зарождении...*, стр. 77.

<sup>8</sup> ЛГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 111, л. 152.

<sup>9</sup> А. В. Макашов, *Утверждение советской власти в Центральном и Южном Таджикистане*, Душанбе, 1957, стр. 20.

<sup>10</sup> «Справочная книжка Самаркандской области», Самарканд, вып. 8, 1906, стр. 140.

<sup>11</sup> К. Маркс, *Капитал*, т. III, — К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, изд. 2, т. 25, ч. II, стр. 159—160.



- <sup>12</sup> Там же, стр. 160.
- <sup>13</sup> И. А. Ремез, *Всесоюзная торговля Бухары до мировой войны*, Ташкент, 1922, стр. 15.
- <sup>14</sup> А. Губаревич-Радобильский, *Постройка железных дорог в Бухарском ханстве (Доклады)*, стр. 11—12 (без даты).
- <sup>15</sup> Так, инженер Ананьев заключил договор на орошение примерно 72,5 тыс. га в Ширдандской долине. Андронников при поддержке Николая II и Сухомлинова — на 80 тыс. в Каршинской степи и многие другие.
- <sup>16</sup> В. И. Ленин, *Социализм и война*, — Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 318.
- <sup>17</sup> В. И. Юферов, *Хлопководство в Туркестане*, стр. 136.
- <sup>18</sup> ЛГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 18, л. 7.
- <sup>19</sup> В. И. Ленин, *О карикатуре на марксизм*, — Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 113.
- <sup>20</sup> В. И. Ленин, *Итоги дискуссии о самоопределении*, — Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 56.
- <sup>21</sup> С. Айни, *Коротко о моей жизни*, Душанбе, 1958, стр. 84.
- <sup>22</sup> Там же, стр. 85.
- <sup>23</sup> «Туркестанские ведомости», 1916, № 3.
- <sup>24</sup> С. Айни, *Коротко о моей жизни*, стр. 76—77.
- <sup>25</sup> Д. Закиров, *Ходжент в революции*, — журн. «Коммунистическая мысль», Ташкент, 1927, № 5, стр. 137.
- <sup>26</sup> Х. М. Имоматов, *Победа Октябрьской революции в Узбекистане*, Ташкент, 1960, стр. 42.
- <sup>27</sup> Т. Каримов, *Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Северном Таджикистане*, Душанбе, 1957, стр. 63.
- <sup>28</sup> В. И. Ленин, *Письма из далека*, — Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 19.
- <sup>29</sup> Там же, стр. 21.
- <sup>30</sup> В. И. Ленин, *О задачах пролетариата в данной революции*, — Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 114.
- <sup>31</sup> Там же, стр. 115.
- <sup>32</sup> Журн. «Красный архив», Л., т. 1 (20), 1927, стр. 79.
- <sup>33</sup> «Тарихи амирон Мангитияна Бухоро», Тошканд, 1925, стр. 124—125.
- <sup>34</sup> Там же, стр. 127.
- <sup>35</sup> Институт истории при ЦК Компартии УзССР, рукопись № 1433.
- <sup>36</sup> Т. Козлов, *Гражданская война в Туркмении*, Ашхабад — Чарджуй, ч. 1, вып. 2, 1934, стр. 58.
- <sup>37</sup> К. А. Богомолова, *К истории революционного движения в Бухаре*, — «Сообщения ТаджАН ССР», вып. XXX, 1951, стр. 61.
- <sup>38</sup> Климович, *Ислам в царской службе*, М., 1926, стр. 206.
- <sup>39</sup> С. Айни, *Коротко о моей жизни*, стр. 127.
- <sup>40</sup> Там же, стр. 77.
- <sup>41</sup> Журн. «Красный архив», т. 1 (20), 1927, стр. 116.
- <sup>42</sup> Там же, стр. 131.
- <sup>43</sup> ЦГИА УзССР, ф. 19, оп. 1, д. 9874, л. 2.
- <sup>44</sup> Там же, л. 3.

## Глава VI

### РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ, ЛИТЕРАТУРЫ, КУЛЬТУРЫ. БЫТ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX в.)

- <sup>1</sup> В. И. Ленин, *Критические заметки по национальному вопросу*, — Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 120—121.
- <sup>2</sup> А. Донниш, *Рисолаи мухтасар аз тарихи салтанати хонадони Мангития*, Душанбе, 1960, стр. 93.

<sup>2</sup> А. Дониш, *Наводир-ул-вакое* (Рух. ТГУ им. В. И. Ленина, 1304 (1886—1887), без инвент. №, лл. 221—222).

<sup>3</sup> А. Дониш, *Рисолаи мухтасар аз тарихи салтанати хонадони Манкития*, стр. 173.

<sup>4</sup> Савдо, *Мунтахабали*, Душанбе, 1959, стр. 35—36.

<sup>5</sup> Х. Мирзо-Зода, *Шамсиддин Шохин*, Душанбе, 1956.

<sup>6</sup> Р. Ходи-заде, *Источники к изучению таджикской литературы второй половины XIX века*, Труды АН ТаджССР, т. VI, 1956, стр. 105.

<sup>7</sup> Ш. Нейматов, *Дар бораи Возех, ва асари у «Савонех-ул масолик ва фаросих-ул мамолик»*, Душанбе, 1957; З. Раджабов, *Россия и таджикская литература конца XIX — начала XX вв.*, Душанбе, 1959, стр. 13—16.

<sup>8</sup> Р. Ходи-заде, *Источники...*, стр. 26.

<sup>9</sup> С. Айни, *Еддиштво*, К. Ш., Душанбе, 1950, стр. 296—297.

<sup>10</sup> В. И. Ленин, *Пробуждение Азии*, — Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 146.

<sup>11</sup> С. Айни, *Материалы по истории Бухарской революции*, М., 1926, стр. 28 (на узб. яз.).

<sup>12</sup> С. Айни, *Краткая биография*, М., 1926, стр. 39.

<sup>13</sup> К. Маркс, *Объявление войны*, — К истории возникновения восточного вопроса, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 10, стр. 167.

<sup>14</sup> Б. Г. Гафуров, *История таджикского народа*, М., 1949, стр. 452.

<sup>15</sup> Р. Ходи-заде, *Источники...*, стр. 46.

<sup>16</sup> Х. Мирзо-заде, *Адабиёти Ватан* (для V класса), Душанбе, 1952, стр. 43.

<sup>17</sup> К. Девона, *Сагхрои оташин* (Пламенные строки), Душанбе, 1958, стр. 13.

<sup>18</sup> Иброхим Джар'ат, *Тухфат-ул-ахбоб*, 1917, стр. 9.

<sup>19</sup> С. Айни, *Намунаи адабиёти тоҷик*, Ташкент, 1926, стр. 215.

<sup>20</sup> Там же.

<sup>21</sup> Т. Асри, *Избранная поэзия*, Душанбе, 1960, стр. 33.

<sup>22</sup> «Шарки Сурх», 1957, № 1, стр. 109.

<sup>23</sup> З. Раджабов, *Азхи ва Асири*, Душанбе, 1951, стр. 43, 49.

<sup>24</sup> Иброхим Джар'ат, *Тухфат-ул-ахбоб*, стр. 9.

<sup>25</sup> Там же, стр. 5.

<sup>26</sup> Там же, стр. 32.

<sup>27</sup> Шохин, *Лигзори Мунтахаб*, Душанбе, 1959, стр. 365—366.

<sup>28</sup> Садри Зиё, *Тарих* (РКП ОБ АН ТаджССР, инв. № 230, стр. 230).

<sup>29</sup> С. Айни, *Маджуан аш'ори инкилоби форси*, 1927, стр. 18.

<sup>30</sup> «Фольклори тоҷик», Душанбе, 1957, стр. 171.

<sup>31</sup> Там же, стр. 176.

<sup>32</sup> В. Д. Бонч-Бруевич, *В. И. Ленин об устном творчестве*, — СЭ, 1954, № 4, стр. 118.

<sup>33</sup> Д. Девона, *Сагхрои оташин...*

<sup>34</sup> Там же, стр. 7.

<sup>35</sup> Год рождения и год смерти всех упомянутых масхара-бозов приближительны.

<sup>36</sup> Р. П. Гор, *Ходжент* (Самаркандская область), — «Туркестанские ведомости», 1910, № 34, прил.

<sup>37</sup> «Туркестанские ведомости», 1900, № 2.

<sup>38</sup> М. А. Цветаев, *О некоторых особенностях таджикских народных мелодий*, — «Труды АН ТаджССР», т. X, ч. II, 1956, стр. 108.

<sup>39</sup> О. Л. Данскер, *Народная песня таджиков Дарваза*, — ИООН АН ТаджССР, 1956, № 10—11, стр. 139.

<sup>40</sup> О них см.: К. Алимбаева, М. Ахмедов, *Народные музыканты Узбекистана*, Ташкент, 1959.

<sup>41</sup> Н. Нейматов, Н. Нурчинов, *Хофиси Шухратманд*, — «Шахри Сурх», 1958, № 6, сах. 141—146.

<sup>42</sup> О. Л. Данскер, *Собрание и изучение таджикской народной песни*, — «Труды АН ТаджССР», т. X, ч. II, 1956, стр. 88—90.

- <sup>44</sup> Б. В. Веймарн, *Искусство Средней Азии*, М., 1939.
- <sup>45</sup> В. Л. Воронина, *Народная архитектура Северного Таджикистана*, М., 1959.
- <sup>46</sup> А. К. Писарчик, *Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX—начале XX в.*,— «Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», новая серия, т. XXI, 1954, стр. 218—298.
- <sup>47</sup> Х. А. Юлдашев, *Архитектурный орнамент Таджикистана*, М., 1957.
- <sup>48</sup> В. Н. Пилиповская, *Деревянная пластика в народной архитектуре Северного Таджикистана* (автореф. дисс.), Л., 1955.
- <sup>49</sup> «Народное декоративное искусство Советского Узбекистана. Текстиль», Ташкент, 1954.
- <sup>50</sup> В. Стасов, *Рецензия на книгу Н. Симакова «Искусство Средней Азии»*,— «Художественные новости», 1883, № 4, стр. 132.
- <sup>51</sup> Чейлмтко, *Наблюдное производство Средней Азии. Исторические ценности Таджикистана*,— «Коммунист Таджикистана», 1939, № 163.
- <sup>52</sup> О. А. Суларева, *К истории развития самаркандской декоративной вышивки*,— «Литература и искусство Узбекистана», Ташкент, 1937, № 6, стр. 119—134; Г. Л. Чепелевская, *Сюзане Узбекистана*, Ташкент, 1961.
- <sup>53</sup> Е. М. Пещерева, *Бухарские золотошвей*,— «Сборник музея антропологии и этнографии», т. XVI, М.—Л., 1955, стр. 265—282.
- <sup>54</sup> М. С. Андреев, *Орнамент горных таджиков и каргизов Памира*, Ташкент, 1928, стр. 17—25, табл. I—III.
- <sup>55</sup> Н. Бурдуков, *Гончарные изделия Средней Азии*, СПб., 1904; Е. М. Пещерева, *Гончарное производство Средней Азии*,— «Труды Института этнографии АН СССР», т. X, ч. II, 1959.
- <sup>56</sup> А. А. Семенов, *Этнографические очерки Зеравшанских гор Каратегима и Дарваза*, СПб., 1903, табл. X; Н. П. Корнялов, *Чеканное производство Бухары*, Гос. бухарский музей, 1932; Б. Сергеев, *Чеканка по меди*, Ташкент, 1960.
- <sup>57</sup> В. К. Развадовский, *Заргары (ювелиры)*,— «Туркестанский журнал», 1916, № 4.



## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПР — Архив внешней политики России  
АОО — Архив Оренбургской области  
ВУА — Военно-учебный архив  
ЖМВД — «Журнал Министерства внутренних дел»  
ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества»  
ЗИРГО — «Записки Русского императорского географического общества»  
ИВАН СССР — Институт востоковедения Академии наук СССР  
ИВАН УзССР — Институт востоковедения Академии наук Узбекской ССР  
Изв. — Известия  
«Изв. АН УзССР» — «Известия Академии наук Узбекской ССР»  
«Изв. УзФАН СССР» — «Известия Узбекского филиала Академии наук СССР»  
ИООН АН ТаджССР — «Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР»  
КСИМК — «Краткие сообщения Института истории материальной культуры»  
КСИЭ — «Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР»  
ЛГИА — Ленинградский государственный исторический архив  
ОС — Отделение статистики  
ПВ — «Проблемы востоковедения»  
РКП ОБ АН ТаджССР — Рукопись отдела востоковедения Академии наук Таджикской ССР  
РКП ИВАН УзССР — Рукопись Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР  
САГУ — Среднеазиатский государственный университет  
СВ — «Советское востоковедение»  
СОН — Серия общественных наук  
СЭ — «Советская этнография»  
ТВОРАО — «Труды Восточного отделения русского археологического общества»  
ТГЭ — «Труды Государственного Эрмитажа»  
«Труды АН ТаджССР» — «Труды Академии наук Таджикской ССР»  
ТФАН — Таджикский филиал Академии наук  
УЗ — Ученые записки  
ФАН — Филиал Академии наук  
ЦГА — Центральный государственный архив  
ЦГВИА — Центральный государственный военный исторический архив  
ЦГИА УзССР — Центральный государственный исторический архив Узбекской ССР  
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив Ленинграда

## УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдулазиз-хан 22, 50  
 Абдул Ахад, эмир 264, 273  
 Абдул-Восе (Восе) 188, 189, 190, 191, 289, 293  
 Абдулгази 7  
 Абдулгафур 10, 54  
 Абдулджаббар 53  
 Абдул-Карим-бий 59  
 Абдул-Карим-додхо 172  
 Абдулло-хан II 21  
 Абдуллоходжа Абди 273  
 Абдул-малик (Катта-тюря) 11, 170, 171, 174, 176, 181  
 Абдул-Рахим-бий 59  
 Абдураимов Р. А. 14  
 Абдурахмон-и Тали 6  
 Абиджанов 241  
 Абуллаббас Мухаммад Талиб 7  
 Абулгази-хан (Абулгази) 26, 58, 59  
 Абулфайз-хан (Абулфайз) 6, 26, 47, 57  
 Авазмухаммад 121  
 Ага-хан 303  
 Агехи (Мухаммад Риза) 11  
 Аджзи Санд Ахмад 118  
 Ало 116  
 Азизов Усто Шобн 310  
 Айни Садриддин (Айни, Садриддин Саидмуратович) 19, 114, 115, 118, 131, 221, 242, 255, 256, 258, 266, 267, 269, 270, 271, 274—278, 281, 311, 312  
 Акбар 271  
 Акмал Мулло Шермухаммад 116, 120, 123  
 Александр II 180  
 Али, Джура 241  
 Алибаев, Мухаммад-Рахим 249  
 Алимбаев 204  
 Алимбек 7  
 Али-Махдум-Ходжа 12  
 Али-хан 64, 65, 77, 119, 120, 131  
 Аллоберды-бий 38  
 Аллоёр-бий 38  
 Амниджанов 240  
 Амнинов А. М. 19  
 Амлах 271  
 Ананьев 341  
 Андронников 341  
 Аристов Н. А. 157  
 Аристотель 48  
 Асири 258, 266, 271, 274—278, 282, 311  
 Асрори В. 5  
 Астанакул 190  
 Атабаев, Махкамбай 249  
 Афсах 271  
 Ахмад, руководитель гиссарского восстания 227  
 Ахмад-шах 58  
 Ахмат-Ясави 184  
 Аштарханиды, династия 6, 7, 13, 14, 21—23, 26, 34, 38, 39, 44, 52, 55, 328  
 Ашуров Г. 5  
 Баба-бий 174  
 Бабаханов М. 19  
 Бабаханов Леан 310  
 Бартольд В. В. 13—18, 82, 157, 322  
 Батлер 132  
 Бахарев 214  
 Бахрамов В. 19  
 Бедиль Мирзо Абдулқодир 48, 49, 52, 115, 117, 123, 282, 309  
 Бекчурин Менднар 9  
 Бекчурин Мир-Солех 64  
 Белинская Н. А. 5  
 Белов 256  
 Беневени Флорно 7, 28, 33, 34, 327  
 Березин И. Н. 157  
 Бignon 48  
 Блаккеннагель 130

- Бобоев Халик** 307  
**Бобошарифов Содирхон** 311  
**Бобожонус Худойдодзода** 293  
**Богоутдинов А. М.** 5  
**Боки-Мухаммад** 21  
**Большакова К. Г.** 5  
**Борис А.** 16  
**Брагинский И. С.** 15  
**Бунаков** 102  
**Бурнашев Т. С.** 9, 22  
**Бутенев** 80, 81, 91  
**Бухорон Афзалмахдуми Пирмасти**  
 271, 273
- Вали З.** 308  
**Вали** 49  
**Вали-Мухаммад** 6, 21, 49  
**Вамбери Г.** 107, 130  
**Васли** 271  
**Везиров Н.** 308  
**Вельяминов-Зернов В. В.** 13, 157  
**Верещагин В. В.** 157  
**Веселовский Н. И.** 11, 17  
**Возех (Кори Рахматулло Возех,**  
**ибн Ошур Мухаммад Кори Рах-**  
**матулло Возех Бухори)** 115, 117,  
 118, 258, 265, 266, 271, 272
- Воловик П.** 257  
**Восифи** 48  
**Вревский** 178  
**Вяткин В. Л.** 14
- Габитов** 77, 113  
**Галузо П.** 18  
**Гаспринский Исмаил** 224  
**Гафуров Б. Г.** 13, 16, 18, 19  
**Генс** 15  
**Гоголь Н. В.** 275, 307  
**Горький М.** 287  
**Гребенкин А.** 14  
**Грибоедов А. С.** 307  
**Григорьев В. В.** 9, 17, 157  
**Григорьев Н.** 8, 27, 29, 42  
**Грулев М.** 17  
**Губаревич-Радобильский А.** 179  
**Губор** 50  
**Гулхани (Мухаммад Шариф Гул-**  
**хани)** 116, 119, 120, 122, 123
- Давидович Е. А.** 4, 14  
**Дага** 116  
**Даль В. И.** 157  
**Дальский Мамонт** 307  
**Даниел-бий, аталык** 58, 59, 82,  
 103  
**Дарвеш Али** 55  
**Деканов Д. Ш.** 246  
**Денике Б. П.** 14
- Джавхари** 271, 282  
**Джаллилов** 256  
**Джалол Китобдор** 50  
**Джони Абдурахмон** 119, 157, 309  
**Джанибех-султан (Джани Му-**  
**хаммад-хан)** 21  
**Джура-бий** 174  
**Джур'ат Ибрагим** 275, 276, 279 —  
 281  
**Диваев А. А.** 308  
**Дилкаш** 271  
**Дилкаш Кары Каромат** 311  
**Дониш Ахмад** 12, 104, 115, 123,  
 258—264, 266, 267, 270—274,  
 282—285, 311  
**Дониш Бухорон (Мулло Хусайн**  
**Махдум)** 116, 117  
**Добролюбов Н. А.** 157  
**Дуст Мухаммад** 53
- Егани А.** 5  
**Ерофеев** 238  
**Ершов Н. Н.** 15  
**Ефремов Ф.** 8, 9, 74, 92
- Жуковский С. В.** 14, 17
- Залеман К. Г.** 312  
**Закиров Джура** 241, 246, 248  
**Засыпкин Б. Н.** 14  
**Зияев Х.** 14  
**Зорге Ф. А.** 162  
**Зуфунун** 271  
**Зухури** 271
- Ибадов Домудло Халим** 310  
**Ибрагимов В.** 5  
**Иванецкий Е. А.**  
**Иванов П. П.** 13, 15, 16, 104, 114,  
 124  
**Игнатъев** 132  
**Имом Али Кундузи (Коми)** 16  
**Имом-Кули-хан** 21, 22, 42, 50, 54,  
 55  
**Ир-Назар-ильчи** 125  
**Ирси Хисори** 116  
**Исо Махдум** 311  
**Искандаров Б. И.** 5
- Калавдаршо** 226, 242  
**Камал Г.** 308  
**Камилджан Алимджан** 217  
**Карим Девона** 227, 294  
**Каримов Т.** 19  
**Касымов Н.** 5  
**Кауфман А. А.** 17, 152  
**Кауфман К. П.** 134, 135, 149, 150,  
 153, 155, 174, 181  
**Кисляков Н. А.** 5, 19



- Ковалевский 78  
 Кози Лутфулло Кокир 49, 56  
 Кози Носир 49  
 Комиссаржевская В. Ф. 307  
 Конолла 79, 81  
 Корнюшин 214, 215  
 Костенко 145  
 Кошиф 116, 118  
 Кривошеин А. В. 144  
 Крылов И. А. 275  
 Крымский А. Е. 157  
 Кудрат Бадахшони 291  
 Кур Кабо 50  
 Курн Барот 278, 279  
 Куропаткин 244, 247, 248  
 Куропаткин А. Н. 17  
 Кушакевич А. 15, 16
- Л**  
 Латылов Н. Л. 19  
 Ленин В. И. 128, 132, 133, 136, 138, 142, 143, 163, 168, 170, 195—198, 213—215, 222, 228, 229, 236, 239, 249, 250, 258, 266, 289  
 Липский В. И. 226  
 Лисони Худжанди 116  
 Литтон, лорд 132  
 Логофет Д. Н. 17  
 Лорд, доктор 16
- М**  
 Маджлисов А. 19  
 Маджвун Бухорон 50  
 Макашов А. В. 19  
 Малехо 43, 50, 51, 115  
 Мангыты, династия 57  
 Марди Аджамы 284  
 Марков Е. 17  
 Маркс Карл 71, 81, 82, 84, 162, 163, 196, 197, 208, 233, 234, 270  
 Мартенс Ф. Ф. 17  
 Масабир, аксакал 159  
 Масальский В. И. 17, 144  
 Масехо Самарканди 50, 271  
 Массон М. Е. 14, 15  
 Масуми А. 5  
 Махмуд-бий, аталык 23  
 Махмудходжа Бехбуди 308  
 Махмур (Махмуд Махмур) 120—122  
 Мейендорф Г. 15, 83, 107  
 Миллер 251—254  
 Милоков 250  
 Мирза Джурабек 178  
 Мирза Кабил Мухаммадов 231  
 Мирза Шамса Бухори 9  
 Мирзо-Азим Соми 12, 134  
 Мирзо-Бахадур 249  
 Мирзо-Заде Х. 5  
 Мирзо Каландар Мушриф Исфараги (Мирзо Мушриф) 10  
 Мирзо Салим инок 272  
 Мирзо Сироджа Хаким 281  
 Мир-Мухаммад Амини Бухори 6, 23, 55  
 Мир Мухаммад Шариф 49  
 Мирзамонов Миратаджан 311  
 Мирсанд Джалол 50  
 Мискин 271  
 Михайлов Ф. 17  
 Моргунов 217  
 Морозов 214—216  
 Муборакшоев Х. 256  
 Муджрим 116, 118  
 Музаффар (Санд-Музаффар), эмир 11, 12, 63, 131, 134, 171, 188, 263, 329  
 Музтариб 115, 271, 283, 285  
 Муини 9  
 Мукини 258  
 Мулло Зариф 50  
 Мулло Флор 290, 291  
 Мулло Камолитдин Муфти 134, 135  
 Мулло Яхто Катан 50  
 Мулло Мустафид Балхи 50  
 Мулло Мухаммад Амин Сарафох 49  
 Мулло Мухаммадшах Назбар 49  
 Мулло Нахли 50  
 Мулло Нияз Мухаммад 10  
 Мулло Обид Мумтоз 49  
 Мулло Турсун Фароиз 56  
 Мулло Фаррух 28, 29  
 Мулло Хола 189  
 Муллах Бухорон 49, 50  
 Муминов 240, 241  
 Муминов Самиджан Кори 249  
 Мунгим Бухорон 49, 50  
 Мустанд Бухорон 50  
 Мухаммад Али-хан 60, 65, 106, 121  
 Мухаммад Амин 204  
 Мухаммад-бий-инияк-калби 181  
 Мухаммад-Боховаддин-Накибанди 112, 184  
 Мухаммад Вайфо-и Карминаги 7, 123  
 Мухаммад Замиш ибн Ходжа Шарафуддин Хасан 56  
 Мухаммад Муким-хан 6  
 Мухаммад-Рахим-бий 26, 45  
 Мухаммад Рахим-хан 7, 57, 58, 103  
 Мухаммад Салих (историк) 12  
 Мухаммад Салих (подчий) 53  
 Мухаммад Тохир ибн Абулкосим 55  
 Мухаммад Хаким 123  
 Мухаммад-Хаким-бий 26, 70  
 Мухаммад Шариф бей Мухаммад Накш 8

Мухаммад Юсуф Муини 6, 21  
Мухаммад Якуб 8, 34, 123  
Мухтаров А. 4, 5, 15  
Мушкетов И. В. 157  
Мъдаан 116, 121--123

Наби 307  
Набия А. 19  
Назаров Ф. 15, 64  
Назаров Х. 19  
Наджмидьянов 248  
Надир-Девон-биги 52  
Надир-Мухаммад 6, 22, 55  
Надир-шах 26, 57, 75, 83  
Найми Бухорои 49  
Наливкин В. П. 10, 11, 250  
Нарбута-бий 59  
Насафи Дастур 50  
Насим Махрам 50  
Насируддин Туси 54  
Насрулло, эмир 9, 60, 61, 65, 70, 75,  
80, 85, 106, 118, 119, 131, 329  
Насиров, Ата-Джалалиддин 310  
Наша Ломе Насафи 50  
Негматулло Самарканди 50  
Негри 75, 79, 80, 124  
Нейсен А. А. 226  
Низобек Матлаб 50  
Низами 264  
Нозим 119  
Нола 116  
Нурджанов Н. 5  
Нур-Мухаммад 27

О'Донован 132  
Омар, хан 60  
Орленев П. Н. 307  
Островский А. Н. 307

Пазухины, братья 7, 27, 29, 36  
Пален К. К. 12, 151  
Пантусов Н. Н. 10  
Палков А. В. 14  
Петина М. М. 307  
Петр I 33  
Петров, топограф 194  
Петровский Н. В. 109  
Пир Мухаммад-хан II 31  
Платон 48  
Половцев 152  
Полторацкий П. Г. 252  
Попов А. 14  
Потанин Т. Н. 157  
Пугаченкова Г. А. 14  
Пяковский А. В. 19

Раджабов З. Ш. 5, 19  
Раджабов С. А. 5  
Радлов В. В. 157

348

Рамзи 116  
Расулов Ходжа Абдулазиз 310  
Рахим Самарканди 116  
Рахимбаев Абдулкадыр 248  
Рахман-кул 125  
Рахматуллаев Зубайдулла 241  
Ремпель Л. И. 14  
Рожкова М. К. 16  
Романов Г. Д. 157  
Романовский 134  
Рустам-бек, хаким 65, 66, 126, 329  
Рыбаков С. 312  
Рычков П. И. 7  
Рябинский А. 19

Саади 264, 309  
Саидо Абдулкадир Ходжа 258, 262,  
263, 266, 271, 282, 284, 285  
Садри Зиё (Шарифджон Махдум  
Садри Зиё) 271, 273, 283  
Садри Сарир 115, 282  
Садик-тюря 171  
Сайд-Ахмоджан 240  
Сайджанов Пулатжон 231  
Сайидо Насафи (Миробид Сайидо  
Насафи) 27, 29, 34, 49, 50—52,  
54, 115, 123

Салми 115  
Салтыков-Щедрин М. Е. 157  
Самсонов А. 145  
Сары-хан 172, 175, 181  
Севершев Н. А. 157  
Семенов А. А. 14, 15, 97, 108, 312  
Семенов С. С. 13  
Семенов-Тяньшанский П. П. 149,  
157  
Сераджуддин-хан 172  
Сефевиды, династия 21  
Сипанди 271  
Сират 271  
Скибин Федор 29  
Собинов Л. В. 312  
Соболев Л. Н. 14  
Содик (Мирзо Мухаммад Содик  
Муини) 117, 118  
Сойб 117  
Софи-Эфенди 132  
Стабровский 217  
Стасов В. В. 315  
Степенко С. А. 19  
Стодарт 78, 79, 81  
Субхон Кули (Субхон-Кули-хан)  
22, 23, 50, 54, 55  
Судур Нахжмиддин Махдум 262  
Султон Махмуд 106

Тегеев Б. А. 17  
Тейфель Ф. Л. 13  
Терентьев М. А. 17

Толстой Л. Н. 275  
Тимур-шах 59  
Тутрала 2 PDF Compressor Free Version  
Тула 307  
Тураджан 176  
Тургенев И. С. 275  
Туро-хан 72  
Турсун-джан 125  
Тухтаматов Т. Г. 4

Убайдулло-хан 6, 23, 26, 30, 36, 40  
41, 44, 55  
Умар-хан 10, 114, 116, 118, 119, 121  
Умаров 241  
Усманов Хайдар 248  
Уткан 45

Фазли Намангани (Мавло Фазли  
Намангани) 114, 116, 121  
Фатуллахан 249  
Фахри Румони 287, 290  
Федченко А. П. 157  
Феофанов 214  
Фирдоуси 119, 157  
Фитрат 49, 50, 115, 271, 281  
Фуркат 258

Халым Джамалак 240  
Хайдар, эмир 8, 9, 60, 70, 75, 77,  
85, 86, 104, 113, 114  
Хайрат 258, 265, 266, 267, 271, 285  
Хайрулло-бек Шамим Бухорон 50  
Хакберди Раджабалиев 307  
Халибай 11  
Халиф Худойдода 125  
Хамза 258, 271  
Хамраев М. 5, 19  
Ханьков Н. 15, 104, 157  
Хасан Халиф 86  
Хасанбек Рафе 50  
Хафиз 264, 309  
Хашмат 273  
Хиджлат Бухорон 116  
Хилоли 48, 309  
Хисрави 264  
Ходжа-Мухаммад Муссабир 54  
Ходжа Сами Содот 49, 50  
Ходжа-Убайдулла-Ахрор 184  
Ходжа-Юсуф 246  
Ходжи Бахром 49  
Ходжи Негматулло Мухтарам  
Бухорон 274

Ходжи Собир 50  
Хозик (Джунайдулло Махдум Хо-  
лик) 116, 118, 119, 123  
Халис 116  
Хомид Санд 293, 294  
Хотиф 116  
Хохлов И. Д. 7  
Худаш 214  
Хушенов Ф. 5

Чернышевский Н. Г. 157  
Черняев 133  
Чехов А. П. 307  
Чехович О. Д. 13, 14  
Чудощников А. 14

Шавкат 49  
Шадман, бек 172  
Шайбониды, династия 21, 38, 43  
Шарафуддин Язди 54  
Шари Холжа Азми 271, 272  
Шах-Мурод, эмир 9, 59, 68, 69, 81,  
82, 86, 103, 104, 123—125  
Шах-Яқини 239  
Шахрух-бий, эмир 26  
Шекспир 78  
Шекспир В. 307  
Шиллер Ф. 307  
Шишов А. 14  
Шокир Бухорон 50  
Шохи 278  
Шохи Шамсиддин 123, 258, 263,  
264, 266, 271—273, 283—285  
Шукурбек 70, 284

Шелкин 248, 250

Эйхгорн А. Ф. 312  
Энгельс Ф. 71, 137, 162, 163, 197  
Эргаш 307

Южаков Ю. 16  
Юсупов Ш. 5  
Юсуф Вафо 291, 292  
Юсуф Карабач Мухаммад Шахи  
48  
Юферов В. П. 201, 232

Яворский 176  
Ягона 50  
Ялангуш-бий 38, 53



## УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Авлят, селение 91  
 Азербайджан 198  
 Азия 82, 84, 142, 192, 213  
 Ак-Дарья 81  
 Алай 157  
 Америка 133  
 Аму-Дарья 16, 26, 59, 62, 98, 100,  
 135, 136, 165, 179, 183, 236  
 Англия 77—79, 131—132, 136, 137,  
 143, 163, 164, 179, 188  
 Андижан 21, 145, 148, 220, 307  
 Андхой 58, 62  
 Анзоб, перевал 100  
 Аральское море 147, 165  
 Астрахань 21, 31  
 Афганистан 66, 68, 78, 97, 102, 103,  
 108, 131—133, 136, 137, 174—177,  
 179, 181, 189, 192—194, 199, 224  
 Афганский Туркестан 62, 171  
 Ахсы 21  
 Ашхабад 136, 145, 165, 214, 216,  
 217  
 Бабатаг 278  
 Бадахшан 23, 26, 28, 58, 63, 84, 90,  
 91, 101, 108, 175, 179, 181  
 Байсун 67, 91, 92, 96, 100  
 Байтуман, кишлак 120  
 Баку 215, 253  
 Балх 21—23, 26, 30, 34, 45, 55, 58,  
 62, 90, 94, 98, 101, 328  
 Балх (Кал'акони) 328  
 Бальджуан 91, 96, 175, 176, 189,  
 190, 191, 235, 289, 307  
 Бальджуанская долина 189  
 Бальджуанские горы 175  
 Бартанг, река 175  
 Бешкент 67  
 Бомбей 303  
 Бульк, селение 119  
 Бухара (Бухарское ханство, Бу-  
 харский эмират) 3, 4, 7—10, 12—  
 17, 19, 21—23, 26—36, 45—47,  
 51—53, 56—63, 65—72, 74—81, 83,  
 84, 86, 89—95, 97, 98, 100—106,  
 108, 109, 111—118, 123—132,  
 134—137, 139, 143, 148, 149, 167,  
 171—176, 179—184, 187—189,  
 191—199, 201, 203, 204, 211, 213,  
 217, 221—225, 228, 230, 234—236,  
 239, 242—244, 250—253, 255,  
 257—263, 266, 269, 272, 278, 281,  
 284, 286, 301, 307, 310, 312—316,  
 327, 328  
 Ванч 91, 94, 206, 290, 297, 301  
 Варзоб 67  
 Варшава 145  
 Вахан 62, 101, 136, 174, 175, 213,  
 225  
 Вахан-Дарья 137  
 Вахно 206, 297  
 Вахш 67, 91  
 Вахыч, перевал 175  
 Великобритания 133, 135  
 Вена 312  
 Веревкино 219  
 Верхний Хорог 291  
 Волга 31, 32  
 Восточная Бухара 12, 14, 19, 57,  
 58, 63, 67, 68, 71, 73, 74, 82, 94,  
 105, 129, 171, 172, 175—177, 184,  
 188, 191, 193—195, 198, 201—205,  
 201—205, 210, 212, 222, 225—227,  
 234, 235, 242, 244, 253  
 Восточный Памир 68, 137  
 Восточный Туркестан 101  
 Гарм 91, 95, 96, 128, 242  
 Гармчашма, селение 91  
 Герат 90, 98, 118  
 Гиздуван 206, 315  
 Гиндукуш 137  
 Гиссар 7, 9, 22, 23, 45, 58, 59, 62,  
 63, 66—68, 73, 88, 91, 93—96, 98,  
 100, 101, 124, 128, 172, 176, 177,

## УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Авлят, селение 91  
 Азербайджан 198  
 Азия 82, 84, 142, 192, 213  
 Ак-Дарья 81  
 Алай 157  
 Америка 133  
 Аму-Дарья 16, 26, 59, 62, 98, 100,  
 135, 136, 165, 179, 183, 236  
 Англия 77—79, 131—132, 136, 137,  
 143, 163, 164, 179, 188  
 Андижан 21, 145, 148, 220, 307  
 Андхой 58, 62  
 Анзоб, перевал 100  
 Аральское море 147, 165  
 Астрахань 21, 31  
 Афганистан 66, 68, 78, 97, 102, 103,  
 108, 131—133, 136, 137, 174—177,  
 179, 181, 189, 192—194, 199, 224  
 Афганский Туркестан 62, 171  
 Ахсы 21  
 Ашхабад 136, 145, 165, 214, 216,  
 217  
  
 Бабатаг 278  
 Бадахшан 23, 26, 28, 58, 63, 84, 90,  
 91, 101, 108, 175, 179, 181  
 Байсун 67, 91, 92, 96, 100  
 Байтуман, кишлак 120  
 Баку 215, 253  
 Балх 21—23, 26, 30, 34, 45, 55, 58,  
 62, 90, 94, 98, 101, 328  
 Балх (Кал'ахони) 328  
 Бальджуан 91, 96, 175, 176, 189,  
 190, 191, 235, 289, 307  
 Бальджуанская долина 189  
 Бальджуанские горы 175  
 Бартанг, река 175  
 Бешкент 67  
 Бомбей 303  
 Бульк, селение 119  
 Бухара (Бухарское ханство, Бу-  
 харский эмират) 3, 4, 7—10, 12—  
 17; 19, 21—23, 26—36, 45—47,  
 51—53, 56—63, 65—72, 74—81, 83,  
 84, 86, 89—95, 97, 98, 100—106,  
 108, 109, 111—118, 123—132,  
 134—137, 139, 143, 148, 149, 167,  
 171—176, 179—184, 187—189,  
 191—199, 201, 203, 204, 211, 213,  
 217, 221—225, 228, 230, 234—236,  
 239, 242—244, 250—253, 255,  
 257—263, 266, 269, 272, 278, 281,  
 284, 286, 301, 307, 310, 312—316,  
 327, 328  
  
 Вагч 91, 94, 206, 290, 297, 301  
 Варзоб 67  
 Варшава 145  
 Вахан 62, 101, 136, 174, 175, 213,  
 225  
 Вахан-Дарья 137  
 Вахно 206, 297  
 Вахш 67, 91  
 Вахыч, перевал 175  
 Великобритания 133, 135  
 Вена 312  
 Веревкино 219  
 Верхний Хороз 291  
 Волга 31, 32  
 Восточная Бухара 12, 14, 19, 57,  
 58, 63, 67, 68, 71, 73, 74, 82, 94,  
 105, 129, 171, 172, 175—177, 184,  
 188, 191, 193—195, 198, 201—205,  
 201—205, 210, 212, 222, 225—227,  
 234, 235, 242, 244, 253  
 Восточный Памир 68, 137  
 Восточный Туркестан 101  
  
 Гарм 91, 95, 96, 128, 242  
 Гармчашма, селение 91  
 Герат 90, 98, 118  
 Гиждуван 206, 315  
 Гандукуш 137  
 Гиссар 7, 9, 22, 23, 45, 58, 59, 62,  
 63, 66—68, 73, 88, 91, 93—96, 98,  
 100, 101, 124, 128, 172, 176, 177,

- 182, 190, 191, 194, 195, 212, 226,  
235, 279, 294, 296
- Гиссарская долина 67, 85, 106, 175,  
235
- Гиссарский хребет 67, 100
- Голодная река 247
- Горбейд 66
- Горный Бадахшан 291
- Горон 213
- Гузар 67, 92, 101, 171
- Гулякандоз 98
- Гумаяк, селение 290
- Гунт, река 92
- Дагбит 241
- Дар-Дар, кишлак 85
- Даран-Мухтор 289
- Даран Назарак, кишлак 242
- Дарваз (Запаянджский Дарваз) 62,  
66, 67, 73, 74, 77, 91, 93, 96, 100,  
101, 136, 149, 172—174, 176, 194,  
206, 208, 291, 297, 301, 312,  
316
- Дарх, кишлак 314
- Дах-Манор, кишлак 107
- Даштак 227
- Дашти-Будон 67
- Дели 26
- Денау 67, 92, 100, 177, 194, 222
- Дербент 177
- Джари-Хуштаир, кишлак 65
- Джелалабад (Наинграхар) 66
- Джизак 58, 60, 63, 64, 88, 99, 100,  
112, 125, 130, 134, 242
- Дигмай 146
- Драгомирово 219
- Дузахдар 175
- Душанбе 13, 100, 227
- Европа 162, 260
- Египет 119
- Завалайский хребет 157
- Замини 88
- Западная Бухара 58, 71, 82, 94, 210
- Западный Памир 63, 174, 175, 178,  
202, 222, 225, 291
- Зерабулак 63, 135
- Зерабулакские высоты 135
- Зеравшан, река 28, 60, 66—68, 72,  
73, 81, 88, 90, 91, 98, 105, 127, 179,  
183, 202, 203, 206, 209, 221, 297
- Зеравшанская долина 14, 34, 85,  
87, 88, 89, 104, 204
- Зиятдин 253
- Зор-куль, озеро 136
- Зувокли 190
- Зунга 175
- Зирнур, река 179
- Иваново-Вознесенск 145
- Индия 28, 30, 33, 50, 77, 78, 90, 97,  
98, 102, 103, 131, 136, 175, 176,  
192—194
- Иран 21, 26, 33, 49, 57, 101, 102,  
108, 131, 132, 192, 224, 265
- Искандар-Дарья 88, 90
- Исфahan 97
- Исфара, река 90
- Исфара, город 60, 61, 67, 89, 94,  
98, 313
- Итарчи, кишлак 86
- Ишкашим 63, 213
- Иори, кишлак 86
- Кабаднан 58
- Кабул 66, 78, 79, 97, 98, 108, 171
- Кавказ 197, 198, 235, 238, 265
- Казань 10, 31, 231, 308
- Казахская степь 97
- Казахстан 133, 198, 238, 242
- Калаи-Вамар 175
- Калаи-Ляби-об 242
- Калаи-Хумб 172
- Калъан-Дашт 67
- Камши 92
- Кангурт 190, 289
- Канибадам 60, 61, 67, 89, 94, 98, 124,  
231, 313
- Кара-Дарья 81
- Кара-куль 68
- Карам-куль 147
- Карагаг 91, 93
- Карагаг-Дарья 67, 91
- Каратегин 19, 62, 66—68, 73, 74, 77,  
83, 93, 96, 98, 100, 101, 119, 128,  
172, 173, 190, 194, 203, 206, 226,  
291, 297, 316
- Кармок 92
- Карши 7, 26, 51, 59, 92, 95, 96, 100,  
101, 124, 171, 182, 191, 193, 235
- Каршинская степь 236, 341
- Каспий 31, 32, 148
- Каспийское море 136
- Катаган 62
- Катта-Курган 58, 100, 112, 135
- Кафирниган 67
- Кашгар 101
- Кашгария 97, 171
- Кашка-Дарья 183
- Келиф 67, 92, 179, 235, 253
- Керки 100, 235, 252
- Керкинское поселение 192
- Кермине 58, 182
- Кзыл-Арват 215—217
- Кизил-Булак 147
- Китаб 61, 100, 174, 175
- Китай 30, 31, 33, 90, 97, 102, 131



- Когистан 334  
 Кой-бай 175  
 Коканд (Кокандское ханство) 3, 10, 14—17, 59—62, 65—68, 70—72, 74—77, 79, 81—84, 92—94, 97, 98, 100—106, 108, 109, 114—116, 118, 145, 149, 153, 157, 172, 174, 214, 247, 272, 293, 334  
 Кокчи-Сай 147, 204  
 Кокча, река 101  
 Константинополь 132  
 Косатарош, селение 293  
 Костакон 98, 241, 294  
 Красноводск 245  
 Куйтан-Тау, горы 92  
 Куло, кишлак 242  
 Куляб 7, 30, 62, 63, 67, 73, 83, 124, 128, 173, 175, 176, 181, 182, 190, 194, 226, 235, 289, 294, 296  
 Кулябская долина 67, 189  
 Кум, кишлак 85  
 Кумишджилга 92  
 Кунгар 66  
 Кундуз 58, 68  
 Курган-Тюбе 175, 226  
 Куропаткино 241  
 Курчанак 289  
 Кухак, возвышенность 88  
 Кухистан 66, 137  
 Кушка, город 218  
 Кушка, река 136  
 Кштут 86, 334  
 Кызыл-Мазар 190, 289  
 Кызыл-Тепе 269  
  
 Лодзь 145  
 Лучоб 67  
  
 Мавераннахр 7, 22, 23, 26, 35, 49, 51, 92, 115, 118,  
 Магнан 112  
 Мадм, кишлак 85  
 Маргелан 307  
 Матча 73, 77, 87, 88, 98, 105, 291  
 Матча, перевал 100  
 Махдум-Дары 190  
 Меймене 58, 62  
 Мекка 265  
 Мерв 59, 125, 130, 148, 265  
 Мервский оазис 59, 136  
 Мешхед 97  
 Мизанкаль 112  
 Москва 28, 31, 32, 115, 145, 192, 193, 215, 219, 221, 312  
 Муминабад 307  
 Мур, перевал 100  
 Мураб, река 136  
  
 Наманган 94, 119, 307  
 Нарын, река 81  
 Нау 60, 61, 98, 134  
 Наухат, селение 92  
 Ниджроу 66  
 Нижний Новгород 192  
 Низабек, крепость 133  
 Новая Бухара (Коканд) 223, 252, 253, 255  
 Новый Чарджоу 252  
 Норак, селение 92, 289  
 Нурат 90  
  
 Ок-Булок 289  
 Оренбург 30, 31, 33, 78, 79, 148, 215, 231  
 Орошор, селение 175  
  
 Пакшина, перевал 100  
 Памир 4, 13, 16, 17, 19, 43, 67, 70, 73, 84, 91, 100, 105, 127, 128, 132, 136, 137, 149, 174, 175, 177, 178, 199, 212, 213, 222, 225, 227, 229, 256, 257, 291, 309, 316  
 Памир, река 175  
 Пангоз (Панджголи) 121  
 Пастиган, селение 291  
 Пенджикент 7, 58, 86, 94, 99, 124, 135, 140, 161, 202, 241  
 Пенджшамбе 58  
 Персия 30, 31, 90, 97, 112, 193  
 Петербург (Петроград) 70, 181, 188, 215, 244, 253, 259, 266, 284  
 Пешавар 171  
 Поволжье 198, 247  
 Поимазар, селение 91  
 Потоу, селение 91  
 Припамирье 301  
 Пшихарь, кишлак 91, 96, 101  
 Пяндж 70, 91, 92, 136, 137, 174, 179, 199, 290  
 Пянджшир 66  
  
 Рамитское ущелье 67  
 Регар 67, 177, 212  
 Риштан, селение 206, 316  
 Росровут, селение 293  
 Россия (Российская империя) 3, 4, 6, 7, 11, 12, 14—19, 28, 31—33, 61, 63, 65, 70, 77—79, 80, 81, 87, 89, 90, 97, 98, 101—103, 127, 130—140, 142—146, 148—153, 156, 158, 162—166, 168—171, 173—175, 179—182, 188, 191—197, 199, 200, 204, 209, 213—215, 217, 218, 221, 222, 223, 225, 228, 230, 234—237, 243—245, 247, 249—251, 253, 259—261, 265, 266,

- 270, 271, 274, 284, 290, 291, 298, 307, 312, 317
- Рустак 63
- Рушан 62, 101, 136, 174, 175, 213
- Самара 31, 215
- Самарканд 21—23, 30, 35, 45, 46, 52, 54, 55, 63, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 112, 113, 118, 124, 134, 135, 140, 145, 148, 153, 157, 165, 168, 173, 179, 200, 206, 214—216, 218, 220, 241, 246, 247, 255, 279, 280, 286, 293, 307, 308, 312—317
- Сарезское озеро 256
- Сари-Асия 194
- Сари-Пул 289
- Сары-Джуй 67
- Сары-Хосор 190
- Сафеддарьинское ущелье 91
- Северный Афганистан 175
- Семиганч 67
- Серахский оазис 136
- Сибирь 31, 32, 97, 160, 198, 238
- Старая Бухара 251
- Сув-Дара 289
- Сурхан-Дарья 67
- Сурханская долина 67, 100
- Суфимирзо 67
- Сыр-Дарья 28, 66, 134, 241
- Тамышин, река 179
- Тара 31
- Тарнау, кишлак 87
- Ташкент 11, 20, 21, 22, 27, 30, 45, 60, 63, 72, 94, 97, 108, 114, 115, 133, 134, 138, 140, 145, 147, 148, 153, 156, 157, 174, 193, 214, 216—218, 225, 246—248, 273, 293, 307, 308, 312
- Теджен, река 136
- Термез 23, 67, 94, 149, 235, 252
- Тобольск 31
- Туркестан (Туркестанский край) 4, 11, 12, 21, 128, 131, 132, 137—144, 150—154, 156, 157, 165, 167, 169, 170, 174, 177, 179, 180, 183, 191—194, 197—200, 204, 211—222, 225, 223, 232, 235, 237, 238, 244—247, 249, 250, 252, 253, 256, 258, 266, 267, 285, 307, 308, 312
- Туркестан (город) 27, 28
- Туркменистан (Туркмения) 68, 242
- Турция 60, 61, 102, 131, 132, 224, 270, 271
- Туткавул 289
- Туткози 190
- Туту, кишлак 327
- Узбекистан 309
- Ура-Тюбе 7, 9, 15, 16, 57—66, 72, 85, 86, 88, 90, 94, 98—101, 106, 109, 110, 112, 114, 124—126, 130, 131, 134, 135, 140, 146, 147, 156, 160, 202, 219, 220, 241, 247, 249, 293, 294, 313—317
- Ургут 58, 94, 99, 112, 135, 241
- Уфа 27
- Файзабад 63
- Фальгар 73, 87, 88, 90, 98, 105
- Фан 73, 105
- Фан-Дарья 88
- Фараб 112
- Фергана 26, 55, 107, 108, 115, 116, 119, 120, 149, 165, 214, 220, 256
- Ферганская долина 66, 100, 134, 157, 199, 216, 241, 242, 286, 296
- Хайрабад, кишлак 85
- Ханаан 119
- Ханака-Дарья 67
- Хатырчи 58
- Хива (Хивинское ханство) 3, 9, 11, 16, 17, 23, 29—32, 60, 62, 75, 77, 78, 83, 94, 97, 102, 108, 115, 127, 128, 130, 132, 135, 136, 140, 143, 171
- Хингоу 206
- Ховалинг 190, 289
- Ходжа-булбулон 190
- Ходжамумин, горы 92
- Ходжасартис, горы 92
- Ходжасолор, кишлак 179
- Ходжент 7, 9, 15, 16, 22, 57, 58, 60, 61, 63—66, 72, 93, 94, 98, 100, 106, 109, 110, 124, 126, 130, 134, 135, 145—147, 156, 159, 165, 168, 204, 206, 214, 217, 219, 220, 231, 240, 241, 246, 247, 292—294, 307, 311, 313—317.
- Хорасан 9, 21, 59
- Хорезм 21
- Хорог 156, 175
- Хоста 66
- Хулоз 289
- Хурми, кишлак 86
- Хуталляи 289
- Чарджоу 100, 148, 182, 216, 253
- Челябинск 231
- Чилек 99, 112, 113
- Чимкент 133, 145
- Чирахчи 100, 171
- Чирчик, река 28, 66, 133
- Чорку, селение 220
- Чоршаибе-Базар 240

Чуррак, селение 278

Чуст 140

Шаар 174, 175

Шайбурхони Ходжент (Ленина-  
бад) 290

Шахар-Джуй, селение 92

Шах **PDF Compressor Free Version**

Шахристан 294

Шахристанский аул 111

Шахрисяб 23, 30, 59, 61, 63, 73,  
91, 92, 95, 96, 100, 101, 119, 131,  
171, 173—176

Шибирган 58

Ширабад 67, 100

Ширабадская долина 341

Ширкен-Дарья 67

Шурнен 278

Шугнан 62, 74, 92, 101, 136, 174,  
175, 194, 208, 213

Шутур-Гардан, перевал 100

Элокдар 67

Яван 67

Яванская долина 67

Ягноб 73, 105, 301

Язгулем, кишлак 179

Яккабаг 61

Янги-Базар 227

Янги-Кишлак 221

Янги-Курган 112, 113

Ярославль 145

Яшилкул, озеро 92



# ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение (Обзор источников и литературы)	6
<b>Глава I. Усиление феодальной раздробленности. Жизнь таджиков в Бухарском ханстве в XVII и первой половине XVIII в.</b>	21
Историческая история	21
Экономика и общественный строй	27
Земледелие; Добыча полезных ископаемых; Ремесло и торговля; Торговые и дипломатические отношения с Россией; Общая характеристика хозяйства; Феодальная земельная собственность; Феодалы и центральная власть; Дехканство и феодальная земельная рента; Обострение классовых борьбы;	
Философия, литература и материальная культура	47
Философия; Литература; Архитектура и искусство; Миниатюра и каллиграфия; Наука.	
<b>Глава II. Таджикский народ во второй половине XVIII и первой половине XIX в.</b>	57
Политическая история	57
Бухарское и Кокандское ханства; Войны между Бухарским и Кокандским ханствами в первой половине XIX в.; Южный и Юго-восточный Таджикистан в первой половине XIX в.; Последствия феодальных войн.	
Ареал расселения таджикского народа	66
Государственный строй	68
Административное устройство Бухарского и Кокандского ханств; Восточная Бухара; Войска и вооружение.	
Присылки Англии в Средней Азии	77
Русско-бухарские отношения	79
Социально-экономическое положение ханств	81
Ирригация; Земледелие; Землевладение; Полезные ископаемые; Городские ремесла.	
Внутренняя и внешняя торговля	97
Бухарское и Кокандское ханства; Центральный, Южный и Юго-восточный Таджикистан; Торговля с Россией в первой половине XIX в.	
Феодальная эксплуатация трудящихся. Народные восстания.	103
Налоги; Эксплуатация дехкан; Рабский труд; Положение ремесленников и торговцев; Ростовщичество; Народные восстания.	
Духовная и материальная культура	114
Литературная жизнь; Наука и просвещение; Искусство; Архитектура.	
<b>Глава III. Присоединение Средней Азии к России</b>	127
Положение Средней Азии накануне присоединения к России.	127
Социально-экономическая обстановка; Борьба за Среднюю Азию; Наступление царских войск; Образование Туркестанского генерал-губернаторства.	
Колониальная политика царизма	142
Экономическая политика; Аграрная политика; Налоговая политика; Народное образование.	
Борьба народов Средней Азии против царизма	158
Прогрессивные последствия присоединения Средней Азии к России	162
Бухарский эмират во второй половине XIX в.	170
Мятеж Абдул-Малика и его подавление; Присоединение юго-восточных районов Таджикистана к Бухаре;	

Включение Шахрисабза и Китаба в состав эмирата;  
 Включение западных районов Памира в состав эмирата;  
 Недовольство народных масс; Причины сохранения царизма эмирата; Взаимоотношения царизма с эмиратом;  
 Внутреннее устройство эмирата; Налоговая повинность в эмирате; Восстание дехканских масс Восточной Бухары под руководством Восе; Экономическое проникновение России в Бухару.

4 л.	Таджикский народ накануне и в период первой буржуазно-демократической революции (1905—1907 гг.)	197
	Общее положение страны накануне революции	197
	Национально-колониальный гнет царизма; Сельское хозяйство; Промышленность; Положение народных масс.	
	Революция 1905—1907 гг. в Туркестане	213
	Революционные пробуждение масс; Участие трудящихся Северного Таджикистана в революции 1905—1907 гг.; Влияние революции на трудящихся Восточной Бухары и Памира.	
	<b>Глава V. Таджикиский народ накануне и в период Февральской буржуазно-демократической революции</b>	
	Общее положение страны накануне Февраля	229
	Проникновение банковского капитала в экономику страны; Авансирование дехканских хозяйств частными фирмами; Влияние русского капитала на экономику восточных бекств Бухарского эмирата; Земельные концессии — один из путей закабаления дехкан; Основные предпосылки восстания 1916 г. Восстание 1916 г. в северных районах Таджикистана; Положение трудящихся в Бухарском эмирате.	229
	Февральская буржуазно-демократическая революция	2
	Северный Таджикистан в период Февраля; Февральская революция и ее отклики в Бухаре; Образование Совета рабочих и солдатских депутатов; Тактика бухарских джадидов в период Февраля; Победа Февральской революции на Памире.	
	<b>Глава VI. Развитие общественно-политической мысли, литературы, культуры. Быт таджикского народа (вторая половина XIX — начало XX в.)</b>	
	Общественно-политическая мысль	258
	Просветительство; Ахмад Дониш; Абдулқодир Ходжа Савдо; Шамсиддин Шохин; Возех; Хайрат; Садриддин Айни; Джадидизм.	258
	Литературная жизнь	271
	Литература второй половины XIX и начала XX в.; Тошходжа Асири; Садриддин Айни; Ибрагим Джур'ат; Литературные течения; Борьба между феодальным и народным направлениями; Литературные жанры и формы; Устное народное творчество.	
	Материальная культура, быт и религия	293
	Города, селения и жилище; Одежда; Пища; Средства сообщения; Семейный быт; Религия; Общественная жизнь и праздники.	
	Искусство	304
	Театр; Музыка; Прикладное искусство.	
	Примечания	319
	Список сокращений	344
	Указатель имен	345
	Указатель географических названий	350

## СПИСОК ОПЕЧАТОК

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
49	7 сл.	Хитрат	Фитрат
49	8 сл.	Вавбар	Навбар
110	6 сл.	вес	все
305	21 сл.	склонены	склонны
321	14—15 сл.	«В. В. Бартольд», Ташкент, 1927, стр. 48 и сл. (перс. текст)	* А. А. Семенов, <i>К во- просу, кто был авто- ром</i> (перс. текст), Сб. «В. В. Бартольд», Ташкент, 1927, стр. 48 и сл.
353	3 сл. лев. ст.	* А. А. Семенов, <i>К вопросу, кто был автором</i> 289	287



